Мой XX век

Беспокойное сердце

Владимир Семичастный

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Свои воспоминания В.Е.Семичастный частично написал, частично надиктовал незадолго до своей кончины.

Человек цельный, убежденный, бескомпромиссный, он попытался осмыслить в них и собственную жизнь, и историю страны, которой около полувека служил верой и правдой.

Книга откроет читателю немало любопытного о методах и стиле работы высших органов Советского государства, КПСС и Комитета Государственной Безопасности.

В ней содержатся яркие характеристики политических деятелей СССР (Н.С.Хрущева, Л.М.Кагановича, Л.И.Брежнева, Ю.В.Андропова, А.Н.Шелепина) и выдающихся советских разведчиков (Р.И.Абеля и К.Т.Молодого), а также интересные подробности о Карибском кризисе 1962 года, о нашумевшем «деле Пеньковского», о побеге за границу дочери Сталина Светланы Аллилуевой и многом другом.

- Владимир Семичастный
  - От автора
  - Начало пути
  - Восстановление Донбасса
  - Школа Хрущева
  - В ЦК ВЛКСМ
  - Борьба за масть
  - В аппарате ЦК КПСС
  - Восток-дело тонкое
  - Лубянка
  - Разведка и контрразведка
  - Морален ли шпионаж?
  - Дело Пеньковского
  - Диссиденты
  - Дела Европейские
  - Освоение космоса
  - Карибский кризис
  - Куба — любовь моя!
  - «Деза»
  - Убийство Кеннеди
  - Загадка Юрия Носенко
  - Китай и Вьетнам
  - Тучи над Хрущевым
  - Октябрьский пленум
  - В главной роли Леонид Брежнев

- Мой друг Александр Шелепин
- Побег Светланы Аллилуевой и мой уход из КГБ
- Ссылка на Украину
- Под колпаком
- Эпилог
- Фотографии из семейного архива В.Е.Семичастного

Владимир Семичастный

Беспокойное СЕРДЦЕ

ISBN 5-264-00721-7

ВАГРИУС

Владимир Семичастный

Беспокойное сердце

От автора

Я часто слышу: «Ваша жизнь — это сама история страны. Вам надо рассказать о ней в книге». Действительно, события прошлых лет, свидетелем или участником которых мне довелось быть, представляют сегодня очевидный интерес хотя бы с точки зрения сохранения у соотечественников исторической памяти. Особенно это важно для молодежи, которая смутно помнит о том, что в мире существовала великая держава — Союз Советских Социалистических Республик.

Большая часть моей жизни была отдана работе с молодежью — комсомолу. Для меня комсомол значил все. Я человек, которого он по сути создал и сделал государственным и партийным деятелем. Там я набрался немалого опыта, научился работать с кадрами, вооружился знаниями, необходимыми для руководства людьми. Нас учили быть честными, любить свою Родину. Помните, как в песне: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» Сейчас заигрывают с молодыми. Но как? Всюду мелькает: «Нынешнее поколение выбирает „пепси“!» Но молодость молодости рознь. Главное, что у тебя за плечами, что в голове, ради чего бьется сердце и горит душа, какую закваску ты получил в начале пути. «Пепси» — не та основа, которую следует закладывать в умы молодым.

Молодые люди пятидесятых-шестидесятых годов с большим энтузиазмом участвовали во всех делах государства. Сейчас их участие, по существу, свелось на нет. Юноши и девушки стали опасно апатичными, их не интересует общественная жизнь. Больше привлекает то, к чему их приучили за последние годы: нажива, обогащение, личное благополучие. То, что раньше считалось постыдным, недозволенным — разврат, наркотики, рэкет, разбой, теперь стало заурядным делом.

Когда я работал в комсомоле, мощный отклик молодежи на интересную инициативу, идущую на пользу государству, был в порядке вещей и считался гражданским долгом. Не было никакой принудиловки, как теперь болтают в средствах массовой информации, а был патриотический порыв.

Если сейчас обратиться к молодежи и призвать ее на какие-то трудовые или ратные подвиги, ответит ли она на этот призыв? Боюсь, только считанные единицы. Сегодня молодежь не только не хочет идти в армию, она прячется от армии, и в этом ей помогают родители. Трудно положиться на такую молодежь. Мы проиграем любое сражение с серьезным противником. Мы уже проиграли «холодную войну», проиграли первую чеченскую

войну. Мы отдали на растерзание нашу великую Родину и по сценарию, разработанному за океаном, продолжаем крушить все и вся, уступать наши богатства, принадлежащие всему народу, людям бессовестным, жадным, нечистоплотным. Мы разрешаем управлять нами неграмотным, равнодушным ко всему, кроме своего кармана, лицам. Мы проигрываем в спорах даже с теми, кто предъявляет нам необоснованные претензии.

Наш народ унижен. Молодежь, лишенная идеалов, поддержки и защиты, увязла в безыдейном болоте, и мало надежды на то, что она скоро выберется из него. Нынешние молодежные организации демонстрируют полную беспомощность. Они малочисленны и мало известны, их руководители неопытны и часто небескорыстны.

Государственные мужи мало интересуются будущим нашей молодежи, ее образованием, профессиональным уровнем, а значит, не интересуются будущим России.

У наших юношей и девушек почти нет выбора. Если они не хотят жевать жвачку, прилюдно обнажаться, «тусоваться», не хотят «рекламной» жизни, а тяготеют к жизни духовной, то куда им идти? И тысячи молодых людей идут в расплодившиеся по всей России секты.

Пока нет у молодежи спайки, пока нет объединяющего и цементирующего ее центра, остается только ждать и надеяться, что молодые прозреют, изменится их сознание, у них появятся новые лидеры. А нам, старшему поколению, — лишь показывать им: вот, ребята, смотрите, как было раньше.

Не все можно взять из прошлого. Мы, комсомольцы, были вполне законопослушны и, бесспорно, во всем руководствовались решениями партии. Это в определенной степени мешало молодым кадрам мыслить самостоятельно, отстаивать свое мнение, проявлять инициативу.

Иной раз приходит в голову мысль, что во всем происходящем сейчас с нашим народом повинны и партийное, и комсомольское руководство последних десятилетий Советской власти. Приучив народ поменьше думать и рассуждать, принимать государственную заботу как нечто совершенно естественное, как должное, мы разоружили людей, сделали из них иждивенцев. Думали, что так будет всегда, что за это не надо бороться. И не уберегли свои идеалы.

Сегодня такие «сантименты», как забота государства о каждом человеке, выброшены за борт.

Но народ этого не понимает и все еще чего-то ждет. Подобная общественная пассивность — тоже наша вина.

В том виде, в каком существовал комсомол, он, конечно, уже

существовать не сможет. Нужно найти новые формы объединения молодых, которые освободили бы их от колоссального давления «новой» идеологии, отрицающей все то великое, что сделала молодежь в боях за Отечество и на гигантских стройках страны, лишающей сегодняшних юношей и девушек патриотических традиций, и открыли бы перед ними новые возможности духовного и профессионального роста. Пропаганда славных комсомольских дел отцов и дедов должна быть одной из задач патриотических средств массовой информации.

В наши дни много говорится о мерах по выводу России из экономического кризиса. Но разве можно возродить страну без участия в этом процессе молодежи?

Сейчас существует острая необходимость создания молодежных объединений. В этой связи в Госдуме и в местных органах власти необходимо принять законодательные акты, дающие юридическую основу для создания молодежных союзов на предприятиях, в учебных заведениях, в армии, научных центрах и на селе. Молодежным организациям важно иметь государственную поддержку и помощь, и тогда молодежь скажет свое веское слово в борьбе за спасение своей Матери-Родины.

Не всегда соглашаясь с высказанными в книге оценками, издательство тем не менее ограничилось лишь минимальной правкой авторского текста. Особенности языка и стиля В.Е.Семичастного сохранены полностью. — *Ред.*

Начало пути

В моем паспорте в графе «национальность» записано: «украинец». Паспортист, выдавший мне документ, рассудил, видимо, так: раз парень родился и живет на Украине, учился в украинской школе, говорит, пишет и читает по-украински, следовательно, он — украинец. Я не мог тогда знать, какую роль сыграет это обстоятельство в моей судьбе, и потому не возражал.

Так я стал единственным украинцем в нашей многодетной русской семье.

Моя мать Домна Ивановна и мой отец Ефим Кириллович Семичастные — уроженцы Тульской губернии, из крестьян. Они поженились очень молодыми и вскоре после свадьбы уехали на юг России на заработки.

Вначале отец работал подсобным рабочим на мельнице, вальцовщиком, а затем освоил профессию мукомола и стал хорошим «мирошником» — мельником. Был он не очень грамотным: окончил всего три класса церковно-приходской школы.

Поскольку семья была большая — у моих родителей было одиннадцать детей, трое из которых умерли в раннем возрасте, — мать не работала и целиком занималась семьей. Писать и читать она научилась сама уже в зрелом возрасте.

В начале Первой мировой войны семья перебралась в небольшое село Григорьевка Межевского района Днепропетровской области, где я и родился.

Я родился, можно сказать, дважды. По-настоящему, в первый раз — 1 января 1924 года дома, как все мои братья и сестры. Отец в это время куда-то уехал на заработки, и мать, спустя несколько дней после родов, пошла регистрировать меня в сельсовет.

Однако сельсоветовский бюрократ потребовал личного присутствия отца с документами. Пришлось ждать его возвращения. Когда мать с отцом пришли в сельсовет во второй раз и сообщили чиновнику, что младенцу уже две недели, тот заявил в ответ: «Вы мне можете говорить, что угодно. Но вы пришли 15 января, и я напишу „15 января“». Вот так я «родился» второй раз — уже 15 января. Так и в паспорте записано.

Я был последним крещеным членом нашей семьи. До моего рождения семья придерживалась православной веры. В доме висели иконы. Обе бабушки ходили в церковь.

Все изменилось в год моего появления на свет: в январе 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Партия призвала к массовому

вступлению в ее ряды. Отец откликнулся на этот призыв и стал коммунистом. Это не было результатом глубокого изучения марксистской теории и его идейной убежденности. Просто отец посчитал, что Родина в нем нуждается, и сделал этот важный для себя шаг.

После вступления в партию отец сказал матери, что икон в доме больше не будет. О моем крещении он не знал или сделал вид, что не знает. Но в церковь меня не водили. Божьи заповеди, религиозные догмы я не изучал. Я не могу сказать, что я был «воинствующим безбожником» и отрицал религию потому, что она отвергалась коммунистами. Я просто не имел о ней представления так же, как и тысячи людей, родившихся в мое время или позже. Нас воспитывали иначе. Религия была мне совершенно чужда. У меня была своя вера, которая имела свою атрибутику, своих апостолов-вождей, свою иерархию.

Когда мне было пять лет, семья переселилась на станцию Удачная Межевского района Донецкой (тогда Сталинской) области. Отец как партийный «выдвиженец» был назначен заведующим мельницей.

Такие мельницы строились немцами на Украине вдоль железных дорог еще при царе. Расплачивались за них по договору мукой. Мельницы были добротные, в пять-шесть этажей, хорошо оборудованные. На территории размещались большие склады, элеватор и жилье для управляющего и других работников. Вокруг домов посажены фруктовые деревья. Это были своего рода оазисы в глухом деревенском бездорожье.

В весенне-осеннюю хлябь провезти муку с мельницы на станцию, расположенную в ложбине, было почти невозможно — не пропускало вязкое черноземное месиво.

Тогда на Украине проживало много немцев. Во всем Советском Союзе их насчитывалось около двух миллионов. В автономной республике на Волге — примерно двести тысяч. Остальные разбросаны по всему Союзу. В Красноармейском районе было несколько немецких колоний.

В Удачной, недалеко от мельницы, располагалась немецкая колония. Там был хороший колхоз «Роте Фане» («Красное знамя»), в котором выводили лошадей и где работала своя небольшая мельница. Оттуда отец и взял к себе мирошником Клейна.

Мы дружили с этой немецкой семьей, часто ходили друг к другу в гости. Сын Клейна Миша был моим другом. У Клейнов был хороший сад и прекрасные цветы. Я помню, что мать Миши умела извлекать кончиком языка любую соринку из глаза. Однажды она таким образом извлекла маленькую стружку из глаза моего брата.

Заведующему мельницей полагалось заботиться о благоустройстве своего хозяйства. По инициативе отца около мельницы построили спортивную площадку, организовали спортивные кружки, устраивали праздничные обеды в саду на 1 Мая и 7 Ноября.

В Удачной я пошел в школу. Здесь мы пережили и тяжелый 1934 год. На Украине в то время был сильный голод. Люди падали и умирали прямо на улице. Однако мы жили на мельнице, а здесь всегда находились мука, крупа и подсолнечное масло.

Относительно всего остального, например, одежды или обуви, дело обстояло намного хуже. Идти в школу в дождь по вязкой грязи без резиновых сапог было просто невозможно. В доме была одна пара сапог, которой мы с братьями поочередно пользовались. Одежда у нас также переходила от старших к младшим. Нелегко было родителям с одной зарплатой содержать такую большую семью.

Именно в это голодное время в наш дом пришла беда. В этот год прекратился подвоз зерна из колхозов на мельницу в связи с неурожаем. Нечем было расплачиваться с рабочими, которым по договору нужно было платить половину деньгами и половину — натурой.

Отец решил выдать рабочим положенный заработок остатками муки и отрубей, которые были на мельнице. У него не было на это разрешения сверху, и кто-то написал донос «куда следует». Отца решили судить. Ему грозило 10–15 лет тюрьмы за «разбазаривание государственного имущества и использование служебного положения».

Мне тогда было уже 10 лет, и я хорошо помню тот день.

В небольшом помещении, набитом до отказа рабочими, проходило открытое заседание суда. Мать выглядела подавленной: что она будет делать одна с восемью детьми?

На суде отец заявил, что он получит необходимые оправдательные документы, если ему позволят поехать в мукомольный трест. Судьи удовлетворили его просьбу, и суд был отложен. Вскоре отец привез требуемые бумаги, дело было прекращено, и мы вздохнули с облегчением. Но оставаться на мельнице отец не захотел, и мы уехали из Удачной в город Гришино (позже Красноармейск) Донецкой области.

Отец стал работать в профсоюзах, а со временем — в торговых организациях. На семью времени постоянно не хватало. Он приходил с работы после партийных или профсоюзных собраний поздно вечером, приносил с собой газеты и принимался изучать политические вопросы. Отец был усердным, настойчивым, историю партии начинал изучать раз десять, но до

конца он ее, к сожалению, так и не осилил.

За всем в семье смотрела мать. Мы, как могли, помогали ей. По сложившейся традиции старшие дети ухаживали за младшими.

Воспитанием детей занимались, главным образом, школа, детские и молодежные организации.

Я учился в школе для детей железнодорожников. Порядки там несколько отличались от обычной школы. В то время железные дороги были как бы государством в государстве. Они даже имели свои учебные заведения. Как-то в наш город заехал нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович. Руководство школы воспользовалось этим случаем и направило к нему делегацию учеников с просьбой построить новую школу. Вскоре она действительно была построена. Это было не очень большое здание, без залов, но с хорошо оборудованными учебными кабинетами. В каждом классе стояла кафедра, за которой восседал учитель — как в институте!

Преподавательский коллектив был подобран в основном из мужчин, особенно в старших классах. Работа в таких школах привлекала учителей тем, что здесь им давали форменную одежду, бесплатный проезд, уголь для отопления, квартиры были лучше, чем в обычных городских школах. Многие учителя пришли к нам сразу после института — комсомольцы и молодые партийцы. Комсомольская организация тогда была единой, и молодые учителя состояли на учете в школьном комитете. Образовался хорошо спаянный коллектив комсомольцев-преподавателей и комсомольцев-учеников. Он с успехом обеспечивал высокую успеваемость, порядок и дисциплину в школе.

В 1939 году я стал членом Коммунистического союза молодежи и вскоре был избран секретарем комитета комсомола. Это было новшество, так как до этого во главе комсомольской организации школы стояла учительница — освобожденный секретарь, которой платили заработную плату. Однако теперь эту практику отменили.

Мне необходимо было выполнять все школьные задания и успевать с моими комсомольскими делами. Предыдущий освобожденный секретарь был членом педсовета, и эта его обязанность перешла ко мне. У меня в школе был даже свой рабочий кабинет.

Я уходил в школу в восемь часов утра и возвращался не раньше девяти вечера. Учился на «отлично». Правда, были некоторые сложности с немецким языком, но когда в десятом классе нам дали учителя-немца, дело поправилось.

В 1940 году «Пионерская правда» объявила игру «На штурм», и наша школа включилась в нее. Руководил проведением игры наш военрук, а помогали ему командиры из военкомата. Весь ученический коллектив был преобразован в батальон. Каждый класс представлял собою взвод. Был свой штаб, свой политотдел, свои комиссары.

Начиная с пятого класса все учились маршировать, стрелять из мелкокалиберных винтовок, изучали топографию. Девушки проходили медицинскую подготовку. Дело доходило до смешного: когда я шел по коридору, учащиеся должны были со мною здороваться по-военному: я был командиром батальона.

В моих руках сосредоточилась определенная власть, подчас равносильная власти директора школы. Поэтому часто родителей учеников, которые нарушали дисциплину или плохо учились, приглашали не к учителю или директору, а в «политотдел», где с ними разговаривали ученики старших классов, так называемые «политработники». А в особо серьезных случаях их направляли прямо ко мне.

Авторитет школы стремительно возрос, успеваемость резко повысилась. Директор приходил на заседания штаба, комсомольские собрания, советовался с нами по самым разным вопросам, в том числе и по финансовым. Все порядки устанавливались при нашем непосредственном участии.

Примечательно, что при всей той грязи и бездорожье, которые царили в городе, никто не смел войти в школу в грязной обуви. Перед началом занятий ребята протирали панели и полы, и вся школа блестела, как умытая. Она стала вторым домом для ребят. Они были заняты здесь целый день.

Под наблюдением командиров мы иногда организовывали игровые «бои» между батальонами. Наш батальон «воевал» с батальоном соседней школы. Оружие было вырезано из дерева, но организация «боя» была близка к настоящей. Работали топографы и медсестры, штаб батальона, велись разведка и изучение сил «неприятеля». Игра увлекала нас. Тогда мы еще не понимали, что нас готовят к предстоящим боям.

В те годы общественная жизнь в городке была довольно разнообразной. У нас был железнодорожный клуб, который назывался Дворцом культуры, с драмкружком, отличным духовым оркестром, с прекрасными самодеятельными вокалистами. В оркестре занимались более ста участников. Он часто играл в парке на танцах, выступал с концертами. Репертуар включал и классические произведения, что давало нам возможность приобщаться к высокой культуре.

Сам я усердно занимался спортом: играл в волейбол, футбол,

увлекался гимнастикой. У меня был разряд по шахматам.

В конце 30-х годов обстановка в стране была сложной. Молох репрессий не обошел и Красноармейск. В то время, когда кого-нибудь в городе объявляли врагом народа и сажали в тюрьму, я не сомневался в правильности приговора. Посадили нашего соседа, с сыном которого дружил мой брат. Его судили как «врага народа» и расстреляли. Потом, правда, реабилитировали. Посмертно.

О коллективизации в деревне я узнавал из рассказов отца. Коммунист отец принимал в ней непосредственное участие, и однажды его чуть не убили. Он помогал конфисковывать излишки продуктов, а иногда — и имущество кулаков. Самих кулаков выселяли.

Старший брат работал некоторое время деревенским киномехаником и мог наблюдать за всем, что происходило в деревне. Иногда он показывал нам документальные фильмы о коллективизации. Как-то я приехал к сестре на время каникул и узнал от нее, что одного инженера на ее заводе посадили за то, что он переписывался с английскими специалистами. Муж сестры получил однажды открытку из Англии, и его тоже проверяли по подозрению «в связях с английской разведкой».

Но тогда я считал, что все так и должно быть. Я, как и другие, ничего не понимал, а рассуждать об этих проблемах открыто люди не решались.

Отец тоже многого не знал: рядовых коммунистов плохо информировали или не информировали совсем. Все, что писалось в газетах, мы воспринимали как истину. А в газетах писали о судебных процессах, расстрелах «врагов народа». Это было время широких и бессмысленных репрессий.

Так же безоглядно верили мы всему, что касалось и международных вопросов. О подписании секретных дополнений к договору между Гитлером и Сталиным, разумеется, вообще никто понятия не имел. Даже позже, уже будучи председателем КГБ, я не интересовался этим, полагая, что война ликвидировала тот договор.

15 июня 1941 года в школе состоялся выпускной вечер. В его подготовке участвовали все ученики и их родители. В двух классах нас было полсотни человек, а вместе с родителями на праздник собралось до двухсот. Родители пекли пироги, готовили торты. Моя мама сделала домашнее мороженое.

В тот счастливый день я получил аттестат зрелости с отличием — это давало мне право на поступление в вуз без экзаменов. Родители справили мне первый, специально на меня

сшитый, хороший костюм, а учителя сложились и подарили мне наручные часы с выгравированной надписью. Часы эти храню до сего дня.

Кончилось детство, не очень счастливое, не очень сытое — обычное для советских детей того времени. Пионерские лагеря тогда были редкостью. Мне только раз повезло поехать по туристической путевке в Крым. Обычно, чтобы дать матери передохнуть от нас, я проводил лето у брата и сестры в Горловке — городе со стадионами, кинотеатрами, парками, или у сестры в Харькове.

Летом 1941 года мне отдыхать не пришлось. Ровно через неделю после выпускного вечера в школе, 22 июня, Гитлер напал на нашу Родину.

Началась Великая Отечественная война.

22 июня 1941 года, ранним солнечным воскресным утром, я пошел прогуляться. Город был спокоен, никакого шума, сутолоки, улицы казались пустыми, сонными.

Отец работал в мебельном магазине. Я пошел к нему и там узнал о нападении немцев на Советский Союз.

Первые бомбардировки и стрельба докатились до нас где-то через три недели; фашисты хотели уничтожить наш железнодорожный узел. Мы жили совсем недалеко от железной дороги и как раз обедали, когда появились самолеты, и мы услышали взрывы. Сначала разбомбили депо, а потом и вокзал.

Донбасс, один из самых главных промышленных районов Советского Союза, долгое время не эвакуировали. Все были убеждены, что немцы сюда не дойдут. Однако они не только дошли, но и сжали его клещами, почти окружили.

В Красную Армию меня не призвали по двум причинам: во-первых, потому, что я родился в 1924 году и был еще молод, а во-вторых, потому, что медкомиссия пришла к выводу, что я не пригоден для строевой службы: врожденный порок сердца.

Документы я к тому времени уже отослал в Харьковский авиационный институт, и меня туда приняли. Свое будущее я связывал тогда только с работой авиаконструктора. Это была одна из самых престижных профессий. Уведомление о начале занятий я получил в начале августа, но учиться в институте мне не пришлось. Война нарушила все планы.

Фронт приближался. Я решил найти себе работу.

На железной дороге были политотделы и узловые комитеты партии и комсомола, и эти подрайкомы объединяли все

транспортные партийные и комсомольские организации.

Я пошел в узловой комитет комсомола с целью устроиться на работу. Меня приняли и направили возглавлять спортивное общество «Локомотив». Однако через месяц назначили на место секретаря узлового комитета комсомола, которого призвали в армию. Я вошел в состав политотдела нашего железнодорожного отделения.

Ситуация становилась все более напряженной. Нам раздали винтовки, и мы перешли на казарменное положение. Фронт подошел к самому Донбассу, но печать и радио успокаивали: «Донбасс не сдадим! Ни шагу назад!»

Приказ об эвакуации не приходил. Мы получили его в самом конце лета, когда было уже ясно, что Донбасс не отстоять. Буквально за три дня до появления здесь немецких войск началась эвакуация.

Это была трагедия для Донбасса. Погиб первый секретарь Сталинского обкома партии замечательный коммунист Любавин, погиб весь Военсовет Киевского военного округа, в том числе второй секретарь ЦК КП Украины М.А.Бурмистенко. Вторым секретарем обкома был тогда Л.Г.Мельников, но не он заменил Любавина, а Задионченко, первый секретарь Днепропетровского обкома партии.

Как потом выяснилось, Задионченко назначил в Мариуполе, на берегу Азовского моря, совещание секретарей горкомов и райкомов. Но немцы обходным маневром по берегу моря неожиданно ворвались в город, и участникам совещания пришлось спасаться, кто как мог. Тогда там был схвачен немцами и замучен гестаповцами замечательный сталевар М.Н.Мазай. Не выбрались и погибли другие члены актива.

Сам же Задионченко, получив сообщение о маневре немцев, в Мариуполь не поехал и избежал таким образом участи своих подчиненных.

Эвакуация проходила спешно. Мне удалось отправить мать с двумя младшими братьями. Они добрались до станции Джитагора Кустанайской области в Казахстане. Отец уехать отказался, так как еще не было приказа коммунистам покинуть Донбасс. Я увидел его в городе: он сидел в магазине, которым заведовал, и пытался продать мебель. «Что ты собираешься делать с мебелью? — спросил я его. — Уже завтра здесь будут немцы! Вечером отправляется последний эшелон. Если ты не уедешь, то попадешь в руки врагов!»

У меня как у секретаря узлового комитета комсомола были эвакуационные листы, и я смог посадить отца в последний

эшелон вместе с учителями и работниками транспорта. Он поехал в Ташкент.

Я уезжал, когда немцы уже заняли станцию Удачная, находившуюся в 16 километрах от Красноармейска. Политотдел и руководство отделением дороги погрузили в последний поезд, состоявший всего из четырех-пяти вагонов. Впереди пустили бронепоезд, который должен был просигналить нам выстрелами у Ясиноватой, что путь свободен от немцев. Мы благополучно проскочили Ясиноватую и двинулись на Северный Кавказ, в Махачкалу. Где-то под Невинномысской попали под бомбежку, но до Махачкалы добрались благополучно.

Махачкала была забита эвакуированными с Украины. Поэтому руководство отделения решило ехать в Челябинск: на открытых баржах по Каспийскому морю до Астрахани, а затем остаток пути — на поезде.

Это был конец сентября — начало октября, и на море было очень холодно. Дорога оказалась тяжелой. Открытые холодные металлические баржи, загруженные то ли нефтью, то ли бензином, и на них разместились люди, семьи с детьми…

До Астрахани добрались и оттуда пятнадцать дней ехали до Челябинска, где большинство из нашего отделения и осталось. Мне же разрешили ехать в Кемерово, где в то время жили сестра с мужем. Они работали на азотно-туковом заводе: он был главным инженером, она — начальником центральной лаборатории завода.

Встреча была радостной. Мой приезд стал для них полной неожиданностью. До этого времени у. них не было вообще никаких известий о семье.

Кемерово был тогда заштатным городишком с деревянными тротуарами. Он стал областным центром только во время войны, в 1942 году, когда из-отдельных районов Новосибирской и Омской областей создали Кемеровскую область. Тогда же в Кемерово откуда-то из Башкирии приехал первым секретарем обкома партии Задионченко. Разместился обком в 41-й школе, в центре города.

В промышленный Кузбасс переместили много промышленных предприятий из Европейской части СССР. В основном тут сосредоточились химическая промышленность и машиностроение. Заводы занимали помещения театров и других культурных учреждений. Сюда эвакуировались также два института — Днепропетровский химико-технологический и Рубежанский биохимико-технологический. Я пошел учиться в созданный на их базе Кемеровский химико-технологический институт. Поначалу старших курсов практически не было: лишь

немного студентов на втором курсе и единицы на последующих.

Когда в институте узнали о моей прежней комсомольской работе, меня избрали секретарем комитета комсомола. Это место до меня занимал преподаватель, который хотел от него избавиться, так как это мешало его работе. А когда узнали, что я уже возглавлял узловой комитет комсомола, избрали членом бюро райкома. Так я попал в районное комсомольское руководство.

Однако учеба и комсомольская работа в институте продолжались только год. Положение на фронтах ухудшилось, и меня наконец призвали в армию.

К тому времени почти все мои братья были в строю.

Николай служил еще до войны, и если бы она не началась, то был бы вскоре демобилизован. Артиллеристом воевал до 1945 года. Под Будапештом получил тяжелое ранение. Ему хотели ампутировать ногу, но он уговорил врачей оставить ее и с больной ногой прожил еще много лет.

Иван служил в авиации — в Архангельске, принимал авиатехнику, которую доставляли из Англии и США морским путем.

Петр — по образованию энергетик — занимался демонтажем и установкой энергетического оборудования в военных целях.

Младшего брата, Леонида, в конце войны тоже призвали в армию, где он служил в пехоте.

Борису не повезло. Начало войны застало его в должности политрука в танковых частях на западной границе в Белоруссии. В первый же день войны он попал в плен. Долгое время мы ничего не знали о нем. Только после войны он прислал письмо из Хабаровска. Как известно, все, попавшие в плен к немцам, считались в то время предателями. О Борисе ходил слух, что он в плену сотрудничал с немцами. После капитуляции Германии Борис был осужден на двадцать пять лет.

С группой непригодных для строевой службы в армии меня из Кемерова послали в военное интендантское училище в Омск. Принимал нас генерал, начальник училища — грубый человек, который не был от нас в восторге. Своего разочарования он и не скрывал: «Таких недоделанных, как вы, у меня тут и так более чем достаточно. Новые партии я принимать больше не могу».

Мы не знали, что нам делать: паспорта у нас отобрали, постригли, деньги и продукты у нас кончились, а нам — от ворот поворот! Пошли в мобилизационный пункт, где набирались сибирские дивизии, но там необученных, «инвалидов», как нас обозвали, не взяли тоже и послали в омский городской военкомат. Тот выдал нам литер, и мы с горем пополам

возвратились в Кемерово. Кемеровский военком вернул всем паспорта и велел ждать следующего наряда куда-нибудь еще.

Я был расстроен и раздражен собственным «подвешенным» состоянием, и пошел в горком комсомола. Там меня знали. Секретарь горкома Виктор Левашов был из Донбасса. Он и решил направить меня секретарем комитета комсомола на коксохимический завод в ожидании очередного призыва в армию.

Однако пробыть в этом качестве мне пришлось недолго. Через два месяца меня избрали секретарем районного комитета вместо прежнего первого секретаря Воробьевой, добровольно ушедшей на фронт.

Так закончилась моя «карьера» интенданта и началась другая, теперь уже на многие годы. Было мне в ту пору 18 лет, и был я еще беспартийный. Впервые за исполнение своих обязанностей я стал получать настоящую зарплату.

Мой Центральный район Кемерова был крупным и сложным районом. Здесь разместились такие заводы, как КЭМЗ, «Карболит», № 606, № 510, большой железнодорожный узел. В организации было почти 10 000 комсомольцев.

Шел 1942 год — год тяжелейших испытаний. Люди работали с предельным напряжением. Беспрерывно формировались сибирские дивизии. Предприятия оголялись — людей не хватало. На рабочие места и к управлению приходили новые, неопытные кадры. Поэтому мое избрание секретарем Центрального райкома комсомола, конечно же, было делом вынужденным, продиктованным сложившейся обстановкой.

Как-то вызывает меня первый секретарь райкома партии нашего района Пожидаев:

— Ты почему в партию не вступаешь?

— Да я вступаю. Уже заявление подал. Оно у вас лежит, наверное, месяца полтора…

Он тут же вызывает заворготделом и дает ей нагоняй:

— Сорок второй год! Война! Чтоб сегодня же было партсобрание и рассмотрели заявление!

Словом, в конце 1942 года меня приняли кандидатом в члены партии.

У нас в семье, кроме матери и брата Бориса, все были коммунистами. Мы часто шутили, что имеем свою собственную семейную парторганизацию.

Комсомольская работа в Кемерове проходила в тяжелое для страны время. Очень трудно было на фронте, трудно и в тылу.

Проблемы возникали и днем и ночью. Руководили мы больше при помощи приказов — ведь шла война, и в этих условиях

соблюдать демократию было неуместно.

Одной из главных целей комсомольской работы я считал воспитание молодежи. Мы стремились выработать у юношей и девушек чувство патриотизма. Помогало нам то, что все средства массовой информации, все молодежные организации работали под руководством партии.

Бывали в нашей работе случаи, когда приходилось выполнять решения, которые в иных обстоятельствах можно было бы рассматривать как жестокие.

Однажды мы получили сигнал, что азотно-туковый завод вот-вот остановится из-за нехватки аппаратчиков, так как большую их часть призвали в армию. Нам дают команду: немедленно отобрать в любых местах сто комсомольцев и направить их аппаратчиками на завод. Где набирать? На оборонных заводах у всех «броня»!

Мы начали брать в школах десятиклассниц. Девушкам через два месяца школу заканчивать, а мы их — в аппаратчицы! Сколько было пролито родительских слез! А что делать? Срок — неделя на все. Завод дает продукцию для изготовления боеприпасов, и здесь всякое промедление, всякая задержка — преступление! Каждую ночь собиралась летучка в обкома партии по этому поводу — докладывали о ходе набора лично Задионченко. Задание было выполнено.

Занимались мы в райкоме комсомола и проблемами быта молодежи. В 1942 году ЦК ВЛКСМ принял решение, направленное против формально-бюрократического отношения к нуждам молодежи, проживающей в общежитиях на стройках.

Однажды мы с Левашовым приехали в общежитие, разместившееся в полуподвале под гастрономом на Приморском участке. Здесь жили девушки-строители, приехавшие на работы по расширению Кемеровской ГРЭС. Стройка была объявлена комсомольской, и туда направили комсорга ЦК ВЛКСМ. Посмотрели мы на этот полуподвал, а там — трубы протекают, белье постирать и просушить негде. Словом, полное неустройство.

Через два часа собрали бюро райкома комсомола и приняли решение: поселить в этом общежитии комсорга ЦК ВЛКСМ, вменив ему в обязанность жить там до той поры, пока положение не будет исправлено. Чем скорее исправишь, тем скорее выедешь!

На кемеровских заводах работало много рабочих-малолеток — мальчишек и девчонок по 14–15 лет. Работа с ними также входила в наши обязанности. Идешь, бывало, по цеху, где снаряды делают, и видишь: у токарного станка стоит на ящике эдакий шкет — на ящике потому, что ростом еще мал и работать

нормально на станке не может. От усталости и хронического недоедания обессилившие ребята после смены или в обеденный перерыв спали у горячих батарей прямо в цеху. Но как они старались выполнять норму, соревнуясь друг с другом! «Все для фронта! Все для победы!» — этот призыв они на деле претворяли в жизнь.

Комсомол осуществлял шефство над госпиталями: дежурили, писали за раненых письма, выступали перед ними с концертами самодеятельности. Мы организовывали также посылки на фронт. Посылали только новое: теплые носки, варежки, кисеты.

В годы войны от молодежи много требовали, но многое ей и доверяли. Например, мы могли вызвать на бюро горкома комсомола любого директора завода и потребовать от него решения тех или иных молодежных проблем.

Сейчас можно слышать: молодежь принуждали вступать в комсомол. Чушь! Как тогда объяснить тот факт, что во время войны к нам на бюро райкома для приема в комсомол приходило иногда до трехсот человек? В Кемерове принимали в комсомол до 600 человек в месяц! И это — во время войны!

Были издержки? Да, были. Кого-то и случайно могли принять. Но главную задачу мы все-таки решали.

Для многих комсомол был хорошей школой жизни, в первую очередь это касается руководителей, лидеров. Я по своему опыту знаю, как лепили из людей будущих руководителей. Ведь происходил естественный отбор: кто-то не выдерживал, кто-то калечился и калечил дело, но кто-то становился подлинным вожаком. Можешь иметь заслуги, отца большого начальника, но, если ты заваливаешь дело, тебя дальше не пустят прежде всего те, кто подбирает кадры, или люди, тебя выбирающие.

Вот яркий пример того, что может случиться с человеком, который слишком увлекся командованием и перестал замечать людей вокруг себя. Мой друг Левашов в годы войны был отличным секретарем горкома в Кемерове. Мы оба вернулись в Донбасс, и в Донецке я оставил его вместо себя первым секретарем обкома комсомола. Однако Донецк его не принял: людям не нравилась его тяга к почестям, командованию. Не простили ему и перчаток, в которых он являлся перед уставшими от тяжелой работы шахтерами, вышедшими из забоя. Через год я вынужден был дать согласие на его освобождение от этой должности.

Мы были молоды, поэтому даже в тех тяжелых условиях находили время для развлечений. Мне и секретарю городского комитета комсомола сладили военную форму — сапоги да

костюм. В ней мы появлялись на танцах в кинотеатре «Москва» — единственном кинотеатре в Кемерове, где проходили все заседания, собрания, конференции, где выступали приезжие артисты. Здесь в фойе в двенадцать часов ночи начинались танцы, которые заканчивались к четырем утра. А утром — на работу.

Летом приходили на танцплощадку в парк. И никакого хулиганства, никакой поножовщины! В военное время люди были подтянуты, и горком и райкомы комсомола не знали таких проблем.

Сталинградская битва стала началом коренного перелома в Отечественной войне: пришло время наших побед. Советские войска стремительно двинулись на запад.

20 февраля 1943 года ЦК ЛКСМУ принял постановление о работе комсомольских организаций в районах Украинской ССР, освобожденных от немецких захватчиков. В постановлении указывалось: «Возобновление комсомольских организаций должно проводиться не как самоцель, а как один из основных способов мобилизации всех сил комсомольцев на широкое развертывание политической работы среди населения, на привлечение молодежи к активному участию в восстановлении разрушенного гитлеровцами хозяйства, на усиленное проведение всех сельскохозяйственных работ и действенную помощь фронту».

Страшная картина разрушений предстала перед глазами освободителей на украинской земле. Прямой ущерб, нанесенный оккупантами народному хозяйству республики, составил 285 миллиардов рублей. Без крова остались более 10 миллионов человек.

Уже в начале 1943 года представители украинского комсомола стали собирать в Кемерове сведения о комсомольских кадрах с Украины и ставить их на учет.

Где-то в сентябре я получил вызов прибыть немедленно в Москву в распоряжение ЦК комсомола Украины. Тогда по решению ЦК ВЛКСМ обкомы, крайкомы и ЦК комсомола союзных республик командировали в распоряжение ЦК ЛКСМУ 3208 работников.

Получил такой вызов и Левашов. Он сразу уехал, а меня стали уговаривать, чтобы я занял его место первого секретаря горкома. Но я уперся: только, домой! Даже телеграмму в ЦК ВЛКСМ по этому поводу послал — мол, не отпускают!

От Михайлова, первого секретаря ЦК ВЛКСМ, поступило категорическое указание немедленно меня отпустить.

Расстались мы хорошо. У меня сохранились теплые воспоминания о Кемерове, о людях — трудолюбивых и

безотказных.

Мой путь на Украину лежал через Москву, где должна была решаться моя судьба.

Восстановление Донбасса

Весной 1943 года в освобожденные районы Сталинской области прибыли Сталинский обком ВКП(б)У и областной комитет комсомола.

Радостно было узнать, что вернулся первый секретарь обкома ЛКСМУ Евгений Бабенко. Из армии пришел и стал секретарем обкома по пропаганде Иван Чирва. Секретарем обкома избрали комсомольца-подпольщика Леонида Кошубу. В северо-восточных районах области начало работать бюро обкома ЛКСМ Украины.

Я приехал в город Сталино в сентябре. Здесь первоначально состоялся разговор с кадровиками, из которого я понял, что меня прочат вторым секретарем Макеевского горкома комсомола — к Левашову. Вскоре меня приняли первый секретарь ЦК ЛКСМУ Костенко, второй секретарь ЦК ВЛКСМ Романов и Бабенко.

— Почему ты хочешь ехать в Макеевку?

— Мне сказали, что так надо.

— Ты сам-то откуда?

— Я из Красноармейска.

— А у нас там нет первого секретаря. Ты согласен ехать туда первым секретарем?

— В свой-то город? Конечно!

— Вот сегодня же каким угодно поездом и отправляйся туда. Это недалеко — всего шестьдесят километров. Добирайся, принимай райком комсомола и начинай работать.

Вот так тогда решались кадровые вопросы. Никаких выборов, никакой уставной демократии: куда тебя назначили, там и будешь работать.

В Красноармейск я приехал в угольном вагоне под вечер. Весь перепачканный угольной пылью, явился к родственникам переночевать. Утром пошел представляться в райком партии — к первому секретарю Е.Д.Сороке.

Как же изменилось здесь все за время оккупации! Окрестности Красноармейска и сам город скорее напоминали лунный ландшафт. На каждом шагу — воронки от бомб. Отступая, немцы ликвидировали свои военные склады и взорвали все, что смогли. Железные дороги и почти все металлургические, машиностроительные заводы были разрушены. Угольные шахты затоплены…

Но мы знали, с чего начинать.

21 августа 1943 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О неотложных мерах по восстановлению

хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов». В нем говорилось, что для успешного выполнения поставленной задачи необходимо в первую очередь восстановить и укрепить партийные и комсомольские организации.

Воссоздание и организационное укрепление комсомольских органов на Украине стало первоочередной задачей.

Красноармейский район был большой. В него входили сам город Красноармейск, поселки Дмитров и Новоэкономический, а также сельские поселения — насчитывалось до 40 колхозов.

Мы начали с регистрации тех комсомольцев, что оставались на оккупированной территории. Таких было примерно три тысячи. Всех надо было пропустить через бюро райкома, тщательно рассмотреть их персональные дела и решить вопрос о восстановлении или исключении из рядов ВЛКСМ. Осложнений при этом была масса.

На Украине после освобождения было много негативных явлений: процветала спекуляция продуктами питания, не хватало самого необходимого. Усилилось влияние Церкви. В порядке вещей были доносы — распространенная черта того времени.

Буйно расцвела проституция, и комсомол наряду с медиками и партийными органами включился в борьбу против этого зла. Пришло оно на Украину вместе с оккупацией: только в одном Донецке немцы организовали несколько публичных домов. После изгнания фашистов женщины разъехались кто куда, но некоторые остались в городе. На них люди показывали пальцами, издевались над ними и прижитыми с немцами детьми, называя их «фрицами». Иногда обвинения падали и на невинные головы — порой люди сводили личные счеты. Немалую роль играла зависть: «А, у тебя красивое платье? Интересно, откуда? Значит, спала с немцами, прислуживала им!» И пойди отмойся от грязной лжи! Обычно девушку, о которой шла дурная молва, забирали люди из Наркомата госбезопасности, и больше ее никто не видел. Лишь позднее становилось ясно, что многие обвинения были напрасными: девушку всего лишь сфотографировали с немецким солдатом, и больше ничего. Один бог ведает, где встретили свой последний час эти женщины.

В проведении регистрации нам оказывали содействие органы НКВД. Мне, например, были предоставлены фотографии, свидетельствовавшие о сотрудничестве некоторых комсомольцев с оккупантами. На одной из них я узнал бывшего освобожденного секретаря комитета комсомола той железнодорожной школы, где — после нее — и я возглавлял комсомольскую организацию. Я знал, что ее брат геройски погиб на фронте. Когда она пришла

регистрироваться, чтобы восстановиться в комсомоле, нам пришлось ее исключить.

Многие наши люди были насильственно угнаны немцами в Германию. Но были и такие, кто и сотрудничал, и отступал вместе с оккупантами, покидая Украину. Так, во время оккупации городским головой в Красноармейске стал добровольно один из учителей, украинский националист с антисоветскими взглядами. При немцах он второй раз женился, сыграл богатую свадьбу, а резиденцией себе выбрал двухэтажный дом — бывший детский сад. Все жители ненавидели предателя.

Суд над ним в конце концов свершили сами немцы. Когда Советская Армия стала гнать оккупантов с Украины, националисты, почувствовав презрение к ним простых людей, сменили свой лозунг «Украина без коммунистов» на «Украина без коммунистов и немцев». Фашистам это не понравилось, и они при отступлении кое-кого расстреляли. Среди них оказался и тот учитель. Я до войны был знаком с его сестрой.

После войны она была арестована как сестра врага народа и отправлена в ссылку…

Большинство же комсомольцев, остававшихся на оккупированной территории, было восстановлено. К началу 1944 года в области в основном было завершено воссоздание городских и районных комитетов комсомола. На освобожденной от фашистов территории были зарегистрированы 22 668 членов ВЛКСМ, переживших оккупацию. К 1 января 1944 года восстановили в правах 12 292 человека, которые были объединены в 1778 первичных организаций. Именно эти парни и девчата стали в первые ряды тех, кто взялся за непосильную, казалось, задачу — восстановить родной Донбасс.

В первую очередь нужно было любым путем получить уголь для промышленности Донбасса. Привозить его из Сибири было чрезвычайно сложно и дорого.

Еще шла война и в полную меру действовал призыв: «Все для фронта! Все для победы!» Для Донбасса этот лозунг читался так: «Уголь любой ценой!»

В декабре 1943 года ЦК ВЛКСМ принял постановление «Об участии комсомольских организаций в восстановлении угольной промышленности Донбасса». С января 1944 года началось шефство комсомола страны над восстановлением разрушенного войной хозяйства.

Уголь брали везде, где могли. Копали примитивные шахты, вспомнив, что когда-то местная промышленность добывала так бытовой уголь для продажи. Шахтенки эти мы называли «мышеловками».

Были объявлены так называемые дни повышенной добычи — ДПД. В шахты-«мышеловки» спускался стар и млад, а тем временем на поверхности старушки накрывали сбитые из досок столы в ожидании «добытчиков».

Шахтеры вылезали из «мышеловок» грязные, мылись кое-как, так как никаких душевых и бань тогда еще не было — все разрушено, и садились за столы. Тут и самогон появлялся, но на это закрывали глаза: ДПД выручали. Правда, ДПД проводили не часто, два-три раза в месяц, чтобы не изматывать население, да и с продуктами питания для подкармливания «добытчиков» было туговато.

Возрождению «Всесоюзной кочегарки» помогали 29 республиканских и областных комсомольских организаций страны. Помощь предоставлялась рабочей силой, оборудованием, инструментами, стройматериалами. Развернулось стахановское движение.

Например, над шахтами треста «Сталин-уголь» шефствовали комсомольцы Москвы. На средства, заработанные во внеурочное время, москвичи приобретали стройматериалы и направляли в Донбасс для восстановления предприятий, жилищ, курортно-просветительных учреждений.

Появились комсомольские стройки, комсомольские бригады, молодежно-комсомольские смены. Поскольку молодых ребят не хватало, был брошен клич: «Девушки — в забой!» Одними из первых спустились в угольные шахты Мария Гришутина и Нина Кузьменко.

В течение двух лет в условиях войны были восстановлены 60 основных и 350 мелких шахт!

К началу 1944 года фронт работ в Донбассе значительно расширился. Началось восстановление доменных печей, разрушенных в Мариуполе, Енакиеве, Сталино и Макеевке.

Скоростными методами комсомольцы начали возрождать шестую домну на Енакиевском металлургическом заводе. Уже в декабре 1943 года она дала первый чугун и получила название «Комсомольская».

Широко привлекали мы районную печать. Большую помощь в деле восстановления народного хозяйства оказала выездная редакция «Комсомольской правды». Редактором газеты был тогда очень боевой, энергичный Семен Нариньяни (он потом стал редактором журнала «Крокодил»), Боевая, задиристая газета никому не давала покоя.

В убогом состоянии оказалось и сельское хозяйство. Из-за того, что во время оккупации землю практически не обрабатывали, небывало размножились сорняки и грызуны.

Особенно вольготно жилось сусликам. Их уничтожением занялись комсомольцы: в норку зверька наливали воду, а когда он выскакивал, его уничтожали, и шкурка шла на пошив детских шубок.

Как-то на пленуме ЦК партии кто-то посмеялся, что у комсомола нет лучшего занятия, как гоняться за сусликами. Но Хрущев, тогда первый секретарь ЦК партии Украины, заступился за нас. Он прочел на пленуме целую «лекцию» о том, сколько каждый суслик заготовляет себе на зиму, а это не мало — полпуда зерна, и складывает в свою норку только отборные колосья!

Большую помощь селу оказали комсомольцы и молодежь промышленных предприятий города. По нашей инициативе проводились месячники по сбору запасных частей и инструмента, организовывали шефство над машинно-тракторными станциями. По селам прокатился призыв: «Девушки — на трактор!»

Сейчас это кажется невероятным, но к концу 1945 года было восстановлено хозяйство всех колхозов и совхозов области. И везде был виден труд молодых, которых объединял и вел комсомол. Комсомольцы, как и на фронтах Отечественной войны, были в первых рядах тружеников.

Мы восприняли как свою личную беду и проблему детей — сирот войны. Комсомольцы активно участвовали в создании специальных бригад, которые совместно с работниками органов НКВД систематически обходили улицы, железнодорожные станции, квартиры, выявляли и вели учет детей сирот и беспризорных, устраивали их в детские приемники и детские дома. После освобождения возникла проблема создания школ рабочей и сельской молодежи. При нашем участии к первой годовщине освобождения области было восстановлено более 1300 школ, более тысячи домов культуры, клубов и изб-читален. Вновь стала выходить газета «Комсомолец Донбасса».

В январе 1944 года меня вызвали на бюро обкома комсомола с отчетом о работе с учащимися профтехучилищ и на нем неожиданно утвердили заведующим отделом рабочей молодежи обкома.

В компетенции отдела — все шахты, все заводы Донбасса! Очень бойкий отдел, если учесть первейшую роль молодежи в восстановлении региона.

В Красноармейске я жил у родственников. Родители все еще находились в Казахстане и вернулись только в 1945 году.

Теперь мне пришлось переехать в город Сталино. Своего жилья не было, и я снимал комнату. В Сталино и его

окрестностях было много различных промышленных предприятий. Я узнавал их одно за другим, потому что в моем ведении были вопросы рабочей молодежи. Проработал я в отделе около года. А тут случилось так, что первого секретаря обкома комсомола Бабенко забрали в обком партии, на его место пришел второй секретарь Л.Скобцов, а меня избрали вторым секретарем Донецкого обкома комсомола — на место Скобцова.

Проработал я в этом качестве года полтора, и в конце 1946 года меня на областной конференции избирают первым секретарем обкома комсомола.

За время работы в области я познакомился со многими людьми, приобрел опыт в решении сложнейших проблем и чувствовал себя на месте, в своей стихии. Я видел и знал, что делаю нужную работу. Я старался не срываться, во всем проявлять чувство меры и самые жесткие требования предъявлял прежде всего к самому себе.

Меня окружали верные соратники, помощники, друзья: Виктор Левашов, Иван Чирва, Борис Кароль, Л.Кошуба.

Впоследствии я всегда подбирал вторыми секретарями таких ребят, чтобы кто-то из них мог стать первым. Была когда-то практика: есть у тебя пять замов, но есть также список резерва на выдвижение. Зачем этот список, если я плачу своим пяти замам зарплату именно за то, чтобы они были резервом? Я всегда считал: грош цена тому начальнику, который не подобрал себе резерв, замену. На всякий случай.

В декабре 1946 года меня избрали делегатом на XIII съезд комсомола Украины. В состав нашей делегации входили известная всей стране Паша Ангелина, забойщик Н.Лукинев, составитель поездов Зайцев и другие.

Ехал я на вокзал в одной машине с Пашей Ангелиной. И надо же так случиться, что по дороге в ветровое стекло влетел конец оборвавшегося трамвайного провода. Стекло — вдребезги, но мы остались целы благодаря тому, что ехали на заднем сиденье. Чуть на поезд не опоздали.

На съезд комсомола Украины в Киев приехала делегация от ВЛКСМ из Москвы. Возглавлял ее первый секретарь ЦК Николай Александрович Михайлов, с ним были и секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, и главный редактор «Комсомольской правды» Борис Бурков. С Шелепиным я тогда встретился впервые. Мы познакомились и сошлись довольно близко. Потом подружились, и наша дружба длилась до самой его смерти в 1994 году.

В конце работы съезда эти товарищи пришли к Никите

Сергеевичу Хрущеву, который был в то время первым секретарем ЦК КП Украины, с вопросом: завтра, мол, заканчивает работу комсомольский съезд, надо согласовать, кого включить в состав секретариата ЦК. На должность секретаря ЦК по кадрам готовили тогда нашего донецкого парня Никонова. Он был 1916 года рождения. Все другие претенденты — тоже далеко не комсомольского возраста.

Хрущев просмотрел список кандидатов и говорит:

— Что вы все стариков предлагаете? Так не пойдет. Давайте кого-нибудь помоложе.

Тогда первый секретарь ЦК комсомола Украины Костенко говорит ему тихонько:

— Да есть у нас один, но очень уж молод.

— Кто такой?

— Первый секретарь Сталинского обкома комсомола.

— Как же так? В городе Сталино он может быть первым, а здесь секретарем по кадрам не может? Где он?

— Он делегат съезда. В гостинице.

— Привезите его сюда.

И вот ночью меня вытаскивают из гостиницы и везут к Хрущеву. Так состоялось наше знакомство.

Зашел я в кабинет. За длинным столом сидят Н.С.Хрущев, Н.А.Михайлов, А.А.Епишев — секретарь ЦК КП Украины по кадрам и вся свита. Я сел в конце стола. Хрущев пригласил меня подсесть поближе. Я замялся:

— Мы тут поужинали с ребятами…

— Небось выпили немного? Ничего, ничего, — засмеялся он, — мы все не святые. Здесь идет разговор о другом. Как ты смотришь, чтобы тебя назначить секретарем ЦК по кадрам?

— Да я еще первым секретарем обкома толком не работал. Неудобно перед товарищами.

— Ну это мы договоримся, — заключил он. — На то и съезды собирают.

Короче — «окрестили» меня: на следующий день на пленуме избрали секретарем ЦК ЛКСМУ по кадрам.

Сразу после съезда пригласил меня Костенко:

— Михайлов намерен посетить Сталино и выступить там на активе. Так что вылетай пораньше, а мы поездом поедем. Там соберете актив, и ты сделаешь доклад по итогам съезда.

— Да как же я могу завтра уже выступать с докладом? — всполошился я.

— А первый секретарь ЦК ВЛКСМ у вас что, каждый день бывает? Иди и готовься!

Вот и весь разговор.

Добраться до Сталино за несколько часов была проблема. Рейса самолета из Киева нет. Кое-как добрался до Днепропетровска. Там в какой-то воинской части посадили в военный самолет. Крепко промерз, ведь декабрь на дворе, но к утру был на месте.

С аэродрома направился прямо к первому секретарю обкома партии Леониду Григорьевичу Мельникову. У того в кабинете застал Демьяна Сергеевича Коротченко — секретаря ЦК КП Украины. Он был тогда особоуполномоченным И.В.Сталина по добыче угля.

Я был уверен, что Мельников в курсе того, что произошло на съезде. Доложил о скором приезде Михайлова, о поручении выступить мне с докладом.

Мельников тут же собрал секретарей райкомов, распределил поручения, в частности, распорядился подготовить помещение оперного театра, а встречу Михайлова взял на себя. Он умел это делать и резонно полагал, что успех в работе во многом зависит от встреч, приемов, особой атмосферы взаимоотношений.

Когда все роли были распределены, я осторожно так вставляю:

— Леонид Григорьевич, надо и пленум обкома комсомола сразу провести.

— Зачем?

— Дело в том, что я уже не секретарь обкома, а секретарь ЦК.

Он смотрит, видимо думая, что я шучу.

— Я тут ни при чем, — смешался я. — Меня на съезде избрали.

— Как это избрали?! — взорвался он. И, обращаясь к Коротченко, начал было шуметь: — Почему я ничего не знаю?

Но Демьян Сергеевич Коротченко быстро его успокоил:

— А может быть, вам и знать не обязательно? На Политбюро ЦК этот вопрос со мной согласовали.

Тот осекся, и ему ничего не оставалось делать, как выйти из-за стола и поздравить меня. Коротченко засмеялся:

— Ты, Леонид, должен радоваться, что так растут твои кадры.

Сразу же встал вопрос о моей замене. Я предложил Виктора Левашова. Мельников поморщился:

— Белоручка он и пижон. Ну ладно, тебе виднее.

После актива, который проходил в оперном театре, там же собрали пленум. Когда пришла очередь выдвигать кандидатуру на место первого секретаря, я предложил В.Левашова. Его кандидатура прошла с большим трудом. Повторяю, не принимали Левашова люди. С гонором был человек. И люди оказались, к

сожалению, правы. Через год пришлось Левашова освобождать. Предложил я ему подучиться в Высшей комсомольской школе — отказался, опять-таки гонор не позволил.

Вскоре я оказался в Киеве. Жил в гостинице. Молодая жена (в апреле 1946 года я женился) осталась в Донецке заканчивать политехнический институт.

Первым секретарем ЦК партии на Украине был тогда Никита Сергеевич Хрущев, вторым секретарем — Демьян Сергеевич Коротченко, кадрами заведовал Алексей Алексеевич Епишев, по пропаганде было два секретаря — Иван Захарович Литвиненко и Назаренко.

Хрущев особое внимание придавал вопросам идеологии. Сколько я его помню, всегда на этих вопросах «сидели» два человека, а то и три, да еще в Политбюро кто-то тем же занимался. Видимо, он понимал, что кое-чего сам не добирает, потому сажал на это место подготовленных людей и уделял им должное внимание.

В 1946 году Украина перенесла необычайно сильную засуху. Последующий год тоже не принес облегчения. Не выполнялись планы по поставкам зерна, плохо было с кормами, что тяжело отражалось на животноводстве.

Главной причиной бедственного положения в сельском хозяйстве И.В.Сталин считал не засуху, а плохую работу партийно-комсомольских руководителей на местах и отрыв биологической науки от практических нужд.

После войны партия сознательно держала курс на выдвижение молодых, в том числе и в науке, чтобы с их помощью, опираясь на их энтузиазм и энергию, преодолеть послевоенную разруху и решить прежде всего проблему продовольствия.

С этой точки зрения Т.Д.Лысенко отвечал потребностям времени. Н.С.Хрущев его всячески поддерживал. К тому же Лысенко продемонстрировал определенные достижения в своей области: добился повышения урожайности, создал новые сорта сельскохозяйственных культур, разработал ряд новых агротехнических приемов.

Однако в связи с невыполнением Украиной плана по поставкам зерна Н.С.Хрущева освободили с поста первого секретаря ЦК республиканской партии, прислав на его место Лазаря Моисеевича Кагановича. Правда, Хрущева оставили председателем Совмина Украины и членом Политбюро ЦК ВКП(б). Вторым секретарем по сельскому хозяйству к Кагановичу направили Николая Семеновича Патоличева, инженера, строившего всю войну танки. И хотя это казалось странным, но

нужно было понимать, что секретарь ЦК — это не агроном или инженер, а организатор.

Ужесточился отбор руководящих работников. Через ЦК стали пропускать даже секретарей райкомов комсомола, хотя райкомов таких были сотни. Особенно это касалось Западной Украины.

Время было горячее. По всей Украине восстанавливались заводы, шахты, домны. В сельском хозяйстве комсомол развернул «походы» за урожай, за корма, начал создавать комсомольские звенья.

Сталин провел через Политбюро решение, обязывающее всех первых секретарей обкомов партии перенести свои кабинеты непосредственно на стройки. И когда позже в знаменитых «трудах» Брежнева писали, подчеркивая его трудовую доблесть, что он перенес свой кабинет на производство, — это он выполнял решение Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталина. Попробовал бы он этого не сделать!

Начались мои командировки на места. В числе первых я посетил Сумскую область по скандальной жалобе, в которой первый секретарь обкома комсомола обвинялся в присвоении повидла, предназначенного для детских садов. Люди говори не зря. Его сняли, выгнали из партии и судили.

С приездом Л.М.Кагановича начались кадровые перемены.

Каганович со свойственным ему напором и беспардонностью начал свое правление с того, что принялся громить украинских писателей — М.Ф.Рыльского, Л.С.Первомайского, Ю.И.Яновского…

Досталось и комсомольскому активу. В первые два месяца Каганович разогнал весь ЦК комсомола. Первого секретаря ЦК украинского комсомола Василия Костенко и второго секретаря Петра Таранько отправили на учебу в Высшую партийную школу. Многие тогда лишились своих должностей.

Еще до отъезда Костенко ему позвонил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов и попросил «пристроить» Митрохина из Краснодарского крайкома комсомола. Костенко обещал, но при условии, что нам в Киев дадут ставку еще одного второго секретаря. Ставку дали, и у нас в ЦК комсомола, как и в ЦК партии, появились два вторых секретаря — по сельскому хозяйству и по общим вопросам. Все по образу и подобию…

В марте 1947 года я выехал в командировку в Харьков. Первым секретарем Харьковского обкома партии был тогда В.М.Чураев (ставший потом завотделом ЦК партии), а секретарем по пропаганде был у него А.М.Румянцев, который собрал в Харьковском университете актив для «проработки»

«вейсманистов-морганистов». Принять участие в работе актива был приглашен и я.

Румянцев в ту пору пользовался поддержкой Сталина. Он был активным участником дискуссий по экономическим вопросам, которые проводил Сталин. Позднее Румянцев возглавлял отдел науки ЦК, стал главным редактором «Правды», академиком. Судьба столкнула нас еще раз, когда антисоветской деятельностью его сына заинтересовался КГБ и мне пришлось объясняться с отцом на эту тему.

После актива, когда я возвращался на ночлег в отведенный нам особняк, ко мне подошел парень-чекист и сказал, что меня ждет Лазарь Моисеевич Каганович и завтра мне надо быть в Киеве.

Я решил, что добрались и до меня. Но почему? Ответа на этот вопрос не нашел. А чекисту ответил, что утром уехать не смогу, так как уже 12 часов ночи и билетов на завтра у меня нет, на что он отреагировал спокойно: «Билет вам заказан».

Когда я прилетел в Киев, то доложил об этом помощникам Кагановича. Я пытался узнать: зачем Каганович меня хочет видеть? Никто не знал, велели ждать. При этом помощник добавил, что мне-де поручено все дела в комсомоле взять на себя. Я в недоумении возразил:

— Но есть же вторые секретари?

— Оставайтесь за старшего. Сказано, что все вопросы надо согласовывать только с вами.

И тут началось… Звонки, бумаги для визирования! Смотрю, меня уже начали называть по имени-отчеству…

Проходит некоторое время, и из отдела культуры мне сообщают, что Каганович собирает для разговора писателей и хочет знать, кого из секретарей ЦК комсомола следует пригласить на это мероприятие. Во всяком случае, подчеркнули мне, я должен быть обязательно.

Разговор с писателями получился малоинтеллигентным. С присущей ему грубостью Каганович «прорабатывал» ведущих литераторов Украины. Особенно досталось критикам. Здесь он не стеснялся в выражениях.

Такими неуклюжими действиями Каганович пытался проводить линию партии по борьбе с аполитичностью в искусстве, с безыдейностью и пошлостью, с низкопоклонством перед буржуазной модой, буржуазными нравами и культурой, по укреплению связей партии с писателями, художниками, композиторами. Все это вызвало негативную реакцию не только у интеллигенции, но и в партийных кадрах.

Не сложились отношения у Кагановича и с Патоличевым.

Как-то раз, будучи уже первым секретарем, я невольно стал свидетелем такой сцены: Патоличев принес Кагановичу проект очередного постановления по сельскому хозяйству. Каганович, не дочитав и первой страницы, спрашивает:

— Какой дурак это писал?

— Этот дурак перед вами.

И дальше в моем присутствии произошел неприятнейший разговор. Насколько я знаю, Николай Семенович Патоличев потом звонил Сталину и просил освободить его от совместной работы с Кагановичем. Сталин сказал: «Хорошо. Я вам позвоню». И перезвонил уже на следующее утро: «Вылетайте и принимайте Ростовский обком партии…»

Говорили, что Н.С.Патоличев был приемным сыном Сталина. Это не так. Он был сыном Семена Патоличева, командира кавалерийского подразделения 9-й армии, которая во время Гражданской войны наступала на Львов. Тот был смертельно ранен где-то под Ровно и, умирая на руках Сталина, попросил его позаботиться о сыне. Вот Сталин и опекал Николая Патоличева, как говорили знающие товарищи…

Работы было невпроворот. Переход промышленности на мирные рельсы сопровождался временным снижением производства — до 17 % в 1946 году по сравнению с 1945-м. Рост производительности труда стремились обеспечить развертыванием соцсоревнования. И здесь велика была роль молодежных бригад. Повышение производительности труда сочеталось с экономией сырья, инструментов, электроэнергии.

Комсомольцы осуществляли шефство над Днепрогэсом и другими важными объектами. Молодежные контрольные посты следили за своевременным и качественным выполнением заказов. Уже в марте 1947 года Днепрогэс дал первый промышленный ток.

Комсомольцы помогали электрификации села, строительству домов для колхозников, участвовали в создании полезащитных лесонасаждений. В ответ на призыв партии киевские комсомольцы взяли шефство над осушением Ирпеньской поймы под Киевом.

Большую роль в идейном воспитании молодежи играла сеть комсомольского политпросвещения, где обучалось более миллиона юношей и девушек. В комсомольской работе важное место занимало воспитание дружбы молодежи Украины с ровесниками из других республик. Вся эта работа была направлена на то, чтобы объединить молодежь великой целью преобразования своей Родины, вселить в молодых веру в свои силы, дух бодрости и оптимизма…

Поскольку менялся первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины, на пленум ЦК из Москвы приехал второй секретарь ЦК ВЛКСМ Всеволод Иванов. Это был интересный человек: политически грамотный, острый, наблюдательный. Всю блокаду он был первым секретарем Ленинградского обкома комсомола, друг А.А.Кузнецова, первого секретаря Ленинградского обкома партии. В свое время мы в Кузбассе читали его дневники, изданные в военное время и разосланные по всем комсомольским обкомам.

С Ивановым приехала Тамара Ершова, секретарь ЦК ВЛКСМ по школам. Умная и симпатичная женщина, она хорошо показала себя в комсомоле: работала в Антифашистском комитете комсомола, ведала международными вопросами.

Они надеялись, что Л.М.Каганович их примет и сразу же пройдет пленум ЦК комсомола. Но Каганович их не вызывал, а сами они не решались его беспокоить. Прошел день, второй…

Наконец они вынудили меня позвонить помощнику. Результат тот же — не принимает ни их, ни меня. Иванов стал заводиться: на короткой ноге с Кузнецовым, со Ждановым, а тут полное неприятие! Наконец ночью звонок:

— Лазарь Моисеевич просит вас зайти к нему. Захватите и секретарей ЦК.

Приходим. Идет заседание Политбюро ЦК. Глубокая ночь. Ждем еще час. Наконец приглашают.

Каганович объявляет:

— Ну, теперь вопрос о первом секретаре ЦК ЛКСМ. Вот мы тут советовались и пришли к единому мнению, что нужно рекомендовать к избранию молодого, прямо скажем, «зеленого» человека. Каково мнение ЦК ВЛКСМ? — обращается он к Иванову и Ершовой.

— Мы согласны, — с облегчением отвечают те.

И тогда Каганович, обращаясь ко мне, говорит:

— Вот вас-то мы и будем избирать первым секретарем ЦК комсомола.

Для меня это было полной неожиданностью.

— Лазарь Моисеевич, я не готов! У меня не получится!

— Не получится — выгоним. Другого найдем.

— Так ведь есть Митрохин, второй секретарь.

— Это мы и без вас знаем. Митрохин, а не Митрохненко. А для Украины это не годится. А вы — украинец, язык знаете, родились и выросли на Украине. Будем вас избирать.

Каганович, выйдя из-за стола президиума, пожал мне руку и сказал, что впервые поздравляет первого секретаря ЦК комсомола, еще не вышедшего из комсомольского возраста.

— У казаков Запорожской сечи, — сказал он, — был обычай сыпать землю на голову избранника, чтобы не отрывался от земли. Здесь земли у меня нет, есть только корзина с мусором, не высыпать же вам мусор на голову! Правда, — продолжал он, — есть другой обычай…

При этих словах он вдруг резко и сильно двинул меня в плечо! От неожиданности я чуть не упал, но устоял на ногах.

— Вот это хорошо, — одобрительно сказал Каганович. — Раз на ногах удержался, толк будет.

На этом все закончилось.

После двух дней томительных ожиданий собрался наконец пленум ЦК комсомола Украины. Заседание происходило в зале для пленумов ЦК партии. Вел его второй секретарь ЦК комсомола. Обсуждались разные текущие вопросы. Часов в 6 вечера объявили перерыв до 20 часов. Делегаты собрались к этому часу.

Но у Кагановича свой распорядок дня, как у И.В.Сталина: обед — с 18 до 19 часов, послеобеденный сон — до 21 часа, а потом работа — до 4–5 утра. Пленум собрался, а Кагановича нет, и никто не берет на себя смелость позвонить ему. Где-то в 10 вечера он появился: «Давайте начинать».

Предварительно Г.Г.Шевелю было сказано, чтобы он выдвинул мою кандидатуру.

Избрали меня единогласно.

Все разъехались, а я остался один на один с Митрохиным.

Каганович завел тогда такой порядок: на заседания Политбюро, Секретариата, на любое совещание, если меня приглашали, со мной всегда в роли «дядьки» ходил Митрохин — подстраховывал.

И начались мои будни в роли первого секретаря ЦК ЛКСМ Украины.

Первой моей задачей было быстро подобрать секретарей ЦК. Вторым секретарем по пропаганде я взял Г.Г.Шевеля с университетским образованием. Хороший был работник и к тому же хорошо пел. Я с ним проработал до 1950 года без забот и осложнений.

Константину Коваленко я предложил стать секретарем по кадрам. У него с национальностью было «почище», чем у меня: мать — гречанка, отец — украинец, но по окончании Казанского авиационного института он в анкете — в графе «национальность» — записал себя… татарином и долго потом не мог этот ляпсус исправить. Я пытался ему помочь, но это было очень сложно.

Лидию Гладкую я сделал секретарем по пропаганде,

Людмилу Шендрик — секретарем по школам. Подобралась отличная команда зрелых, эрудированных, волевых людей, которая меня никогда не подводила и достойно представляла комсомол Украины.

Отличным был и мой главный актив — 25 первых секретарей обкомов комсомола из 25 областей: Б.Шульженко в Киевском обкоме, Максим Понипка в Полтаве, М.Андросов в Запорожье, Г.Мищенко (Мищенко Василий — в Тернополе) в Житомире, Александр Кадрышев в Одессе, Петр Елистратов в Херсоне, А.Смирнов в Днепропетровске, Кириченко в Харькове, Лысенко в Черкассах, Цыбулько в Сталино, Кулик Владимир во Львове и другие. Многие из них были прирожденными партийно-комсомольскими деятелями, золотой фонд партии и комсомола.

А началась моя работа первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины со знаменательного события. В 1948 году предстояло празднование 30-летия комсомола. В связи с этой датой во всех уголках страны обсуждалось и подписывалось письмо комсомольцев и молодежи Советского Союза «вождю народов, учителю и другу советской молодежи» Иосифу Виссарионовичу Сталину. Постоянно в печати сообщалось, сколько миллионов подписей собрано.

Буквально на следующий день после избрания меня срочно вызывают на заседание Секретариата ЦК партии. Я недоумеваю и спрашиваю у девчат в приемной о причине вызова, те тоже ничего не знают: «Сказал: срочно вызвать».

Захожу. Каганович кивнул:

— Садитесь. Ваш вопрос будет последним.

В конце заседания Каганович говорит:

— Теперь обсудим молодого, да раннего. Только начал, а уже свои порядки заводит.

Я встаю ни жив, ни мертв.

— Слушайте, что вы там обсуждаете сейчас по всей Украине?

Я с облегчением вздохнул:

— Обсуждаем проект письма товарищу Сталину.

— На каком основании вы его обсуждаете, если мы, два члена Политбюро ЦК ВКП(б), — он кивает на сидящего рядом Хрущева, — не знаем ни текста, ни самого факта: кем прислано это письмо и откуда оно появилось? Как это понимать?

— Мы получили проект письма из ЦК ВЛКСМ и перевели его на украинский язык.

— Вот это молодцы. Додумались. Почему мне не сообщили?

— Я даже не подумал. Ведь секретарь ЦК по пропаганде подписал телеграмму в обкомы партии, чтобы оказали содействие.

— Какое право он имел это делать?! Ты неопытный — просишь, он опытный — подписывает, а мы с Хрущевым ничего не знаем об этом?! — разбушевался Каганович.

— Михайлов сказал мне, что текст одобрен Политбюро, — пытался я оправдаться.

— А мы что, уже не члены Политбюро?! Давайте текст письма!

— У меня с собой нет, я не знал, что меня вызывают по этому вопросу.

— Ну, ладно, — уже спокойнее сказал Каганович, — пришлите мне и русский, и украинский тексты.

После Секретариата я сразу направился к себе. Звоню Н.А.Михайлову и докладываю, что получил выволочку за то, что два члена Политбюро ничего не знают о письме. Николай Александрович растерялся:

— Что? Как это «не знают»? Что говорили? Какие замечания? — разволновался он.

— Не знаю. Я передал каждому по несколько экземпляров — и тому, и другому, а дальше не знаю, как быть. Может быть, вы им позвоните?

— Нет, я звонить не буду. А как идет сбор подписей? Каганович отменил его?

— Все идет нормально. Он ничего не отменял.

На другой день звоню помощнику Кагановича, спрашиваю: есть ли какие-то указания?

Ребята смеются: «Никаких указаний нет, ничего не будет, потому что письмо составлено отлично». Действительно, лучшие писатели и поэты трудились над письмом. Все отшлифовано. Заканчивалось письмо стихами:

Мы имя вождя и в бою, и в труде
Несем, как гвардейское знамя.
Оно молодежь вдохновляет везде,
Как солнце сверкает над нами.
Наш мудрый учитель! Наш вождь и отец!
Клянемся мы радостью жизни,
Клянемся всей кровью горячих сердец
Служить беззаветно Отчизне.

И далее — в том же духе. Всего 32 стихотворные строки. Письмо обсудили на собраниях молодежи и подписали его 33 477 219 человек! Его полный текст был опубликован в газете «Правда Украины» в день рождения комсомола 29 октября 1948 года. Там же поместили и мою статью к 30-летию ВЛКСМ. Я упомянул в ней

многих героев-комсомольцев, отдавших жизнь за свободу своей Родины: Александра Бойченко, краснодонцев, Зою Космодемьянскую, Евгению Рудневу, Александра Матросова, Лялю Убийвовк, и героев-тружеников: Петра Кривоноса, Марию Демченко, Марину Гнатенко, Пашу Ангелину и их преемников — комсомольцев-новаторов: знатного проходчика Донбасса Николая Лукичева, многостаночницу Марию Волкову, инициатора борьбы за высокое качество Клавдию Зинову, звеньевую Надежду Кошик, ленинградского токаря Борткевича, трудом которых строились Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, домны Магнитки, туннели Московского метро, Комсомольск-на-Амуре, а теперь восстанавливались «Запорожсталь», Донбасс, Днепрогэс, заводы, шахты, домны, железные дороги.

Комсомольские организации Украины в ту пору имели в своих рядах 1 200 000 человек, из них 250 000 работали в промышленности и на транспорте. В сельской местности комсомольцев насчитывалось более 400 000 человек. Вся эта великая армия активно участвовала в освоении новой техники, в движении за экономию, овладевала наукой.

«Самое замечательное в советской науке, — писал я, — то, что она не замыкается в лабораториях и кабинетах ученых. У нас наука, передовая техника, новаторство входят в производственные процессы предприятий, колхозов, совхозов».

Период, когда Каганович руководил Украиной, был для меня временем постоянного недосыпа. Новый «первый» требовал от своих подчиненных, чтобы они были в его распоряжении практически в любое время дня и ночи. Хрущев обычно завершал свой рабочий день около полуночи и утром приступал к работе вместе с остальными сотрудниками, Каганович же мог заправлять делами до семи утра, а потом отсыпаться до полудня.

К этому времени у нас с женой появился ребенок, и жить в гостинице стало крайне неудобно. Узнав об этом, Каганович потребовал, чтобы мне дали квартиру. И мне дали громадную квартиру в пять комнат. Я забрал к себе отца с матерью. Часто гостили у нас братья, сестра. А на большие праздники: 7 Ноября, 1 Мая, дни рождения все съезжались семьями, с детьми. Это было счастливое время.

В январе 1950 года ушел из жизни отец.

Когда сын наш немного подрос, жена стала работать в Киевском политехническом институте.

Однажды среди ночи я понадобился Кагановичу. Меня искали на работе, но не нашли, так как я спал дома. Шум поднялся страшный: как это так, высший партийный руководитель должен

ждать меня целых полчаса! А ему нужно было лишь что-то уточнить, какую-то мелочь. Сейчас даже не помню, по поводу чего была эта паника. Но урок я извлек — поставил койку рядом с кабинетом! Правда, лечь я все равно мог не раньше пяти утра, потому что до первых петухов звонил в приемную Кагановича и спрашивал: «Сидит?» Отвечали: «Работает».

А Хрущев оставался при своем регламенте: в 10 часов появлялся на работе, в 4 часа уезжал на обед, в 6 часов возвращался и в 10 вечера уезжал домой. Весь Киев мог часы проверять по хрущевской машине, весь Киев знал, что Хрущев едет на обед или с обеда.

Таков был распорядок дня двух руководителей республики.

А что делать остальным? Особенно тяжко доставалось министрам. Они ведь были нужны то Хрущеву, то Кагановичу. И получалось, что те, бедняги, круглые сутки дежурили в своих кабинетах.

В довершение всего Каганович запретил проезд автомашин по той улице, на которой он жил. Секретари ЦК комсомола, приезжавшие на работу (а здание располагалось как раз на этой улице), вынуждены были следовать пешком, а их машины целый день болтались где-то на соседних улочках.

Так продолжалось несколько месяцев.

Первым против Кагановича восстал Патоличев. Затем число протестов стало возрастать: протестовали интеллигенция, часть партийного актива. Создалась весьма нервозная обстановка. Видно, все это показало Сталину, что Украина Кагановича не приняла.

Где-то перед ноябрьскими праздниками я был у него на приеме часа в четыре утра. Утром узнаю, что в шесть он был уже на аэродроме и 7 Ноября стоял на Мавзолее во время парада. Не остался в Киеве даже на праздник…

Последний мой разговор с Кагановичем состоялся в 1962 году.

Я стал уже председателем КГБ. Лазарь Моисеевич к тому времени был не у дел, его исключили из партии. По нашим каналам стала поступать информация, что он постоянно ведет разговоры с разными людьми о том, как его незаслуженно выгнали, рассказывает что-то о Хрущеве, критикует власть и прочее. Как-то Хрущев мне говорит:

— Ты его вызови и побеседуй как следует.

Мне тогда было 38 лет, а Каганович — «зубр», потому я выразил сомнение, удобно ли мне это делать. Хрущев ответил:

— Ничего! Он в штаны наложит еще до того, как зайдет в

твой кабинет!

Я дал команду позвать Л.М.Кагановича, на беседу пригласил и начальника контрразведки. На следующий день мне докладывают, что Каганович от нашей машины отказался, приедет на такси, но попросил разрешения прийти с дочерью Маей. Я не возражал. Являются, с узелком. Словом, готовы ко всему. Дочь осталась ждать в приемной. Каганович зашел в мой кабинет.

Начал с бравады: стал что-то говорить о том, что он не раз бывал в этом кабинете, и прочее. Когда я ему все высказал, он попытался было возражать:

— Да с чего вы взяли? Ничего такого не было!

Когда я ему объяснил, что мы знаем, что, когда и кому он говорил, он отреагировал немедленно:

— Я обещаю! Передайте тому, кто вам поручил провести этот разговор, что такого больше не будет!

Это была последняя наша встреча…

Школа Хрущева

Девять месяцев спустя после своего смещения, в декабре 1947 года, Никита Сергеевич Хрущев снова стал первым секретарем ЦК КП Украины. И.В.Сталин признал его авторитет в республике. Он не хотел, чтобы там нарастала напряженность, которая подпитывала бы националистические настроения. Возвращение Хрущева было воспринято на Украине с большим удовлетворением.

Примерно через неделю после водворения Хрущева я позвонил ему с просьбой о приеме, так как вопросов набралось достаточно. Звоню часов в десять вечера:

— Никита Сергеевич, можно к вам?

— Когда?

— Сегодня можно?

— Нет. Имей в виду, ночью условимся спать, а работать будем днем. И сегодня я через полчаса уезжаю и тебе советую. А впредь ты можешь даже раньше меня на час-два уходить с работы. Ты помоложе, и нечего тебе здесь засиживаться. А завтра-послезавтра мы с тобой встретимся. Поверь, тут запомнят, что ты звонил.

И действительно, на второй день мне звонок:

— Никита Сергеевич просит вас подъехать…

С отъездом Кагановича все встало на свои места. Коротченко ушел на пост председателя Совмина Украины, а Мельников стал вторым секретарем ЦК КП республики и начальником Управления по проверке партийных органов в аппаратах ЦК.

Говорят, Сталин предложил Хрущеву на должность второго секретаря Задионченко, но Хрущев сказал, что «чужих» ему не надо: «Найдем своего человека».

Я пробыл первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины при Хрущеве с октября 1947 по январь 1950 года. Два с половиной года. Съезд партии Украины в 1948 году избрал меня кандидатом, а затем членом ЦК КП Украины.

Избрание меня в ЦК партии произошло довольно курьезно. Никита Сергеевич, выйдя на трибуну, перепутал карманы: в одном из них был список Оргбюро ЦК, в другом — Политбюро. Объявив о составе Политбюро, он стал зачитывать список (а многие фамилии там повторялись), но, дойдя до моей фамилии, остановился:

— Э нет, этому еще рано, это не тот список.

И достал список из другого кармана:

— Вот это действительно Политбюро ЦК.

Хрущев много внимания уделял моему воспитанию. Часто я слышал по телефону:

— Если у тебя есть время, приезжай — я тут двух министров приму, а ты посидишь.

После встречи иногда спрашивал:

— Твое мнение?

Я вначале робел, а потом стал анализировать более смело. Становился более самостоятельным. Нелегко это давалось.

Как-то принес ему перечень вопросов для рассмотрения. Докладываю. Первый — не подходит, второй — тоже нет. Чувствую, он какой-то взъерошенный весь. Так дошли до шестого вопроса, и вдруг он взорвался:

— Подожди-подожди, почему ты не отстаиваешь, не защищаешь? Вы ведь готовили это с секретарями ЦК, обсуждали эти вопросы. Вы их продумывали, и аргументов было полно, а теперь сдаешься при первом же моем возражении.

— Ну как же мне с вами спорить…

— Нет, давай все сначала. Ты докажи, что прав. Да и я сейчас буду слушать внимательнее, а то меня тут взвинтили.

Ну, я заново начал докладывать, и почти все вопросы решили положительно.

Он мне всегда говорил: «Ты спорь со мной, отстаивай свои позиции. Мы же не частные лица: ты — секретарь комсомола, я — секретарь партии. Ты от имени кого пришел? И куда пришел? Ты пришел в партию, так и отстаивай комсомол!»

Нет цены тому политическому опыту, которым в послевоенные годы делился со мной Хрущев! Вначале наши отношения можно было сравнить с отношениями отца и сына. Никита Сергеевич часто приглашал меня к себе в кабинет, иногда только для того, чтобы я мог, укромно устроившись, слушать, как он ведет беседы с министрами, с другими важными политиками.

И всю его науку я старался донести до комсомольцев. Когда в феврале 1949 года состоялся XIV съезд ЛКСМ Украины, я выступил с докладом, в котором особо остановился на необходимости совершенствования квалификации молодых рабочих, овладении новаторскими методами, борьбе с нарушителями трудовой дисциплины. Я говорил о том, как важно воспитывать молодежь, как необходимо, развернув массовую работу, заботиться о каждом человеке отдельно.

Хрущев очень доверял мне. Он никогда не давал комсомол в обиду.

Помню, как на одном из совещаний секретарей райкомов

партии я в своем выступлении привел факт, когда один секретарь райкома комсомола имел восемнадцать взысканий за то, что как уполномоченный райкома партии не обеспечил выполнения плана по заготовке яиц, шерсти, прополке и т. п. Под хохот всего зала я объяснял присутствующим: поймите, у нас в райкоме комсомола всего два-три работника. Если один из них будет беспрерывно работать как уполномоченный, то кто же будет проводить бюро райкома, прием в комсомол, заниматься, в конце концов, молодежью?

После моего выступления взял слово Н.С.Хрущев:

— Мне прислал сейчас записку секретарь райкома, о котором здесь говорили. Он пишет, что взысканий было не восемнадцать, а шестнадцать, в том числе выговоров только пять, а остальные — «предупредить» и «указать». Я даже не буду эти глупости перечислять. Что же вы в обкоме смотрите, если у вас такой человек сидит во главе районной партийной организации? Ведь ему руководить комсомолом надо, а не делать из райкома комсомола «контору по заготовке рогов и копыт». И потом, зарубите себе на носу, что в делах молодежи, защиты ее интересов мы верим больше секретарю ЦК комсомола, чем вам.

Ну, конечно, этого горе-руководителя на другой день освободили от должности, сделали выводы и все такое прочее.

Однажды мы обсуждали на пленуме работу Комитета по кинематографии, и в его адрес было высказано много критики. Присутствовавший на пленуме Хрущев спросил:

— Почему вы не можете вызвать на бюро ЦК комсомола председателя этого комитета Кузнецова и объявить ему выговор? Ведь если вам на обед каждый день давать редьку, вы возмутитесь? А он ведь каждый день вам редьку дает!

— Так вы же меня за это и накажете, — бросил я реплику из президиума.

— Накажу, но через месяц сниму выговор. А вот если мер не будете принимать, объявим выговор и не будем его снимать пять лет.

Он требовал, чтобы любой министр шел ко мне в ЦК, а не я шел к нему, если вопрос касался молодежи.

Сохранением доброй памяти о комсомольцах-подпольщиках «Молодой гвардии» мы целиком обязаны Никите Сергеевичу. Если бы он напрямую не обратился к Сталину, эта организация, как и многие подобные ей, канула бы в неизвестность, попав на проверку в МГБ (Министерство государственной безопастности — так назывались органы государственной безопасности с 1943 года до самой смерти Сталина). А там сразу: кто кого предал, кто кому изменил и т. д. И это могло тянуться годами! Но поскольку указы

были подготовлены своевременно и подписаны быстро Хрущевым и Сталиным, дело завершилось благополучно.

Членов «Молодой гвардии» наградили еще во время войны, многих — посмертно, некоторым были присвоены звания Героев Советского Союза. В Краснодон был послан писатель Александр Фадеев с целой бригадой ЦК ВЛКСМ, которая собирала материал для его книги.

Правда, были и издержки: например, в число славных молодогвардейцев не попал В.Третьякевич.

Я приглашал в ЦК ВЛКСМ людей для выяснения дела, разговаривал, например, с литсотрудником «Комсомольской правды» Костенко, который негативно освещал историю «Молодой гвардии», заявляя, что многое в этой истории выдумано. Я сказал ему: «Прекратите эту свою затею с развенчанием „Молодой гвардии“, на подвигах которой мы воспитали миллионы ребят. Вы хотите поставить под сомнение все, что сделали молодогвардейцы? Да, могут быть издержки и в таком деле. Но коли ты поднял знамя, то не следует его опускать». А то им Матросов — не Матросов, «Молодая гвардия» — не «Молодая гвардия», и пошло-поехало…

С ведущими архитекторами Киева мы разработали проект увековечения памяти молодогвардейцев в Краснодоне: нарисовали планы, сделали макеты, принесли все это в кабинет Хрущева, и главный архитектор Киева А.В.Власов приступил к рассказу. Доклад длился около часа. Хрущев молчал. После доклада он поворачивается ко мне с неожиданным вопросом:

— А сколько город Краснодон будет жить? Кроме шахт, там есть еще какие-нибудь предприятия?

— По-моему, нет ничего.

— Имей в виду: шахтеры, что цыгане. Дело есть — будут жить на этом месте, а нет — фундамент свой даже выкопают и уйдут от шахт. Ты что хочешь, чтобы в степи остались музеи, дворцы, а города не было? Пока не договоришься с министром промышленности Засядько, чтобы там построить какой-нибудь машиностроительный завод, до тех пор никаких монументов не надо возводить. Ты был на Бородинском поле? Что там видел кроме памятных знаков? А для истории Отечества это место не менее важно, чем «Молодая гвардия».

Между прочим, после Хрущева, наставили в Краснодоне памятников, но завода так и не построили, но это уже другая история.

Природа наградила Никиту Сергеевича пытливым, аналитическим умом. Он быстро схватывал суть вопроса. Был непоседа, удивительно общительный человек. Идти к нему на

прием — это целое дело. Готовишься, как к государственному экзамену! Никогда не знаешь, какой стороной он повернет вопрос.

Это позже к Брежневу можно было являться с двумя анекдотами — его интерес никогда не выходил за рамки того, что ему докладывали.

Пленумы ЦК партии Украины, на которые меня всегда приглашали, были для меня большой школой. Слушаешь, записываешь, учишься. Хрущеву нравилось, когда комсомол находил свое место в общем деле, вносил конкретные предложения.

Так было со строительством тридцати семи шахт в Донбассе, так позже было с целиной. Он любил и поощрял конкретные дела. В этом смысле с ним легко было работать, потому что он умел находить общий язык с любой категорией людей.

Некоторое время спустя, уже поднабравшись опыта, я воспользовался его наставлениями. Однажды на приеме у него говорю:

— Никита Сергеевич, вы подписали записку в ЦК ВКП(б) с предложением объединить русскую и украинскую молодежные газеты в одну, на двух языках, чтобы в целях экономии устранить дублирование. Тут же предлагается объединить так же две детские газеты.

— Да, я подписал. А что тут плохого?

— Плохо то, что со мной никто это не согласовал.

— Что значит «не согласовал»? — насупился он. — Что вы понимаете? — сразу перешел на «вы». — Вы знаете, сколько стоит содержание этих газет?

И начал читать мне нотацию.

Тогда считалось, что комсомол живет на дотации. Хитрая была такая уловка, которую я раскусил только в ЦК ВЛКСМ. Оказывается, все доходы от изданий молодежных газет и журналов шли в партийный бюджет. Уже работая в Москве секретарем ЦК ВЛКСМ, я добился того, что все доходы от издания «Комсомольской правды», «Пионерской правды» и всех других молодежных газет на местах поступали в комсомольский бюджет. С этого времени мы уже никому не были должны.

Я стал ему возражать:

— Никита Сергеевич, ведь газеты не мы с вами учреждали, а при нас они будут закрыты. А в истории останется, что мы с вами похоронили две молодежные газеты, и в придачу — две детские.

— Да я уже подписал, и бумаги ушли в ЦК ВКП(б)! Ты понимаешь, что это такое?

— Вы подписали, а мне никто об этом даже не сказал.

— Ты что, не знал вообще? А ну-ка давай мне подшивки газет. Объясни, почему их нельзя объединить?

Я объясняю, что, во-первых, украинский текст короче русского. В русской газете текст занимает целую колонку, в украинской газете этот же текст займет только половину колонки, а половина останется пустой. Значит, ее нужно будет заполнять каким-то новым текстом. А это уже не дублирование.

С детской газетой еще труднее, продолжал я. В ней ребусы, кроссворды и т. д. Все придется делать заново. Следовательно, придется сохранять те же штаты и прочее. Сейчас эти газеты имеют свой актив, своих корреспондентов. Все это придется разрушить, да еще и перессорить их между собой.

— Подожди, а может быть, твои девчата, Лидия Гладкая или Людмила Шендрик, были знакомы с этим вопросом? Может быть, это они дали согласие?

— Да они сами прибежали ко мне и возмущались таким решением.

— А, так, значит, это Назаренко подсунул мне!

Вижу, разозлился Хрущев. Поднимает трубку телефона, и при мне состоялся нелицеприятный разговор с Назаренко. Хрущев приказал ему отозвать записку. Тот стал возражать, доказывая, что это невозможно.

— Я знаю, — говорил Хрущев, — что ЦК ВКП(б) ни умные, ни дурные записки не возвращает. Если они попали туда, зарегистрированы, там и остаются. Но если будет принято решение об объединении молодежных и детских газет, мы тебе объявим на Политбюро по меньшей мере строгий выговор! Я ставлю тебе задачу: ты подсунул мне этот документ без согласования с комсомолом, ты и выкручивайся, как хочешь!

На следующий день ко мне врывается секретарь ЦК комсомола по пропаганде и с возмущением говорит, что Назаренко от него требует подписать задним числом документ о том, что он якобы дал согласие на это слияние газет.

Я снова к Хрущеву, рассказал этот случай:

— Никита Сергеевич, почему после разговора с вами товарищи из аппарата ЦК подсовывают моим работникам на подписание бумаги, чтобы перед вами комсомол глупо выглядел?

Я не знаю всех подробностей дальнейшего хода событий, но записка не рассматривалась в ЦК ВКП(б) и газеты были сохранены.

Это пример того, каким плодотворным может быть возражение начальству.

Правда, уже позже Хрущев мне как-то попенял:

— Ну и нахрапистым ты стал!

— Вы же сами учили меня возражать вам и отстаивать интересы молодежи. Если я не буду этого делать, меня актив заклюет. Скажут: «Ты что там — за сторожа сидишь?»

Он засмеялся:

— Вот на свою голову научил…

Как-то Хрущев мне помог в, казалось бы, безнадежном деле.

После войны вся наша семья снова встретилась на Украине. Исключением, как я писал выше, стал только брат Борис. Мы получили известие о том, что он осужден на 25 лет лишения свободы и отбывает наказание в Сибири, в лагере, работает на рудниках Хабаровского края. Раненый, он попал в плен в первых же боях, а после освобождения из плена его отправили в наши лагеря, так как кто-то на него наговорил, что он-де сотрудничал с немцами.

Это было страшное известие, особенно для матери. Она часто со слезами на глазах просила меня попытаться помочь брату, хоть как-то облегчить его положение. Она хотела, чтобы Бориса хотя бы перевели в подобный лагерь поближе к дому, в Донбасс, строить шахты. Там в то время и заключенные работали.

Я обратился с двумя письмами в управление МГБ Хабаровского края. В то время начальником там был Гоглидзе, один из двух братьев, ставших позже сотрудниками Лаврентия Берии. После ареста Берии их также расстреляли.

В своих письмах я делал упор на то, что у Бориса больные легкие, что он страдает силикозом, который приобрел в немецких, а потом наших лагерях. Я спрашивал, нельзя ли перевести его для дальнейшего отбывания срока в Донбасс.

Брату я также написал несколько писем, но о своих шагах не упоминал, а лишь сообщал, что дома нового, как себя чувствует мать, что делает отец, что делаю я сам.

От Гоглидзе я ждал ответа напрасно. Оттуда все мои письма — и в управление МГБ, и брату — переслали в Украинский ЦК партии. Хрущева в это время не было — он находился в Варшаве, — и меня вызвал Л.Г.Мельников, который к тому времени работал в ЦК партии, и начал меня прорабатывать, выражать недоверие. Разговор был грубый, неприятный: что, мол, у меня за переписка с осужденным.

А на следующий день я уже летел по вызову в Москву, где последовала невеселая встреча со вторым секретарем ЦК ВЛКСМ Всеволодом Ивановым (Михайлова тоже, к сожалению, не было в Москве). Суть его разговора со мной состояла в том, что мне не следовало бы защищать «врага народа» и что таким, как я, нечего делать в комсомоле. Вопрос, как я понял, ставится уже о моем

освобождении.

В Киев я вернулся совершенно убитым. Понятия не имел, что меня теперь ожидает. Мне начинало казаться, что не брат приедет ко мне, а я последую за ним.

Вдруг звонок — Хрущев:

— Что там у тебя произошло?

— Так вот, видно, мне надо прекращать работу.

— А ну приезжай ко мне.

Когда я ему все рассказал, он спрашивает:

— А ты здесь при чем?

— Да я тоже так считаю. Но ведь и ваш второй, и тем более Иванов не так думают.

— Ну и дураки. А ты-то что нос повесил?

— Поймите меня, Никита Сергеевич, — объяснял я ему, — если со мной что-то случится, если меня накажете или снимете с работы, да еще если и по партийной линии будут приняты меры, то пострадает вся наша семья, все полетят по «принципу домино». И отец, и все остальные братья, и сестры — все коммунисты. Все они образование получили от Советской власти, благодарны и преданы ей. И нет среди них врагов народа.

Он ответил коротко:

— Иди. Не тревожься и спокойно работай.

Больше мне никогда никто не вспоминал этот случай.

Только годы спустя, после разоблачения культа личности, когда я уже работал в Москве, состоялась амнистия, и я встречал брата на вокзале: он ехал из Хабаровска. Там он работал на кварцевых рудниках, и силикоз его вскоре добил в возрасте далеко не старом.

Позже, когда я работал в ЦК, я попросил принести свое личное дело и там нашел письмо Хрущева на имя Сталина. Были там такие строки (цитирую по памяти): «Я прошу за нашего первого комсомольского секретаря, брат которого был призван в армию перед войной… Он не несет за него ответственности… Я лично ручаюсь за его преданность нашему делу…» — и т. п.

Меня оставили первым секретарем украинского комсомола.

Что касается секретаря ЦК ВЛКСМ Иванова, то его жизнь закончилась трагически: уже став партийным работником, он был раздавлен бериевскими жерновами. Его обвинили в участии в вымышленном заговоре. В конце сороковых годов Берия и его приспешники таким образом устранили многих своих конкурентов из сталинского окружения. Это было так называемое Ленинградское дело. Иванов в тюрьме повесился.

В ЦК ВЛКСМ

До своего отъезда с Украины Хрущев отверг просьбу первого секретаря ЦК ВЛКСМ Михайлова о моем переводе в столицу на работу в ЦК комсомола. Хрущев тогда сказал, что для работы в центре я еще слишком молод.

Потом Михайлов как-то раз пригласил меня к себе, но, узнав, что я как первый секретарь ЦК ЛКСМУ получаю зарплату в два раза больше, чем секретарь ЦК ВЛКСМ, от этой мысли отказался: «Да мы тебя не прокормим», — полушутливо сказал он.

Михайлов долго был первым секретарем ЦК ВЛКСМ — с 1938 по 1951 год. Как-то позже, когда я уже работал в Москве, я сказал ему:

— Николай Александрович, когда я вступал в комсомол, вашу биографию на бюро райкома комсомола рассказывал.

Думал ему приятное сделать, а получилось неловко. Обиделся Михайлов:

— Вечно вы, украинцы, всякие анекдоты придумываете.

А вот когда Хрущев в Москве занял пост первого секретаря МК и МГК, Михайлов сообщил мне, что Никита Сергеевич в разговоре с ним одобрил мой перевод в ЦК ВЛКСМ. Так что и я расстался с Украиной.

Конечно, жаль было покидать своих единомышленников, друзей, товарищей. Но в комсомоле такие ситуации не были предметом особых переживаний: все же наверх ухожу!

В Москве я занял пост секретаря ЦК ВЛКСМ. До моего прихода в ЦК было пять секретарей. Я стал шестым. В сферу моей деятельности входили вопросы сельской и армейской молодежи. Занимался я также вопросами спорта. Потом стал ведать кадрами и оргделами, затем финансами, потом управделами — в общем, всеми вопросами, кроме идеологических, я занимался основательно.

Вторым секретарем ЦК ВЛКСМ тогда был Александр Николаевич Шелепин. Мы еще лучше узнали друг друга, и дружба наша окрепла. Секретарями были А.Харламов, З.Федорова, Т.Ершова и В.Кочемасов.

В то время, когда я обустраивался после Киева в Москве, Сталин где-то сказал: «Мы берем людей из республик в центральные органы. Сейчас будут выборы в Верховные Советы республик. Надо, чтобы их избрали депутатами. Не надо их обижать». И меня избирают депутатом в Верховный Совет Украины от Черниговской области — был депутатом Верховного Совета Украины четырех созывов.

Я стал более глубоко познавать жизнь во всем тогдашнем Советском Союзе, выезжал и за границу. Мои пути вели меня прежде всего в страны социалистического лагеря.

В 1950 году я впервые посетил народный Китай в составе делегации Международной федерации демократической молодежи. На площади Ворота небесного спокойствия мы отмечали первую годовщину китайской революции. По Пекину меня сопровождал сын самого Мао, по-русски мы его называли Александром Ивановичем, потому что он воспитывался у нас в Иванове, в детском доме.

В этом детском доме воспитывались в свое время дети многих эмигрантов и известных деятелей иностранных коммунистических партий, которые тогда находились на фронтах, в подполье или по каким-то иным причинам не могли сами позаботиться о своих детях.

И сын Мао сначала научился говорить по-русски, а уже потом по-китайски. У него с отцом даже возникали при этом недоразумения. Так что во время поездок по Китаю он был отличным переводчиком. Мы вместе встречались с Дэн Сяопином, будущим генеральным секретарем ЦК КП Китая, и Чжоу Эньлаем — главой правительства.

Когда Китай вступил в корейскую войну, Мао Цзэдун послал своего двадцативосьмилетнего сына воевать, и Мао Анунг, он же Александр Иванович, сложил голову на Корейском полуострове.

Довелось мне также посетить и капиталистические страны: Австрию, Францию и землю тысячи озер — Финляндию.

Именно во время первой поездки в Финляндию в 1951 году я ближе познакомился с Вячеславом Михайловичем Молотовым, который в течение 1930–1941 годов был главой Советского правительства — Совнаркома, а начиная с 1939 года — министром иностранных дел при Сталине. Финны пригласили нас на съезд своей молодежной организации, и Молотов хотел воспользоваться предоставленной возможностью.

— Попробуйте задержаться подольше, — говорил он мне, — поездите по всей стране, повстречайтесь с молодыми людьми, произведите на них впечатление.

Финляндия тогда шла к выборам, и ему хотелось, чтобы наша страна пропагандировалась как можно лучше.

Все мои встречи с Молотовым носили официальный характер. Это был замкнутый человек, можно сказать, сухарь и при том дипломат. На трибуне, среди других членов Политбюро, он выглядел самым удрученным, словно был больным. А в конце концов пережил их всех. Он умер в 96 лет, дожив до горбачевской

перестройки.

В апреле 1951 года в Москве был создан Советский национальный олимпийский комитет, а месяц спустя в Вене он был признан и Международным олимпийском комитетом. Это означало, что в будущих Олимпийских играх, которые должны были состояться в 1952 году в Хельсинки, впервые в истории этих игр смогут принять участие спортсмены из СССР.

Все эти события сопровождались нелегкой закулисной борьбой: «холодная война» проникла и в сферу спорта. Первые проблемы возникли из-за стычек между народным Китаем и чанкайшистским Тайванем. В конце концов Тайвань отказался участвовать в этих играх, а в Пекин приглашение поступило поздно, так что в Хельсинки многомиллионный Китай был представлен всего-навсего одним спортсменом.

Не смогли участвовать в играх и представители ГДР, так как эта страна еще не имела международного признания и не состояла в членах МОК. В итоге западные немцы стартовали в Финляндии под провокационно выглядевшим названием — Deutschland.

Политические схватки, связанные с Олимпиадой, мне пришлось испытать на собственной шкуре, когда в середине июля довелось отправиться в Хельсинки вместе с нашей делегацией, которая насчитывала 295 человек.

Самым острым вопросом в ходе Олимпиады в связи с выступлением советских спортсменов стала не китайская проблема и не споры о разделенной Германии. Яблоком раздора оказались советско-югославские отношения.

После освобождения от фашизма на востоке Европы, за так называемым «железным занавесом» возник лагерь социалистических стран, находившихся в большей или меньшей зависимости от Советского Союза. Некоторые из них пришли к диктатуре пролетариата собственным путем, другие — благодаря советскому военному присутствию.

Однако Югославия выбрала свою дорогу в будущее. Вождь югославских коммунистов Иосип Броз Тито, как и Сталин, был сильной личностью. Он хотел доминировать на Балканском полуострове таким же образом, как это делал Сталин в Восточной Европе. Лоб в лоб сшиблись две твердые головы, и результатом был такой разрыв между СССР и Югославией, который проявился даже на олимпийской встрече по футболу в Хельсинки.

В пропагандистском походе против Югославии мы, равно как и они против нас, не знали удержу. Когда два оппонента сходят с цивилизованного пути, отказываются от разумных дискуссий, остаются лишь глупые оскорбления и ссоры, которые никого ни в

чем не могут убедить. Мы, оперируя убогой аргументацией, изобличали Тито как палача, фашиста и глупца, его соратников честили оскорбительными словами. Югославы платили нам той же монетой.

В футбольной встрече наших команд сначала вели в счете югославы. Футболисты на поле оскорбляли друг друга, репортеры выходили из себя. Они находились на трибунах стадиона неподалеку от нас, так что мы могли слышать, что они говорили.

Стоило только югославу при счете 3:0 заявить, что «пошла на слом, рушится сталинская машина», как у наших футболистов открылось второе дыхание, и они забили гол, потом другой, третий!.. В конце концов успели забить четвертый и даже пятый! Нам удалось сравнять счет — 5:5.

Тут уж во все горло кричали наши репортеры, и в этом шуме потонул голос югослава. После финального свистка югославы вошли в такой раж, что плакали, валялись по футбольному полю и рвали руками траву. Дополнительное время не изменило результата, и встречу предстояло на следующий день повторить, потому что по правилам в дальнейших соревнованиях могла участвовать только команда-победитель.

При немалой поддержке английского судьи на другой день выиграли югославы 3:1. Матч со стадиона в Тампере транслировали по радио (телевидения тогда еще не было).

Победу праздновала вся Югославия. У нас же было что-то вроде траура. Некоторых наших функционеров даже наказали за это поражение.

Но больше всего Кремль был рассержен результатами общих итогов участия в Олимпийских играх: мы получили меньше наград, чем спортсмены США, и в общей таблице заняли второе место, вслед за ними.

Учитывая то, что в Олимпиаде мы участвовали впервые, результат, на мой взгляд, был не так уж плох. Мы информировали об этом Москву, еще находясь в Финляндии, посылая руководству страны шифрованные телеграммы.

По возвращении в Москву руководство делегации прямо из аэропорта затребовали в Кремль. Ждал нас там весьма холодный прием. Принимали нас Г.М.Маленков, М.А.Суслов, Л.М.Каганович. У всех было кислое выражение лиц.

Маленков постепенно успокоился, а Л.П.Берия, который пришел позже, комментировал все в своем духе, дескать, не туда вас привезли, вас следовало бы отправить по иному адресу. Куда именно — угадать нетрудно. У него на каждый чих было одно лекарство: тюремная камера. Обманулись мы в вас, говорили нам, и критиковали за все и вся. Подобной встречи мы решительно не

ожидали.

В такой напряженной атмосфере мы провели время до утра.

Когда чуть рассвело, Маленков отправился проинформировать обо всем Сталина. Вскоре он вернулся и велел нам вместе с секретарем по идеологическим вопросам Сусловым подготовить для печати заявление от имени руководства делегации. Мы взялись за работу, машинистки были рядом, так как при Сталине весь аппарат работал обычно до шести-семи часов утра.

Маленков отнес готовый текст заявления Сталину и вернулся с его замечаниями через полчаса.

В своем заявлении мы лестно отозвались о спортсменах Венгрии, которые завоевали третье место — сразу же после нас. Сталин сделал замечание, что нужно отметить еще спортсменов Чехословакии, занявших десятое место, так как, мол, и они достойно представляли на Олимпиаде свою страну.

Особенно он считал нужным отметить достижения чешского бегуна Эмиля Затопека, который победил соперников не только на дистанциях в пять и десять километров, но и в марафонском беге. В общем, чехов следует поддержать, решил, по словам Маленкова, Сталин.

Когда в тексте была поставлена последняя точка, солнце в небе стояло уже довольно высоко. Центральная партийная газета «Правда» задержала из-за нашего заявления свой выпуск, и номер вышел в свет только в два часа дня.

К счастью, никаких «оргвыводов» по отношению к нам сделано не было…

Упомянутое бдение в Кремле было моей первой и единственной личной встречей с Лаврентием Берией. Позже, в 1953 году, когда его арестовали, а затем и расстреляли, я находился с делегацией в Китае. Советский посол в Пекине Василий Васильевич Кузнецов знал о последних событиях в Кремле, но держал все в великом секрете.

Об аресте Берии мне сообщила Мария Захарьева, секретарь болгарского Союза димитровской молодежи. Она прибежала ночью, долго стучала в дверь моего номера, пока я не проснулся, а потом огорошила сообщением:

— Ты спишь, а у вас дома арестовали Берию как врага народа. Собери свою делегацию и сообщи им эту новость.

Сама Мария узнала все от болгарского посла, который поймал эту весть по радио.

Я сразу же собрал членов делегации, и мы вместе с болгарами отметили падение Берии в пекинской гостинице бутылкой прекрасного болгарского вина.

Через два месяца после Олимпиады в Хельсинки, с 5 по 14 октября, в Москве проходил XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Первый секретарь ЦК комсомола Михайлов был на этом съезде избран секретарем ЦК КПСС, а его пост в комсомоле занял Александр Николаевич Шелепин.

Сам я был среди приглашенных и слушал короткое выступление И.В.Сталина. Он говорил об опасности, которую представляют социалисты и социал-демократы в ряде стран. Они подняли знамя национального и социального освобождения, но не удержали его; коммунистам предстоит подхватить это знамя и понести дальше. Коммунисты — единственные защитники интересов рабочего класса, подчеркивал Сталин. Соцдемократия же предала интересы рабочих.

Я никогда не встречался со Сталиным лично, но его выступление меня заинтересовало. И манера говорить у него была особенная. Он словно декламировал, слова произносил неторопливо, к тому же с небольшим акцентом, и тем не менее его речь была полна темперамента.

XIX съезд КПСС был последним съездом партии, руководимой сталинским ЦК.

Комсомол был отличной школой кадров. Люди проходили у нас не только кабинетную практику, но принимали непосредственное участие в государственных делах. Комсомолу доверяли дела, от которых в немалой степени зависели успехи в экономическом развитии всей страны. Особую страницу в ее историю вписали комсомольцы-целинники.

Целина — это освоение 34 млн. га земли. Это Казахстан, Алтай, немного Ставропольский край, Кулундинские степи и т. д. Туда с 1954 года было направлено более 350 тысяч молодых людей.

Поскольку на первых порах я занимался сельской молодежью, мой кабинет по существу превратился в штаб, из которого я направлял молодежь, занимался ее обустройством, снабжением и т. п. Ко мне приходили заместители министра сельского хозяйства, люди из колхозов и совхозов, из МТС, работники железнодорожного транспорта. Здесь рассматривался даже график движения эшелонов и пассажирских поездов. А сколько надо было туда отправить палаток, техники, стройматериалов!

350 тысяч человек — это великое переселение! Одна молодежь — ни папы, ни мамы. Не на кого опереться, спросить совета. Не так уж много удалось туда послать квалифицированных работников, а именно в них нужда была на

целине, на местах. Отрывали «от живого», отправляя их на освоение новых земель. Первое время жили зимой в палатках. Потом появились бараки, теплые вагончики.

Однажды мы с Шелепиным решили поехать посмотреть, что там делается. Объехали всю целину. Где только не ночевали: Кустанай, Акмолинск, Павлодар, Актюбинск — провинциальные заштатные городишки областного подчинения. Полетели потом в Алма-Ату к Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко, первому секретарю ЦК партии Казахстана.

Бывший славный начальник Центрального штаба партизанского движения времен Отечественной войны принял и внимательно выслушал нас.

Более трех часов мы рассказывали ему о том, что видели, советовались по поводу дальнейшей программы действий: какие вопросы мы собираемся внести на рассмотрение в Совмин СССР, какие — в Президиум ЦК, какой поддержки ждем от него, а какую хотелось бы получить от ЦК партии для разрешения проблем молодежи на целине. Мы представили ему также план записки в Политбюро ЦК о результатах поездки с нашими выводами и предложениями.

Выслушав внимательно, Пономаренко при нас позвонил второму секретарю ЦК партии Казахстана — тогда этот пост занимал Брежнев:

— Леонид Ильич, тут у меня два секретаря ЦК ВЛКСМ. Мы обсудили с ними все принципиальные вопросы. Остались лишь те, которые требуют немедленного решения — оперативные и конкретные. Они к тебе зайдут и расскажут все. Запиши и прими меры: где сменить директора совхоза, где секретарь райкома партии дурной, где со снабжением плохо, или лес не поступает, или еще чего-то недодали.

Потом записку более чем на 40 машинописных страницах мы послали в Политбюро ЦК уже с конкретными предложениями, проектами постановлений Совмина СССР и ЦК. Мы там ставили вопрос о строительстве ветряных движков для освещения и подачи воды, о строительстве школ, медицинском обслуживании и т. д. Программа была солидная, и почти все было принято, а многое сделано.

К великому сожалению, в книге «Целина» Брежнева слово «комсомол» упоминается вскользь, кажется, один лишь раз: дежурили-де комсомольские посты на вокзалах, встречали прибывших на целину. Но ведь комсомол был — и это известно из документов! — основной силой, обеспечившей успех в этой грандиозной эпопее, организацией, решавшей практически все — и кадровые, и материально-технические вопросы, связанные с

освоением целины.

Меня иногда спрашивают: нужно ли было распахивать казахстанские степи? По целине, особенно Казахстану, однозначного ответа нет. Землю распахали — а урожай получали один раз в пять лет. Еще и технологию не ту применяли. Молотов был отчасти прав, когда говорил: «Я не против освоения целины в принципе, но я за то, чтобы постепенно ее осваивать, не сразу распахивать все тридцать миллионов гектаров, а по пять-семь миллионов в год».

Нас наделили правом контролировать, информировать, докладывать. И мы этим пользовались. Например, массу всяких безобразий выявила в то время группа работников ЦК, выезжавшая во главе с секретарем ЦК комсомола Л.К.Балясной на строительство Красноярской ГЭС. Разговор тогда на Бюро ЦК ВЛКСМ был очень резкий, причем на следующий же день итоги его были не только доложены в Центральном Комитете партии, но и опубликованы в «Комсомольской правде».

Если полистать «Комсомолку» того времени, то можно увидеть, что рубрика «Вопросы к министру» занимала в газетах целые полосы: почему не хватает общежитий на стройке, куда мы послали молодежь; почему квалификацию, разрядность не повышают вовремя; почему заработки низкие и т. д. и т. п. Целые серии «почему»! И министры обязаны были ответить делом.

Мы говорили: мы не биржа труда, и если вы просите молодежь помочь вам, то будьте добры, создайте ей условия.

Если министр продолжал артачиться, заявляя, что это не его дело, ему говорили: «Хорошо, завтра мы отзываем молодежь с вашей стройки, и можете набирать рабочую силу через конторы». Он туда-сюда — и сдавался. А что он мог сделать без молодежи?

Тогда аппарат ЦК ВЛКСМ, секретари обкомов и крайкомов комсомола приучались к солидному решению государственных и хозяйственных вопросов.

Позже, когда я работал в качестве заместителя председателя Совета Министров УССР, я дважды присутствовал на съездах ЛКСМ Украины и поражался, как плохо использовалась трибуна. В присутствии всего Политбюро ЦК Компартии республики, всех министров в отчетных докладах ЦК комсомола не было практически ни одного критического слова в адрес министерств и ведомств!

А дальше стало еще хуже. В годы Горбачева лично меня всегда удивляло, что наши газеты печатали сообщение о пленумах ЦК ВЛКСМ в виде заметочек в двадцать-тридцать строк как о малозначительных мероприятиях! И разве из тех коротеньких тассовских информаций что-нибудь разберешь?

Мы же всегда сами подготавливали такие сообщения и от имени ЦК ВЛКСМ просили опубликовать. Отказа никогда не было. По крайней мере было ясно, что обсуждали, кто и как выступал и чем вообще живет комсомол.

Самостоятельность, высокая ответственность комсомола проявились во время проведения Фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Никаких правительственных комиссий по его подготовке и проведению тогда не создавали — все решал ЦК ВЛКСМ. Был только оргкомитет во главе с А.Н.Шелепиным, и все министры, которые были нам нужны, являлись по первому требованию. Таков был авторитет комсомола.

Фестиваль мы провели без единого сбоя. Приняли в Москве почти 30 000 иностранцев, в одночасье подняв «железный занавес». Хотите создавать дискуссионный клуб? Пожалуйста! Хотите встречаться с молодежью, создавать культурные центры и центры по связи? Пожалуйста!

Все секретари обкомов, крайкомов комсомола были распределены по делегациям. Я был тогда вторым секретарем ЦК и каждую ночь собирал их в ЦК ВЛКСМ для доклада о событиях дня и планирования мероприятий на следующий день. Не обходилось и без мелких неприятностей. Например, докладывают, что у одного иностранца пропал фотоаппарат, у другого — куртка. Завтра же вернуть! Если не можете найти, надо купить, но вернуть! А случаев таких было, к сожалению, немало.

Большую помощь в обеспечении успешного проведения фестивальных мероприятий оказывали так называемые «прикрепленные». Это были представители советской молодежи в каждой делегации, которые организовывали экскурсии, обеспечивали транспорт, следили за соблюдением плана мероприятий по фестивалю, то есть были настоящими шефами делегаций.

После фестиваля все эти «прикрепленные» были приглашены делегациями в свои страны как люди, помогавшие им на фестивале. В Египте и Алжире их принимали даже президенты страны.

Еще до фестиваля мы развернули среди молодежи кампанию по изготовлению подарков для делегаций — наборы инструментов, парфюмерии, косметики, трикотажа и т. д. Все это делалось в неурочное время и из сэкономленных материалов, без затраты государственных средств.

Фестиваль начался с движения участников от ВДНХ. Далее на открытых грузовиках по Садовому кольцу к Лужникам, где собралось Политбюро. Встречать участников фестиваля вышла

вся Москва. Началось подлинное братание! Движение застопорилось!

Мы бросились на стадион докладывать Н.С.Хрущеву, что опаздываем. Узнав, в чем дело, он сказал: «Вы за нас не беспокойтесь. Подождем. Только передайте по радио и телевидению, что открытие задерживается в связи с тем, что москвичи очень тепло встречают делегатов на улицах».

На час, если не больше, отодвинули, открытие фестиваля.

На фестиваль кроме приглашенных приехало много разного люда: фарцовщики, «ночные бабочки» и прочие. Мы пустили слух, что «бабочек» этих ловят и стригут наголо. «Бабочки» исчезли.

Много энергии в организацию фестивалей вкладывал секретарь ЦК ВЛКСМ С.Романовский, которого мы в шутку называли «министром иностранных дел комсомола». Он объездил весь мир. Я же оставался в Москве, обеспечивая тылы, то есть снабжение. Приходилось очень часто встречаться с творческими коллективами. Однажды мне с Шелепиным довелось «одевать» хор им. Пятницкого. Мы увидели их старые «задрипанные» сарафаны и добились, чтобы им дали красивые расшитые платья, платки.

По нашему настоянию главному постановщику всех фестивалей И.М.Туманову (Туманишвили) присвоили звание народного артиста СССР. На фестивалях в Берлине и в Праге он был главным режиссером. Оформлял и олимпийские игры, концерты и пр. Туманов был знаток музыки, танцев, театра.

В Большом театре комсомолу помогали знаменитые балерины Ольга Лепешинская, которая была там в свое время секретарем комсомольской организации, и Раиса Стручкова, впоследствии ставшая главным редактором журнала «Советский балет».

Комсомольские организации очень нужны были тогда в творческих коллективах, особенно молодежных. Комсомол воспитывал молодых, продвигал их, например при помощи фестивалей. Та же Майя Плисецкая была уже на первом фестивале в Праге. Она, Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Ксения Рябинкина, Раиса Стручкова своей известностью на первых порах во многом обязаны комсомолу.

Иногда мы выступали инициаторами присвоения артистам званий, наград, представляя в Министерство культуры соответствующие бумаги. Как, например, появился театр «Современник»? Ведь это комсомол поддержал О.Ефремова в его начинаниях!

Мы активно подключали к работе представителей Национальных республик — и не только «верхушку», но и

рядовой инструкторский состав. Некоторых наших работников побаивались даже секретари обкомов — настолько высок был их деловой, профессиональный уровень. Росла действительно высокопрофессиональная смена руководителей. Но для некоторых высокопоставленных чиновников это было не в радость.

Например, работал у нас заведующим отделом Отар Давыдович Гоцеридзе. Его назначили заместителем заведующего Оргбюро ЦК КПСС по Закавказью. Так Мжеванадзе его побаивался как конкурента, которого могут сделать первым секретарем. Он его всячески отодвигал: добился упразднения Оргбюро, сославшись на то, что решение национальных вопросов там протекает без осложнений. Такие органы были не только в Закавказье, айв Средней Азии и Прибалтике. В Прибалтике Оргбюро тоже продержалось совсем недолго.

С упразднением Оргбюро Гоцеридзе остался без работы. Мжеванадзе стал быстро пристраивать его в совнархоз, к управлению мясо-молочной промышленностью, к которой Гоцеридзе никакого отношения не имел. Я в то время уже работал в КГБ.

Отар Гоцеридзе позвонил мне и просил помочь. А у меня начальник управления оперативной техники, доктор наук, все просился уйти — не хотел погоны надевать. Я предложил этот пост Гоцеридзе и, получив его согласие, доложил о кандидатуре Брежневу. После некоторой проволочки Отара утвердили на Политбюро. Правда, потом, через какое-то время, Брежнев, кивая на Гоцеридзе, упрекал меня: мол, я подбираю в КГБ «своих людей».

После моей отставки из КГБ Гоцеридзе недолго проработал там. Позже его перевели начальником сводного отдела в Госплан СССР.

При Брежневе многих ребят, которые с нами работали, убирали. Вплоть до того, что нет-нет да и спрашивали:

— А когда ты в комсомоле работал? При Шелепине и Семичастном или после?

В зависимости от ответа и решался вопрос о назначении.

Другой пример. Муртазаев из Узбекистана — схватывавший все на лету, ориентировавшийся в любых обстоятельствах человек. Его побаивался даже Рашидов. Когда Муртазаева назначили первым секретарем горкома партии в Ташкенте, Рашидов сделал все, чтобы его дискредитировать.

В Белоруссии высокие партийные посты занимали бывшие комсомольские лидеры: П.М.Машеров, М.В.Зимянин, К.Т.Мазуров. В Азербайджане хорошо работал талантливый организатор

Каримов.

В комсомоле было много прекрасных людей. Карьеристов же, людей случайных — единицы.

При мне, к моему великому сожалению, появился Михаил Горбачев в роли первого секретаря Ставропольского крайкома комсомола. Он сменил там Виктора Михайловича Мироненко, которого мы забрали на должность секретаря ЦК ВЛКСМ. На своей должности Горбачев ничем не выделялся, незаметная была фигура, потому Мироненко никогда Горбачева никуда и не предлагал.

Мироненко рассказал мне как-то историю его встречи с Горбачевым на похоронах бывшего редактора «Комсомольской правды» Ю.Л.Воронова. К группе товарищей, в которой был и Виктор Михайлович, подошел Горбачев. Завязалась беседа, и Горбачев, обращаясь к Мироненко, сказал:

— Вот, с твоей легкой руки началась моя карьера.

— Да пошел ты к черту, — вспылил Мироненко. — Мне из-за тебя житья не дают в Москве: обвиняют, что я такого подлеца вырастил!

Таких, как Горбачев — отступников от убеждений и сложившихся в комсомоле традиций, — были единицы. Существовало иное, подлинное комсомольское братство.

Я не знаю таких дел, в которых комсомол прямо или косвенно не участвовал бы. Он всегда был рядом с партией, всемерно помогая ей.

Возьмите хотя бы события в Венгрии в 1956 году. Партия послала туда в каждый округ своего представителя в качестве «полковника». Они там выступали от имени армии и помогали партийным органам восстанавливать порядок в стране после контрреволюционного мятежа.

Мы, со своей стороны, послали туда «майоров». В числе таких «майоров» был Н.Е.Кручина, будущий управляющий делами ЦК партии. В ЦК ВЛКСМ он заведовал отделом сельской молодежи. Наши «майоры» помогали комсомолу Венгрии в тех округах, где были наши войска. Люди в полковничьих и майорских погонах воспринимались населением лучше, и они больше могли сделать. Наших «майоров» там было 15 человек. Я их собирал, инструктировал и отправлял.

Или случай с Борисом Пастернаком.

Некоторые спрашивают меня сегодня: испытываю ли я угрызения совести в связи со сказанным мною в адрес Пастернака на комсомольском форуме, не подставили ли меня?

Что ответить на вопрос, заданный спустя полстолетия после события и в совсем другой стране?..

Расскажу, как это было.

Предстояло празднование 40-летия комсомола. Готовились к проведению торжественного пленума ЦК ВЛКСМ, на котором должны были присутствовать Хрущев и другие члены Политбюро.

Неожиданно за день до заседания зазвонил телефон, я услышал голос Никиты Сергеевича:

— Приезжайте в Кремль и Аджубея захватите.

По дороге я спросил Алексея, не знает ли он, в чем дело.

Тот ничего не знал.

В кабинете у Хрущева уже сидел Суслов.

Никита Сергеевич, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Завтра ты с докладом на пленуме комсомола выступаешь?

— Да, я.

— А не мог бы ты в докладе «выдать» Пастернаку, как надо?

— Что вы имеете в виду? — ответил я вопросом на вопрос, так как был застигнут врасплох.

— Да вот с присуждением ему Нобелевской премии.

— Это в доклад не очень вписывается, так как он посвящен 40-й годовщине комсомола.

— Найдите для этого место в своем докладе. Вот мы надиктуем сейчас с Михаилом Александровичем странички две-три, потом вы с Алешей посмотрите, с Сусловым согласуете, и действуй.

Хрущев вызвал стенографистку и начал диктовать. Тут были любимые им словечки: и «паршивая овца», и «свинья, которая не гадит там, где ест или спит», и пр. Типично хрущевский, нарочито грубый, бесцеремонный окрик, выпирающий из текста доклада, нарушающий общий его тон.

Когда он продиктовал слова о том, что, мол, «те, кто воздухом Запада хотят подышать, пусть убираются, правительство возражать не будет», я взмолился:

— Никита Сергеевич, я же не правительство!

— Не беспокойся! Мы будем сидеть в президиуме и в этом месте тебе поаплодируем. Люди поймут.

В целом Хрущев наговорил примерно три страницы. В конце концов мы их превратили в одну. Не просто было включить такой текст в доклад, где с пафосом отмечались подвиги комсомола. В результате пришлось кое-что изменить в уже готовом тексте, чтобы была хоть какая-то связь между отдельными его частями.

Когда на следующий день я с задором произносил свою речь с трибуны во Дворце спорта, место в докладе о Пастернаке было встречено бурными аплодисментами.

Надо сказать, что книгу Бориса Пастернака «Доктор Живаго» я, как и все присутствовавшие в зале, тогда еще не читал. Была

она издана в Италии, и в нашей стране ее прочесть было нельзя. Поэтому судить о содержании книги я не мог и осуждал Пастернака за факт незаконного, тайного издания книги за границей.

Вопрос о Пастернаке не был очередным капризом Хрущева. К этому его вынудили обстоятельства: «оттепель» разморозила либеральных критиков устоев Советской власти и политики КПСС в области идеологии. Их надо было одернуть. И расчет Хрущева оправдался.

Пастернак — не Маяковский. Что мог знать о Пастернаке молодой строитель, шахтер, тракторист, комбайнер? Молодым работягам, да и не только им, было непонятно, за что враждующий с нами Запад платит огромные деньги поэту Пастернаку. Им объяснили: книгу свою он переправил за границу тайно. В ней он отрицательно относится к Октябрьской революции, за что и получил Нобелевскую премию. Следовательно, вся история вокруг Пастернака — это политическая акция против нас. Так оно, в сущности, и было.

Мы имели дело с попыткой западных служб раскрутить у нас одного из первых диссидентов.

Правда, ставка на Пастернака оказалась у них не вполне удачной: на следующий день он обратился с письмом в редакцию «Правды» и, сославшись на мою речь, заявил о том, что не намерен покидать свою родину и отказывается от Нобелевской премии. Однако семя проросло. Прошло несколько лет, и «эстафету» подхватили такие лауреаты Нобелевской премии, как Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Иосиф Бродский…

Как известно, после моего выступления пленум Союза писателей СССР единогласно принял решение об исключении Пастернака из Союза писателей. Было составлено письмо для печати по поводу «поведения Пастернака», которое подписали не только московские литераторы, но и те, кто оказался в то время в Москве.

31 октября 1958 года состоялось общемосковское собрание писателей для обсуждения вышеупомянутого решения. На собрание были приглашены члены Президиума Правления Союза писателей СССР, члены бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР, члены Президиума Московской организации Союза писателей, то есть те люди, которые на своем объединенном пленуме уже приняли решение об исключении Б.Пастернака из Союза писателей. На собрании 31 октября было сказано много нелицеприятного в адрес Пастернака. Кто-то даже внес поправку в решение собрания: «Просить Советское правительство лишить Пастернака советского гражданства», — но она не прошла.

Навсегда я запомнил один из дней работы XIII съезда комсомола. Нам уже было известно, что Александра Николаевича Шелепина переводят в ЦК КПСС, а меня будут предлагать к избранию первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Накануне мне позвонил Хрущев:

— Слушай, давайте хорошую традицию заведем, чтобы из комсомола по-доброму провожать. Вот Шелепин уходит… Можем мы, конечно орден дать, но это уже надоевшая штука. Вы же можете придумать что-нибудь этакое…

Мы с ребятами на второй день собрались и решили учредить звание «Почетный член ВЛКСМ» и прямо на съезде присвоить его Шелепину. Звоню Хрущеву:

— Никита Сергеевич, вот что мы надумали.

— Здорово! Мы, пожалуй, еще и решением Президиума ЦК одобрим и поддержим.

Через час снова звонит:

— Знаешь, а давай-ка и Михайлова к этому присовокупим. А то ушел из комсомола руководитель, и не поблагодарили его по-настоящему.

Николая Александровича Михайлова я нашел дома — больного, с насморком и температурой:

— Слышишь, еле дышу.

Не объясняя подробностей, я ему говорю:

— Николай Александрович, завтра вы должны прийти на закрытие съезда хоть ползком, потому что и для вас, и для нас событие будет действительно историческим.

Перед началом заключительного заседания съезда захожу в комнату для президиума в Большом Кремлевском дворце (меня уже избрали первым секретарем ЦК ВЛКСМ!), а там — весь Президиум ЦК партии. Я — к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, есть у меня в заключительной речи слова о том, что уходит Шелепин «на большую партийную работу». Можно, я скажу, что он идет не просто в ЦК партии, а на большую и ответственную партийную должность — завотделом ЦК партии?

— Что значит «большую»? Инспектор ЦК — тоже большая должность. Нет, не надо.

— Но это же завотделом парторганов ЦК! По существу, мы впервые будем так провожать первого секретаря ЦК комсомола.

— Да через три дня об этом назначении узнает вся страна.

— Ну, одно дело я на съезде скажу, а другое — из печати…

Хрущев повернулся к членам Президиума ЦК:

— Ну что мне с ним делать? Он требует, чтобы ему

разрешили объявить о назначении Шелепина сейчас, на съезде.

— Да ничего я не требую! Просто хочу сказать то, что фактически состоялось…

— Но у нас еще не все подписали протокол Президиума.

— Но решение уже состоялось? Да и все члены Президиума ЦК здесь.

Хрущев обратился к членам Президиума:

— Ну что с ним будем делать? Ладно, давай! — засмеялся он под одобрительные улыбки собравшихся.

И действительно, когда я, закрывая съезд, объявил, что присваивается звание почетного комсомольца Александру Николаевичу Шелепину и Николаю Александровичу Михайлову, зал взорвался — такую делегаты устроили овацию. А когда потом я еще добавил, что Шелепин уходит на работу в ЦК завотделом парторганов, — такое в зале началось ликование! Ведь все понимали, что этим решением давалась оценка работы комсомола в целом.

Никита Сергеевич, когда я под гром аплодисментов вернулся в президиум, смеясь и хлопая в ладоши, говорил мне, стараясь перекричать овацию:

— Это же надо так зал завести!..

А Н.А.Михайлов потом благодарил, что я его с постели поднял. И Хрущев после съезда мне позвонил:

— Знаешь, ты был прав!

Я тогда не предполагал, что не пройдет и года, как и я буду прощаться с комсомолом.

Борьба за масть

Вокруг Сталина был создан ореол «отца народов», и все, что было достигнуто страной за годы Советской власти, представлялось творением его рук. Пропаганда умело соединяла судьбы людей с именем Сталина. На фронтах сражались и умирали со словами «За Родину! За Сталина!». И это были не просто слова: такие чувства жили в глубине души каждого из нас.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда Сталин умер, столько людей скорбели по нему. Плакали даже те, в чьих семьях были жертвы репрессий. К тому же об объеме всего негативного, что в нашей истории связано с этим человеком, мы не имели тогда еще полного представления.

В день похорон в Москве ударил мороз, но улицы, ведущие к Колонному залу, где стоял гроб с телом Сталина, были заполнены людьми, приехавшими со всех уголков страны проститься с вождем. Никто их не заставлял стоять на холоде долгие часы. Они пришли сюда добровольно, по зову сердца.

Дорога от здания ЦК комсомола до Колонного зала Дома союзов в обычные дни занимает не более десяти минут. Но в тот морозный мартовский день нам не хватило и четырех часов. Окна, витрины — ничто не в состоянии было выдержать огромного давления людских толп. Тот, кто не увидел все это собственными глазами, не сможет сполна представить себе происходившего. Тогда немалому числу людей прощание со Сталиным стоило жизни.

В обстановке всеобщей скорби у комсомольских активистов родилась мысль переименовать Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи, заменив слово «ленинский» на «ленинско-сталинский». Собрали Бюро ЦК ВЛКСМ. Все были единодушны в этом решении. Подключили писателей для составления текста обращения к молодежи.

Как рассказывал мне Шелепин, он позвонил Хрущеву и сообщил об этом решении. Хрущев, немного подумав, сказал: «Ну а что? Давайте, действуйте!»

Обращение составили быстро, но в 12 часов ночи на квартиру Шелепину позвонил Хрущев: он поинтересовался, когда будет пленум ЦК ВЛКСМ и готово ли обращение. Шелепин ответил, что пленум будет завтра и что обращение готово. Тогда Хрущев спокойно, как о чем-то обыденном, сказал: «Не надо этого делать. Мы тут посоветовались и решили, что делать этого не надо».

Еще один факт из событий тех дней.

Сразу же после смерти Сталина было решено организовать на ближней его даче музей. Мы ездили на место смотреть. Там встретили сотрудников Центрального музея В.И.Ленина, которые должны были принять участие в этом мероприятии. Но через месяц-два намерение было забыто: ничего не открыли, и лишь иногда возили туда на экскурсии — только актив…

Как бы мы ни оценивали роль Хрущева в истории страны, нельзя не учитывать, что близость к Сталину заставляла Хрущева всегда идти на поводу у вождя. Поэтому он, как и все его сподвижники, визировал ордера на арест, имел прямое отношение к массовым репрессиям, громил в своих речах в Москве и на Украине «правых» и «левых», требовал привлечения их к самой суровой ответственности.

Во время сталинских репрессий Хрущеву не удалось сохранить свои руки «чистыми». Хотя мы не раз говорили с ним о годах бесправия, он при этом никогда не останавливался на той роли, которую ему самому пришлось сыграть в те годы. Хрущев нигде и никогда не признавал своего участия в репрессиях. Но факты говорят о другом.

Так, выступая в мае 1937 года с отчетным докладом на Московской партийной конференции, он чуть ли не половину его посвятил теме вредительства, борьбе с врагами народа — троцкистами и бухаринцами. 14 августа 1937 года пленум МГК ВКП(б), заслушав информацию Хрущева о мероприятиях по укреплению райкомов партии, поручил бюро срочно разобрать все полученные материалы о связях отдельных руководящих работников с «врагами народа» и обеспечить укрепление райкомов партии и партийных организаций проверенными партийными кадрами, Хрущев сказал: «Нужно уничтожить этих негодяев. Нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа».

К началу 1938 года были репрессированы почти все секретари МК и МГК ВКП(б), большинство секретарей райкомов и горкомов партии Москвы и Московской области, многие руководящие советские, профсоюзные и комсомольские работники, сотни руководителей, предприятий, специалистов, деятелей науки и культуры. Естественно, не последнюю роль сыграли и указания Хрущева, и та атмосфера, которую он создавал тогда в Московской партийной организации.

Еще один характерный пример. По ордеру, завизированному Хрущевым, репрессировали Р.А.Ульяновского. И это несмотря на то, что тот регулярно занимался с Хрущевым, помогал ему в усвоении политэкономии. Правда, впоследствии Ульяновского

реабилитировали, и он работал до ухода на пенсию заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС. К сожалению, Хрущев ни на XX съезде КПСС, ни в одном из последующих своих выступлений ничего не сказал о своей причастности к репрессиям.

Отношения Сталина и Хрущева были противоречивыми. Сам факт, что после войны Сталин заменил на Украине Хрущева Кагановичем, свидетельствует о его определенном недоверии. Однако скорое возвращение смещенного на его прежнюю должность, не прерванное членство его в Политбюро ЦК партии доказывают, что конфликты между ними никогда не перерастали в открытую враждебность.

Тем не менее действия Хрущева в дальнейшем высвечивают различия в подходах этих двух государственных деятелей к тем или иным проблемам. Хотя, конечно же, существовало немало общего. в стиле их работы.

На Украину Хрущев приехал именно в ту пору, когда все республиканское руководство было снято и посажено с ярлыком «врагов народа», и в Киев он прибыл не просто работать, а наводить порядок. Сталин, как известно, на освободившиеся места посылал тех, кто исповедывал его правду и был ему верен.

Я, однако, не сомневаюсь, что Хрущев отрицательно относился к Лаврентию Берии, что его мысли о необходимости очистить партию, освободить страну от жестокого насилия, открыто им высказанные лишь в 1956 году, зреть начали задолго до этого.

Сталин управлял государством со времени смерти Ленина в 1924 году, и корни его власти были весьма разветвленными. И если Хрущев хотел укрепить свои позиции и стать во главе высшего руководства страны, то ему невозможно было избежать схватки со сторонниками старых порядков, прежде всего в самом Кремле, и как результат — убрать с пути не одного, а целую группу могучих противников, имевших авторитет, наработанный еще во времена Сталина.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года высшие посты в государстве заняли Георгий Максимилианович Маленков, ставший председателем Совета Министров СССР, и Никита Сергеевич Хрущев — первый секретарь ЦК партии. В высшем эшелоне власти оставались из сталинской плеяды три первых заместителя председателя Совета Министров СССР: Вячеслав Михайлович Молотов, он же министр иностранных дел Советского Союза, Лазарь Моисеевич Каганович, он же председатель Комитета Совмина СССР по вопросам труда и

заработной платы, Анастас Иванович Микоян, он же министр торговли СССР; все они были и членами высшего исполнительного органа партии — Президиума ЦК. Членом Президиума ЦК партии был и Лаврентий Павлович Берия, возглавлявший с 1941 года Министерство внутренних дел страны. Председателем Президиума Верховного Совета СССР и членом Оргбюро ЦК партии стал Климент Ефремович Ворошилов.

Это были многоопытные политики, прошедшие жесткую школу на выживание при Сталине. Отношения между ними были, мягко говоря, непростыми, и сторонниками Хрущева их назвать было никак нельзя.

И все-таки ему удалось склонить большинство членов Президиума ЦК к решению нанести удар по Берии. 26 июня 1953 года Берия был арестован. В июле пленум вывел его из состава ЦК и исключил из партии как врага Коммунистической партии и советского народа. 23 декабря того же года Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

На его место Хрущеву удалось поставить верного своего помощника И.А.Серова, но, памятуя опыт прежних лет, он не ввел его в руководящие партийные органы.

После смерти Сталина Хрущев всячески старался приблизить к себе Г.К.Жукова В 1955 году он назначил его министром обороны вместо Булганина.

Хотя я тогда был уже кандидатом в члены ЦК, вторым секретарем ЦК комсомола, а Шелепин работал в аппарате ЦК, мы еще были слишком молоды, чтобы принимать участие в решении важных государственных вопросов. Мы чувствовали, что обстановка обостряется и дело близится к столкновению, однако нам оставалось лишь надеяться, что Хрущеву, восторженными поклонниками которого — и его самого, и его реформаторского курса — мы были, все-таки удастся победить. Я сравнивал Никиту Сергеевича с оппонентами и, зная еще со времен работы с ним на Украине о его умении влиять на людей, находить общий язык с ними, приходил к выводу, что в этом плане он был сильнее своих противников.

Раньше всех пострадал после смерти вождя его сын Василий Сталин. Он очень быстро почувствовал, что его собственной карьере приходит конец, и психика его не выдержала. При жизни отца он мог себе позволить практически все что угодно. И вдруг защитника не стало. Он — один! Рядом никого, кто бы понимал, прощал…

Поведение Василия в то время стало истеричным. Так не должен был себя вести взрослый мужчина, к тому же генерал. Хотя надо признать, что по-своему это была трагическая фигура.

Вырос Василий без матери — в 1932 году она покончила жизнь самоубийством. Как позже написала сестра Василия Светлана Аллилуева, в доме ощущалось отсутствие женской руки, материнской заботы. Весь персонал, обслуживавший дом, состоял из сотрудников Девятого управления органов безопасности. По большей части это были офицеры.

Сталин обращался с сыном по-отцовски строго. Однако воспитанием его заниматься не мог, на это у него не было времени.

Василий пошел в армию, где стал военным летчиком. Но уж слишком быстро он рос по службе и воинские звания получал не согласно достигнутого им мастерства, а с учетом отцовского положения.

В короткий срок стал генералом, еще при отце для него была создана специальная должность в Москве. Авиация в Московском военном округе существовала еще до Василия, но для него было образовано специальное подразделение с собственным штабом, где он и командовал.

Во время военных парадов над Красной площадью проносились самолеты. Василий всегда находился в первом, ведущем самолете и с его борта рапортовал отцу, стоявшему на Мавзолее Ленина. Самолеты пролетали очень низко над головами многочисленных демонстрантов, что было небезопасно.

Однажды авиационная часть парада была отменена из-за плохой погоды. Василий соображения безопасности не принял к сведению и без согласия министра поднял-таки самолеты в небо и повел их, как обычно, к Красной площади. Центр Москвы истребители миновали без проблем, но при возвращении на аэродром два из них затерялись во мгле и врезались в землю.

Сталин наказал сына: разжаловал, сместил с должности командующего авиацией Московского военного округа. Однако прошло немного времени, и Василий снова оказался на прежнем месте.

Не приходится удивляться, что уже в сравнительно раннем возрасте молодой человек пристрастился к алкоголю и стал волочиться за женщинами. Москвичам Василий был известен как алкоголик и развратник, допускавший и хулиганство. Он мог носиться по улицам в открытом автомобиле, который специально для него был собран на ЗИЛе, с бешеной скоростью, пренебрегая правилами безопасности. К тому же во время таких «гонок» он чаще всего был в состоянии алкогольного опьянения.

Сразу же после смерти отца Василий стал обвинять членов высшего руководства в том, что они хотели смерти Сталина, что они его убили, отравили. При этом он утратил всякое чувство меры.

На основе того, что «Сталин» не настоящая фамилия, а партийная кличка революционера Иосифа Джугашвили, Политбюро приняло решение запретить Василию в дальнейшем носить фамилию «Сталин».

Со Светланой в этом отношении не было никаких проблем. Она сама предложила, что впредь будет носить фамилию матери, и стала Светланой Аллилуевой. Сын Сталина в конце концов взял себе фамилию «Васильев».

Не переставая пить и дебоширить, он продолжал винить всех в своих проблемах, и его в конце концов посадили в тюрьму. Сидел он в Лефортове.

Как-то Хрущев задал Шелепину вопрос:

— А как ведет себя Василий Сталин? Может, его освободить? Поговорите с ним сами и посоветуйтесь со Светланой.

Когда Шелепин встретился с ним, тот поклялся, что будет вести себя достойно. Шелепин посоветовался со Светланой и задал ей вопрос:

— Как вы смотрите на то, чтобы освободить Василия из тюрьмы?

— Если вы со мной советуетесь и хотите знать мое мнение, то скажу откровенно: я бы из тюрьмы его не освобождала.

О беседах с Василием и Светланой Шелепин доложил Хрущеву. Подумав, Хрущев сказал:

— Я за то, чтобы его освободить. Узнайте мнение членов Президиума ЦК.

Все высказались за освобождение.

На другой день Василия привезли в Кремль к Хрущеву. Войдя в кабинет, Василий бухнулся на колени и умолял Хрущева выпустить его на волю. Хрущев подошел к нему, поднял с пола, обнял и заплакал, приговаривая: «Вася, Васенька, мой дорогой! Ведь я тебя еще в люльке качал».

Хрущев стал вспоминать, как он учился с матерью Василия в Промакадемии, и сказал, что из тюрьмы Василий будет освобожден, но просил его вести себя после этого пристойно. Сын Сталина клятвенно обещал. Вскоре решением суда он был освобожден из тюрьмы.

Некоторое время Василий действительно держался, но недолго. Вскоре он попросил вернуть ему все подаренные когда-то отцу как главе государства автомобили (а их было примерно десять). Василию объяснили, что это — подарки официальные, а

не личные.

Опять откуда-то появились дружки, организовали пир в честь его освобождения. Опьянев, он сел за руль автомобиля и на большой скорости сбил пешехода.

Когда доложили об этом Хрущеву, тот страшно разгневался. Решено было положить Василия в больницу. Подлечив, отправили его в Казань, где он и скончался…

Я придерживался мнения, что съезды Коммунистической партии Советского Союза, особенно в послевоенный период, стали носить скорее торжественный и показной характер, вместо того чтобы оставаться рабочими заседаниями. Только на переломе двадцатых и тридцатых годов эти собрания еще созывались для дискуссий, для всестороннего анализа положения в партии, в стране, во всем мире. Тогдашние участники съездов были все-таки ближе к использованию диалога при возникавших временами спорах.

Однако с течением времени диалог стал уступать место единомыслию, стереотипу.

Частично проблема заключалась в широком участии в съездах представителей зарубежных коммунистических и рабочих партий. По мере того как возрастало число заграничных гостей, все чаще случалось, что на трибуну выходило больше представителей дружественных партий с приветствиями, чем самих делегатов, собиравшихся говорить о внутренних проблемах.

Я же считал, что мы не всегда должны говорить только за закрытыми дверями. Мы с Шелепиным уже давно пришли к общему выводу, что столь торжественные съезды при участии многочисленных делегаций следовало бы проводить лишь по случаю больших партийных дат. На остальных же периодически проводимых партийных всесоюзных форумах должны бы проходить сугубо целевые дискуссии.

Положение в стране и собственный рост как руководителя привели Никиту Хрущева к убеждению в необходимости подступиться к проблеме, которая постоянно нависала над партией и страной: поднять вопрос о лживых обвинениях, доносах, личном произволе, об искусственном создании образа «врага народа».

Хрущев прочувствовал всю тяжесть предшествовавшего периода и принял решение объявить об этом открыто. Он счел необходимым сказать правду о сталинизме, пусть не полную, но хотя бы основную. Он понял, что умолчание о подобных вещах не украшает ни страну, ни партию. Сделать этот решительный шаг Никита Сергеевич отважился лишь через три года после смерти

Сталина.

XX съезд, состоявшийся в 1956 году, нарушил благодаря Хрущеву показную атмосферу этакой непогрешимости. В своем закрытом выступлении высший партийный руководитель подверг Сталина и его политику небывалой по тем временам, уничижительной критике. Он разоблачил культ личности, его последствия, дал им оценку и сделал это таким бескомпромиссным образом, что все участники заседания были потрясены.

Я был на том съезде, но не как делегат, а как приглашенный. Я работал в то время вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. На этом съезде меня избрали кандидатом в члены ЦК КПСС, благодаря чему я и смог участвовать в закрытом заседании, когда Хрущев выступил со своим секретным критическим докладом.

Доклад был прочитан утром. К тому времени съезд фактически закончил свою работу. Были оглашены итоги голосования. Неожиданно объявили, что состоится еще закрытое заседание.

Подтверждением того, что доклад был готов заранее, может служить тот факт, что Хрущев очень строго придерживался текста, а это случалось с ним редко. Известно, что были споры до съезда: делать доклад — не делать. Доклад был готов заранее, но решение о его оглашении, возможно, было принято уже во время работы съезда.

Хрущев никогда особенно не распространялся о том, с кем и как он писал свой столь принципиальный доклад. Ходили слухи, что главным помощником его был секретарь ЦК и тогдашний главный редактор газеты «Правда» Петр Николаевич Поспелов. Назывались также Шепилов, Серов и некоторые другие люди, главным образом из числа молодых партийных функционеров.

Главную работу проделал Поспелов. Комиссия ЦК по делам о репрессированных, которой руководил Поспелов, довела расследование лишь до XVII съезда партии. Более поздним периодом занимался, видимо, Шуйский.

Разоблачение культа личности Сталина во многом вышло боком Советскому Союзу. В этом смысле XX съезд партии имел и негативную сторону.

После съезда Хрущев постоянно, на любом собрании пытался свести Сталина до уровня «дурака», крайне неспособного человека: то заявлял, что Сталин руководил войной по глобусу, то расписывал, как он спаивал свое окружение у себя на даче.

Сам я был свидетелем такой неприглядной сцены. Как-то 7 Ноября на приеме в Кремле собрались гости — представители общественности, послы многих стран. «Вождь» берет слово и

«закатывает» импровизированную речь на полтора часа (!), поливая грязью Сталина.

У меня создалось впечатление, что Хрущев патологически ненавидел Сталина. Говорили даже, что он, мол, мстил Сталину за своего сына Леонида, которого тот отказался якобы вызволить из плена. Когда я работал в КГБ, этой версии еще не было и мы ее не проверяли. В разговорах со мной Хрущев всегда говорил, что сын его погиб…

Выступление Хрущева на XX съезде не везде было воспринято с одобрением. Причем критика шла с разных сторон. На Западе считали, что он остановился на полпути, на Востоке — что зашел слишком далеко.

Сам Хрущев больше всего хотел очистить социализм в нашей стране, как позже стали говорить, «придать ему человеческое лицо». Основу социализма, основные направления развития он намеревался сохранить. И в мыслях у него не было менять что-либо коренным образом. Но он стремился освободить социализм от наносов диктаторской и узурпаторской практики, связанной с насилием и произволом. Хотел вернуться к ленинским нормам.

Хрущев поначалу был намерен дать больше свободы, в определенной мере допускать критику, иные взгляды, иные мнения. Сначала он искренне боролся за то, чтобы снова получили право на жизнь принципы коллективного принятия решений. Важные, по его мнению, должно было принимать коллективное руководство — Политбюро и Центральный Комитет, а не единолично он сам как высший партийный руководитель.

И действительно многие вопросы стали обсуждаться на пленумах Центрального Комитета партии, что при Сталине бывало весьма редко.

Однако Хрущев при этом ни в коем случае не собирался выпускать из партийных рук какие-либо контрольные функции. Печать, кадровые вопросы, идеология — все это оставалось в партийном ведении, а вопросы планирования и управления экономикой — тем более.

Как выяснилось позже, секретный доклад первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза явился и для международного коммунистического и рабочего движения серьезным ударом.

Критики Хрущева, особенно Молотов, неоднократно подчеркивали, что такая крутая перемена в курсе КПСС подорвет ее международный авторитет, а также авторитет мирового коммунистического движения в целом.

Не является тайной, что многие зарубежные коммунистические партии, можно сказать, слепо доверяли Москве и принимали как абсолютную истину все, что мы декларировали. И вдруг мы сами перед всем миром заявляем, что многие вещи на самом деле обстоят совсем иначе! Большие трудности возникли, к примеру, в итальянской и во французской компартиях.

Процесс переоценки прошлого и вскрытия пороков периода культа личности Сталина затронул также страны Восточной Европы. В наибольшей степени он осложнил развитие двух из них — Польши и особенно Венгрии…

В 1956 году в Будапеште высший партийный пост оставил Матьяш Ракоши, на котором лежала своя доля ответственности за проявления культа личности в Венгрии. Его заменил Эрне Гере. Эта замена была произведена с целью установления спокойствия в стране, создания условий для анализа ошибок прошлого и их исправления.

В октябре 1956 года Гере направился с визитом в Румынию — высшие венгерские руководители покинули пределы своей страны в пору чрезвычайно сложной ситуации. В это же время волнения начались в Польше. Реагируя на польские события, венгерские студенты вышли на демонстрацию в Будапеште, что явилось толчком для проявления насилия и в самой Венгрии.

Руководство быстро теряло контроль над ходом событий. Не помогло возвращение на пост главы правительства Имре Надя, политика, ранее отозванного со своего поста из-за конфликта с Ракоши. Тогда советские танки впервые выехали на улицы города, чтобы восстановить порядок, после чего они вернулись в места своего расположения.

Гере был смещен. Новым человеком, занявшим освободившийся пост, стал Янош Кадар. Но уже ни он, ни Надь, находившийся во главе правительства, не смогли предотвратить нового кровопролития.

В то время, когда между Москвой и Будапештом шли переговоры, открывавшие перед венграми возможности собственными силами навести в стране порядок, председатель венгерского правительства Имре Надь выступил с заявлением, что его страна выходит из Организации Варшавского договора, и одновременно обратился в Организацию Объединенных Наций с призывом признать венгерский нейтралитет.

Разгоравшаяся гражданская война требовала все новых и новых жертв. После консультаций с ведущими представителями остальных стран — участниц Варшавского договора — советское

руководство приняло решение вторично использовать войска и нормализовать положение в стране.

Во время венгерских событий я находился в Югославии во главе комсомольской делегации. Поездка близилась к концу. В Загребе мы паковали чемоданы, намереваясь на другой день улететь домой. Однако намеченный отлет не состоялся: секретарь югославского Союза коммунистической молодежи Мико Триполо (он потом возглавил компартию Хорватии, но впоследствии его исключили из Союза коммунистов за национализм) пришел с неожиданной новостью — завтра нас ждет у себя сам президент Тито.

Приглашение Тито нас поразило. После ряда лет взаимных нападок отношения между нашими странами только начинали налаживаться. Мы были одной из первых за долгое время молодежных советских делегаций в Югославии, где пробыли почти месяц, но о возможности подобной встречи ни разу не было сказано ни словам Понятно, что это приглашение мы приняли.

Президент в то время находился в своей резиденции на острове Бриони, и у него, как нам сообщили, собирается для обсуждения происходящих в Венгрии событий все югославское Политбюро.

Уже почти ночью мы выехали в Пулу — небольшой городок, неподалеку от которого — примерно через километровый пролив — расположен остров Бриони. Погода была ужасной, дорогу заносило снегом. Еле доехали.

Когда мы прибыли на Бриони, югославское руководство еще заседало, нам предложили ознакомиться с островом — в фаэтонах или на автомашинах. Мы, конечно, выбрали лошадей. Остров был крошечный.

Сама встреча с Тито длилась примерно полтора часа. Он говорил по-русски, без переводчика, так что мы хорошо друг друга понимали.

Югославская печать, газеты «Борба», «Политика», другие издания, освещала происходившие события в соседней Венгрии весьма широко и объективистски. Их толкование не определялось классовым подходом, как того мог ожидать человек от печатных органов коммунистической партии. Фотографы и репортеры сообщали о том, что происходит на улицах, описывали, как демонстранты убивают коммунистов и полицейских, как вешают их за ноги, как стражи закона, наоборот, убивают демонстрантов, однако из всех этих материалов было невозможно определить, на чьей стороне стоят сами журналисты.

Во время беседы я не сдержался и спросил прямо:

— Товарищ Тито, как понимать то, что ваши газеты освещают

венгерские события как бы со стороны и не высказывают своего мнения о происходящем, не говоря уже об оценке ситуации с точки зрения коммунистов?

Ответ Тито был неожиданным для нас:

— Наши газеты не являются органами Союза коммунистов Югославии. Да, Союз коммунистов является их издателем, однако журналисты вовсе не обязаны смотреть на вещи под тем же углом зрения, что и Центральный Комитет. Они и их главные редакторы имеют свои подходы и оценки.

Тито не понимал, как мог Гере сразу же после вступления в новую должность оставить свою страну, находившуюся в сложнейшей ситуации, и вместе с другими членами высшего руководства отправиться с визитом в Румынию.

Ведь когда студенты вышли на улицы, оказалось, что нет никого, кто мог бы поговорить с ними, выслушать их требования, наконец, успокоить их. Тито вспомнил, как ему однажды случилось обратиться с балкона к разбушевавшимся толпам:

— Тогда было достаточно спички, и все, что возводилось долгие годы, было бы разом уничтожено. Только от умения и ответственности вождя зависит, насколько он в состоянии успокоить массы.

В отношении того, что Советский Союз, стремясь нормализовать обстановку в Венгрии, дважды посылал туда своих солдат, Тито сказал:

— В первый раз это было излишне. Тогда, полагаю, венгерское руководство могло бы справиться с ситуацией само.

— Наши ведь быстро покинули улицы, и жизнь в Будапеште стала возвращаться в нормальную колею, — возразил я, — однако вскоре произошел новый всплеск волнений, и вновь пролилась кровь.

— Второе вмешательство Советской Армии было правильным, — признал президент. — Уже невозможно стало пассивно наблюдать за тем, что происходит. Если бы туда не послал свои войска Советский Союз, мы сами сделали бы это.

Когда позже мы знакомили Хрущева с содержанием нашей беседы с президентом Югославии, тот облегченно вздохнул:

— Слава богу, что Тито видит ситуацию хотя бы так.

Дня через два Хрущев вновь звонит мне и рассказывает, что Тито накануне в харчевне в Пуле произнес перед собравшимися вполне антисоветскую речь.

— Слушай, он трезвый был, когда с тобой разговаривал? — спросил Хрущев. — Какова же его действительная позиция в этом вопросе? В Пуле Тито по существу обвинил Советский Союз, нашу партию и меня во всех грехах. Непонятно, что это с ним

произошло! — И добавил: — Тито есть Тито. Очень трудно с ним вести разговор.

Заявление Имре Надя, что Венгрия выходит из Варшавского договора, стало для него роковым. После нескольких других непродуманных высказываний последовал его побег в югославское посольство в Будапеште, где Надь попросил взять его под защиту.

Наверное, стараясь избежать нового конфликта с Москвой, Тито принял решение выдать Надя для наказания. Тем более что ориентация Надя на Запад и у югославского президента особых восторгов не вызывала…

Я и по сей день не разделяю утверждений, что венгерский народ боролся за «свободу». На мой взгляд, в 1956 году в Будапеште имел место полный крах политики государственных структур, что постепенно и вело к гражданской войне.

Это, однако, вовсе не означает, что нами было сделано там все, как следовало. Тогдашняя советская внешняя политика по отношению к социалистическим странам во многом не соответствовала реальной оценке обстановки. Подчас в ней чувствовалось даже некоторое пренебрежение к младшим партнерам. Словно забывалось, что социализм в отдельных странах начали строить совсем недавно. А потому нельзя было ожидать, что за столь короткий срок будут перевоспитаны миллионы людей, которые родились и жили в совершенно иных условиях и при других общественных отношениях. В этих странах совсем недавно все имело своих конкретных собственников, и вдруг явились коммунисты и национализировали частную собственность.

У нас остатки буржуазных классов частично уехали из страны, часть была отправлена в Сибирь, часть перешла на сторону народа.

А что можно было предпринять в малых странах? Как изменить всех сразу? Но мы тем не менее пытались переделать все «одним махом», подгоняя под «советский опыт», доходя порой до абсурда.

Например, раньше высшей отметкой венгерского школьника была единица, а худшей — пятерка. Неужели и тут следовало все выворачивать наизнанку и делать «по советскому образцу»?! И чего мы этим достигли? Только настроили против себя огромное количество людей. И подобных мелочей было великое множество. Одно дело перестроить согласно союзнической модели армию или органы безопасности, а другое — привлечь на свою сторону людей, увлечь их новой ориентацией.

Вскоре после событий в Венгрии, 19 ноября 1956 года на приеме по случаю визита высшего польского партийного представителя Владислава Гомулки Никита Хрущев произнес слова, адресованные западным странам, которые позже неоднократно цитировались. Он сказал: «Нравится вам это или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним».

Хрущев считал, что через пару десятков лет мы будем жить при коммунизме. Уже тогда он начал предаваться мечтам и фантазиям. Подтекст его слов был чисто идеологический. Цель — не похоронить на самом деле, а лишь догнать и перегнать Америку. Увы, в то время Хрущев в своих импровизированных речах уносился временами в заоблачные выси, отрываясь от твердой земли. Символы значили для него очень много.

Но Запад после событий в Венгрии интерпретировал высказывание Хрущева по-своему — как новую военную угрозу.

«Холодная война» продолжалась.

Неспокойно было и руководство страны.

На XX съезде все члены старой гвардии — Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Микоян — были избраны в Центральный Комитет, и пленум ЦК, проходивший сразу после съезда, всех их избрал членами Президиума ЦК партии. Тогда же кандидатами в члены Президиума стали Л.И.Брежнев, Г.К.Жуков, Е.А.Фурцева — в то время явные сторонники Н.С.Хрущева.

Разоблачение культа личности Сталина на XX съезде ударило не только по вождю, но и по его близкому окружению. И хотя не все лица, подписывавшие смертные приговоры, были названы в докладе Хрущева, разоблачения вызвали резко негативную реакцию старой гвардии.

Прежде всего им не нужна была гласность документов, в том числе со смертными приговорами, подписанными не только Сталиным и Берией, но и ими самими. Дальнейший процесс «десталинизации» неизбежно еще более усложнил бы их положение.

Не согласны они были и с теми решениями в области сельского хозяйства и промышленности, которые проводил в жизнь Хрущев. Теперь, с высоты времени, нельзя сказать, что их критика была необоснованной.

В свою очередь, Хрущева все больше беспокоила растущая популярность Г.М.Маленкова, авторитет которого явно выводил его на место первого человека в стране.

Первой решительный шаг к обострению обстановки и попытке свергнуть Хрущева сделала «оппозиция», попробовавшая в июне 1957 года лишить его власти на заседании Президиума

ЦК, где она были в большинстве.

Проиграв там первоначально схватку, несмотря на сопротивление оппозиции, Хрущев сумел настоять на созыве пленума ЦК, который не поддержал сталинских сподвижников. Их методы работы уже мало кто хотел вернуть.

В результате «антипартийную группировку» — Маленкова, Молотова, Кагановича — вывели из состава членов Президиума ЦК, «примкнувшего к ним» Шепилова — из состава кандидатов в члены Президиума и всех — из самого Центрального Комитета с убийственной, казалось, формулировкой: за несовместимую с ленинскими принципами партии фракционную деятельность.

Решающую роль в победе Хрущева сыграла, конечно, поддержка его армией и КГБ — Жуковым и Серовым.

Президиум был расширен: вместо прежних одиннадцати теперь в нем было пятнадцать членов. Но если министр обороны Жуков стал на июньском пленуме членом Президиума ЦК, то председатель КГБ в него включен не был даже на уровне кандидата.

Впервые в истории нашего Советского государства было сделано то, что при Сталине и представить себе было невозможно: высшие руководители, обвиненные в антипартийной деятельности, не были арестованы и казнены. Их отстранили от власти, направив на работу в разные края. Молотова — послом СССР в Монгольскую Народную Республику, затем — главой представительства при МАГАТЭ в Австрию, Маленкова — директором Усть-Каменогорской ГЭС и Экибастузской ТЭЦ, Кагановича — управляющим трестом «Союз-асбест» на Урале. В 1961–1962 годах их всех исключили из партии.

Несколько месяцев спустя Хрущев предпринял еще один шаг к укреплению своей власти — с поста министра обороны был смещен маршал Жуков! Многих это потрясло. Жуков был живой легендой. Он руководил всеми решающими операциями во время Великой Отечественной войны, и народ был глубоко ему благодарен. Где бы он ни появлялся, его встречали самыми высокими почестями, на которые не мог рассчитывать ни один партийный функционер. Видимо; огромная популярность Жукова испугала Хрущева, как в свое время и Сталина. И он решил от него избавиться.

Жуков был глубоко убежденным коммунистом, свято верившим в светлые идеалы. Конечно, и у него были свои недостатки, иногда проявляемое упрямство, а то и высокомерие, но как солдат и командир он знал, что такое приказ, и привык, чтобы его приказы исполнялись. Его положительные качества, его

заслуги были многократно выше тех недостатков, которые в нем можно было отыскать.

В отстранении Жукова помогло Хрущеву молчаливое согласие генералитета. Маршалы и генералы испытывали определенные чувства соперничества и зависти, а громаднейший авторитет Жукова в армии, среди младшего и среднего командного состава, в расчет не брался.

Советская Армия всегда строилась по принципу единоначалия, строгой дисциплины. Да так это и должно быть. Без этого армия не может достигнуть высокой организованности. Однако был в армии участок, который хотя формально и подчинялся Министерству обороны, на самом деле находился под руководством Центрального Комитета партии — это Главное политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота.

Трудно сказать, действительно ли Георгий Константинович Жуков критиковал партийное руководство армии или же некоторым амбициозным работникам Политуправления не нравилось, что маршал отдавал им приказы. Однако в этой среде вокруг Жукова возникла атмосфера подозрительности и всякого рода обвинений в неуважительном отношении его к политорганам.

Уже позже, будучи председателем КГБ и имея в своем подчинении контрразведку, я никогда никаких убедительных подтверждений таким разговорам не находил. Однако тогда, в 1957 году, эти наветы сыграли свою роль.

Воспользовавшись ими, Хрущев во время визита Жукова в Югославию в октябре 1957 года отстранил его от руководства обороной страны, и пленум ЦК вывел его из состава Президиума.

Несомненно, политическая деятельность маршала Жукова могла продолжаться и после июньского пленума. Более того, его авторитет мог бы поднять его до полноправного члена политического руководства страны и даже выдвинуть вперед, возможно, на пост председателя Верховного Совета СССР. Но эта перспектива мало устраивала Хрущева. Вряд ли он захотел бы делиться вниманием мировой общественности с прославленным полководцем. Такие вопросы, несомненно, не раз приходили в голову Хрущеву, прежде чем в октябре 1957 года он принял окончательное решение.

Было много кандидатов, которых можно было утверждать на освободившийся пост министра обороны. Однако министром не стал ни Конев, ни Рокоссовский, ни Еременко, ни Баграмян. Военные заслуги человека, сменившего Жукова — Родиона Яковлевича Малиновского, — были на порядок ниже. Но он еще

при Жукове стал заместителем министра обороны и пользовался благосклонностью Хрущева. В сравнении с другими он был не столь амбициозен, но достаточно умен. Отличался он и тем, что умел создавать вокруг себя хорошие человеческие отношения. И при этом его авторитет не мог угрожать авторитету самого Хрущева.

После смещения «антипартийной группы» и удаления Жукова был принят очень важный принцип: так называемые силовые руководители, представляющие военное ведомство и КГБ, и министр иностранных дел не должны входить в состав Президиума (Политбюро) ЦК. В их руках и так была сосредоточена большая власть, и дальнейшее усиление их политического веса могло вести к злоупотреблению этой властью. Последними, кто более чем наглядно продемонстрировал справедливость подобного рассуждения Хрущева, были Лаврентий Берия и в какой-то мере маршал Жуков.

Хрущев за четыре с небольшим года после смерти Сталина расчистил себе путь к полновластию и в 1958 году совместил посты главы партии и правительства, став еще и председателем Совета Министров СССР. Если в первые годы своего триумфа он еще вынужден был считаться с мнением членов Президиума и Секретариата ЦК, то в дальнейшем его «занесло»…

В аппарате ЦК КПСС

Известие о том, что мне собираются доверить отдел ЦК партии по кадрам союзных республик, было для меня неожиданным. Я весь был поглощен работой в комсомоле. Проектов было много, контакт с работниками ЦК ВЛКСМ хороший, так что вроде бы ничто не предвещало никаких перемен.

В то время Центральный Комитет партии охватывал и регулировал деятельность не только самого ЦК, партийных и советских руководящих органов, но и все стороны экономической, научной и культурной жизни страны.

Перечислю только основные отделы, которые в то время существовали в ЦК: организационно-партийной работы, пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, тяжелой промышленности, оборонной промышленности, машиностроения, химической промышленности, легкой и пищевой, строительства, торговли и бытового обслуживания, транспорта и связи, сельскохозяйственный.

Существовали отделы финансовых и административных органов, загранучреждений, а также по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, международный отдел по связям с компартиями капиталистических стран, отдел информации, общий отдел и управделами.

ЦК был скорее похож на Совмин, чем на центр партийно-идеологического руководства обществом.

Каждый отдел делился на секторы, и подчас это было такое мелкое деление, что противоречило политической роли партии как идеологического руководителя общества. Подразделения ЦК подменяли собой министерства. Например, отдел химической промышленности ЦК КПСС делился на секторы основной химической промышленности, промышленности органического синтеза, синтетических материалов, промышленности синтетического каучука, шин и резинотехнических изделий, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, хлорорганических и кремнийорганических производств, микробиологической и химико-фармацевтической промышленности и др.

Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам занимал особое место в общей структуре ЦК партии. Он осуществлял проверку работы руководящих партийных органов: Центральных Комитетов партий союзных республик, обкомов и

крайкомов; следил за проведением в жизнь решений съездов партии местными органами и систематически докладывал ЦК партии о партийной жизни той или иной республики. Об итогах таких проверок докладывалось Секретариату ЦК КПСС.

В функции отдела входили не только анализ работы, выявление недостатков, но и обязательное составление перечня мер, способных выправить положение, устранить недостатки, перекосы, если они возникали. Мы вносили предложения и по распространению положительного опыта работы той или иной крупной партийной организации. Фактически готовили проекты постановлений ЦК по тому или иному вопросу.

Отдел обладал важнейшим правом следить за подбором, расстановкой и воспитанием руководящих кадров партийных и советских работников. Этому способствовало то, что кроме республиканских секторов в отдел входили секторы профсоюзных и комсомольских организаций, подготовки и переподготовки кадров, организационно-уставных вопросов и Информации, единого партийного билета, учета руководящих кадров.

Отдел пережил несколько реорганизаций. В 1948 году он назывался отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), сменив существовавшее до этого Управление по проверке партийных органов ЦК. Незадолго до моего назначения, в 1954 году, он был разделен на отдел партийных органов по союзным республикам и на такой же отдел — по РСФСР.

В 1956 ходу Секретариат ЦК вновь изменил структуру отдела. Какие-то секторы были слиты, укрупнены, в частности, ранее существовавшие раздельно секторы Украины и Молдавии, Казахстана и Средней Азии, Белоруссии и Прибалтийских республик. Выделился сектор Закавказских республик.

Инструкторский состав был представлен всеми союзными республиками, многими национальностями. Проработав в ЦК, набравшись опыта, инструкторы потом уезжали первыми секретарями или просто секретарями ЦК партий ССР, пред-совминами республик, секретарями столичных горкомов и на другие ответственные посты, потому что школу проходили в центре хорошую. Эту практику начал Шелепин, а я ее продолжил.

Инициатива назначения меня завотделом ЦК по кадрам союзных республик, я уверен, исходила от Шелепина и была поддержана Хрущевым. После формальностей назначения я приступил к работе.

Я проработал в ЦК партии всего девять месяцев. Срок, конечно, маленький, не успел еще толком даже осмотреться. Сложность для меня заключалась в том, что в партийных органах

я до этого не работал, за плечами был только опыт комсомольской работы, а тут такой груз взвалили мне на плечи. И хотя я пришел с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, разница в стиле и методах работы, конечно, была.

Правда, как я теперь вспоминаю, робости не было. Желание же работать — огромное. Когда я пришел на работу в ЦК, план отдела был уже сверстан. Среди прочих вопросов стояли две проверки — по Латвии и Азербайджану.

Предложение провести эти проверки внесли работники секторов Прибалтики и Закавказья. Они ссылались на то, что, по имеющимся у них сведениям, там сложилась нездоровая обстановка. В обеих республиках процветают националистические настроения. В Азербайджане к этому добавляется еще и проблема взяточничества. Об этом много сигналов, жалоб в письмах, которые потоком идут в Центральный Комитет партии.

В Латвию и в Азербайджан мы послали две солидные бригады. Решено было, что возглавят их мои заместители — Пигалев и Шикин. Пигалев, как наиболее молодой из трех моих заместителей, возглавил бригаду в Латвию, а Шикин — в Азербайджан. При этом в бригаду Пигалева включили, насколько я помню, представителей из Литвы и Эстонии.

Когда сейчас говорят, что в СССР не был решен национальный вопрос, я хочу сказать: он никогда и нигде не будет решен, потому что он перманентный. Эти вопросы не решаются одним указом или одним поколением. Каждое новое поколение ставит новые проблемы. Но я могу смело сказать, что Коммунистическая партия добилась колоссальных успехов в решении национальных вопросов и проблем, которые были оставлены в наследие царской Россией. Эта практика нам позволяла довольно разумно действовать в этой области.

В то время ЦК партии Латвии возглавлял Я.Э.Калнберзин. Он с 1957 года имел статус кандидата в члены Президиума ЦК.

Секретарем ЦК по пропаганде был А.Я.Пельше, а вторым секретарем — Н.А.Белуха, бывший ранее первым секретарем горкома комсомола Ленинграда, потом, по-моему, секретарем обкома партии Ленинградской области. Но не они «делали там погоду».

На Калнберзина большое влияние оказывали два бойких парня, латыши Круминь, первый секретарь Рижского горкома партии, и Берклов, заместитель председателя Совета Министров Латвии, кстати, бывший первый секретарь ЦК комсомола республики. Оба были прожженными националистами. Они дело закрутили в Латвии так, что «Вечерняя газета» Риги в разделе объявлений, уведомлений и прочего опубликовала сообщение,

смысл которого состоял вот в чем: русских больше не будут прописывать в Риге. Сделано это было с ведома и Круминя, и Берклова.

И эти два деятеля создали в республике, особенно в Риге, резко антирусский настрой: изгоняли всех русских секретарш из приемных, перевели все делопроизводство на латышский язык.

При проверке вскрылись антисоветские настроения и среди других руководящих кадров. Кстати, они же потом, уже при «демократах», при Горбачеве, добились отмены принятых тогда решений как «ошибочных и незаслуженно обвиняющих их в националистических проявлениях». Это, дескать, было сделано несправедливо и явилось показателем великодержавного шовинизма. Так вот, я был автором этих очень справедливых решений. И вся их теперешняя политика показывает, что все тогда было сделано правильно.

Выводы и решения комиссия тщательно подготовила, причем там не ставился вопрос об освобождении Калнберзина, потому что это не входило в нашу компетенцию. Перед тем как их доложить на Президиуме ЦК, выводы комиссии были обсуждены на Секретариате.

После Секретариата ко мне пришел Калнберзин:

— Владимир Ефимович, скажите Хрущеву, что я не могу дальше быть первым.

— Ну как я скажу? Вы сами зайдите.

— Я? Мне стыдно! Яне пойду. Я не наберусь смелости идти к нему. Представляете, я кандидат в члены Президиума ЦК — и так его подвел!

Конечно, подвел, подумал я. Но что ему мог сказать в утешение? А тот продолжал:

— Христом-богом прошу вас. Никого больше просить не хочу, а вас прошу.

Когда я пришел с Пигалевым докладывать Хрущеву после Секретариата, я ему сказал, что, вероятно, Калнберзина придется освобождать, тем более что тот сам просит об этом.

Хрущев взорвался:

— Как? Ты уже лезешь в Президиум распоряжаться? Да ты знаешь, что это кандидат в члены Президиума?! Ему нужно еще поработать, поправить положение.

— Он сам просится уйти с этого поста. Да мне еще говорит: «Эти два молодых, Берклов и Круминь, и те, кто за ними стоят, меня заклюют. Они набрали такую инерцию, что я уже не удержусь». Он сам просится, Никита Сергеевич.

— Это ты его вынудил, ты!

— Ничего я его не вынуждал.

— А почему он сам не пришел ко мне?

— Он мне сказал, что ему стыдно к вам идти, стыдно, что он вас подвел.

Хрущев немножко остыл — видно, бальзамом ему на душу были эти слова.

— И что ты предлагаешь?

— Давайте сделаем его председателем Президиума Верховного Совета Латвии.

— Подожди, подожди. А может, это и хорошо?

— А чего плохого?

— А ты с ним говорил?

— Нет. Как я мог ему что-то предложить без совета с вами? Калнберзин — кандидат в члены Президиума. Как я могу?

— А ты поговори с ним, — уже спокойно сказал Хрущев. — А первым кого?

— Пельше там есть. Арвид Янович — старый коммунист, человек разумный, очень воспитанный, в идеологическом плане выдержанный. По всем этим делам он имеет свое личное мнение, и довольно правильное. Я с ним долго беседовал.

— Я не возражаю. Это, наверное, наиболее удачная кандидатура. А вот с Калнберзиным поговори.

На следующий день Калнберзин подошел ко мне:

— Ну, как Никита Сергеевич отнесся?

— Как? Меня выругал и вас выругал. Вот такое предложение возникло, чтобы вас сделать председателем Президиума Верховного Совета Республики.

Он был потрясен:

— Как? Мне доверяют остаться?!

— Да, это предложение Никиты Сергеевича. Говорит, что «так лучше будет и поможет лицо Президиума ЦК КПСС сохранить».

— Да, пожалуй, это правильно.

— Ну, а первым кого вы думаете поставить? У нас-то мнение есть, а как вы думаете?

— Пельше, конечна Больше никого нет.

— Вот так и я Никите Сергеевичу говорил. Он согласен.

На этом мы и порешили. И уже сильного разгона на Президиуме, как это произошло потом в Азербайджане, не было.

Позднее Берклова мы отправили «на перевоспитание» во Владимирскую область завотделом культуры облисполкома. Круминя тоже отправили куда-то, поручили заниматься кинофикацией…

В Азербайджан поехал мой первый заместитель Иосиф Васильевич Шикин, бывший начальник Политуправления,

генерал-полковник Советской Армии. Еще Шелепин взял его к себе замом и оставил мне в наследство.

Для работы в Азербайджане была создана крупная бригада, человек двенадцать из разных отделов ЦК партии. Мы практиковали также включение в такие комиссии представителей комсомола, профсоюзов, а также областей и республик. Бригаду тщательно готовили довольно длительное время — месяца два или три.

Когда они вернулись, доложили мне и оформили запиской. Я пригласил из Азербайджана несколько человек, в том числе Алиева и Каримова, председателя Комитета народного контроля, члена Бюро ЦК партии, бывшего секретаря ЦК комсомола. Вызвал также Яковлева, второго секретаря Бюро ЦК партии Азербайджана, чтобы, побеседовав с ним, самому вникнуть в проблемы и кое-что уточнить по фактам, изложенным в записке комиссии.

Каримова я считал в будущем хорошей кандидатурой на пост первого секретаря ЦК партии Азербайджана. Но умный, подготовленный, перспективный человек настолько перепугался, растерялся, что не. смог мне помочь. Позднее я узнал, что держали его там в черном теле.

После встреч с Яковлевым для меня стало ясно, что он был случайной кандидатурой — с низким профессиональным образованием: окончил всего лишь сельскохозяйственный техникум. Воспользовавшись этим, его, второго секретаря, «освободили» от важнейших областей работы — кадровой, партийной, руководства административными органами, то есть тех вопросов, которые обычно вели вторые секретари партии, и поручили ему вести сельское хозяйство.

— Вы какое отношение имеете к сельскому хозяйству, кроме техникума? — спрашивал я. — Ведь там Мустафаев, кандидат сельскохозяйственных наук, академик местной Академии наук. (Он считался там генетиком-селекционером, даже вывел сорт пшеницы, назвав ее «Джафари» в честь Мирджафара Багирова. Мустафаев был любимцем Хрущева, поэтому Хрущев поначалу рьяно его защищал.)

— Видите ли, Владимир Ефимович, я больной человек, ездить в командировки по кадровым вопросам мне тяжело, и вот мы решили на Бюро, что я буду все время сидеть на месте, получать сводки по сельскому хозяйству и заниматься этими вопросами.

— Первый секретарь у вас кандидат наук и академик. Первый заместитель председателя Совмина — доктор сельскохозяйственных наук, а в Бюро ЦК за сельское хозяйство отвечаете вы. Как это может быть? На вас взвалили самую

тяжелую отрасль в Азербайджане, республика ни разу не выполнила план по поставкам хлопка, да и по другим показателям почти ничего не выполняла. И всегда вы, представитель, приехавший из Москвы, из ЦК КПСС, будете отвечать за все провалы сельского хозяйства! А вы кадры отдали, оргпартработу отдали, административные органы отдали. Вы посмотрите, какая расцветает там «панама» с кадрами, сколько проходимцев, людей с очень нечистым прошлым выдвинуто на руководящие должности, как расцвели взяточничество и всякие нечестные, нечистые дела. И тот же национализм, что и в Латвии. И это в Баку — интернациональном городе!..

В Азербайджане вместо Яковлева кадрами и оргработой занялся один из секретарей ЦК, очень бойкий парень, такого же типа, как Берклов в Латвии. Вот он и подмял все под себя — и партийные органы, и кадры, и начал насаждать национализм с благословения Мустафаева.

Мы тщательно подготовились к Секретариату ЦК, который заслушал и нашу записку по проверке, и проект постановления. Было вызвано руководство Азербайджана, дали возможность каждому выступить, после чего приняли решение перенести этот вопрос на рассмотрение Президиума ЦК.

После этого я позвонил Никите Сергеевичу Хрущеву, сказал, что мы закончили плановую проверку. И с И.В.Шикиным пошли к нему со всеми делами, запиской и решением Секретариата ЦК.

Причем я сразу попросил, чтобы докладывал не я, а Шикин, которого Никита Сергеевич хорошо знал еще по армии.

И Шикин начал. Хрущев сидел, ерзал. Потом набросился на меня:

— Вы уже даже к Мустафаеву подобрались! Да это один из лучших первых секретарей.

— Никита Сергеевич, вы дослушайте до конца, а потом будете говорить, лучший он или не лучший. Вы послушайте, что этот «лучший» натворил.

Шикин продолжал докладывать, причем делал это убедительно, с фактами в руках. Смотрю, Хрущев стал поспокойнее, а потом начал:

— Ну, что же он, подлец, да как же он мог! Почему же это допустили?

И пошло, и пошло… А когда доложили все, решительно сказал:

— Будем слушать на Президиуме. Эту записку разослать всем.

Но еще до Президиума в Малом зале Кремлевского дворца было какое-то совещание, и Никита Сергеевич, выступая, начал,

как это он часто делал, вставлять импровизированный текст, на сей раз — об Азербайджане:

— Вот мне доложили… Мы закончили проверку…

Мустафаев вскочил:

— Это неправда, Никита Сергеевич, это обман, это специально подготовили.

— Никита Сергеевич, — Шикин тоже встал, — я еще раз подтверждаю, что все — достоверно, все правда.

Никита Сергеевич подытожил:

— Мы разберемся на Президиуме.

И разобрались…

На Президиум пригласили все Бюро ЦК партии Азербайджана. Никита Сергеевич доложил, что Секретариат предварительно рассмотрел вопрос и выносит его на Президиум. Предложил сразу заслушать Шикина, тем более все материалы есть на руках у членов Президиума. А пожелает выступить Мустафаев, пожалуйста, пусть выступает.

И пошло обсуждение. Помню, от Азербайджана выступали Мамедов, секретарь ЦК по промышленности, нефтяник, доктор наук, предсовмина Ахундов (раньше был министром здравоохранения).

Выступления членов Президиума ЦК были довольно резкие, и обсуждение настоящее, партийное. Выводы сделали суровые: Мустафаева освободили от должности первого секретаря ЦК партии Азербайджана, а вместе с ним — еще целый ряд руководителей. На это место рекомендовали Ахундова, председателем Совета Министров стал Искандеров. Яковлева отозвали. И образовалась вакансия второго секретаря в Азербайджане…

В моем отделе в секторе по учету находились все сведения о кадрах партии. Мы решили провести анализ кадрового состава руководящих партийных работников и обнаружили, что секретарей обкомов моложе 50–55 лет не осталось, поэтому нам пришлось переработать отчетные ведомости: убрать графы, где нужно было отмечать количество секретарей в возрасте до 40 лет, от 40 до 45 лет, от 45 до 50 лет. В основном руководящие кадры были 60 лет и старше. Такой же анализ был сделан по специальности, образованию, направленности. По результатам нашей работы мы подготовили записку для Президиума ЦК.

На Президиуме ЦК ее рассмотрели, одобрили и приняли решение направить во все республики и обкомы партии, и в дальнейшем руководствоваться в вопросах работы с кадрами анализом и предложениями, изложенными в записке.

Иногда по некоторым вопросам нам приходилось работать

совместно с другими отделами. Так, в Центральный Комитет, в наш отдел и в редакцию журнала «Партийная жизнь», с которой мы поддерживали тесную связь, приходило много писем.

В них секретари партийных организаций разных уровней просили прислать те или иные постановления партии по оргработе, по работе с кадрами, по руководству профсоюзами и комсомолом, дать консультации по текущим вопросам. Проанализировав эти письма, мы выделили наиболее типичные проблемы и совместно с руководителем отдела по РСФСР Чураевым направили в ЦК предложение об издании «Справочника секретаря партийной организации», приложив к нему подробный многостраничный план-проспект этого сборника, определив разделы и даже перечень постановлений, которые, как мы считали, нужно было включить в сборник. Позже он был выпущен…

В январе 1959 года вышло постановление ЦК КПСС «Об оказании помощи коммунистам в общеобразовательной учебе».

Вызвано оно было тем, что сложнейшие вопросы реорганизации производства, строительства требовали грамотных людей, а на поверку передовой отряд — партия — имела в своих рядах более 5 % — от общего числа коммунистов — малограмотных людей, не имевших даже законченного начального образования. А в Казахстане, республиках Закавказья и Средней Азии это число колебалось между 7 и 11 %.

Началась повсеместно работа по выявлению таких коммунистов, постановки их на учет. Вырабатывалась методика их выявления, обучения, подготовки программ, кадров учителей. Сложность заключалась в том, что за парту требовалось посадить отцов семейств, отца рядом с сыном, и сделать это было непросто.

Многие отказывались, ссылаясь на здоровье, занятость, преклонный возраст.

В работу включились органы народного образования и все партийные организации снизу доверху. В нашем отделе был подготовлен документ для ЦК, в котором мы констатировали, что хотя на местах практически к занятиям с малограмотными коммунистами не приступили, но проведена большая подготовительная работа. Прежде всего определены формы обучения. Это — специальные группы или классы в общеобразовательных школах, школах рабочей молодежи, где должны были преподавать специально подготовленные учителя.

Та «оттепель», которая чувствовалась в стране, побудила нас выступить еще с одним письмом в ЦК. Старая практика отставки от работы первых лиц в республике, крае, области без указания

причин увольнения теперь не проходила при безмолвном одобрении.

Так, отставки первого секретаря ЦК партии Узбекистана К.Камалова и председателя Совета Министров республики Мирзо-Ахмедова, а также первого секретаря Московского областного комитета КПСС И.В.Капитонова и председателя Исполкома Областного Совета трудящихся Игнатова вызвали многочисленные вопросы о причинах их увольнения с занимаемых постов. Вопросы задавались в письмах и на партийных собраниях всех уровней.

В связи с этим мы предложили: поручить ЦК КП Узбекистана, а также центральной печати, журналу «Партийная жизнь» подготовить статьи, посвященные кадровым вопросам, и объяснить, что именно недостойное поведение этих коммунистов-руководителей, беспринципность и другие просчеты вызвали их отставку. В приложении мы дали проект такой статьи, которая была позже опубликована в журнале «Партийная жизнь»…

Кадровые проверки двух республик, повлекшие принципиальные перестановки руководителей, а также записка по кадрам, видимо, напугали многих секретарей ЦК. Вот, дескать, без году неделя в ЦК, а сменил руководство в Азербайджане и Латвии, дал безжалостный анализ кадрового состава руководящих партийных работников, требует открытости постановлений…

Еще одна проблема привлекла наше внимание.

После войны при приеме в комсомол мы столкнулись с такими фактами. У ребят, заполняющих анкеты, некоторые ее пункты вызывали недоумение. Они не знали, как отвечать, например, на вопрос, чем занимались их родители до 1917 года, если родители в годы революции были несовершеннолетними.

Не могли они ответить и на такие вопросы, которые были обращены уже к ним самим: о службе в армии и отрядах, боровшихся против Советской власти после 1917 года, о принадлежности к другим партиям, об участии в оппозиции или антипартийных группах, о которых они знали только из учебников.

К тому времени, когда я пришел на работу в ЦК ВЛКСМ, на те же вопросы уже затруднялись ответить и молодые люди, вступающие в ряды партии..

Таким образом, назрела необходимость очистить учетные карточки и анкеты от подобных пунктов. Внесенные в документы в 1936 году, они продолжали действовать десятилетия, несмотря на изменившуюся обстановку в стране.

Мои предложения встретили понимание у коллег по отделу.

Товарищи предложили также изъять пункт, требующий «сведений о привлечении к уголовной ответственности» — ведь мало кто из уголовников в те времена рвался в партию, тем более прием был индивидуальный и автобиография давала полное представление о жизненном пути вступающего.

Записка была оформлена и подана в ноябре 1959 года, и вскоре все эти изменения были приняты.

Восток-дело тонкое

Азербайджан стал первым неожиданным поворотом в моей судьбе.

До этого моя биография складывалась довольно успешно и шла как по накатанной дороге, не встречая особенных препятствий, резких поворотов, остановок и тем более откатов назад. А тут вдруг возник Азербайджан.

А возник он в результате очередной кадровой возни в верхних эшелонах власти, в руководстве партии.

Когда я стал завотделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, на положении второго секретаря находился Алексей Илларионович Кириченко. Формально в ЦК КПСС не было второго секретаря, он не избирался. Определял своего заместителя первый секретарь ЦК КПСС Хрущев. Именно он забрал в Москву Кириченко, бывшего первого секретаря ЦК компартии Украины, и тот быстро занял место второго лица, хотя и Суслов, до этого считавшийся таковым, не был официально отстранен.

Это была уловка Хрущева — иметь около себя в этой роли не одного человека, а двух или даже трех. Позже, когда появились еще Николай Васильевич Подгорный и Фрол Романович Козлов, там было такое смешение этих персон, претендующих на роль «второго лица», а значит, и преемника Хрущева, что разобраться было трудно. Хрущев же делал все это специально для того, чтобы не создавать ни у одного из этих людей лишних иллюзий.

А.И.Кириченко — довольно энергичный, несколько экспансивный человек, бывший на Украине безраздельным хозяином, еще там усвоил этакий диктаторский тон, который порой переходил в грубовато-хамский, и с этими замашками приехал в Москву.

Такой метод руководства вызвал неприятие со стороны основного состава членов Президиума и Секретариата ЦК партии. А так как Кириченко в качестве «второго лица» в партии стал вести заседания Секретариата ЦК, его метод руководства вызвал неудовольствие целого ряда секретарей, которые по существу восстали против него. Ренатов, Фурцева, Мухитдинов, Аристов, Шаталин и другие начали против него настоящую борьбу, «спихивая» с должности.

Эти люди, вероятно, подумали, что я человек Кириченко, коль мы оба с Украины. И более того — что именно Кириченко меня привел в ЦК, чтобы моими руками расставлять кадры.

А поскольку и Хрущев тоже с Украины, то тут, решили они,

образовывалась настоящая украинская фракция, которая будет насаждать нужных ей людей и проводить свою линию.

В действительности я с Кириченко на Украине не был знаком близко, так как не работал с ним никогда: я заправлял комсомолом в Сталино, он был первым секретарем обкома и горкома партии в Одессе. Я с ним нигде не контактировал, да и в Москве тоже не было поводов для этого.

Повторяю: инициатива сделать меня завотделом ЦК исходила от Шелепина, и ее поддержал Хрущев. Тут Кириченко, как говорится, оказался перед фактом. Да, он со мной беседовал, да, он первый, кто предложил мне эту должность, но это было поручением Хрущева, о чем он мне сам и сказал.

Но я уже тогда заметил такую деталь. Хрущева в Москве не было в это время, а Игнатов, находился где-то за границей. Я сидел в кабинете у Кириченко, когда раздался звонок по ВЧ — звонил Игнатов. И после нескольких фраз.'Кириченко вдруг попросил меня выйти в приемную и там подождать. Я сразу подумал, что разговор идет обо мне и что, видимо, нет единодушия по вопросу моего назначения и меня не ожидают в ЦК с распростертыми объятиями, как мне только что рассказывал Кириченко.

И действительно, когда я возвратился к нему, тон разговора резко сменился. Он стал говорить, что я, мол, не единственная кандидатура на эту должность, что могут быть и другие, а потом и мнения могут быть разные. Я чувствовал, что ему трудно менять начатую линию разговора.

— Алексей Илларионович, — не совсем вежливо прервал я его, — вы со мной не хитрите и скажите прямо, что вопрос окончательно не решен.

— Вот-вот, — обрадованный моим пониманием, оживился Кириченко. — К примеру, Хрущев «за», я «за», но могут быть и другие мнения. — Он не стал уточнять. — Приедет Хрущев, зайдешь к нему.

В конечном итоге меня утвердили. Но уже тогда я понял — и потом это подтвердилось, что Игнатов, да и другие были против моей кандидатуры и что обстановка «в верхах» совсем не простая.

Смирившись с моим назначением, главный удар они направили на снятие Кириченко и своего добились. В мае 1960 года, когда тот отдыхал в Крыму, они настояли на том, чтобы Хрущев дал согласие на освобождение Кириченко. Причем, видимо, они его так прижали, что Никита Сергеевич ничего не мог сделать…

Предложение Хрущева возглавить партийную делегацию в

Венгрию я встретил с недоумением, ибо считал свой статус неподходящим для такой роли: я. новый человек в партийных органах, да и должность невысокая для такого ответственного поручения — всего лишь завотделом ЦК. Поэтому сразу же предложил, чтобы возглавили эту делегацию или Мазуров, или Кириленко — оба кандидаты в члены Президиума ЦК. Но один напомнил Хрущеву, что тот обещал отпустить его в отпуск, другой сослался на недомогание и большой объем работы.

— Да ты сам поезжай, — выслушав их, сказал Хрущев. — Чего ты ищешь руководителя?

— Какой из меня руководитель делегации по передаче опыта, когда я в ЦК всего полгода? И потом это первая партийная делегация после событий в Венгрии. Могут быть доверительные разговоры с Яношем Кадаром.

— Поезжай, поезжай сам, у тебя все получится, — заключил Хрущев, и я понял, что дальнейшие препирательства не имеют смысла. Пришлось мне ехать.

В состав нашей делегации входили 15 человек. Это были секретари обкомов, горкомов, райкомов, работники аппарата ЦК. Помню Тихона Соколова — первого секретаря Целиноградского обкома, Николая Николаевича Родионова — первого секретаря Ленинградского горкома партии, Таранько — секретаря Киевского обкома партии по пропаганде. Помню, что были представители высокого уровня из Армении и других республик — мощная такая делегация. Женщин, по-моему, в ее составе не было.

Проработали мы там с 9 по 25 июля.

Янош Кадар принял нас на следующий день после нашего прибытия. Он выразил удовлетворение приездом делегации КПСС и уверенность, что визит будет способствовать дальнейшему укреплению сотрудничества наших партий; высказал пожелание встретиться вновь в конце пребывания, чтобы обменяться впечатлениями.

Я.Кадар подробно проинформировал нас о положении в стране и в партии, о стабилизации положения и желании опереться на собственные силы. Он подчеркнул, что сейчас в партии осталось лишь немногим более 40 % членов, но это люди, пользующиеся действительным авторитетом среди населения страны.

Мне запомнилось, с какой болью он говорил о том, как тяжело многие партийные работники пережили кризис, потеряли чувство уверенности, оптимизма, «Но мы, — подчеркнул Кадар, — полагаемся только на свои силы».

Подробно он рассказывал, как партия приходит в себя после

всего пережитого, какими методами действует — тут и открытые партийные собрания с приглашением беспартийных, и сокращение числа освобожденных партийных работников, и привлечение в партию сознательных рабочих, и работа партийцев от дома к дому, от человека к человеку, и воспитание молодежи. Он откровенно сказал, что пока идеологическая работа — самое слабое место, и сожалел, что в стране мало знают о Советском Союзе, об опыте работы КПСС.

Навсегда запомнились мне его слова: «Коммунисты могут нанести себе более серьезный вред, чем враг. Поэтому своих ошибок нужно бояться больше, чем происков врагов». Записав себе для памяти эти слова венгерского руководителя, я не знал, что часто буду вспоминать их потом и что они окажутся для нашей страны пророческими.

Сопровождали нас в поездке по стране секретарь ЦК ВСРП Ким и заведующий отделом партийных и массовых организаций ЦК Шандор. Наши встречи и беседы проходили дружелюбно, с пользой и для них, и для нас.

В это время на фестиваль молодежи в Вену проездом через Венгрию направлялась наша делегация, и мне один из работников ЦК КПСС, который был в составе этой молодежной делегации, говорит:

— Слушай, по ЦК идет разговор, что ты едешь вторым секретарем ЦК в Азербайджан.

— Как это так? Мне никто ничего не говорил.

— Да, да, — утверждает он. — Слухи достаточно основательные…

Возвращаюсь из Венгрии и застаю такую «карусель». Видно, чтобы совсем отодвинуть Кириченко, секретари ЦК добились введения такого «демократического» новшества: вместо постоянного председательствующего на Секретариате ЦК Кириченко заседания решено вести поочередно, ежемесячно сменяясь, — месяц Игнатов, месяц Аристов, месяц Фурцева, месяц Мухитдинов и так далее. И вот как раз когда я возвратился из Венгрии, «на хозяйстве» находилась Фурцева.

Я ей позвонил: мол, делегация прибыла и я готов доложить об итогах ее работы. Она просит меня подождать.

День, два, три проходят. Я ей снова звоню:

— Екатерина Алексеевна, у меня же много других дел.

Я хотел бы вам доложить, чтобы мне развязаться с этим вопросом и приступить к основной работе.

— Да, да, я понимаю. Сегодня к концу дня вас приглашу.

В самом деле: приглашает. Я начинаю свой отчет, но

чувствую, что она слушает меня вполуха, а затем вообще перебивает:

— Нет, постойте. С этим вопросом можно повременить. Тут возник другой, более важный вопрос. Мы получили телеграмму, в которой Бюро ЦК партии Азербайджана просит направить вас к ним вторым секретарем ЦК.

Напомню, что после отчета ЦК КП Азербайджана на Президиуме, в руководстве КП республики произошли крупные кадровые перестановки, так как вскрылись очень серьезные пробелы и в работе с кадрами, и в решении национальных вопросов. Было выявлено, что коррупция, взяточничество расцветали в Азербайджане пышным цветом.

— Екатерина Алексеевна, — изумился я, — а вы знаете, что сейчас у нас нет второго секретаря и в Узбекистане? А если Бюро ЦК Узбекистана попросит вас прислать вторым секретарем, как вы к этому отнесетесь?

— Как это так? — растерялась она.

— А вот так по вашей логике выходит. А если серьезно: как это заведующего отделом ЦК КПСС может попросить к себе Бюро ЦК партии республики? Ведь у нас не каждый первый секретарь республики становится завотделом Центрального Комитета. А тут заведующего отделом ЦК, которого назначили совсем недавно, сегодня просят вторым секретарем в ЦК республики. Это раз. Во-вторых, зачем вы меня сорвали тогда с комсомола? Ведь меня могли из комсомола послать вторым секретарем, а потом уже взять в аппарат ЦК. Разве я напрашивался к вам на работу? Более того, когда меня брали в отдел, я и Хрущеву, и Кириченко объяснял, что мне рано, что я только год с небольшим работаю первым секретарем ЦК ВЛКСМ, что мне всего 35 и я могу еще пару-тройку лет поработать в комсомоле. Зачем такая спешка и зачем меня в неудобное положение ставите?

— Да вот Никита Сергеевич сказал, что вы можете поехать, посмотреть, и если вам не подойдет что-то…

— Как это так? Я что, поеду присматривать себе республику? Разве это по-партийному? Все это выглядит по меньшей мере странно.

Я доказывал, что не согласен с таким решением, так как оно меня ставит в глупейшее положение:

— Ведь руководство только что доверило мне возглавлять делегацию ЦК партии в Венгрию для передачи опыта работы КПСС с кадрами, при переводе меня заведующим отделом в ЦК мне доказывали, что первый секретарь ЦК комсомола приравнен к заведующему отделом ЦК КПСС, а теперь оказывается, мне надо бы поработать в обкоме или в ЦК союзной республики. А вы

раньше не знали, что большого опыта партийной работы у меня не было?

Говорил я с Фурцевой довольно резко, хотя она и была уже членом Президиума ЦК.

Она туда-сюда, крутится, а ответить ей нечем, тем более я приводил все новые и новые доказательства нелогичности и нелепости такого перемещения. Наконец она вспылила:

— Ну, если вы так себя ведете и не подчиняетесь руководству партии, будем разговаривать на Секретариате.

Вспылил и я:

— Пожалуйста! И не пугайте меня Секретариатом.

После этого разговора я попытался связаться с Кириченко, но его уже нет — он в Крыму. Зашел к Брежневу — он только возвратился из отпуска. Но Брежнев хитро ушел от вопроса и не стал меня защищать. Позвонил я и Козлову — он был в то время первым заместителем председателя Совета Министров, Фрол Романович крутил, крутил и тоже не захотел ввязываться в эту историю. Ну, собственно, больше не к кому. Разве что к Никите Сергеевичу — да его не было в стране. Я уж потом к нему пошел, после Секретариата.

И вот на очередном заседании Секретариата, в конце, когда приглашенные были отпущены, Фурцева стала передавать наш разговор, выставляя меня в качестве человека, не подчиняющегося партийной дисциплине. Тогда я встал и говорю:

— Я могу сам рассказать, тем более что я тут главное действующее лицо. Да, мне предложили работать вторым секретарем в ЦК Азербайджана, и я отказался. Почему? Давайте вспомним, что вы же все мне недавно, меньше года тому назад, предложили работу в ЦК и назначили завотделом по кадрам союзных республик, не считаясь с моими доводами, прекрасно зная мою биографию. Как же так можно с кадрами поступать? Теперь у партийного и комсомольского актива сложится впечатление, что я не справился с работой в ЦК. Но даже за тот небольшой срок, что у меня оставался после месячного отпуска и командировки, мой отдел подготовил два вопроса для Президиума — по Азербайджану и Латвии. Мы от отдела внесли записку о состоянии работы с кадрами в партии и государстве, в которой дали анализ по возрастному и образовательному уровню, опыту работы, и составили прогноз, что нас ожидает при таком положении, а также внесли предложения по улучшению кадровой политики…

Поспелов остановил меня, сказав с укоризной:

— Мы по-другому о вас думали, а вы, оказывается, ставите выше свои личные интересы.

— Знаете что, — разозлился я, — если вы начинаете здесь мне ярлыки навешивать, предъявлять какие-то обвинения, тогда я даю согласие. Я выполню поручение ЦК партии, поеду вторым секретарем, но пусть на вашей совести останется все то, что вы сделали со мной. А на прощанье дам вам просто добрый совет: впредь с кадрами так не поступайте.

Как я уже упоминал, освобождение Кириченко произошло вопреки желанию Хрущева. Какое-то время Хрущев даже побаивался создавшейся обстановки, так как отставка Молотова, Кагановича, Маленкова еще была свежа в памяти.

Что же касается меня, то я понял, что дальнейшее копание в случившемся не принесет мне ничего, кроме огорчений. Я махнул рукой и смирился.

На дворе стоял август 1959 года, мне тридцать пять лет. Я еще молод, полон сил. Правда, нелегко покидать Москву и начинать на новом, совсем незнакомом месте. Но я утешал себя тем, что все это не насовсем, что все еще утрясется.

И я поехал.

Накануне отъезда вечером зашел к Хрущеву. Он как раз возвратился из командировки.

— Никита Сергеевич, я хочу доложить вам, что произошло.

— Да, ты себя не очень правильно повел на Секретариате.

— Так я к вам и пришел, чтобы доложить о том, как на самом деле было, а не так, как вам это представили.

И я ему все подробно рассказал. Он выслушал меня внимательно.

— Ну, понимаешь, надо побыть тебе секретарем ЦК республики или поработать в обкоме.

— Никита Сергеевич, а вы что, не знали об этом? Ну зачем вы…

— Ну вот так сложилось… Ты знаешь, тебе это пригодится. Мы с тобой еще встретимся на большом государственном деле.

Потом, когда принимал меня при назначении на пост председателя КГБ, он вспомнил:

— Я ж тебе говорил.

— Ну почему же надо через спину ухо доставать? Вот так неудобно решать эти вопросы? Почему?

— Ну, так сложилось тогда:.. — и не стал раскрывать карты.

— Я-то все знаю, Никита Сергеевич, как сложилось. Но почему я пешкой оказался в этом раскладе? Я не жалею, что проработал в Азербайджане. Мне эти два с половиной года колоссальный дали добавок к тому, что я имел.

— Ну вот видишь… — удовлетворенно хмыкнул Хрущев.

Я понимал, почему вопрос об Азербайджане встал так остро. После проверки нашим отделом кадры Азербайджана основательно перетряхнули. Яковлева, конечно, отозвали — образовалась вакансия второго секретаря. Остро возник вопрос о кандидатуре. Ситуацией и воспользовались секретари ЦК, предложив меня на это место.

Наверное, следует объяснить, почему вторым секретарем ЦК в республиках должен был быть русский.

Вторые секретари почти всюду присылались из центра, и, как правило, русские — кроме Армении. В Армении, наверное, где-то в 1980-м вторым секретарем появился Анисимов, а до этого там всегда были армяне. Русских не помню. Да и на Украине; но там не поймешь: там мог быть по паспорту русский, а на самом деле — чистейший украинец, и наоборот. Так, как я, например: по паспорту украинец, а на самом деле русский. Живи я в Латвии — мог бы стать таким же «латышом».

А в остальных республиках на протяжении длительного времени вторым человеком в партии был русский, назначенный из Москвы. То же — ив комсомоле.

И этот порядок себя оправдывал. Я считаю, это поддерживало устойчивое равновесие в национальных республиках. Дело в том, что в каждой республике жила большая русская прослойка населения. Как правило, это были люди, которые создавали в республиках промышленность, работали инженерами, рабочими.

Велика была и русская прослойка интеллигенции. Русские учителя, врачи, ученые много сделали для образования коренного населения союзных и автономных республик и автономных областей, для подготовки национальных кадров. Многие там осели с. первых лет Советской власти. Многие — после эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Тысячи молодых людей, поехавших в республики по зову партии и комсомола на освоение целины, на гигантские стройки, тоже прижились на новых местах.

Русский народ был великим донором для всего Советского Союза, во всех его уголках. Отдавая силы, знания, умение, а подчас и жизнь, русские люди способствовали процветанию национальных республик.

Русских было достаточно для того, чтобы иметь даже не одного, а может быть, и больше русских секретарей ЦК, но никогда никто на этом не настаивал, и очень редко (иногда в Казахстане) появлялись два русских секретаря из пяти-шести, но там русское население составляло большинство. А в остальных — достаточно было одного второго секретаря ЦК партии

республики.

Другое дело, что вторым должен быть назначен не просто рядовой, а лидер, который имел бы авторитет, силу и умение управлять, мог решать сложнейшие вопросы, быть хорошим организатором и воздействовать как на руководство республики, так и на массы.

Еще более важным было умение посланца Москвы соблюдать баланс сил, не стать ментором, не понимающим национальных нужд.

Может возникнуть вопрос: почему не использовать русских жителей той же республики? Зачем нужно было посылать второго секретаря ЦК КП республики из центра?

Практика показала, что именно на этот высокий пост местные русские не подходили. Они уже поддались влиянию окружения, и порой даже хорошее знание языка не давало оснований для того, чтобы занимать такие должности, ввиду того, что и характер, и настрой, и среда не поднимали их на уровень руководителя столь высокого ранга.

Знание языка, конечно, было не лишним. Но не всегда обязательным. Учитывались другие качества человека.

Когда я работал в Азербайджане, Хрущев приехал на 40-летие республики и компартии Азербайджана. Мы собрались узким кругом, и Никита Сергеевич спрашивает меня:

— Ну как, изучаешь язык?

— Да я уже два знаю — хватит.

— Каких два?

— Ну каких: русский, украинский.

— Ты брось хитрить, — засмеялся он.

— Когда ж я буду работать, если язык буду изучать? — не поддержал я шутливого тона. — Я с работы прихожу в двенадцать-час ночи, а в восемь-девять утра я уже на работе. А потом, зачем мне? Вы мне через два года скажете: поезжай в Узбекистан. Я что, узбекский буду учить?

— Ну, ладно, ладно, — махнул он рукой и больше к этому вопросу не возвращался.

Конечно, общение с местным населением помогало понимать их язык. Но я взял переводчика. Местного парня, русского, который прекрасно владел и азербайджанским, и армянским языками. В Азербайджане нужны были именно эти два языка, так как приходилось выезжать в Нагорный Карабах, и хотя там армяне отлично знали русский, предпочитали говорить на родном языке.

Общение в городах не представляло трудности для меня: все городские жители — и азербайджанцы, и армяне — великолепно

знали русский язык и свободно на нем разговаривали. В сельской местности было сложнее: здесь чаще требовался переводчик.

Русский язык был государственным, его преподавали в школах, на нем происходило общение, радиовещание из Москвы велось на русском языке. Везде демонстрировали русские кинофильмы, широко продавалась литература на русском языке.

Когда началось широкое распространение телевидения, то в подавляющем большинстве передачи велись из Москвы. Правда, вскоре начались вкрапления национальных передач, сначала несколько часов в неделю, а в остальное время все равно на русском вещали. По мере развития телевидения время передач на национальном языке постепенно увеличивалось.

Безусловно, было бы идеальным посылать человека, свободно владеющего языком той или иной республики. Но где возьмешь такие кадры, чтобы хороший организатор и эстонский знал, и латышский, и таджикский — это не так просто было. Поэтому учитывались прежде всего деловые способности.

Конечно, немало было ошибок при подборе людей: порой посылались недостаточно дипломатичные, недостаточно гибкие, не умеющие-ладить — именно ладить, не командовать, а находить общий язык.

После того как я вернулся в Москву, я посоветовал направить вторым секретарем в Азербайджан Петра Елистратова. Он был, как мне казалось, всем хорош. А потом азербайджанцы мне рассказывают: «Вы себе никогда не позволяли после первого секретаря ЦК на Бюро выступать. А он — выступает».

В национальных республиках нет мелочей. Даже детали — и те имели огромное значение и оказывали заметное влияние на мнение людей и как-то действовали на их психику. Как они рассуждали: первый секретарь Бюро ЦК партии выступает с заключительным словом, значит, заседание кончается, а тут опять ни с того ни с сего выступает второй секретарь — а это неуважение к первому.

Я ведь не свалился с неба. Я-то прошел школу приличную. И в комсомоле не случайно поднимался по ступенькам. И как бы там Украина ни отличалась от Азербайджана, к национальным вопросам, особенно в Западной Украине после ее присоединения, когда там было засилие бандеровского отребья, сама обстановка заставляла относиться ко всему посерьезней, все учитывать.

Работая секретарем ЦК ВЛКСМ, я объездил все республики и побывал на съездах комсомола в них, видел, как непросто решаются национальные вопросы.

Взять хотя бы ситуацию в Узбекистане. Возглавлял там комсомол Хамидов, очень красивый, умный и образованный

человек с дипломом энергетика. Позже он возглавил все электростанции Узбекистана. Положение у него оказалось непростым. У него вторым секретарем была Насретдинова, первая узбечка, получившая высшее образование, первая — ставшая инженером, первая — кандидатом наук, первая — секретарем комсомола Узбекистана. Она, естественно, очень этим гордилась и вела себя, как «первая».

Но этого мало: муж у нее работал в ЦК партии Узбекистана и был в курсе всех дел комсомола, причем в интерпретации своей жены. А у другого секретаря ЦК комсомола, Азизова, жена работала в ЦК партии. «Ну как мне, — жаловался Хамидов, — работать с ними? Что бы я ни сделал — мне сразу из ЦК звонок: ты что там?.. И начинаются указания». И эту ситуацию надо было решать — тактично, не вызывая недовольства ни той, ни другой стороны.

Ситуации были иногда очень острые. Приехал я раз в Казахстан на съезд комсомола и привез с собой Дыхнова на должность первого секретаря казахстанского комсомола — русского. Из чего мы исходили? Русское население там составляло подавляющее большинство — как по общему количеству, так и по количеству областей, населенных или полностью русскими, или где русских было более 90 % общего числа населения. Поэтому я привез не простого комсомольца, а заведующего отделом ЦК ВЛКСМ, которого мы хотели рекомендовать возглавить комсомольцев Казахстана, в основном русских. А нам предложили казаха, причем очень ограниченного, политически неграмотного. Брежнев, бывший тогда первым секретарем ЦК КП Казахстана, находился в Москве, а казахи, оставшиеся на хозяйстве, даже слушать меня не хотели. Я Брежневу в Москву звоню, объясняю ситуацию.

— Давай мы твоего парня вторым сделаем, — предлагает он, — а потом мы его как-нибудь передвинем на первого.

— Нет, нет, — решительно возразил я, — мы таких ребят не разменяваем. Не нужен он вам — я его увезу обратно. Выбирайте своего, но я обещаю, что через год вы его снимете, потому что он тупой и глупый, не годится в руководители.

Так и случилось: они снова попросили у меня Дыхнова, и мы его послали туда первым.

Все это — накопление опыта. И обожжешься, и глупость какую-нибудь сморозишь, и потом поправишься. Но когда знаешь, что прав, — отстаиваешь свою линию до конца.

Как-то вызывает меня Хрущев, когда я был первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины.

— Ты был во Львове?

— Был.

— Вот читай, что пишут на Западе националистические «Посевы» и другие газеты: «Первому секретарю ЦК комсомола Украины, этому москалю, которого прислали из Москвы, нельзя доверять руководство украинской молодежью, потому что он, будучи во Львове, выступал только на русском языке». Это так?

— Да, выступал на совещании секретарей райкомов на русском языке.

— А ты что, на украинском не можешь?

— Могу. Но дело такое, зубодробительный был разговор.

— Ну, имей в виду….

И это все откладывалось, откладывалось, где зарубку делаешь, где-то ты учитываешь, учишься, например, с чем идти к первому секретарю ЦК на прием, а с чем — ко второму. В этом отношении я многому научился у Шелепина.

Когда приехал в Азербайджан, я уже прошел эту школу. Да и потом семья наша была такая большая, что тоже была. хорошей школой интернационального воспитания: кого только у моих братьев в женах не было — и гречанки, и еврейки, и азербайджанки, и армянки, и все это давало возможность широко взглянуть на проблему.

Ну а потом по характеру я не могу быть резким там, где это не требуется, это раз. Во-вторых, там, где ситуация, твое поведение связаны с дипломатией, политикой и ущемлением национального достоинства, — здесь ни в коем случае не перегибай палку, находи нужные слова и выражения, следи даже за своим поведением: и где тебе встать, и нужно ли тебе произнести речь или лучше промолчать — это все имеет колоссальное значение! Потому что народ наблюдает за тобой, члены партии, которые там присутствуют, порой не знают глубины всех вопросов, но по тому, как ты себя ведешь, они обязательно сделают какой-то вывод — в пользу дела или нет, в твою пользу или нет.

Когда я уехал из Азербайджана, мой брат отправился туда в командировку из Донбасса, чтобы договориться о битуме для асфальтирования улиц не то в Донецке, не то в Красноармейске. И вот он рассказывает: «Возвращаюсь в поезде в одном купе с азербайджанцами. Все выпили по рюмке вина, разговорились, я не представляюсь по фамилии, но они ко мне все уважительно относятся (он фронтовик, ногу еле волочит, и такой он всегда худющий был!.. — *В.С.*). Беседуем о том, о сем, и зашел разговор об обычаях и национальных особенностях разных народов. Один из них и говорит: „В каждой нации разные люди есть. Вот был у нас второй секретарь. Приехал с одним чемоданом и уехал от нас

с одним чемоданом. А был и такой: приехал с чемоданом, а уехал с двумя вагонами“. И мне брат потом говорит: „Ни я не назвал своей фамилии и не сказал, кто я, ни он мне не сказал, кто он. Так просто, азербайджанец“. Поэтому второй секретарь все это должен учитывать.

Беда в том, что мы иногда посылали их, не научив уму-разуму по-настоящему. Это приносило вред Москве и нередко аукается и сейчас, подогревая антирусские настроения.

Когда я прилетел в Баку, был август 1959 года. В Москве остались жена, сын двенадцати лет и восьмилетняя дочка.

Я приехал с намерением не задерживаться там долго. Думал, год просижу, чтобы ребят не срывать с учебы и дать возможность жене защитить диссертацию, а потом решим, как быть. Тем более сын Олег — тот прямо сказал: „Я не поеду никуда. Я здесь буду“. И я не стал особенно настаивать. И потом была опасность, что с семьей я мог закрепиться там надолго. Мне этого не очень хотелось.

Однако я взял к себе дочь Лену — уж очень тоскливо было совсем одному — и отправил в местную русскую школу. Но вскоре пожалел об этом. Она вдруг стала круглой отличницей, фотография ее — на Доске почета, а вечером я прихожу — в ее тетрадях черт-те что. Я ей пишу записку: „Все перепиши, все переделай так-то и так-то“.

На следующий день она ничего не делает, но обиженно говорит: „Вот ты меня ругаешь, а мне учительница говорит, что я отличница“. Я вижу, что „отличницей“ ее делают как дочь второго секретаря ЦК и ни к чему хорошему это не приведет. Дальше — больше. Иду на работу пешком, а шофера прошу:

— Иван, подвезешь Лену, но не близко к школе, а высадишь подальше.

— Я так и делаю, как вы говорите, но директриса ее каждый день сама встречает у подъезда школы.

Тут мое терпение кончилось. Я тут же позвонил супруге: приезжай и поскорее забирай ее, иначе испортят нам девку совсем.

Жена с детьми приезжала ко мне на все лето, на каникулы и праздники. Приезжали и бабушки — моя мама и мама жены, жили на даче близ Баку. И вопрос, почему я не привожу туда семью насовсем, не возникал ни у руководства Азербайджана, ни в ЦК партии.

Встретили меня в Баку с величайшим уважением. Начали работать. Первый Новый год решили встречать вместе в домике

для гостей. Вначале я предложил устроить там елку для детей» членов Бюро, а через час-полтора — встречу Нового года. Вежливо напомнил, чтобы все пришли с женами.

Потом только узнал, что они никогда не брали с собой жен. Во время этого новогоднего торжества меня женщины очень благодарили за то, что впервые в жизни они отмечают вместе с мужьями такой праздник. Я им потом всегда новогодний праздник устраивал.

Навел порядок и с подарками. Они там в день рождения каждого одаривали за счет партийных денег дорогущими презентами.

— Никаких подарков за счет ЦК больше не будет, — категорически заявил я. — Собираем в складчину. Вы что, не можете дать 50 или 100 рублей? Например, часы подарить. Это стоит тысячу рублей. А ну-ка, давайте соберем по 100 рублей с брата и надпишем: «От друзей — членов Бюро ЦК».

Когда я уезжал, члены Бюро ЦК партии вручили мне часы: «По Вашему образцу и по Вашему совету».

Я очень уважительно к людям относился. Шел к любому секретарю ЦК в кабинет, если мне был необходим с ним разговор, а не вызывал его к себе. Мог зайти к предсовмина и с ним провести нужную беседу, а не на ковре и не в положении: «Зайди — я тебе объясню». Заходил вроде бы для дружеской беседы:

— Мамед Абдулович, так нельзя. Ты вот в академики подал заявление, а зачем ты туда идешь? Ты доктор наук. Ты предсовмина. Тебе мало работы на этом посту? Ты еще академиком хочешь стать? Или тылы готовишь? Зачем ты это делаешь? Ты знаешь, что в Армении случилось? Секретарь ЦК подался в академики, выставил свою кандидатуру, а его провалили. Ты тоже хочешь этого? Но имей в виду, тогда мы освободим тебя от Предсовмина. Если тебя академики провалят, значит, академики тебя не уважают не только как ученого, но и как предсовмина. Так что подумай.

— Пожалуй, я не буду.

— Ну, так, может, это и лучше.

Я считал, что не надо приказывать, не надо давить на человека. Нужно действовать уважительным убеждением.

Или был такой предсовнархоза Сабиров. Потом стал министром нефтяной промышленности, человек с большим апломбом даже для восточного человека. Еще будучи начальником Управления по добыче нефти, он получил Сталинскую премию за открытие Нефтяных камней — месторождения в Каспийском море, откуда добывали и продолжают добывать нефть. Там, на Каспии, вырос город

посредине моря на сваях и эстакадах. И дома там построили, и автомобили ездят по десяткам километров разветвления этих эстакад. И вот Сабиров, уже будучи министром, добился, чтобы его вновь выдвинули на Ленинскую премию за освоение этих же Нефтяных камней.

Я находился в это время не то в Нагорном Карабахе, не то в Нахичевани, и мне аж туда присылают гонца — завотделом нефтяной промышленности ЦК партии. Обрусевший армянин, очень толковый парень, бывший второй секретарь ЦК комсомола Азербайджана, разыскал меня, чтобы я подписал как член Бюро ЦК ходатайство на выдвижение Сабирова на Ленинскую премию, потому что все члены Бюро поддержали.

— А я не подпишу, — твердо сказал я.

— Почему? — искренне изумился посланец.

— Сабиров уже получил один раз премию — Сталинскую — за открытие, а сейчас хочет за освоение. Новых людей надо выдвигать, ну что же мы одних и тех же будем награждать за одно и то же? Недавно его наградили орденом. Сколько же можно одного и того же человека? Я не против него лично, он хороший человек, но надо и меру знать, друзья дорогие.

И не подписал. Ахундов потом мне говорил:

— Он обиделся.

— Ну и что. А мы что-то противозаконное сделали? Или мы дали ему отрицательную характеристику?

Так что иногда гибкость, а иногда и жесткость следовало проявлять, но там, где это надо.

Я ввел такой порядок: ни одно решение ЦК партии не выпускалось без моей визы. Даже если уже Ахундов подписал.

Дело было в том, что мне приходилось редактировать многие документы, хотя все члены Бюро были кандидатами и докторами наук, — только командующий округом ПВО Афанасий Федорович Щеглов и я были «неостепененные». Поэтому мы с ним считались самыми «неграмотными». Мы иногда звонили друг другу:

— Ну что, неграмотный, пойдем на Бюро?

— Пойдем.

Но редактировать я все должен был.

Случилось, я поехал хоронить брата, а тут пленум состоялся. Неделю меня не было. И они не выпустили решения пленума ЦК, пока я не отредактировал и не завизировал.

Началось это так. Решение по промышленности было поручено подготовить секретарю ЦК по промышленности Энверу Назаровичу Алиханову. Он подготовил его и принес мне:

— Посмотрите, пожалуйста.

И дает мне «талмуд», а к нему — десяток инструкций. Я понял, что как профессионалу-нефтянику ему все важно. Просмотрел и звоню ему:

— Энвер, можно мне проект решения подсократить и немножко его партийным сделать, потому что оно получилось сугубо профессионально-инструктивное.

— Да, но не очень.

Я сделал три страницы и посылаю:

— Энвер, посмотри.

— Все здорово.

И так пошло и укоренилось: было признано всеми и никого не обижало. Сам Ахундов к этому относился с большим пониманием.

Иногда ситуации были очень неожиданные. Секретарем ЦК партии по пропаганде был Назым Гаджиев. Знал я его раньше, так как он был в свое время первым секретарем ЦК комсомола Азербайджана. Медик по образованию, грамотный, подготовленный, высокой культуры человек, он дружил с композитором Кара-Караевым, знаменитым тогда не только в Азербайджане, но и во всем Советском Союзе. И вообще среди интеллигенции Назым пользовался очень большим уважением.

И вот я получаю приглашение на празднование 53-летия со дня рождения Самеда Вургуна. Я снимаю трубку:

— Назым, у нас в стране, по-моему, празднуют каждый год только день рождения Ленина. Или еще кого-то — не напомнишь?

— Да я понимаю, о чем вы.

— Так что, мы каждый год будем отмечать день рождения Самеда Вургуна? А Льва Толстого, а Пушкина? Как это понимать?

— Да, но уже назначено торжественное заседание в зале Академии наук.

— Ну смотри, смотри, чтобы все нормально там было и чтобы это не кончилось печально для нас с тобой и для ЦК.

— Да нет…

Я как в воду смотрел. Сам я, конечно, никуда не пошел, хотя Самед Вургун — поэт хороший, им гордился весь Союз.

Там выступил кто-то из университета и говорил совсем не о поэте, а насчет Нахичевани, заявив, что якобы армяне требуют ее себе.

Дело в том, что Нахичеванская автономная республика чисто азербайджанская, но внутри Азербайджана она автономная, потому что отрезана полосой территории Армении, чтобы дать последней выход на границу с Ираном. Таким образом, в Нахичевань надо проезжать через армянскую территорию.

В древние времена Нахичевань была армянской, но потом ее полностью заселили азербайджанцы. Не случайно даже, я думаю, какая-то связь есть между тем, что под Ростовом-на-Дону есть Нахичевань, полностью заселенная пришедшими туда армянами. Таким образом, армяне тех времен осели около Ростова, и Нахичевань там армянская, а в Азербайджане Нахичевань азербайджанская.

Поднятый на вечере, посвященном дню рождения Самеда Вургуна, вопрос о Нахичевани вызвал бурю. По городу поползли слухи. Утром мне обо всем доложили. Назым прибегает весь белый, дрожит:

— Владимир Ефимович, случилось несчастье.

— Я уже знаю. Мне уже госбезопасность доложила о том, что там стряслось.

— Это провокация!

— А я тебе что говорил? Не надо давать повод для провокаций. Но это может быть и совпадение. Ладно, давай готовь вопрос на Бюро.

На Бюро исключили из партии этого оратора, спровоцировавшего беспорядки своими провокационными заявлениями, и постановили послать решение Бюро в университет. В решении было сформулировано: исключить за националистические проявления и провокационные националистические выступления и поручить парткому университета обсудить это дело на собрании и сделать выводы. Очень кратко, конечно.

Ахундов «заболел» на это время, и Кирсанов, заведующий общим отделом ЦК, приносит решение на подпись мне. Я завизировал, но подписывать не стал:

— Ты будешь у Ахундова на квартире — пускай он подпишет.

Кирсанов приходит оттуда:

— Он больной, врачи не разрешают.

— Что? Подписать?!

— Да, вот он просил вас.

— Э, нет, так не пойдет. Знаешь что, Яков Михайлович, дорогой, подписывай тогда: бюро ЦК компартии Азербайджана.

— Как?

— Так. Я завизирую, и ты выпускай, ставь печать и посылай в университет. Он хитрый, но меня тоже не обхитришь. А придет он на работу — я ему объясню, что такое национальный вопрос, что такое национализм и что такое подставлять русского под решение, которое явно вызовет определенную реакцию. Скажут: Семичастный захотел, так как он русский, он армянам помогает. Нет, первый секретарь у нас азербайджанец Ахундов, он и

подпишет это решение. А если нет, то Бюро ЦК Азербайджана. Вот весь ЦК и будет отвечать за это, а не я один.

Так что там даже эти детали имели значение. Все время надо было быть очень внимательным ко всем делам…

В Нимгачаури в свое время построили электростанцию. Ну а коль там развивают промышленность, мужиков много — нет женщин. Еще когда-то давно решили там же построить текстильный комбинат. Пошли записки в ЦК КПСС, и ЦК разрешил — построили текстильный комбинат. Все это было еще до моего приезда в Азербайджан.

И вот приезжаю я в Нимгачаури, иду на текстильный комбинат. Меня окружают девочки и все плачут, жалуются, что их насилуют, что в общежитии жуткая обстановка, что на улицу не выйдешь и прочее. А девочки все привезены из Рязани, из Краснодара эшелонами. Привезли три или четыре эшелона. Я пошел по общежитиям и во всем сам убедился. Возмущению моему не было предела.

Вернулся в Баку, поднял все записки, которые писали в Совмин, в Политбюро ЦК КПСС о том, что не хватает женщин, а мужчин много. Докладываю на Бюро, вытаскиваю весь этот вопрос на белый свет и всех виновных вытащил на Бюро. Как же так? Привезли рязанских шестнадцати-семнадцатилетних девочек, только-только окончивших училище, и бросили их на произвол судьбы. И никто — ни горком партии, ни комсомол — не поинтересовался их судьбой! В общем, устроил на Бюро разнос! Ахундов вынужден был согласиться со всем.

Наказали мы многих. Но потом, когда остались только члены Бюро, я сказал:

— Друзья дорогие, ну одно дело — министерство отвечает за все это. Мы их наказали. Но ведь и вы подписывали, вы все, тут присутствующие, вы все разве не кричали, что нужен текстильный комбинат — для того, чтобы девочек из Рязани, из Орла, из Краснодара привезти сюда? У нас что, женщин не хватает в Азербайджане? Так зачем же вы тогда обманули Советское правительство? Текстильный комбинат можно было построить в другом месте. Там, где это действительно надо, чтобы рабочие руки — местные были. А зачем оторвали девчушек от семей, от родителей, зачем привезли сюда и бросили на произвол судьбы — во власть насильников? Над ними мужики что хотят, то и вытворяют!

Начали наводить порядок: установили строжайшую дисциплину, порядок, охрану усилили, в общежитиях создали необходимые условия — общежития запущены были до

невозможности. Директора комбината сменили, секретарю горкома строгий выговор объявили, партком заменили.

Но все девочки оттуда все равно сбежали, конечно. Я не знаю, какова сейчас судьба этого комбината.

А тот эпизод заставил меня внимательнее присмотреться к положению женщин.

В конце года мне приносят сведения, что за год зарегистрировано 25 или 27 случаев самосожжения женщин. Я поручаю прокурору рассмотреть и доложить мне причины и принятые меры.

Докладывают, что где-то два или три случая осудили, а все остальные — «неумение пользоваться керосинкой и керогазами».

Я вызываю прокурора, министра внутренних дел, руководство идеологических отделов.

— Друзья дорогие, как же так: вся страна умеет пользоваться керосинками, керогазами, а у нас женщины такие неумелые? В чем дело?

В конце концов выяснили, что эти женщины были доведены мужчинами и семьей до такого состояния, что вынуждены были пойти на такую страшную смерть. Причины? Одна пошла самовольно на комсомольское собрание, другая случайно перекинулась парой слов с незнакомым мужчиной, а увидел это то ли родственник, то ли сам муж, и этого было достаточно, чтобы началась травля, и вот уже женщина доведена до состояния, когда смерть — единственный выход.

А ведь все хозяйственные хлопоты — на плечах женщин. Приезжаешь на хлопковое поле — одни женщины убирают. На хирман — ток, где перерабатывают собранный хлопок, взвешивают, оприходуют, потом грузят и отправляют на приемные пункты, — женщины приходят порой с детьми. Их привязывают к спине и таким образом собирают хлопок или работают на хирмане. Кое-где детей отводят в халупку — не убранную, не обустроенную, без игрушек, где малыши в земле копаются под присмотром дряхлой старушки.

А рядом чайхана с самоваром в рост человека, у которого сидит краснощекий мужик-чайханщик. Туда женщины не заходят, чай пьют только мужчины, которые руководят. А председатель колхоза — женщина, Герой Социалистического Труда.

— Как же вам не стыдно? — обращаюсь я к ней. — Вы что, не можете обустроить этих малышей, позаботиться о женщинах?

— Да вот, понимаете, я обещала…

— А обещала, почему же не сделала? А ну-ка в машину ко мне секретаря райкома, предрайисполкома! Поедем в

Карабахский район.

А у армян в этом отношении было все организовано идеально. У них в доме для детей хозяйничают две молодицы, прямо кровь с молоком: белые передники, голубые платья, косынки. Чистые кроватки стоят на воздухе — все под белоснежной марлей. В доме игрушек полно. Две коровы прикрепили, чтобы молоко ребятишкам было свежее и без перебоев.

Для азербайджанцев ехать и учиться у армян — самое страшное наказание. И вот поездили, посмотрели.

— Как же так: там — Советский Союз и здесь — Советский Союз. Там — Азербайджанская республика и здесь — она же. Ну как не стыдно вам, азербайджанцам, так «хозяйничать» у себя в республике?

И вот только так можно было достучаться. Не просто отругать, а показать, ткнуть носом и пристыдить: «Смотрите, учитесь и исправляйте положение… А мы проверим».

Мусульманская религия наложила отпечаток на все стороны жизни азербайджанцев, в том числе и на отношение к женщине.

Правда, с другой стороны, мусульманам не разрешено пить. Вот что мне нравилось у них, так это то, что пьяных в деревне вы не увидите! Там есть ларьки, где вся стена уставлена бутылками с коньяком, водкой, вином, — так и стоит, покрыта пылью, — не берут.

Часто ездил я по колхозам. Причем не успеешь еще приехать, а у райкома партии уже ждут двадцать, тридцать человек, потому что они по номерам машины знают: приехало начальство. Беспроволочный телеграф быстро работает. Жалобщики.

Со мной всегда ездил помощник, который предварительно прослушивал и отбирал мне человек десять. Их принимаешь, а остальным объясняешь, что, если я всех буду принимать, не увижу колхоза, школы или фабрики, а значит, не смогу им конкретно помочь.

Но жалобщики очень настырные и беспардонные. Иногда принимал людей вместе с первым секретарем или предрайисполкома. Я принимаю, а они сидят рядом. И вот жалобщик начинает:

— Первый секретарь — это фашист.

Тот молчит. Я возмущаюсь:

— Ты хоть возрази. Тебя фашистом обзывают — страшнее быть не может, а ты молчишь!

— Не хочу перебивать. Да и что я буду с ними связываться? И потом — он по возрасту старше меня.

День приема в ЦК партии. Принимают все секретари в один день после обеда, с двух часов дня и до шести вечера. У меня забита приемная, человек сто, у других секретарей — никого. Причем мы с помощником всегда брали из отдела двух-трех человек, которые разбирались, кто пришел и по каким вопросам. Выхожу из кабинета и говорю:

— Половина собравшихся, пришедших из сельской местности, из колхозов, должны идти к Мирзоеву, секретарю по сельскому хозяйству, такие-то — к Алиханову, секретарю по промышленности, такие-то — к Назыму Гаджиеву — по вопросам идеологии.

— Нет, ты русский, ты приехал из Москвы, тебя прислал Хрущев, и ты по-правильному разберешься. А они все берут взятки, и они такие-сякие.

— Но я же вас всех не смогу принять.

— А на каком основании? Я пришел к тебе на прием, а принимает меня твой помощник?

— А ну-ка, давай, ты на мое место сядь и попробуй-ка всех принять подряд. Сколько я дней вас буду принимать? На то они и мои помощники, работают по моему поручению, изучают важность вопроса. Вы, два соседа, поругались, а я должен в это вникать, в то время как вам нужно прежде всего обратиться в милицию. Вот помощник мой вам и подскажет.

Тогда они переменили тактику. Выходишь из дома (обычно я ходил на работу пешком, так как жил недалеко от здания ЦК партии) — уже около дома разостлан ковер и сидят на нем Человек пять-шесть, ожидают моего выхода, чтобы сопровождать и по дороге проситься на прием. И потому я был вынужден или на машине ехать, или милицейский пост поставить, чтобы избавиться от назойливых просителей. Жил я в Баку в цековском доме, расположенном в Ереванском переулке. В нем тогда жили все работники ЦК партии. Это был обыкновенный, ничем не примечательный, не очень благоустроенный дом. Вот после меня они, говорят, там настроили даже слишком роскошные дома. Но это было уже дело рук Елистратова и других руководителей.

Конечно, азербайджанцы в самом Баку — это прежде всего рабочие-нефтяники, работяги хорошие, а вот в деревне — работают одни женщины. Мужчины шаляй-валяй, не очень напрягаются, не очень утруждают себя работой. Вот поторговать, овец попасти, шашлык смастерить — это они умеют и делают с охотой.

Вместе с тем азербайджанцы много преуспели в науке. Среди них немало ученых, и по количеству кандидатов и докторов наук, научных сотрудников они не уступали — а если уступали, то

чуть-чуть — армянам и грузинам, и имели очень высокий процент образованных людей.

Отдыхать ездили в Шушу — небольшой курортный городок, расположенный в горной части Нагорного Карабаха. Даже руководство республики вывозило туда свои семьи на лето. Там прекрасный воздух и удивительная прохлада, благодаря которой легко переносится летняя жара, гораздо лучше, чем в равнинной части Азербайджана, особенно в степях и в самом Баку.

И вот приезжаю туда первый раз — в городе не дома, а развалины. Что такое? В чем дело? И в то же время там чуть ли не двенадцать или четырнадцать санаториев и домов отдыха, а население-то всего десять или двенадцать тысяч человек. Я походил, посмотрел.

Вернувшись в Баку, я после Бюро спрашиваю, почему Шуша в таком состоянии и за такой длительный период не приведена в порядок. Ахундов, не моргнув глазом, говорит, что много раз писали письма, просили помочь.

— Кому писали? Вы могли бы мне найти все копии: кому писали, когда?

Ничего мне, конечно, не нашли, потому что не писали. Выяснил я, что эти развалины — следы старой резни — оставлены в назидание потомкам.

Я говорю:

— У меня такое впечатление, что вы оставляете все это из поколения в поколение для устрашения армян. А как иначе понимать? Стоит стена неразобранная, уже заросшая, ничего не выровнено: там обрыв, там яма. Неужели все это сложно привести в порядок? Да если бы мы сами выделяли ежегодно хотя бы некоторую сумму денег, то давно навели бы порядок.

И в самом Нагорном Карабахе неоднократно возникали вопросы, связанные с национальным противостоянием.

Не раз я бывал в Нагорном Карабахе. Запомнился один из приездов на областную партийную конференцию. Там незадолго до этого построили на центральной площади новое красивое здание обкома партии и облисполкома Не успел я подъехать, как ко мне подходит пожилой армянин, частный домик которого стоял на этом месте и которого долго уговаривали, чтобы он позволил его снести.

Мужчина долго жаловался мне, как его ущемили.

— Тебе не нравится это здание?

— Да нет, но почему я должен был лишиться своего дома?

— Так тебе же выплатили всю его стоимость с лихвой.

— А мне нужна еще квартира — для дочери.

Уж выжать — так до конца…

Они хотели самостоятельности, но чтобы все вопросы за них в Баку решались.

На областной партийной конференции Нагорного Карабаха собрались около 600 делегатов.

Чувствую, обстановка недобрая. На трибуне председатель отделения Союза писателей Абрамян. Мне сказали, что обычно он выступает только на армянском языке, но здесь говорил на чистом русском. Потом я понял почему — он претензии излагал. Ну и, конечно, нанизал мне штук 12–15 всяких вопросов по поводу того, как Азербайджан зажимает Карабах, не дает ему развиваться и не решает вопросы и как они в Карабахе поэтому плохо живут…

А надо сказать, что карабахцы жили прилично. Когда произошли события в 1988 году (еще существовали и ЦК партии, и газета «Правда»), я говорил тогда: «Возьмите три района: Вологодский, один Карабахский и один чисто азербайджанский и дайте их в сравнении, кто как живет, у кого на сотню населения больше машин, кандидатов наук и людей с высшим образованием, а также школ, культурных учреждений. И я вам обещаю: вы обнаружите, что уровень жизни людей в Карабахе в два-три раза выше, чем в Азербайджане, а уж что касается Вологды, так она и в подметки Карабаху не годится».

Я у них и в домах был, и в колхозах, и видел все это…

Я внимательно слушал все выступления, делая для себя пометки, а мой помощник быстро готовил кое-какие данные по сути вопросов, пока шли выступления. Атмосфера в зале накалялась. Я решил дать всем высказаться, затем вышел на трибуну:

— Я мог бы произнести речь, которую подготовил по поручению Бюро ЦК партии, но думаю, что лучше начать с ответов на вопросы, поставленные выступающими и особенно товарищем Абрамяном.

И дальше я, не избегая ни одной, даже самой маленькой претензии, стал отвечать. А начал со следующего:

— Я вам всю правду скажу — вы меня ни в каких «из-мах» не можете обвинить, потому что сам я русский, записан украинцем, приехал из Москвы, второй секретарь ЦК партии Азербайджана, депутат Верховного Совета СССР от Казахстана (я тогда был депутатом от Уральска).

В зале раздался смех, и, чувствую, напряжение спало и зал начал относиться ко мне с симпатией. (Кстати, я на практике уже понял, что для того, чтобы залом немножко управлять, надо всегда начинать выступление с полушутки.)

Ну, а дальше пошло посерьезнее, по делу.

— Вот вы тут ставили вопрос, что у вас нет молодежной газеты на армянском языке в Карабахе. Мы в Баку издаем три партийные газеты — на русском, азербайджанском и армянском языках. Хотите, чтобы мы в эти газеты ввели, хотя бы раз в неделю, странички молодежи? Мы это сделаем. Хотите у себя газету открыть? Открывайте. Только я вам скажу, и мне помощники дают расчет: себестоимость каждого номера будет три рубля, а продавать газету нужно за две копейки, значит, два девяносто восемь — за счет вашего бюджета. (В зале начался шумок.)

Вы сетуете, что нет в Степанакерте театра. Пожалуйста, можно открыть театр, но я не пойму, какой репертуар будет у него. В городе всего десять тысяч населения. (Это сейчас там тридцать тысяч населения, а тогда был 1960 год.) Ну хорошо, у вас посмотрят за одну неделю весь репертуар, а дальше что? Театр не может каждый день готовить по спектаклю… И — какую дотацию нужно? Хотите взять на дотацию театр — учтите, это тоже ляжет на местный бюджет. Почему Баку должен оплачивать ваш театр?

У вас нет музыкальной армянской школы. Даю справку, что армянская музыкальная школа есть в соседнем Агдамском, азербайджанском, районе. Они готовы были бы открыть здесь свой филиал. Вы отказались, сославшись на то, что нет преподавателей. Ну не смешно ли, что армяне не нашли бы преподавателей для музыкальной школы! Не верю я в это. У вас есть облисполком, а значит, областной отдел народного образования — обратитесь туда.

Еще проблема: нерегулярно поступают армянские учебники из Баку. Друзья мои, да тот же облоно всегда снарядит вам две машины в Ереван — ведь туда раза в три как минимум ближе ехать, чем в Баку, — и двумя машинами вы привезете на весь Карабах сколько угодно учебников, изданных в Армении.

Вы жалуетесь, что у вас нет тяжелой промышленности. А я бы поставил вопрос по-другому: у вас нет железной дороги. (Тогда еще железная дорога до Степанакерта не была доведена.) Я был вчера у вас на шелкоткацком и на мебельном комбинатах. На шелкоткацкий комбинат вам 80 % кокона дает Азербайджан, а вы только 20 %. На мебельном комбинате своей древесины вы вообще не имеете — вам дают Россия и Азербайджан. О какой промышленности вы говорите? Что значит — дать вам тяжелую промышленность? Привозить руду, уголь, вы будете металл варить, а мы будем его отвозить отсюда? Вы представляете, сколько этот металл будет стоить?

Я знаю союзные республики, которые не имеют тяжелой промышленности, Молдавия, например. Она развивается на том, чем богата. Там ведущие отрасли — пищевая, виноделие, переработка сельскохозяйственной продукции. У них нет тяжелой промышленности, даже машиностроение у них не очень развито. А вы хотите в автономной области развивать тяжелую промышленность, чтобы, как вы говорите, выйти в люди, выйти на большую дорогу. И во всем вините азербайджанцев…

Вот так я разбирал их вопросы — резко критиковал и стыдил их местное руководство. И к концу в зале начали уже меня поддерживать.

— Так что мне Бюро ЦК партии доложить? — задал я вопрос в конце выступления. — Вы поддерживаете Абрамяна или меня? (В зале шум, аплодисменты.) Так я и доложу, что мы с вами обо всем договорились. И работать надо, а не бегать по инстанциям жаловаться. Да, у нас есть недостатки. И все, что относится в наш адрес, мы — обещаю вам — будем исправлять.

Национальный вопрос кавалерийским наскоком не решишь.

Проблема заключалась в том, что в царской России не было национальных образований. Страна была поделена на губернии, управляемые губернаторами. Послереволюционное разделение страны по национальному признаку вызвало волну территориальных претензий. Нравится или не нравится это армянам, но Нагорный Карабах расположен на территории Азербайджана и заселен он не только армянами.

И когда в 1988 году начались события в Карабахе, среди обвинений в адрес Азербайджана были и такие, что якобы Баку хочет утверждать для работы в Карабахе любую должность, даже, например, медсестры. Я там работал и помню, что никто никогда не требовал, чтобы Баку утверждал такие должности. Это придумано лишь для обострения ситуации.

А главный и тогда был вопрос, и сейчас — это присоединение к Армении, создание «Единой Армении». Но азербайджанцы говорят: «А на каком основании? Это наша территория».

Этот вопрос еще при Ленине возник. Ленин сначала Карабах отдал Армении, а затем изменил решение и возвратил в Азербайджан. Совершенно не простой вопрос, как это некоторые считают сейчас.

Национальный вопрос всегда — очень не просто… Он относится к наиболее чувствительным во всех странах — это мы теперь видим воочию. Стоит его задеть, как разом возникает угроза существованию самого государства. Притом в каждой стране он имеет свою, только данному региону присущую

специфику. Это я осознал особенно остро в Азербайджане.

Вот его и решаем — по Карабаху — восемьдесят лет. И он не закрыт до сего времени.

Еще проблема — Кировабад, второй город после Баку в центре Азербайджана. Половина города — армянская, половина — азербайджанская. Много приходилось уделять ему внимания: не один раз возникала ситуация, когда девушка из армянской части, отправившаяся в азербайджанскую с подружками в кино, подвергалась изнасилованию, другим издевательствам, а то и вовсе исчезала, и начиналось противостояние одной части города другой. Нам приходилось прилагать много усилий, чтобы уладить ситуацию, примирить жителей…

Но тогда была партия. Я, второй секретарь, мог, собрав людей, найти с ними общий язык, договориться тихо, мирно, без выстрелов, без драки.

В наших республиках, в том числе в Азербайджане, много мест, где половина или треть населения — не коренной национальности. С этим нужно считаться и уважать сложившуюся историческую ситуацию.

Вот приехал к нам в Азербайджан И.Х.Баграмян, маршал Советского Союза. Оказывается, он родился в армянской деревне в Азербайджане. Где-то километрах в тридцати от Кировобада, высоко в горах, две с половиной тысячи метров над уровнем моря, есть деревня Чардахлы, что в переводе — «Пять вершин». Удивительно, но из этой деревни Чардахлы вышли более шестидесяти военачальников, из них — два маршала СССР: дважды Герой Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, бывший замминистра обороны страны, и Герой Советского Союза Амазасп Хачатурович Бабаджанян, главный маршал бронетанковых войск СССР. Два маршала и шестьдесят три военачальника! Вот деревня-то какая! А расположена она в середине Азербайджана. Как же ее присоединить, чтобы создать «Единую Армению»? Ее же не присоединишь.

А половина Кировабада армянская — как здесь быть? Три района в Баку армянских — с ними как быть? Ну, Карабах присоединили, а остальные армяне? Ведь в Баку примерно такой национальный расклад был, когда я там жил: одна треть русских, одна треть армян, остальные — азербайджанцы, тоже одна треть или чуть больше. Армяне рассыпаны по всему Азербайджану. А как быть со смешанными браками, а их там много? Или с семьями других национальностей, живущих не одно поколение в Азербайджане или Армении и считающих эту землю родной? В самом Баку это проще, спокойнее все переносилось, а вот там, в Карабахе! Кировабаде…

Я сопровождал Ивана Христофоровича Баграмяна в его приезд. В Кировабаде он разыскал свою школьную учительницу, старушку такую древнюю, причем русскую. Очень трогательная была встреча.

Ездили мы и в его родную деревню. Бог ты мой, нас встретили километров за пять-семь от деревни — с танцами, бубнами, со всеми этими дудками — и сопровождали до деревни. Мы там заночевали. Очень богатый колхоз, живут хорошо. Они как раз убирали урожай картофеля, и я понаблюдал, как у них все здорово организовано. Молодцы. Потому и колхоз богатый, что умеют работать.

И таких, армянских, два или три сельских района. Как с ними быть?

Национальные амбиции присутствовали почти везде. Иногда даже до смешного доходило. Когда ереванский «Арарат» приезжал в Баку играть в футбол с азербайджанским «Нефтчи», это было событие. Мне милиция докладывает:

— Владимир Ефимович, идет старушка армянка на стадион, несет с собой стульчик складной, ее спрашиваешь: «Бабушка, куда идешь?» — «Да наши приехали, так я хочу на них посмотреть».

Она идет на стадион посмотреть на армян, приехавших в футбол играть, — «наши приехали»!

Но мне в эти дни было не до смеха. Я вынужден был давать команду автоинспекции, чтобы они на дорогах, начиная от границы с Арменией до самого Баку, устраивали в этот день усиленный досмотр автомобилей, идущих из Еревана, и, по моей просьбе, держали их подольше, до конца футбольного матча. А дело было в том, что как только игра с «Араратом», так драка на стадионе: доказывали на кулаках, кто лучше играет. Причем быстро зажигались и те, и другие — ведь южане очень экспансивны.

Я взял себе за правило под праздники объезжать город. Украшенный кумачом, иллюминацией, он представлял собой красивое зрелище. Но не только поэтому. Первый такой объезд был под 1 Мая — мне было интересно посмотреть, как украшается город к празднику. Город большой — одиннадцать районов, и каждый очень красив, особенно когда смотришь с моря. Он чем-то Неаполь напоминает, поднимается вверх уступами, галереями. Особенно красив, расцвеченный огнями, вечером. Еду по Баку — всюду портреты вождей: мода тогда была весь этот иконостас вывешивать. Вывешивали портреты всех членов Политбюро ЦК и кандидатов, а их много было. Смотрю, на первом плане — Микоян. Ясно: или директор завода или секретарь парткома — армянин. А на другом — Нариманов на

первом месте, один из партийных деятелей, который еще при Ленине настаивал на том, чтобы Карабах оставить Азербайджану. Смотрю дальше: члены и кандидаты в члены Политбюро — все перепутаны, кандидат назван членом Политбюро и наоборот — полная путаница. Еду к первому секретарю горкома Тофику Алахвердиеву.

— Тофик Алахвердиевич, собери первых секретарей райкомов партии, поговорить надо.

— А что случилось?

— Надо поговорить перед праздником 1 Мая. Я ездил по городу, и у меня есть ряд соображений в связи с этим.

Собрали секретарей райкомов партии, и я им начинаю рассказывать о том, что видел, — смеются первые секретари. Договорились, что к 1 Мая наведут порядок. Снова еду, смотрю: один кандидат так в членах Политбюро и остался. Ну да ладно, бог с ними — не портить ведь из-за этого праздник.

Я не занимался сельским хозяйством и идеологией. Моим делом были кадровые и организационные вопросы. Но на деле все шли ко мне. У меня дверь ни перед кем не закрывалась. Если я в районе был или в другом городе, то вообще никогда не делил вопросы на «мои» и «не мои».

Приезжаю в один из районов рядом с границей Армении. Прихожу в райком партии. Посидели мы, и я предложил поехать по району. Секретарь райкома, председатель райисполкома вышли со мной, а рядом, в полубараке, оказывается, расположен клуб, и стоит стайка людей, в основном женщины: какой-то семинар не то бухгалтеров Колхозов, не то счетоводов. Я решил ними посмотреть клуб.

— Ой, — застеснялись руководители, — клуб у нас плохой.

— Ну, ладно, какой есть. Другого же вы не сделаете сейчас.

С женщинами поговорили, расспросили о житье-бытье и зашли в клуб. Смотрю — плохонький зал, сцена, над сценой висит лозунг: «Под руководством партии Ленина — Сталина вперед к победе коммунизма»… И это — шестидесятый год! После XX съезда партии!

Я первому секретарю райкома говорю:

— А ну-ка, читай.

Он прочитал.

— Нет, ты вслух мне прочитай.

— Под руководством партии Ленина — Сталина вперед к победе коммунизма. Все правильно.

— Все правильно?

— А что?

— А какая у нас партия?

— А-а, ну это я не видел.

— А ты что, не бываешь в клубе?

— Бываю, конечно.

— Так ты что, ни разу глаза не поднимал?

— Нет, я прямо в президиум захожу.

— Ну так ты, с женой или сам, хоть раз в кино был?

— Был. Но во время фильма там темно.

Вот так. Я приезжаю и на Бюро ЦК рассказываю о поездке. Все, конечно, хохочут:

— Владимир Ефимович, вы каждый раз какой-нибудь анекдот привозите.

— Поезжайте в Тирибиджан, вы там увидите наяву этот анекдот.

— Мы верим. Но надо же заметить…

— Дело тут не в лозунге, а в том, что он ходит только в президиум и больше никуда. Вот тебе и первый секретарь райкома, и его характеристика, на что он способен.

Конечно, в укреплении моего авторитета, в реализации многих начинаний мне помогали тесные связи с Москвой.

Ко мне Москва хорошо относилась, но я ей не давал покоя. И потом я пользовался тем, что я все же был бывший завотделом ЦК и напрямую звонил и секретарям ЦК, и в отделы ЦК. В Совмин СССР и к министрам я тоже запросто обращался, потому что многих знал лично, да и меня знали, так что многие работники Азербайджана, когда ехали в Москву, просили меня позвонить министру или кому-то из Совмина, чтобы их приняли и посодействовали в решении вопросов. Это я всегда делал.

Приходилось мне и конфликтовать с Москвой. В связи с бесконечными выступлениями Хрущева нас забросали из Москвы различными указаниями: обсудить на партийных собраниях, рассмотреть и дать отзывы. Я не выдержал, звоню в отдел ЦК:

— Вы хоть немного думайте, что вы делаете. Первичная парторганизация из-за ваших указаний не может свою повестку дня иметь. Вы уже на год вперед нам указали, что мы должны обсуждать на партийных собраниях. Ваше ли дело нам из Москвы диктовать, что мы на нефтеперерабатывающем заводе должны делать? Да у меня «воют» секретари первичных парторганизаций, секретари райкомов. Они не могут отчитаться, потому что и у нас есть отдел, аналогичный вашему, требует от них всяких сведений, справок по поводу того, «как прошли, как обсудили выступления Хрущева, какие выводы и предложения поступили от трудящихся». А где их наберешь, этих выводов, соображений, уже не говоря о том, что своих вопросов нет времени обсуждать?

Москва несколько умерила свой пыл.

Еще нам повезло, что хорошие кураторы у нас были: и по отделу парторганов ЦК партии — Старченко (мы с ним до сего времени в очень хороших отношениях), и по сектору Закавказья — Шиманский (потом он стал министром торговли России).

Потом я и сам бывал в Москве, и двери для меня ни у кого не были закрыты. Мне не надо было особенно пробиваться. Помогало, конечно, и бытовавшее тогда мнение, что я могу выйти прямо на Хрущева. Меня тогда считали «человеком Хрущева», буквально приклеили к нему. Каждый держал подспудно мысль: его куда-то там послали, а все равно он возвратится.

Так же думали и азербайджанцы. Это имело большое значение. Я не скажу, что злоупотреблял, но не отказывался воспользоваться этим для пользы дела.

Особенно это явно проявилось во время приезда Хрущева на 40-летие Азербайджанской Советской республики и 40-летие КП Азербайджана.

Торжество проходило на стадионе. Я весь план посмотрел, утвердил церемонию торжества. Все мне понравилось. Единственное мое предложение было: на самом поле посадить девушек шахматным порядком — чтобы занять его, потому что я предвидел, что жалобщики побегут через поле, а если будут сидеть девушки, то это будет сделать трудно — трибуна далеко, а поле занято.

Приезжаю на стадион за полчаса-час до торжества, а поле чисто.

— Где девушки?

— А Алахвердиев сказал; не надо девочек сажать. Некрасиво.

Что-либо делать было поздно. Как и следовало ожидать, только начался митинг, как, смотрю, через все поле бежит человек, размахивая чем-то и крича: «Никита Сергеевич, Никита Сергеевич!»

— Это что значит? — грозно спросил Хрущев.

— Да жалобщик бежит, Никита Сергеевич.

— Пусть пропустят.

Но с поля к трибуне не было прямого выхода, надо было обежать поле. Просителя нет и нет.

— Где он? — опять сурово спрашивает Хрущев.

— Так его ведут.

— Это ты придумал, — напустился он опять на меня, — это ты его не пропускаешь, заслоны везде наставил.

— Никита Сергеевич, пожалуйста, успокойтесь! Он просит квартиру.

— Откуда ты это знаешь?

— Почитаете сейчас его жалобу.

Буквально через минуту подходит Самашуйский, помощник:

— Никита Сергеевич, это с квартирным вопросом.

— Ну и интуиция. Ты что, читаешь мысли на расстоянии? — уже шутливо спросил Хрущев.

А при чем здесь интуиция, когда практика моей работы подсказала, что обязательно придут и с чем придут. Я таких просителей принимал уже сотни: от порога дома и до кабинета у 90 % просивших были квартирные вопросы.

Да и приходят они не по одному разу. Одной просительнице не выдержал и сказал (дважды ей квартиры меняли, а она третий раз пришла и опять «в положении», а у нее уже четверо детей):

— Ну ты подожди немножко. Мы не можем каждый год тебе менять квартиры, другие тоже очереди ждут.

— А-а-а, — вдруг завопила она. — Вы против рождения детей и роста народонаселения, против политики партии! — и ее понесло. Это было что-то ужасное.

Потом мы смеялись, но в тот момент мне явно было не до смеха.

Поэтому я знал, с чем побегут к Хрущеву.

После митинга я «выдал» Алахвердиеву, а он извинялся: признал, что «не учел такого варианта».

— А ты что учитывал?!

— Красоту.

— Вот тебе красота. Ты и получил «красоту». И я получил. Нас с твоей «красотой» чуть за Можай не загнали. А так сидели бы девушки, никто бы не побежал. Или побежал бы по дорожке, а там есть кому его за хвост цапнуть, никуда бы он не добежал, и крика бы не было.

Местные руководители даже на этом примере видели, что представители Москвы ко мне относились по-товарищески. Поэтому все удавалось решать более или менее прилично.

Именно в Азербайджане я увидел, что Советы не выполняют своих обязанностей по той причине, что подавляющее большинство вопросов партия взвалила на себя и тем самым подкосила Советы. Они выродились в придаток партийных органов, хотя по содержанию это должны быть органы трудящихся.

Солженицын сейчас говорит: мол, отстранили население от управления: И он правильно говорит.

Дело в том, что, постепенно набирая силу, партия считала, что ей необходимо знать все, что делается на территории района, области и т. д. Поэтому она не позволяла исполкомам Советов и

шагу сделать по собственной инициативе. Она заорганизовала все до такой степени, что Советы стали бессловесным придатком партийных органов.

Размышляя сейчас над всем, что происходило, я думаю, что когда-нибудь историки придут к выводу, что в условиях нашего государства, с учетом его огромной территории, многонационального населения, климатических условий и прочего, Советы — наилучшая форма управления.

И в то же время, я думаю, они согласятся с тем, что в самые тяжкие для Родины времена партия с полным основанием брала на себя ответственность за решение всех вопросов.

Другое дело, что она слишком увлеклась этим. Она должна была иметь первейшего помощника с очень большими правами — Советы и дать им возможность работать, не вмешиваясь в их дела.

Получив такую власть, секретарь райкома партии старался убрать сильного, умного председателя райисполкома, боялся конкуренции. Поэтому он подбирал и выдвигал такого «серого» председателя, который сидел бы у него в кармане и из кармана выглядывал.

Отношения между партией и Советами нужно было по-умному и хорошо отладить. А ситуация доходила до абсурда заведующему отделом обкома партии ничего не стоило вызвать к себе заместителя председателя облисполкома и отчитать его. Например, даже инструктор ЦК партии Украины отчитывал министра. Я столкнулся с такой ситуацией, когда работал заместителем председателя Совмина Украины. Приходилось звонить секретарю ЦК:

— Слушайте, до каких пор министров будут отчитывать инструкторы? Или вызывать министра к себе? Где, в каком уставе записано это его «право»?!

А ведь дело-то доходило до того, что за таким инструктором ЦК, курирующим какую-то отрасль, министр закреплял машину этого министерства, а иногда и свою собственную. Мне жаловался на такой произвол министр автомобильной промышленности: «Моей машиной инструктор пользуется. Я — не вправе». Партийные чиновники такого рода нахально превратили свои должности в откровенную кормушку.

Партия должна была бы заняться идеологией и лишь направлять работу по решению экономических вопросов. А она затмила весь божий свет: все лучшие кадры — в партии, лучшие специалисты — в партии, в ЦК и обкомах, и лишь остатки или неугодных посылали в Советы.

Это сказывалось даже на обеспечении работников ЦК и работников Советов, например, в Азербайджане: касалось и

квартир, и отдыха, и пользования поликлиниками, больницами, да и в заработной плате иногда была разница. Правда, Советы добивались «подтягивания» зарплаты, но этого надо было уже добиваться. То есть их сделали, к великому сожалению, второстепенным органом.

Пожалуй, только санатории, которые были в ведении Четвертого управления Министерства здравоохранения, обслуживали и правительство, и ЦК партии на одинаковом уровне.

Другим пороком была чрезмерная заорганизованность — надоевшие всем торжества, годовщины, юбилеи вместо живого общения непосредственно с людьми.

Это особенно бросалось в глаза после работы в комсомоле. Поэтому я по старой своей традиции старался больше встречаться с людьми на местах. Интересны были встречи с рабочими, например, на Нефтяных камнях. Это был народ, увлеченный своей профессией, инициативный.

Азербайджан, как и Среднеазиатские республики, Армения и Грузия, был особо поражен коррупцией.

На встречах со мной, на приемах в ЦК люди говорили мне о взяточничестве высших чиновников. Как реагировать? Ведь взятку не установишь, если за руку не поймаешь.

Но часто и доказательств особых не надо было. Например, у нас, секретарей ЦК, зарплаты одинаковые. У меня детей двое, у них по пять-шесть, а размах жизни куда богаче. В общем, видно было, кто из какого кармана какие деньги доставал, какие машины заводил.

В моем ведении была и судебная система. Собрался я как-то в Верховный суд на партийное собрание. А мне завотделом административных органов ЦК говорит:

— Будете на том партсобрании, поинтересуйтесь, почему там весь внутренний двор так заставлен личными машинами, что председателю суда государственную машину негде ставить.

И вот я на партсобрании выступаю и, помимо всего прочего, говорю:

— А теперь давайте поговорим о вашей честности, о вашей бескорыстности как членов Верховного суда республики. Я извиняюсь за такую лобовую постановку вопроса. Я второй секретарь ЦК партии, жена у меня кандидат наук, доцент института, у меня всего двое детей. У каждого из вас, насколько мне известно, не меньше четырех детей. Жены у вас не доценты, не кандидаты, и зарплата у вас поменьше моей, ну не в два раза, но на треть меньше. Но у каждого из вас машина, а у меня — нет.

Я не могу ее купить не потому, что не люблю такой способ передвижения, а потому, что нет возможности. Это дорогое удовольствие.

Уже анекдоты ходят по городу, что машины членов Верховного суда заняли весь внутренний двор, а председателю негде служебную машину ставить. Позвольте мне думать, что вы не на зарплату все это имеете, что у вас есть какие-то побочные доходы, но вы о них-то ничего никому не говорите. А вы все коммунисты. В партбилет вы какую записываете зарплату?..

Они все сидят, головы опустили. Но промолчали.

Я потом пришел к Ахундову:

— Ждите: завтра-послезавтра, наверное, будут возмущения.

Проходит неделя, месяц. Никто из них не обратился с жалобой, что я кого-то оскорбил, ничего подобного.

Да, республика была очень серьезно поражена коррупцией.

К примеру, я столкнулся в Баку с таким явлением (а это наблюдалось и в Узбекистане, и во всех хлопковых республиках): завод должен переработать тот хлопок, который вырастили и завезли за сезон. Но ни один завод полностью не перерабатывает хлопок, не зачищают остатки до конца. Ожидают, когда новый хлопок поступит, чтобы накрыть остатки и не дать, как говорят, подвести баланс и выяснить, сколько же приписано было хлопка и сколько переработано. А это ведь немалые деньги шли в карман тех, кто в этом участвовал.

Правда, когда удавалось такое выявить, наказывали строго. Это сейчас — объявят, нашумят, а до конца не доведут. Да и масштабы воровства, прямо скажем, теперь космические. Тогда были поскромнее.

Помню, когда я работал в КГБ, возникло «дело Рокотова». Мы всего-то насчитали тогда двести тысяч у одного и где-то сто пятьдесят тысяч у другого коррупционера. В ту пору это считалось хищением в особо крупных размерах, каралось по закону вплоть до расстрела. Одного и расстреляли тогда по суду. Доводили дело до конца.

В те годы остро ставился вопрос о развитии мясного производства, скотоводства; в Азербайджане даже насильно заставляли разводить свиней. Правда, нанимали для этого русских или украинцев, где-то отводили в степи кусок земли. В аул, в деревню не пускали, потому что по мусульманским обычаям свинья — грязное животное.

Я в колхоз какой-то приехал, и председатель мне рассказывает, что заколол несколько свиней, продал мясо, привез распределять на трудодни деньги, а один старик встает и говорит: «Ты мне эти грязные деньги не давай, вот когда будут

другие, тогда дашь».

Ходишь, бывало, по колхозу. Хозяин зовет обедать домой — у него во дворе одних цесарок бегает штук сорок, не говоря о гусях, курах, утках.

При Советской власти жили хорошо. А сейчас, думаю, деньги имеют только те, кто занимается торговлей.

Я их вижу у нас в Москве на рынке. Некоторые на английском языке свободно разговаривают — бывшие инженеры, кандидаты наук, а торгуют здесь уже не первый год. Они все со мной здороваются, потому что знают, что я работал в Азербайджане, зазывают:

— Папаша, подойди, что тебе надо — возьми, по дешевке отдаю.

А сам загибает цены, не дай бог. Торгует картошкой, свеклу продает и морковь. Откуда в Азербайджане картошка? Он перекупает здесь, у местных, и не дает возможности подмосковному крестьянину торговать.

Зарабатывают они много, но хорошей жизнью это тоже не назовешь: от хорошей жизни не бросают родные дома, не торгуют на английском языке картошкой за тридевять земель.

Я регулярно посещал бакинскую оперу. По понедельникам у них выходной, и, как мне рассказали, они там организовывали концерты мугамной музыки. Увидев однажды объявление, я решил заехать.

Раньше я уже слышал об этом пении. Эта простонародная музыка исполняется обычно на пастушечьих угодьях, на пастбищах. И там, как мне рассказывали, не обходится без наркотиков — курения анаши. Мы уже раскрыли пару кланов, которые занимались сбытом анаши и перевозкой ее из Средней Азии. Дикую коноплю перерабатывали и пересылали в Дагестан, а оттуда перевозили к нам. Распространением, продажей анаши занимались обычно древние старухи. Каждая папироска стоила по рублю, так же, как и пучок травы. Накурившись, начинали обычно во время пения что-то выкрикивать, подбадривая друг друга, и получался такой полубредовый крик и монотонные завывания вместо пения. Но это обычно не в залах делается, а в степи, а тут — в опере. Я говорю своему водителю Ивану:

— Давай завернем, посмотрим, что это за концерт мугамной музыки. Что-то никто ни разу меня на такой концерт не приглашал.

Зашел я в правительственную ложу и за занавесочкой сел. В зале и на балконе немного народу, не более ста зрителей. Выступали ведущие артисты (а у них и некоторые оперные

артисты исполняли мугамную песню).

И вдруг — из зала какие-то нечленораздельные крики. Смотрю, а в зале дымок стоит. И это в оперном театре! Посидел, послушал…

На следующее утро звоню Назыму Гаджиеву. Назыма, секретаря ЦК партии по идеологии, я знал давно, еще с начала пятидесятых годов, когда его при Багирове на съезде комсомола избирали первым секретарем ЛКСМ республики. Это давало мне право через десять лет после первого нашего знакомства так откровенно с ним разговаривать:

— Назым, это что за концерт мугамной музыки в опере?

— По просьбе трудящихся.

— Ты хоть раз был на этих концертах?

— Да был я когда-то, но не в опере.

— А в опере ты был на концерте мугамной музыки? Дело ведь не в концерте, не в исполнении. Да, это народная музыка, народ ее любит, пожалуйста, исполняйте. Но ты знаешь, что в это время в зале делается? Ты видел, что зал, а особенно балкон, весь в дыму от курения анаши? Там же наркоманы! А все эти завывания, выкрики и все прочее ты слышал? Ты же парень с головой, должен соображать. Имей в виду, я не против концертов мугамной музыки, а против того, чтобы вы превращали оперный театр в хлев, и если уж вы так стараетесь что-то сделать для народа, то обеспечьте культуру проведения таких концертов. А то после вчерашнего вечера два дня оперный театр проветривать надо. Нельзя путать оперный театр с пастбищем.

Любил я ходить в театр русской драмы, просмотрел все спектакли, которые там шли. Этот театр пользовался большим успехом — всегда был переполнен, и билеты было трудно купить.

Помню, приезжали на гастроли к нам московские театры. Гастролировал у нас и Харьковский театр русской драмы. Хороший, добротный театр. Я у них пересмотрел весь репертуар.

В азербайджанский театр я не ходил, потому что без перевода ничего не понимал, а перевод слушать мне было неинтересно.

В свой азербайджанский театр бакинцы сами редко ходили. И опера не всегда была заполнена, может быть, потому, что по составу не очень сильной была. Магомаев тогда еще не пел, он только-только начинал в ансамбле пограничников. Я, помню, отругал нашего министра культуры за то, что такого талантливого парня не посылают учиться.

При мне начал свои выступления Бюль-Бюль оглы. Еще отец его был жив, и они друг другу по очереди аккомпанировали и пели. Ему тогда было лет 15. Отец его в старой азербайджанской опере пел женские партии — тогда все женские роли мужчины

исполняли. Это правилом было для всех мусульманских стран. А теперь Бюль-Бюль оглы стал министром культуры Азербайджана.

Любил я музыку Кара-Караева. Он был очень тогда популярен в стране. Его балеты «Семь красавиц» и «Тропою грома» ставили во многих театрах Союза.

У меня были хорошие отношения со всеми. Но, будучи знаком со многими выдающимися деятелями культуры Азербайджана, относясь к ним с глубоким уважением, а подчас и восхищением, я не искал тесных контактов с ними, потому что с этой публикой аккуратно нужно себя вести. Иначе можешь попасть в неприятную историю.

Что касается ученых, работников высшей школы (в Баку было более десяти высших учебных заведений, среди них наиболее крупные — университет, нефтяной, медицинский институты), то здесь у нас общение были самое широкое, самое активное. Прежде всего по вопросам развития образования, финансирования, создания условий для работы преподавателей, жизни студентов. Подавляющее место занимали хозяйственно-финансовые вопросы.

Там, безусловно, сильная техническая интеллигенция, прежде всего нефтяники. Ведь подавляющее большинство руководителей нефтяной и газовой промышленности — выходцы из Азербайджана. Это они потом осваивали татарские месторождения нефти, активнейшим образом участвовали и в первоначальной разработке Тюменского месторождения.

Секретарем ЦК по промышленности был Энвер Назарович Алиханов. Настоящий нефтяник и хороший человек. Он потом все-таки получил Ленинскую премию за освоение Нефтяных камней и позвал в гости всех секретарей ЦК — одних мужчин. Женщин не было. Меня поразило тогда поведение его жены: она только приоткрывала дверь, просовывая новые блюда и забирая грязные тарелки. Наконец я не выдержал, с трудом зазвал ее в комнату, и мы выпили и за ее здоровье.

Долго не мог успокоиться: даже у секретаря ЦК и такого крупного инженера, интеллигента, каким я его считал, так сильны мусульманские традиции.

Членом Бюро ЦК и председателем Совнархоза был Визиров — тоже крупный руководитель нефтяной промышленности и ученый..

Прекрасным руководителем был и председатель Бакинского горисполкома (Баксовет) Лемберанский — крупный строитель и хороший хозяйственник. Очень деятельный человек. В городе вел широкое строительство, набережную обустраивал. И все у него

спорилось, вплоть до голубятен — сделал на проспектах такие красивые многоэтажные голубятни, чтобы птицам было где приютиться.

Дельным секретарем горкома был Тофик Алахвердиев.

А вот армян, хотя их была почти треть населения города и республики, в руководстве было мало — их не очень-то выдвигали. Скорее русского выдвинут. В Совете Министров Азербайджана был всего один армянин — министр строительства. В ЦК партии лишь один армянин — завотделом ЦК. Больше армян я не помню.

В Баку тогда состоялось мое знакомство с Г.Алиевым. Он занимал должность начальника отдела контрразведки. При мне его выдвинули на этот пост. Я занимался кадрами, а его должность входила в номенклатуру ЦК партии — поэтому я с ним и встретился.

Вижу, вроде парень ничего, но перед утверждением было получено анонимное письмо о том, что у него где-то есть женщина с ребенком, на которой он не женился, бросил без помощи, завел другую семью, что морально он недостоин и пр. Пришлось поинтересоваться, посмотреть.

Ну, в общем, и правда, и нет. Правда — что так было на самом деле, а нет — что сама женщина слишком добивалась, чтобы он мужем стал; поэтому кто там прав, кто виноват — трудно сказать. Тем более что Алиев сказал при встрече: он не убежден, что это его ребенок. Поэтому мне надо было занимать позицию такую: или новую семью разрушать (и там не склеишь, и тут разрушишь), или закрыть на этот факт глаза, тем более что там брак не был официально зарегистрирован.

Короче — утвердили.

Потом, через некоторое время, появилась у нас вакансия генерального прокурора. Мне снова говорят, что можно рассмотреть кандидатуру Алиева на эту должность. Но в беседе со мной он честно сказал:

— Владимир Ефимович, я не юрист по образованию, я оперативный работник. Кончил школу оперативную, поэтому я не хочу браться за эту работу — могу подвести и вас, и себя, и дело пострадает.

Мне тогда понравилась его позиция, и я его оставил в покое.

А когда я возглавил КГБ, мне представляют Алиева на утверждение уже заместителем председателя Комитета ГБ в Азербайджане. Ну и, конечно, снова появляется это дело о его внебрачной семье и ребенке.

Тут я кадровикам сказал, что я этот вопрос уже изучил: «Если

у вас есть новые факты — давайте, если нет — утверждайте». И он стал заместителем председателя КГБ республики, обязанности которого тогда исполнял С.К.Цвигун.

То, что с ним произошло позже, это уже смесь и восточного, и мусульманского, и кавказского — всего на свете.

Г.Алиев оказался человеком, который умел расположить к себе начальство: и уловить его настроение, и вовремя подарки преподнести. Так он втерся в доверие к Брежневу. Да еще ему помог Цвигун, который был близок к Брежневу.

Кстати, супруга Алиева возглавляла медицинский институт, и после ее смерти ей присвоили звание академика. Хоронили ее с необычайными почестями. Я как раз попал в Баку, уже будучи заместителем председателя общества «Знание», и мне показывали газеты — «Бакинский рабочий» и другие, где целые страницы были посвящены супруге Алиева.

После ухода Цвигуна Алиев занял его место, а потом перешел в ЦК и возглавил КП республики. Конечно, его прошлое чекиста несколько наводило страх на азербайджанцев, и он пользуется этим до сего времени.

Сейчас он то покушения на себя организует, то заговор какой-то, то арестует министра или бывшего председателя Совмина. На них с Шеварднадзе (тоже из бывших чекистов) все время вроде бы покушаются.

Недавно я слушал и читал Игоря Георгадзе, сына бывшего первого секретаря компартии Грузии, который рассказывает об этих покушениях. Он заявил, что его оскорбляет единственное: его обвиняют в двух покушениях, и ни одно не сработало. «Но я же, — резонно говорит он, — высококвалифицированный специалист, я окончил Высшую школу КГБ и высшие диверсионные курсы КГБ. И чтобы я вот так бездарно организовал покушения, этого просто не может быть! Именно это меня и оскорбляет. Взрывается машина, чуть ли не пятьдесят килограммов взрывчатки, и у Шеварднадзе только царапины на лбу. Как это может быть? Второй раз стреляют из миномета по машине чуть ли не семнадцать раз — и все в целости и сохранности уезжают. Что вы, я не мог бы так бездарно и так непрофессионально все это сделать». И он правильно говорит.

Баку — интернациональный город. С русскими все — и азербайджанцы, и армяне — жили очень мирно и спокойно. Они, скорее, поссорятся друг с другом, чем с русскими. И я чувствовал себя там неплохо. Бывали иногда курьезные случаи. Например, во время обеда члены Бюро ЦК, случалось, вдруг переходили на азербайджанский язык. Мы переглянемся с генералом:

— Это вы нас обсуждаете?

— Как — вас?

— Тогда, значит, секреты от нас появились?

— Ох, извините, мы просто увлеклись и перешли на азербайджанский.

Пошутим по этому поводу, и все. Мы чувствовали, что это не специально.

Я наблюдал и за жизнью русских в Азербайджане, в Баку. Никогда не слышал жалобщика, который бы сказал что-то вроде: «У нас директор завода — русский, нас притесняет, потому что мы азербайджанцы». Ни армяне, ни азербайджанцы не жаловались на русских.

Хорошо относились и к нашим морякам, солдатам. В Баку была расположена Каспийская флотилия, моряков много. Я с ними был достаточно близок, бывал у многих и дома. Они чувствовали себя среди местных жителей вполне комфортно, их ни в чем не ущемляли. Там даже представить было невозможно ситуацию, типичную для Прибалтики: в магазине задаешь вопрос по-русски, а продавец отвечает на латышском. В Азербайджане, в Баку этого никогда не было. Если на русском спрашивают, то на русском и отвечают, на ломаном, может быть, ответят, но ответят по-русски. И никогда не будут издеваться, противопоставлять себя русским. Русские там хорошо уживались — многие женились на местных девушках и оседали в республике.

Провожали меня из Азербайджана тихо, спокойно. У меня по-настоящему и проводов-то не было, так как я уехал на XXII съезд партии. Мне накануне сделали операцию, сидеть на съезде после операции было тяжко, но ничего не поделаешь. А после съезда я уехал в Барвиху отдыхать, тем более что в отпуске до этого не был.

Вернулся в Баку уже после утверждения меня председателем КГБ. Тут уж встречало само руководство. Потом Ахундов собрал аппарат ЦК и устроил хорошее прощание. Я высказал им все свои добрые чувства, пожелания. Они мне тоже наговорили много хороших слов.

Мы с Ахундовым были в добрых отношениях. По всем принципиальным вопросам всегда находили общий язык. Человек высокой культуры, он прекрасно представлял республику на самом высоком уровне. Если же иногда у меня возникали какие-то претензии, я оставался после заседания Бюро ЦК и говорил: «Вы либо исправляйтесь, либо я вынужден буду поправлять вас, чего бы мне не хотелось делать». И мы всегда договаривались.

Он никогда не выражал недовольства моими действиями при

людях, но и я при членах Бюро или при народе никогда не позволял себе открыто сказать, что он не прав, никогда не высказывал своего несогласия с его мнением. Я мог сказать, что «над этим надо еще подумать. Это не окончательный вариант, мы еще обсудим этот вопрос». И все — я закрывал вопрос.

После отъезда из Азербайджана я не забывал бакинцев и, когда нужно было провести совещание работников КГБ Закавказья, предложил собрать его в Баку. Прошло оно успешно. Ахундов всюду сопровождал меня. Помню, я тогда поинтересовался у него: как, мол, Цвигун?

— Да, Владимир Ефимович, Цвигун-то, ладно, бог с ним, вот Роза Михайловна, жена Цвигуна, она здесь царствует.

А я знал, что Цвигун и стал близок-то к Брежневу через Розу Михайловну. Когда Брежнев был в Молдавии первым секретарем ЦК партии, а Цвигун — заместителем председателя КГБ в Молдавии, Роза Михайловна сумела расположить к себе неравнодушного к женщинам Брежнева. Я видел ее в Баку мельком раза два.

Цвигун был туповатый, хоть он и писал сценарии и по ним создавались фильмы, например, «Фронт без флангов». Я не знаю, сам ли он писал или Роза Михайловна там старалась. Она ведь была сотрудником «Огонька», и я думаю, что больше все сочинялось там, в редакции.

Меня потом и Елистратов упрекнул:

— Ну ты и наградил нас председателем КГБ.

— А почему?

— У него же на лице написано, что он, кроме букваря, в руках ничего не держал.

У него действительно был такой внешний вид…

Перед совещанием я прилетел вначале в Тбилиси, где меня на аэродроме встречали все три председателя КГБ Закавказья. Я прилетел туда на нашем специальном кэгэбистском самолете, который подрулил к одиноко стоящему домику, рядом с которым находились все три председателя. Как и я, председатели КГБ Грузии и Армении были в гражданской одежде, только Цвигун — в генеральской форме и длиннющей шинели. Когда я к ним подошел, он чеканным шагом двинулся ко мне и во весь голос начал рапортовать. Все это происходило недалеко от центрального аэровокзала. Я был вынужден ему в ответ честь отдать, а сам говорю: «Прекратите». Он не слышит, рапортует громким голосом, пока я его не оборвал:

— Ты чего полез отдавать рапорт? Я же не на твоей земле, а

на грузинской.

— Но совещание же у нас. Я должен был…

Махнул я рукой.

И потом уже в Баку, куда бы ни поехали (а передвигались мы в старом «ЗИСе»: мы с Ахундовым — сзади, Цвигун — впереди), где бы мы ни останавливались, он в генеральской форме выскакивал и бросался открывать мне дверцу. Раз, два, потом мы заехали в особняк, где я жил, и он снова выскочил открывать. Терпению моему пришел конец:

— Ты что, в холуя превратился? Думаешь, я сам не смогу дверцу открыть? Да если б мне надо было дверцу открывать, я бы попросил не тебя, а рядового или сержанта. Ты ж генерал. Как тебе не стыдно перед людьми? Водители смотрят. Ты себе цену-то знаешь или нет?

Ну, отчитал я его. Ахундов тоже отвел его в сторону и поговорил с ним, объяснил: мол, Владимир Ефимович здесь работал, он не позволял себе таких вещей, а вы зачем же так себя ведете?

Вот такой, топором сделанный был парень…

Когда я работал в Азербайджане, Ахундов стоял очень высоко. А когда я приехал от общества «Знание», его уже освободили от всех постов и вовсю поливали грязью: началась «перестройка», камни летели в кого попало.

В Баку уже, как мне рассказали, никто не поворачивался в его сторону. Узнав об этом, я немедленно поехал к нему на квартиру, и со мной вынужден был поехать республиканский председатель общества «Знание».

Как же радостно он нас встречал! Супруга у него умерла, и принимала нас его дочь, которую я хорошо знал, так как наши дачи в прежние времена были рядом. Встреча была очень трогательной. Председатель республиканского общества «Знание» вынужден был пригласить его к себе на ответный обед. Ахундов был на седьмом небе, хотя он был уже тяжело болен. Его дочь мне потом говорила с радостным удивлением: «От нас, как от прокаженных, отворачиваются. И вдруг — вы! И никого не послушались — просто сами приехали!»

Такая вот у меня была с ним последняя встреча…

Работа в Азербайджанской республике, эти два года и четыре месяца, что я там пробыл, многое мне дали. И не только в смысле познания самой республики, ее обычаев, взаимоотношений между людьми. Я узнал там много приятных, хороших и воспитанных людей, которых до сих пор вспоминаю с удовольствием.

Я следил за развитием Азербайджана и радовался, что он вошел в первую пятерку союзных республик, обогнав по промышленному уровню Грузию, Армению и Среднеазиатские республики. Наверное, в этом был и мой небольшой вклад.

Время работы в Азербайджане — достаточно короткий период моей биографии, но заметный. Я получил определенный толчок в своем развитии, обогатился опытом работы с национальными кадрами, что мне потом, конечно, пригодилось.

Годы знакомства со Среднеазиатскими республиками в период освоения целины побудили меня посмотреть на политику, проводимую центральными московскими органами, как бы извне.

Уже в Баку я ощутил признаки недовольства некоторыми методами хрущевского руководства. Функционерам более низких уровней не нравились частые и длинные выступления Хрущева, во время которых он занимался импровизацией, уходил мыслью в заоблачные выси и обрекал тем самым специалистов на тяжкие размышления о том, как возвышенные мысли замечтавшегося первого секретаря уложить в русло практики. Только из Москвы последует одно указание, как за ним спешит другое. Низовые организации не успевали обсуждать их и тем более анализировать и претворять в жизнь.

В сельском хозяйстве и в промышленности в то время стало часто появляться слово «реформа». Призывали к реформам, готовились к реформам, проводились реформы, критиковались реформы. Необходимость реформирования сельского хозяйства ощущалась уже давно. При Сталине деревню буквально обобрали, из нее выжали все, что только могли, но не спешили возвращать ей долги. Плохое состояние сельского хозяйства оказывало влияние на всю экономику.

К концу пятидесятых — началу шестидесятых годов Хрущев сделал немало позитивного для развития сельского хозяйства. Если вспомнить, до чего довел сельское хозяйство Сталин, то понятно, почему Хрущев как человек и политический деятель проявил себя именно в этой области. Я бы даже сказал, что из всех когда-либо возглавлявших Советское государство руководителей Хрущев больше всего думал о селе. Его имя в наибольшей мере связано с крестьянством, с сознанием необходимости обеспечить население продовольствием. Еще со времен Гражданской войны Хрущев понял, что одна индустриализация, как бы ни была она необходима, не сможет дать для страны и её граждан полного удовлетворения потребностей. Благосостояние общества немыслимо без обеспечения населения качественным продовольствием.

Он изменил систему оплаты труда, увеличил инвестиции, изменил подход к планированию, улучшил положение с кадрами. Были, понятно, и неудачи. Провалилась кампания по выращиванию повсюду кукурузы как основы кормовой базы. Под давлением из центра работники села были вынуждены отводить под эту культуру самые лучшие земли, в результате чего пострадали все остальные культуры.

Хрущев действительно попытался ослабить власть центра, однако дальше попыток дело не пошло. Постепенно вновь стали принимать множество различных дополнительных инструкций, и вся зарождавшаяся на местах инициатива снова заглохла.

Положение в промышленности тоже было нелегким. Хотя в 1957 году мы и потрясли мир, отправив в космос первый спутник, а затем последовал столь же знаменательный полет Гагарина, дело внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство по-прежнему хромало.

Бюрократическая система душила ростки нового. Верховный Совет работал совершенно формально. Здесь не проходило никаких дискуссий, а если и случалось нечто подобное, то, какие бы соображения ни высказывались, на деле это никак не отражалось: план, как правило, был уже принят.

В октябре 1961 года в Москве состоялся внеочередной, XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Одним из событий, которое мне запомнилось, было захоронение тела Сталина. До того времени Сталин лежал рядом с Лениным в Мавзолее на Красной площади. О предстоящем событии мало кто знал. Решение принималось узким кругом руководства. Делегаты съезда одобрили это решение.

Останки Сталина были похоронены у Кремлевской стены ночью при свете прожекторов. Надпись на фронтоне «Ленин — Сталин» удалили, оставив лишь одно имя — Ленин. Внутри Мавзолея посередине зала, там, где проходила линия, разделявшая два гроба, отныне находился один саркофаг — с телом Владимира Ильича Ленина.

На утро следующего дня никакой заметной реакции общественности не последовало. Появились только любопытные — посмотреть, как стал выглядеть Мавзолей.

Однако нельзя сказать, что на погребение Сталина народ вообще не обратил никакого внимания. Приходили письма от несогласных с решением людей, в них отмечалась огромная роль Сталина в исторической победе над фашистской Германией.

Долго никто не хотел брать на себя ответственность за установку давно готового бюста. В течение многих лет могилу

Сталина украшали цветы. Каждый день — свежие…

На пленуме, состоявшемся после съезда, Александра Николаевича Шелепина избрали секретарем Центрального Комитета партии. Этот пост был выше, чем тот, что он занимал, будучи во главе КГБ. Ему было поручено возглавить Комитет партийно-государственного контроля, и, кроме того, его назначили заместителем председателя Совета Министров СССР.

После съезда я поехал отдыхать в подмосковный санаторий «Барвиха». Я уже радовался, что наконец-то как следует отосплюсь, да и подлечусь после операции. Но надежды мои оказались преждевременными.

В первую же ночь мне позвонил Шелепин:

— Будь завтра утром в Москве, и все, что привез с собой, прихвати также.

— Так я только что распаковал чемодан!

— Запакуй снова, — был короткий совет.

На мой вопрос, что все это значит, ответил уклончиво:

— Узнаешь утром у товарища Козлова в Москве.

Остаток ночи я провел в размышлениях о том, что меня ждет. Заинтригован был основательно.

На следующее утро я был в кабинете Козлова. С первых же слов стало ясно, что ничего неприятного не грядет — уж слишком дружески начал со мной разговор Фрол Романович. Козлов сразу перешел на «ты»:

— Как тебе известно, Шелепин опять переходит к нам в ЦК. Президиум Центрального Комитета рекомендует тебя председателем КГБ вместо него.

У меня перехватило дыхание.

— Возражать бессмысленно, — с ходу оборвал Козлов мою попытку что-то сказать. — Все решено. В четыре часа дня тебе надо быть у Никиты Сергеевича, — и на этом со мной распрощался.

Я ожидал всего чего угодно, но только не этого. КГБ нельзя было сравнить ни с чем в моей прошлой политической жизни.

Я поспешил к Шелепину. У того было полно работы, и он не мог уделить мне много времени. Мы выпили чаю, я поострил по поводу его конспиративных методов, того, что снова иду по следам, которые он проложил, высказал свою тревогу.

Для деталей времени не оставалось.

— Не бойся, — сказал он мне на прощанье. — У меня в свое время были такие же чувства. Это нелегкая работа, но ничего страшного в ней нет. Это политическая должность.

В четыре часа я предстал перед Хрущевым в его кабинете.

Мне было тридцать семь, ему на тридцать больше. Он подал мне руку и сказал:

— Я же говорил вам, что надо поработать в областном или республиканском комитете партии, а уж потом занять большую государственную должность.

— Такая высота мне представляется опасной, — сказал я ему прямо. — Представить не могу, что я там буду делать.

— Шелепин там начал расчищать, а вы продолжите, — последовал ответ.

— Я не профессионал, не специалист, — взмолился я.

— А мы и об этом думали. Профессионалов там и так более чем достаточно. Не раз мы уже на них обжигались, они дров наломали столько… Нам нужны политики, люди, которые проводили бы в КГБ партийную линию: честные, добросовестные, на которых партия может полностью положиться и с которыми может быть уверенной, что они не заведут ее в сложные лабиринты, как уже было раньше. Инструкций и конкретных советов давать вам не буду. Шелепин все вам скажет, знает дело лучше меня. Так что вопрос решен. Советую согласиться. Президиум ЦК единогласно поддерживает ваше назначение.

Дома меня ждала с нетерпением жена, а вместе с ней брат и сестра, жившие в Москве.

— Ну как? Какие новости? — накинулись они на меня прямо у дверей. Особенно горела нетерпением сестра.

— Меня назначают председателем КГБ.

Настала гробовая тишина.

— Шутишь?.. — сказала наконец сестра.

— Нет, говорю совершенно серьезно, — заверил ее я.

Остальные продолжали немо сидеть, не зная, что сказать.

Только сестра покачивала головой и негромко повторяла:

— Ты вместо Берии… Подумать только! И ты будешь решать такие же вопросы, что и Берия?

Знал бы я тогда, что ответить…

Лубянка

Если бы я попытался более точно описать те чувства, которые испытывал в начальный период своей работы в должности председателя КГБ, я бы сравнил их с теми, что переживает человек, плывущий по морским волнам при помощи спасательного круга. Хотя и есть у такого пловца надежда выбраться на берег в целости и сохранности, однако хозяином положения его никак нельзя назвать, потому что в значительной мере его судьба зависит от воли случая.

Сознание того, что мне предстоит стать продолжателем Берии, Ягоды, Ежова и им подобных, не давало мне поначалу спокойно спать. Я размышлял обо всем, в чем они были виноваты. И чем дальше, тем больше осознавал, что с моим приходом в тот же самый кабинет, где в свое время они вершили свои дела, часть того негативного груза, который они взвалили на КГБ, в глазах общественности будет отныне связываться и с моим именем.

Часть их деяний была уже разоблачена. Я не мог нести ответственности за их провинности. После разоблачения Хрущевым культа личности Сталина партия взяла совсем иной курс. Однако меня тревожило то, что я еще не настолько понял суть своей новой работы, чтобы с уверенностью сказать себе: ничего подобного никогда не повторится. Себе же я дал клятву, что не допущу ни на йоту того, что практиковалось в сталинские времена.

Однако в деятельности своих предшественников я тем не менее искал и зерна полезного опыта. Я имел в виду тех, кто был здесь до Шелепина. Прежде всего Ф.Э.Дзержинского.

Дзержинский, памятник которому стоял на площади за окнами моего кабинета, относился к выдающимся вождям Великой Октябрьской социалистической революции. С 1917 года он возглавлял Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем — знаменитую ВЧК.

В декабре 1922 года ВЧК была преобразована в ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР), а еще позже — в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при Совнаркоме), которое возглавлявший его Менжинский включил в состав НКВД.

И в работе Дзержинского можно найти много недостатков. И при нем имело место насилие. Однако судить о репрессиях его времени — дело довольно трудное. Свирепствовала Гражданская война, империалистические страны начали военную интервенцию. Тогда было жизненно важно восстановить само

(государство и органы власти, необходимые для его функционирования.

Создание советской секретной службы было поручено Дзержинскому как партийное задание. Находясь во главе ЧК, он проявил понимание и умение решать общегосударственные задачи.

Особая страница в жизни ВЧК и Дзержинского — борьба с детской беспризорностью. Беспризорных детей, родители которых погибли в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, было бесчисленное множество. Детские банды нападали на людей, грабили и убивали. Тысячи детей ночевали на вокзалах, бродили по улицам и площадям, высматривая свои жертвы.

Но эти дети и сами были жертвами, и их надо было спасать. Ленин поручил это Дзержинскому. Чекисты начали собирать их в детские трудовые колонии, куда воспитателями были привлечены умные, талантливые педагоги. В колонии известного педагога Макаренко детям было предоставлено самоуправление. Труд, учеба заполнили пустоту в детских душах. Медленно, но неуклонно уровень криминальности пошел на спад. А бывшие беспризорники возвращались к нормальной жизни. Многие из них стали достойными гражданами, которыми потом гордилась страна…

То, что делал Берия, когда он руководил НКВД, является полной противоположностью деятельности Дзержинского. Черные дела этого человека еще были живы в памяти людей.

Берию отстранили от власти и казнили столь поспешно, что сегодня при анализе и оценке событий минувших лет стали возможны спекуляции в его пользу.

После распада Советского Союза имели место попытки даже представить его как прогрессивного политика, реформатора и чуть ли ни человеколюбца.

Этому служат в известной степени некоторые документы за подписью Берии. Например, решения в отношении структуры органов безопасности, некоторые хозяйственные меры, шаги, предпринятые в системе образования. Берии приписывают заслуги в развитии атомной и топливной энергетики Советского Союза. Однако мало кто из авторов подобных утверждений задумывается о том, какой ценой за все это расплачивался народ.

Правда, не все, что Берия подписывал, рождалось в его голове. Материалы для принятия решений готовились аппаратом образованных людей — юристов, техников, ученых. Это те люди, которые тоже приложили руку к созданию печально известных «троек», на совести которых многочисленные фальсификации

судебных расследований и допросов.

Уместно напомнить, что, когда Берия возглавлял работы в области атомной энергетики, немалое значение для развития исследований и производства в этой сфере имела и личная заинтересованность в них Сталина. Основной заботой Берии были здесь, главным образом, поддержание дисциплины, выполнение планов и соблюдение назначенных сроков.

Все его шаги были старательно просчитаны конъюнктурными ходами. Он заботился в первую очередь о том, как увеличить свое собственное влияние и достичь еще большей власти. Например, в то время, когда Берия отвечал за безопасность, на Украине велась борьба против националистов. Особенно активно бандеровцы орудовали в западной части республики, сея ужас среди мирного населения своими расправами.

В это время Берия в своих письмах (это стало известно уже после смерти Сталина) вдруг стал критиковать украинские партийные органы за «слишком жесткую позицию» по отношению к бандеровцам. Столь же «благосклонно» и «либерально» он относился к националистам Белоруссии и Прибалтики. Писал он и о чрезвычайной русификации местного населения, о небрежном, грубом отношении к местной национальной культуре, языку.

Он также хотел, чтобы Советский Союз отказался от контроля за развитием обстановки в Германской Демократической Республике.

Может быть, он был демократом и интернационалистом? Разумеется, нет. Он просто пытался обелить себя, снять с себя ответственность за содеянные им преступления. Берия был безжалостным карьеристом — в этом я твердо уверен. Но при этом он был не настолько глуп, чтобы не понимать, что придет час и его призовут к ответственности…

Я хотел бы еще упомянуть Ягоду и Ежова — предшественников Берии. Ягода руководил НКВД в 1934–1936 годах, а Ежов непосредственно после него до 1938 года. Без их упоминания «треугольник ужаса» был бы не полным. Оба доказали, что могут расправляться с «врагами народа», держать всех в «ежовых рукавицах», как того пожелает вождь.

Некоторые председатели органов безопасности занимали свои посты лишь несколько лет или даже месяцев. Все это были разные люди, и каждый из них по-своему вписал свое имя в историю этой организации…

Особо хотел бы остановиться еще на двух, я бы сказал, антиподах — Серове и Шелепине…

Бывший заместитель Берии, очень близкий к нему человек — Серов непосредственно участвовал в высылке целых народов: карачаевцев, чеченцев, немцев Поволжья, крымских татар, ингушей, балкарцев и других, за что получил от Сталина высшие воинские награды.

Работая в ГДР в качестве представителя НКВД СССР по эвакуации имущества, он послал Сталину шифровку-донос на работающего у Г.К.Жукова генерал-лейтенанта Телегина, члена Военного совета Группы войск в Германии. В шифровке он сообщал, что тот озлоблен на НКВД. Телегин был арестован и осужден на 25 лет.

Серов имел прямое отношение к расстрелу пятнадцати тысяч польских военнослужащих в Катынском лесу. Он был одним из инициаторов попытки создания особой тюрьмы для политзаключенных.

Н.С.Хрущев знал Серова еще до войны — тот был чекистом на Украине — и, переехав в Москву, перетащил его к себе. Серов сопровождал Хрущева во всех поездках — и внутри страны, и за границей в роли начальника охраны.

Во время поездки Хрущева в Великобританию англичане, зная о кровавых делах Серова, не захотели его принять. Он выступал в поддержку Хрущева на пленумах ЦК по антипартийной группировке и по делу Жукова.

Я не исключаю, что близость Серова к Хрущеву и поддержка его со стороны последнего объясняется тем, что тот мог уничтожить на Украине и в центре многие документы, изобличающие Хрущева в причастности к репрессиям.

Когда я пришел в КГБ, многие документы, компрометирующие Хрущева, уже были уничтожены или подчищены. Об этом мне говорили архивисты, показав документы с вытравленными на них текстами.

Серов отличался крутым нравом. У Сталина на даче работал чекист, прибиравший кабинет Сталина, поскольку тот имел привычку секретные шифровки бросать в корзину для мусора. Чтобы не мешать Сталину, он ходил в мягкой обуви. Сталину это показалось подозрительным, и он указал на это Серову. Чекист исчез в недрах Лубянки.

До конца декабря 1958 года Серов оставался председателем КГБ СССР, а затем был утвержден начальником ГРУ Министерства обороны СССР. Только много позже он был разжалован до генерал-майора, наказан в партийном порядке и лишен наград, Полученных за выселение репрессированных, народов. Но это произошло после дела Пеньковского…

После разжалования Серов был послан в Куйбышев, в

Приволжский военный округ, начальником подразделения армейской разведки. Такие подразделения, подчиненные ГРУ, имелись во всех округах. Они разворачивались во время военных действий, а в мирное время фактически бездействовали.

После снятия Хрущева Серова вообще выгнали из партии и с работы.

А.Н.Шелепин был направлен на работу в КГБ перед новым, 1959 годом. Ему объяснили, что в КГБ нужен свежий человек, который нетерпимо относился бы ко всякого рода злоупотреблениям со стороны этой организации.

Проводя десталинизацию КГБ, Шелепин проделал огромную полезную работу. Чистка органов безопасности началась еще при Серове, но подлинные перемены наступили там при Шелепине в 1958–1961 годах. Строгой проверке были подвергнуты многие темные дела, в том числе и так называемое Ленинградское дело.

Оказалось, что «бериевщиной» были поражены почти все составные части КГБ. Началась кропотливая работа по проверке фактов. Просматривались служебные бумаги, рассказывавшие, кто и когда получал награды и был отмечен за «разоблачение врагов народа». Доказанными служебными преступлениями затем занимались прокуратура и суды.

Далось это нелегко. Были и такие, кто сопротивлялся увольнению. Они ссылались на то, что лишь послушно выполняли чужие приказы. Однако выяснялось, что многие приказы рождались в некоторых не в меру старательных умах на более низком уровне. Часть офицеров досрочно отправили на пенсию, и, если они действительно выполняли чужие приказы, им сохранили как пенсии, так и служебные привилегии. Но кое-кто остался ни с чем. Таким было сказано: «Идите вон и зарабатывайте на жизнь трудом». Те же, чья мера вины была серьезной, предстали перед судом.

Во времена репрессий в тюрьмах оказалось до 20 тысяч чекистов: сначала они разоблачали «врагов народов», а затем то же самое проделали с ними. В этом отношении сотрудники органов безопасности находились между молотом и наковальней. Некоторые из несправедливо осужденных были реабилитированы, в том числе посмертно. Но для проверки всех дел потребовалась напряженная работа.

Однако проблема заключалась не только в том, чтобы изгнать из органов безопасности скомпрометировавшие себя кадры, но и найти им замену из числа людей новых и более квалифицированных.

В органах, предшествовавших КГБ, работали люди не очень

высокой квалификации. Только после Великой Отечественной войны их уровень, а также система подготовки и подбора кадров улучшились.

Шелепин обратился к партийным кадрам.

С помощью ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов он произвел значительную замену кадров в центральном аппарате КГБ и его местных органах. Шелепин принял энергичные меры по продолжению рассмотрения дел незаконно арестованных по политическим мотивам. Невинные люди были освобождены, и обвинения против них были сняты. Именно тогда Н.С.Хрущев поспешил заявить, что у нас нет арестованных по политическим мотивам (хотя такие еще были).

Смещая одних и назначая других, надо было также не упускать из виду сохранение профессионального уровня аппарата. Руководящие посты были прежде всего постами политическими. Чтобы прошлое не повторилось, занявшие посты люди должны были быть зрелыми, принципиальными, опытными, отличаться твердым характером. Опыт бывших секретарей обкомов, горкомов и райкомов помог новичкам повести за собой остальных работников. Новые сотрудники получили воинские звания в зависимости от того, на какие должности их назначили.

Я думаю, что в конце пятидесятых — первой половине шестидесятых годов Шелепину, а потом и мне удалось изменить образ КГБ. Он перестал быть «домом ужасов».

Сегодняшняя интеллигенция часто рассказывает, как она страдала при Сталине. Часть — несомненно. Но другой части я бы посоветовал построже исповедовать собственную совесть. Противившихся бесправию «образованных и интеллигентных» было куда меньше, чем тех, кто прислуживал тирании. Подобные люди не стыдятся поднимать крик сегодня точно так же, как годы назад не стыдились доносить на свое окружение.

Преобразованный КГБ, естественно, потерял часть весьма ценных в профессиональном отношении кадров. Ни одна столь кардинальная перемена не обходится без потерь. Была утрачена и часть агентурной сети. К счастью, положение ухудшилось не настолько, как того можно было ожидать…

Почти все, кто составлял ближайшее окружение председателя КГБ после ухода Шелепина, остались работать со мной.

Александр Николаевич взял с собой в Центральный Комитет одного-двух человек — не больше. Некоторых оставшихся помощников я уже знал, да и знакомство с другими не потребовало много времени.

Из бывших комсомольцев я взял с собой своего шофера. Он

возил меня еще до моего отъезда в Азербайджан, когда я работал в ЦК ВЛКСМ и затем заведующим отделом ЦК партии.

Когда в гараже ЦК по внутренней радиосвязи объявили, что его немедленно вызывают к председателю КГБ, он сильно разволновался. Газеты к тому времени еще не сообщили о моем назначении.

Мы с ним встретились на Лубянке. Он удивленно на меня посмотрел и сказал:

— Значит, и вы тут тоже?

— Да, — ответил я ему. — И по тому же поводу, что и вы.

— Так что же такого страшного мы с вами натворили? — растерянно спросил он. — У меня совесть чистая, я по дороге все передумал, всю свою жизнь вспомнил.

Это был скромный, порядочный и исполнительный человек, и мне не хотелось больше держать его в напряжении. Я предложил ему работать вместе со мной в КГБ…

Мне как преемнику Шелепина во многом пришлось лишь продолжить начатые им преобразования, проводить в жизнь профилактическую деятельность КГБ. Не раз, выступая перед общественностью, я говорил: «Тюрьма — не лучшее место для перевоспитания».

Один раз во время обхода внутренней тюрьмы на Лубянке открываю дверь одну, другую: «За что сидишь?» Арестанты — почти все еврейской национальности — сидели за спекуляцию, валютные операции и другие подобные действия. Но ведь для родственников они были «политическими заключенными», так как сидели на Лубянке! Лубянская тюрьма в народе «славилась» как тюрьма политическая!

Я приказал немедленно перевести в Лефортово не только заключенных и всю внутреннюю тюрьму, но и следственный отдел…

Мой рабочий день начинался приблизительно в девять часов. Зимой я ездил на работу из своей квартиры в центре Москвы, а летом — с дачи, откуда дорога до центра города занимала примерно полчаса езды. Это время я использовал для знакомства с обзором печати — информацией для расширения знаний о том, что происходит в мире.

В здание КГБ я входил через подъезд № 1. Это был отдельный вход, предназначенный только для председателя, его заместителей и важных гостей. Все остальные сотрудники пользовались иными подъездами. Причина такого порядка была простой: мы не хотели, чтобы оперативные работники проходили через двери вперемежку с официальными визитерами из ЦК

партии, из Министерства иностранных дел или Совета Министров.

К тому же подъезд хорошо просматривался со всей гигантской площади, находившейся перед зданием. Так зачем, спрашивается, выставлять работников спецслужбы без всякой нужды на глаза посторонним?

Мы постоянно наблюдали, кто и как долго задерживался на площади с фотоаппаратом в руках и что его интересует. Так мы не раз выявляли западных разведчиков, которые, выдавая себя за туристов или журналистов, фотографировали всех, кто входил в здание КГБ, чтобы потом их секретные службы могли сравнивать полученные снимки с фотографиями сотрудников посольств, торгпредств и других учреждений за рубежом.

В то время разведка также размещалась в главном здании, и ее перемещение позже за пределы московского центра намного упростило положение.

В моем распоряжении были две правительственные «Чайки», одна «Волга» и вездеход для поездок на конспиративные встречи.

На такие встречи я, разумеется, не ездил на роскошном автомобиле с правительственными номерными знаками, чтобы не привлекать излишнее внимание. В таких поездках необходимо быть, как говорится, ниже травы и тише воды, и поэтому моя «Волга» внешне ничем не отличалась от остальных машин на дорогах, только мотор у нее был сильнее, чем у серийной: это на всякий случай.

Кабинет председателя находился на третьем этаже. Каждое утро я начинал со знакомства с почтой. Начальник канцелярии передавал мне все, что поступило накануне вечером или в течение ночи.

Просмотр этих бумаг не отнимал больше пятнадцати-двадцати минут. А потом начиналась обычная рабочая программа — плановые совещания, встречи с начальниками управлений, гостями из других министерств и ведомств, приемы по личным вопросам, связанные с перемещением по службе, уходом на пенсию, по жалобам, — все это занимало время до полудня.

Секретариат регулировал ход работы так, чтобы встречи не длились слишком долго, чтобы их не было чрезмерно много и чтобы в напряженное время мне не приходилось заниматься второстепенными вещами.

После обеда обычно созывались совещания в Центральном Комитете или в Совете Министров либо заседал Президиум ЦК партии.

Периодически проходили различные конференции, связанные с деятельностью органов, а после всего этого — снова изучение

почты, аналитических справок, информации, поступившей за день. Послеобеденный анализ проблем бывал более обстоятельным, иногда на него уходило полтора, а то и два часа.

Начальники разведки, контрразведки и работники иных оперативных служб приходили в течение дня с новыми сведениями. Я должен был еще прочитать проекты новых приказов и множество других материалов.

После семи или восьми вечера я обычно уже никого не принимал. Наступало время для спокойных размышлений и самостоятельной работы. Я прочитывал все, на чем должна была появиться моя подпись, продумывал концептуальные решения. Документы, которые ложились на мой стол, не требовали, как правило, серьезной правки — в аппарате КГБ и секретариате трудились опытные люди, которые знали свое дело.

В течение дня мне приходилось прочитывать и знакомиться хотя бы по диагонали примерно с 500–600 страницами текста. Тут было все, начиная с информаций из отдельных управлений, сообщений заграничных резидентур, донесений периферийных органов и кончая решениями Политбюро, которые часто касались и нас. И здесь мне очень помогал мой секретариат: в обзорах печати и в иных громоздких документах подчеркивалось самое существенное. Для меня же главным орудием были карандаш и перо. Век настольных компьютеров был еще «за горами».

Домой я возвращался поздно вечером. При такой нагрузке времени для семьи практически не оставалось.

В начале шестидесятых годов в Советском Союзе была еще шестидневная рабочая неделя, так что побыть с женой и детьми можно было только в воскресенье.

Постепенно в стране начали вводить пятидневную рабочую неделю, но я настолько привык заниматься делами по субботам, что сохранил для себя правило посвящать делам хотя бы утренние часы.

Но больше всего я любил время около полуночи. Замолкали телефоны, никто не требовал от меня ни совета, ни распоряжения. Я удобно устраивался в своем кабинете дома. Наступал час размышлений.

Время от времени я отправлялся в поездки. Практически я посетил все важнейшие места на границах бывшего Советского Союза, так как в структуру КГБ входили и пограничные подразделения. Бывал я и за рубежом, ездил в дружественные социалистические страны.

Однако мне никогда не приходилось сопровождать в поездке на Запад высшего партийного представителя. Меня в такие

поездки не звали, да я и сам не видел в этом ни малейшего смысла. Для этого были другие люди.

Бывал я и на различных военных маневрах, например, на морских учениях в Ленинграде. Я испытывал потребность видеть как можно больше, чтобы лучше ориентироваться в своей работе.

На нас наваливались все новые и новые задачи. Поначалу я говорил своим заместителям и другим сотрудникам:

— Пока без вас я не могу принимать окончательных решений, так что прошу помогать мне.

Постепенно стало рассеиваться первоначальное недоверие ко мне: ведь почти все до единого были старше меня. Я все больше и больше утверждался в мысли, что работа без полного взаимного доверия в секретных службах невозможна.

История с Пеньковским, которая уже была на пороге, заставила меня потом внести коррективы в такое утверждение, но не отказаться от него полностью.

Когда вообще в первый раз я решил принять Сергея Лаврентьевича Берию-Гегечкорию, то полагал, что он хочет сообщить мне что-то о своем отце. Это уже потом оказалось, что с решением одной проблемы его трудности не кончаются.

Во время разговора в здании на Лубянке Сергей жаловался на предвзятое отношение к нему и его семье со стороны окружающих. Это до предела накалило отношения между ним и его женой, а его дочери, когда стало известно, чья она внучка, даже отказали в приеме в комсомол.

И я начал заниматься этим делом. Постепенно мой первоначальный профессиональный интерес стал меняться на чисто человеческое понимание чужих трудностей. Особенно удивило меня как бывшего комсомольского работника то, как обошлись с дочерью Сергея: в мои времена принимали в комсомол как потомков дворян, помещиков, так и детей репрессированных кулаков. Происхождение уже не играло решающей роли, ведь это была молодежь, родившаяся при Советской власти. При этом мы испытывали даже определенную гордость, что в организацию коммунистической молодежи приходят сыновья и дочери людей из прежде враждебно настроенных кругов.

Поэтому я позвонил первому секретарю Центрального Комитета ВЛКСМ Сергею Павлову. Начал издалека и спросил, как это могло случиться, что в Свердловске не приняли в комсомол правнучку выдающегося советского писателя Максима Горького. Павлов ничего не понял и даже несколько испугался.

— Неужто такое случилось? — спросил он изумленно.

Тогда я сообщил ему, что, согласно моим сведениям, свердловская комсомольская организация отказалась принять в свои ряды дочку сына Берии и, следовательно, внучку Лаврентия Павловича Берии, которая одновременно и правнучка великого пролетарского писателя, так как Сергей Берия женат на внучке Горького. Брак имел место уже после смерти писателя, так что о том, с кем он войдет в родство после того, как выйдет замуж его внучка, Горький не имел, разумеется, и понятия. Однако что случилось, то случилось.

Тут пришла очередь рассмеяться уже Павлову, который вскоре исправил создавшееся глупое положение.

Я решил, что на этом мои контакты с семьей Берии и закончатся. Однако не закончились. Видимо, своим успешным вмешательством я только побудил Сергея Лаврентьевича Гегечкорию обратиться ко мне снова, когда у него возникла такая необходимость.

Произошло это уже после моего отзыва из КГБ и переезда в Киев. Сергей сообщил мне, что со своей первой женой он развелся, что обе их дочери живут с матерью, а третий ребенок — сын — с ним, в Киеве.

На сей раз проблемы были с квартирой. Правда, ту, которую я им выхлопотал, еще будучи в КГБ, они благополучно получили, но Сергей имел несчастье неудачно жениться и во второй раз. Теперь вторая жена требует развода и дележа имущества.

— Надо хорошо подумать, прежде чем жениться, — высказался на этот счет я, но в помощи не отказал. У Сергея была своеобразная манера разговаривать: и весьма настойчивая, и какая-то печальная одновременно. Казалось, еще мгновение — и он расплачется.

Я снова воспользовался своими контактами и влиянием, и, в конце концов, квартиру делить не пришлось. Я был рад, что хоть как-то содействовал тому, что у семьи Берии не появилось причины озлобиться, невзлюбить Советскую власть. Особенно и потому, что при этом не нужно было нарушать законы, а несколько телефонных звонков не стоили мне большого труда.

Однако и тогда мы не расстались окончательно. Прошло некоторое время, и раздался новый звонок, последовала новая просьба принять…

На этот раз возникли трудности с сыном Сергея. Сын поступил в университет, но не в Киеве, а в Грузии. Для такого решения был ряд доводов, в том числе и то, что у семьи были свои корни в этой республике, да и экзамены сдавать там было легче.

Осложнилась обстановка вокруг потомка позже. Как

рассказывал отец, окружили его сомнительные люди, толкают на нехорошие дела, и, оступись парень, могли бы снова всплыть на поверхность имена его предков, что очень устроило бы антисоветски настроенных людей. Последние могли бы воспользоваться проступком внука Берии для определенных действий. Решение виделось одно: перевести сына Сергея в Киев.

Для решения такого рода вопроса требовалось получить несколько одобрительных резолюций, что в то время было уже не так просто, однако и с этим мне удалось справиться.

Прошло еще три года, и я помог Сергею перевестись из одного киевского научного института в другой, потому как и об этом он меня попросил. И в тот раз у него не было повода быть недовольным.

Мои периодические контакты с сыном Берии продолжались примерно лет десять. В последний раз я видел Сергея во второй половине семидесятых годов. И когда ныне я читаю опубликованные тексты его интервью, то не знаю, что и думать. Я не чувствую, что за ними стоит тот самый человек, которого я знал. Не могу понять, как это вдруг ни с того, ни с сего он снова гордится фамилией отца, которую опять носит, хотя, сдается мне, сделал это из чисто рекламных соображений.

Он вкусил свободу говорить и писать что угодно, не заботясь о том, чтобы подкрепить свое свидетельство достоверными фактами и при этом помнить об определенной моральной ответственности.

Сегодня он своего отца всячески обеляет, рисует его образ в иных, неестественных для этой личности красках. Не смущаясь, приводит заведомо фальшивые свидетельства о том, что Берию якобы казнили сразу же после ареста, а судебный процесс уже проходил, мол, со специально подобранной для этого подставной фигурой. Думаю, он прекрасно понимает, какие выдумки, какую ложь совершенно сознательно распространяет. Жаль только, что, проливая слезы над имевшими место несправедливостями прошлого, подчас выпадавшими и на его долю, он не вспоминал о страданиях тех, кому его отец действительно принес никогда и ничем не восполнимое горе. И таких бед было — море!

Хотя Комитет государственной безопасности формально был подчинен Совету Министров СССР, а его председатель находился официально на одном уровне с остальными министрами, тем не менее моим непосредственным и по сути единственным шефом был первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В 1961–1964 годах им был Никита Сергеевич Хрущев, позже его сменил Леонид Ильич Брежнев.

Подобным образом обстояло дело и на низших ступенях. Высший партийный деятель республики, области, района или города был прямым шефом руководителя соответствующего органа КГБ.

В советской системе за Коммунистической партией было решающее слово, и личность первого, позже генерального секретаря ЦК партии представляла собой вершину пирамиды власти. Партия у нас была по существу государственной структурой и занималась всеми вопросами. Мы проводили политическую разведку и анализировали положение в стране, прежде всего исходя из ее интересов. Нашей работе это не особенно мешало: когда имеешь одного шефа, это, как правило, бывает на пользу делу.

В случае, когда я нарушал иерархию, что весьма редко происходило, Никита Сергеевич делал внушение. Вскоре после моего прихода в КГБ случилось, например, так, что я познакомил с важной информацией сначала второго человека в партии, Кириченко, а не самого Хрущева. Никита-Сергеевич об этом узнал и при встрече прочитал наставление.

— Ты принес эту информацию мне, — гневался он, — после того как о ней все воробьи на крышах прочирикали?

Выяснилось, что Кириченко за обедом не преминул похвастаться своей осведомленностью, и Хрущев был рассержен:

— Запомни, — сказал он мне строго, — согласно разделению функций в Президиуме ЦК КПСС КГБ закреплен за мной. И мне решать, кого информировать дальше. Каждый сверчок должен знать свой шесток, — добавил он под конец.

Хрущев, например, не послал Козлова представлять меня при моем назначении в КГБ. Он не хотел, чтобы в КГБ создалось впечатление, что Козлов курирует это ведомство.

Тайные службы функционируют так же, как и воинские организации. Чем сложнее структура руководства, тем хуже результативность, меньше возможности засекречивания и быстрого исполнения заданий. Обсуждения секретных акций на широких форумах, голосования о том, выполнять или не выполнять приказы, спущенные сверху, организация, обеспечивающая безопасность страны, просто не может себе позволить. А в случае, если желаемый результат не будет достигнут или произойдет утечка информации и возникнет угроза осложнений в международных отношениях, все участники широкого согласования окажутся перед угрозой быть призванными к ответственности за ошибочные шаги.

Историки не смогут детально определить, что из совершенного КГБ было сделано по предложению первого

секретаря, а что родилось в голове самого шефа Лубянки. По большей части приказы, легшие в основу тех или иных действий, давались устно, и не раз оставалось тайной, задумывалось ли все именно так, как позже это задуманное было реализовано. Однако со времен Великой Октябрьской социалистической революции было принято, чтобы председатель органов безопасности подбирался главой государства и был облечен его полным доверием. Если доверия не оправдывал, его заменяли другим человеком.

Центральный Комитет партии и его руководство — Политбюро, и прежде всего сам первый секретарь, — участвовали в разработке комплексных планов деятельности органов КГБ, в определении места КГБ в советском обществе, в решении кадровых вопросов. Политбюро утверждало основные инструкции, положения, регулирующие нашу работу, но в конкретные операции не посвящалось. Члены Политбюро знали ту часть нашей работы, которая выполнялась в соответствии с Конституцией СССР и решениями съездов партии. Техника и технология исполнения этих задач, в том числе и нелегальными методами, осуществлялись аппаратом КГБ без их ведома.

Для первого секретаря не было секретов, но подлинных имен мы не называли. Он знал агентов под кличкой. Я мог назвать должность, место работы, но не более. Мы не могли поставить верховного руководителя в неудобное положение в том случае, если произойдет утечка информации и разоблачение агента. Мне бы тогда пришлось искать источник, устанавливать, кто знал агента по имени. Таких ситуаций у нас не бывало.

Принятие решений по повседневным оперативным вопросам возлагалось на меня, на моих заместителей и в ряде случаев на начальников управлений. Н.С.Хрущеву я сообщал лишь о самых принципиально важных вещах, которые могли бы серьезнейшим образом отразиться на политике страны.

Если же ситуация требовала немедленных действий, то советоваться некогда, да и, признаться, не следует. Промедление приводит к потере информации или даже ее источника. В этом отношении я полностью осознавал в течение всего времени работы в КГБ всю меру личной ответственности. Я нередко сам лично готовил информацию для руководства страны.

Я должен был хорошо знать содержание всех сообщений, идущих наверх, так как у руководства (особенно это относилось к Хрущеву) могли в любое время возникнуть дополнительные вопросы.

Разведка и контрразведка

Понятно, что, принимая самостоятельные решения, человек редко сможет избежать ошибок. При мне был случай, когда мы решили спровоцировать одного американца — профессора Йельского университета Фредерика Баргхурна с целью организовать его обмен на нашего сотрудника Игоря Иванова, который во второй половине 1963 года был задержан в Соединенных Штатах.

Иванов, работавший под крышей «Амторга», в марте 1962 года попал в хитро расставленную западню и был арестован прямо во время встречи со своим агентом. А для того, чтобы его можно было убедительнее разоблачить, ему к тому же подсунули и некоторые материалы.

Мы решили действовать подобным же образом — на провокацию ответить провокацией. Операцию проводило ведомство О.М.Грибанова. Баргхурну, находившемуся тогда в Советском Союзе, подсунули какие-то бумаги и взяли с поличным. Но Баргхурн оказался личным другом президента Кеннеди и не был замешан в каких-либо противоправных действиях, о чем заявил сам президент, выступив на специально созванной конференции. Я очень уважал О.М.Грибанова, но наша акция оказалась настолько неуклюжей, что нам пришлось через три-четыре дня все отменить и принести извинения.

Н.С.Хрущев, который в тот момент в столице отсутствовал, по возвращении был в гневе. Для меня лично все кончилось благополучно, я не был наказан, но вся эта история, кроме конфуза, нам ничего не принесла.

Иванова удалось освободить под залог. В 1971 году власти США разрешили Иванову вернуться в СССР.

Ясная структура — необходимая вещь в разведывательной службе. Однако, с другой стороны, именно такое ее построение делает ее более прозрачной для противника.

Эту опасность мы старались свести к минимуму таким образом, чтобы как можно больше изолировать отдельные управления и отделы друг от друга. Короче, занимайся своим делом и не лезь туда, куда тебя не зовут. Каждый должен был знать только свою работу.

Мы не проводили без крайней необходимости больших совещаний и заседаний. Зачем они? Если вести речь в общих чертах, то это пустая трата времени, а если упоминать конкретные сведения, то они не для всех ушей. Любая

информация может просочиться наружу. Просто нормальная голова всегда хочет освободиться от ненужных сведений.

Мне импонировала система секретности, действовавшая в спецслужбах Великобритании. Я часто советовал сотрудникам КГБ поучиться этому у англичан: у каждого английского сотрудника безопасности был свой служебный номер, что позволяло им общаться, не называя имен. Или, скажем, пришел он в бухгалтерию отчитаться за командировку, просунул руку в окошко, и лица его при этом никто не видит. Равно как не видно и того, кто производит оформление документов.

А у нас информация о мероприятиях, на которых присутствовал председатель КГБ, часто появлялась безо всякой надобности на страницах партийной печати. В то время как имя человека, возглавлявшего британскую спецслужбу, на страницах газет «не светилось». Там лучше нас понимали, что популяризация и посвящение в суть работы этих лиц пользы делу не приносит.

Во всем КГБ действовало обязательное для всех распоряжение: встречи с работниками разведки должны быть сведены к минимуму. Это особенно было важно в тот период, когда они еще находились на Лубянке. И сами разведчики не смели говорить о своей работе. Если они сталкивались, скажем, в санаториях, в других местах отдыха, то не имели права сообщать о своей принадлежности к тому или иному подразделению КГБ. Они был чекистами, и никаких иных подробностей. Однако стопроцентно изолировать друг от друга людей, работавших в одном здании, было, разумеется, весьма трудно.

На дверях отдельных кабинетов на Лубянке были обозначены только цифры. Для служебного общения подразделения имели определенный цифровой номер или же букву алфавита. Только посвященные были в курсе того, чем, скажем, занимается отдел «Д». Табличек не было и на моей двери, и на дверях моих заместителей.

Дистанция удерживалась и между коллегами внутри управлений. Мы считали, что контрразведчики, служившие на Дальнем Востоке, не должны знать о планах и задачах контрразведчиков республик Средней Азии, Украины и наоборот.

Ограничений и засекреченности всего объема работы КГБ не существовало только для самого его председателя.

Сейчас секреты становятся достоянием Запада через час-полтора, потому что утрачена государственная дисциплина. Раньше действовали положения и инструкции о прохождении секретных и сверхсекретных материалов и документов для

служебного пользования. Документ имел двойную и даже тройную защиту. Все это было обеспечено инструкциями КГБ, как внутренними, так и партийными. Каждый коммунист чувствовал свою ответственность перед партийными организациями помимо своей служебной ответственности.

В наиболее важных отраслях и учреждениях были так называемые «первые отделы», в которых работали сотрудники КГБ, следившие за соблюдением секретности.

В атомной промышленности заместителями министров были наши генералы. В шифровальной и дешифровальной службах работали подлинные ученые. Например, заведующим одного из отделов был член-корреспондент Академии наук в звании полковника. Я шутил: «В недрах КГБ канули в неизвестность десятки людей, которые могли бы стать большими учеными и государственными деятелями».

В соответствии с характером работы КГБ подразделялся на главные управления, управления и отделы. Это были разведка, контрразведка, военная контрразведка, пограничные войска, наружное наблюдение, следствие, оперативная техника, шифрование и дешифровка, правительственная охрана, хозяйственное управление, управление кадров. Существовало еще несколько самостоятельных отделов, которые не входили ни в одно из вышеназванных управлений. Это секретариат, финансовая часть, отдел правительственной связи, инспекция КГБ, а также отдел по связям с органами безопасности социалистических стран. Внутри главных управлений и управлений были свои отделы и службы.

Когда Шелепин, а затем и я работали в КГБ, у председателя было всего три зама. Каждый из них курировал работу нескольких управлений и отделов. Вначале первым замом был Петр Иванович Ивашутин. Вскоре он стал заместителем начальника Генерального штаба Советской Армии и шефом военной разведки — ГРУ, а на его место в КГБ пришел Николай Степанович Захаров, очень опытный и квалифицированный чекист.

Позже я попросил, чтобы мне разрешили иметь четвертого заместителя. Центральный Комитет партии пошел навстречу. Тогдашний начальник контрразведки Сергей Григорьевич Банников получил повышение и стал моим четвертым замом.

При Андропове заместителей стало более десяти. Я не мог себе даже представить подобного положения: как же они могли в таких условиях принимать быстрые и эффективные решения и не вмешиваться в компетенцию друг друга? Думаю, подобным образом Брежневу удавалось надежно ограничить и

контролировать Андропова. Однако подробнее об этом позже.

Не раз в зарубежной прессе, а теперь и в нашей красочно описывались неограниченные возможности КГБ: денег столько, что чуть ли не открытый счет существовал, а техника такая, какую и самая буйная человеческая фантазия с трудом может себе представить, а отсюда возможность подслушивать любой телефонный разговор в Советском Союзе. Дошло до того, что якобы сотрудники КГБ имели возможность контролировать мышление человека. И еще бог знает что!

Нам приписывают, что у нас были чуть ли не сотни тысяч агентов. Все это чепуха! Какой же надо иметь аппарат, чтобы руководить такой необъятной агентурой! Ведь с агентом должен работать оперативный сотрудник, а он может иметь на связи максимум двадцать человек слабенькой агентуры или десять — пятнадцать человек сильной агентуры.

Наш аппарат вместе с пограничниками Насчитывал несколько сот тысяч человек. Из этого числа четыреста тысяч были пограничники на 60 000 км государственной границы.

Мы не занимались тотальным прослушиванием — слишком дорогое удовольствие. Только — кого надо.

Все было в соответствии с утвержденными планами, сметами расходов и — ни гроша больше. Если какому-нибудь министру надо было что-нибудь добыть, я говорил: «Платите!» Чтобы добыть секреты, нужно рисковать и нести большие затраты. И министерства переводили на наш счет соответствующие деньги. Эти деньги поступали сверх той сметы, которую мне утверждало правительство.

У КГБ не было тайных счетов. В отличие от ЦРУ, у которого есть особые ассигнования и особые воинские подразделения для проведения специальных и диверсионных операций по всему земному шару, мы имели только разведчиков, оперативных работников и агентуру. Это потом Андропов завел себе десантную дивизию и мотомехдивизию. Не знаю, для чего.

На самом деле КГБ вовсе не был похож на своего двойника из известных шпионских романов времен «холодной войны». У страха, как известно, глаза велики, а потому незнание реальностей авторы заменяли буйным вымыслом, чтобы запугать и привлечь читателя.

До моего прихода на пост председателя КГБ почти каждая союзная республика имела свой пограничный округ. Я решил уменьшить число округов. Так, границы трех Закавказских республик — Армении, Азербайджана и Грузии — стал охранять один пограничный округ, Прибалтийских республик — Эстонии, Литвы и Латвии — другой. Границы Белоруссии и Украины также

стал охранять один округ.

За счет сокращения округов мы получили солидную экономию и даже создали специальный отряд по охране границы вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Причиной создания этого округа стало появление «незваных гостей» у наших северных берегов. Для атомной подводной лодки не было проблемой проплыть под арктическим ледовым панцирем и достигнуть нашей земли. И получалось, что мы бдительно охраняем границы на востоке, западе и юге, а на севере тысячи километров границ остаются совершенно открытыми.

Солдаты воинских частей, расположенных в тех местах, работники местных организаций, члены геологических экспедиций время от времени находили на берегу пустые консервные банки, бутылки и иные предметы, изготовленные явно не у нас. Не были принесены эти находки и волнами Ледовитого океана. Все свидетельствовало о чрезмерной любознательности наших противников. Было недопустимо, чтобы через открытые ворота длиной в несколько тысяч километров «незваные гости» могли бы добраться до наших военных объектов и даже секретов.

Создание Арктического пограничного отряда и на Западе было принято с пониманием. Наши противники были хорошо осведомлены, что в северных регионах Советского Союза мы не допустим непростительной халатности.

Основная политическая информация о событиях в мире, которую получало высшее советское руководство, приходила в Москву по двум каналам: Министерство иностранных дел и наш Комитет государственной безопасности, прежде всего его Первое главное управление — разведка.

За развитием событий в соответствующих направлениях следили, разумеется, и работники каждого министерства.

Что касалось важнейших данных военного характера, то они поступали через Главное разведывательное управление — ГРУ.

На различных уровнях управления собираемая информация попадала в разные руки. Руководить и координировать ее сбор было трудно. Какого-либо центра, которому подчинялись бы все разведки, у нас не было. Мы внесли предложение о создании при Президиуме ЦК координационного органа, куда вошли бы представители ГРУ, КГБ, МИДа и других ведомств, имеющих отношение к информации по международным и военным делам.

Состоялось решение Президиума ЦК, однако созданный орган поставленной перед ним цели так и не достиг. Главой его был

назначен Михаил Суслов, занимавшийся идеологическими вопросами, но тот быстро понял, сколь велика ответственность, связанная с его новой работой, и по сути дела от нее устранился.

Правда, попытка осуществить это предложение была однажды предпринята: Суслов созвал совещание представителей этих организаций. На совещании мы условились о намерениях и планах, но прошло полгода, а дело не сдвинулось с мертвой точки. Я напомнил Хрущеву, что созданный координационный орган не работает. Тот отругал Суслова, но ничего не изменилось. Больше я с этим вопросом не обращался.

И при Брежневе вплоть до моего ухода из КГБ подобные стремления не проявлялись.

Чекисты контрразведки относились ко Второму управлению КГБ.

Насколько я знаю, соперничество между разведкой и контрразведкой внутри КГБ существовало всегда. Эта борьба за ведущее место с точки зрения значимости своей работы особенно отчетливо была видна при принятии решений, которых всегда было великое множество.

Подбор кадров в разведку осуществлялся строже, квалификация туда требовалась более высокая — разведчики были как бы людьми высшего класса, что вызывало недоброе соперничество. Ревность и зависть у контрразведчиков вызывала и возможность соперников ездить за рубеж на длительный срок, а также их более высокая зарплата и большие шансы получить награды и очередное звание.

Держать в узде эту нежелательную конкуренцию так, чтобы она не переходила разумные границы, было порой нелегко, требовались постоянное внимание и значительные усилия. Мы, как только могли, старались снимать напряженность в отношениях. Некоторые работники Второго управления, например, переводились спустя какое-то время в Первое. Но соперничество не утихало, и из-за ненужных взаимных подножек приходилось фиксировать серьезные ошибки.

Такие же взгляды на разведчиков имели подчас и наши дипломаты в ряде стран. У работников разведки машины были лучше, с более сильными моторами, чтобы в случае необходимости они могли легко оторваться от преследователей. Завеса тайны над их миссией не раз нервировала дипломатов. Если вдруг наши сотрудники не появлялись на работе, на своем официальном месте, служившем им «крышей», то их окружение не знало, где они находились в тот день и чем были заняты, хотя разведчик мог за день проехать сотни километров для встречи в

другом уголке страны пребывания. Да и частые «болезни» служили им лишь ширмой. Этот «свободный» режим наших сотрудников вызывал неодобрение работников посольств и миссий. Но ввести для разведчика такой же служебный режим, как и для дипломатов, было невозможно.

Обычно работники посольств со стопроцентной уверенностью не знали, кто служит в КГБ, а потому, случалось, подозревали друг друга. Точные сведения имел только посол. Список должностей, на которых могли появляться работники КГБ, был закрытым, иначе контрразведчики противника легко разгадали бы, кто есть кто. И численно наши возможности в рамках посольств не были безграничными — здесь действовали строгие паритетные квоты. Ни одна западная страна не предоставляла советскому персоналу посольства больше мест, чем сама могла получить у нас в Москве для своей миссии. Кроме того, свои запросы были и у ГРУ. Поэтому речь могла идти лишь о единицах работников в посольстве, а уж вовсе не о десятках разведчиков.

Где и сколько будет выделено мест, решал ЦК вместе с нами и министром иностранных дел. Отношения между нами и МИДом, которым тогда руководил Андрей Громыко, были определены соответствующими договоренностями. Свою волю Громыко обычно старался навязать нам самым решительным образом и если уступал, то только под давлением высшего руководства ЦК.

В самой же стране пребывания сетью наших агентов руководили отдельные разведчики. Они встречались с агентами, получали от них информацию, передавали пожелания и указания из Москвы. Резидент — самый высокопоставленный работник КГБ в советской заграничной колонии — координировал акции на всей территории страны и обеспечивал связь с московским центром.

Если же оказывалось, что нам в каких-то западных странах недостаточно собственных сил или же мы, несмотря на все наши старания, не могли попасть туда, куда нам было нужно, тогда для выполнения некоторых частных задач мы использовали дипломатов, работников торгпредств, журналистов.

Однако не каждый на это соглашался. В таких случаях зависело от резидента, сумеет ли он того или иного конкретного человека уговорить. Однако слишком обременять коллег им не следовало; нередко чрезмерный нажим приносил больше вреда, чем пользы.

Многие советские послы, приезжая в Москву по делам или во время своего отпуска, заглядывали и к нам на Лубянку. Нередко они просили: позвольте нам пользоваться всей информацией,

которая проходит через ваше учреждение и которую в центр посылают резиденты КГБ. Некоторые послы даже ставили эти вопросы в ЦК партии.

Были попытки подчинить всех работников посольств, в том числе и работавших «под крышей» разведчиков, послам и всю информацию посылать в центр только через них. Суслов однажды даже дал такое указание на совещании послов. Когда мне доложили об этом, я тут же снял трубку и позвонил Хрущеву. Тот устроил Суслову разнос и заставил исправлять допущенную ошибку.

Разговор между мною и недовольными послами сводился к разъяснению, что конкретные имена агентов мы не сообщаем даже руководителям ЦК партии и правительству. Подобным же образом поступают и руководители аналогичных служб других стран, скажем, Мильке в ГДР.

А некоторым я просто объяснял: «Хорошо, допустим, вы будете полностью информированы. Но если произойдет утечка информации, то начнется очень строгая проверка всех, кто был осведомлен, чтобы установить виновных в утечке. Это затронет и вас. Принимаете эти условия?»

Обычно даже самый упорный посол при таком повороте разговора начинал понимать, что знание строго тайных вещей может оказаться непосильной и довольно опасной ношей, которая не уравновешивает права быть осведомленным. За таким правом стоят ответственность за разглашение и обязанность молчать. На том спор и кончался.

Часть получаемых сведений резидент зашифровывал и отправлял в разведывательный центр. Там ими начинало заниматься аналитическое отделение Первого главного управления, состоящее из опытных специалистов. Среди аналитиков бывали и чекисты, раскрытые на Западе и потому уже не годившиеся для участия в новых секретных акциях, а также политические эксперты и даже журналисты.

Кроме изучения новых донесений, освобождения важных и достоверных фактов от слухов и «дезы» они еще разрабатывали прогнозы более долговременного развития ситуации в отдельных регионах или же готовили обзоры на заданные темы. Эксперты получали списки западных дипломатов, работавших в тех или иных посольствах, и старались определить, кто из них мог быть разведчиком, а кто занимается только своей официальной деятельностью. При каждом разоблачении анализировалось, кто и где был внезапно отозван, какова его дальнейшая судьба, кем был заменен и что будет дальше.

Работа аналитиков порой просто завораживала! В определенном смысле это была увлекательная шахматная партия. Эра компьютеров еще только начиналась, наши электронные помощники занимали тогда у нас несколько помещений, но не они «делали погоду» — основная работа все еще заключалась в копании в картотеках, составлении диаграмм и в статистическом учете.

В составе Первого главного управления было и собственное контрразведывательное отделение. Оно заботилось лишь об обеспечении деятельности наших заграничных посольств и не занималось оперативной разработкой в стране пребывания. Работники этого отделения обеспечивали нормальную работу находившихся за границей советских людей и в определенной мере контролировали их. В то время мы уже официально указывали в списках сотрудников посольств имена наших офицеров, которым поручены охрана и защита представительских учреждений.

В некоторых западных публикациях советская разведка до сих пор описывается как кровожадная и холодная террористическая организация. Во многом подобная интерпретация исходит от перебежчиков, старающихся угодить своим «хозяевам-кормильцам», и соответствует представлениям о бескомпромиссной борьбе разведок во время «холодной войны». Говорилось даже о существовании некоего особого отделения, которое только тем и занималось, что разрабатывало и осуществляло планы убийств конкретных людей на Западе. Однако все это полная чепуха!

Если когда-то и предпринимались акции саботажного характера, то они велись не против живых лиц, а против объектов, например, радиостанций, ведущих крайне враждебную пропаганду против нашей страны и нашего общественного строя, против стран социалистического лагеря. Покушение на конкретного диктора, как это позже было сделано в отношении болгарина Маркова из Би-би-си, не имело, на мой взгляд, логического обоснования. Если устранить одного диктора или журналиста, то завтра на его месте объявится другой. К тому же политический резонанс такого действия не столько поможет, сколько навредит заказчику покушения, ибо нетрудно распознать, кто стоял за подобной акцией.

Контакты с террористическими группами и организациями, такими, как мафия в Италии или ИРА в Великобритании, весьма непросты во все времена. Особенно опасны они были в то время, когда мир был разделен «железным занавесом» и одна сторона

делала все для того, чтобы навредить другой. И ничего к этому по существу не могут добавить телевизионные передачи, с перечислением групп террористов, которые располагают советскими автоматами и другим оружием советского производства. Все это отнюдь не значит, что их вооружением занимались именно мы. Существует много иных путей приобретения такого оружия и без нашей помощи.

Какие-либо прямые контакты между КГБ и мафией или Ирландской республиканской армией в то время, когда я был председателем КГБ, совершенно исключались. Да и что они могли нам дать? Со странными личностями из сицилийской или американской мафий еще можно было бы объединиться для выполнения отдельной конкретной задачи, да и то — через анонимных посредников, потому как, стоит мафии узнать, с кем она имеет честь общаться, она тотчас начнет искать выгоду для самой себя. Полагать, что организации подобного типа действуют только по приказу и по заказу, весьма наивно. А если они начнут ставить условия? Что, если скажут: «Вчера мы помогали вам, а завтра ваша очередь помочь нам»? И что делать, если вдруг им понадобятся наши самолеты или танки?..

Отдельного человека можно привлечь к сотрудничеству на сугубо личной основе, заплатить ему соответствующую сумму и не поддерживать больше никаких контактов. Нежелательные контакты могут превратиться в нечто подобное раковой опухоли.

Я по сей день не могу понять, почему так мало людей задаются вопросом, как мог Эдгар Гувер возглавлять американскую разведку без малого пять десятилетий, в то время как прокуроры, президенты, министры юстиции сменяли друг друга, подчас не успев как следует расположиться в своем кресле? И это в стране, которая не перестает выдавать себя за универсальный образец демократии, пример для подражания. На такой риск контактов с мафией, на такие способы общения с ней, какими пользовался Гувер, мы в КГБ никогда бы не пошли.

Я сам как председатель КГБ не имел права единолично принимать решения о физической ликвидации людей. Пропаганда, утверждавшая обратное, опиралась прежде всего на принцип исполнения советского закона за пределами Родины, имевшего отношение прежде всего к беглецам из наших рядов с известными именами. Если чекист, советский гражданин, солдат, давший присягу служить Родине и существующему строю, предал свою страну и бежал на Запад, то согласно действовавшим советским законам он мог быть отдан под суд и осужден, несмотря на свое отсутствие. И если при этом он был приговорен к смерти, то после этого мог быть поставлен вопрос и о

приведении приговора в исполнение.

Единственный случай, о котором я знаю и который относился к временам шелепинского председательства в КГБ, когда чекисты действительно, привели приговор в исполнение, касался Степана Бандеры, главаря эмигрантской Организации украинских националистов (ОУН).

Подробный план уничтожения этого преступника был разработан в 1959 году. Позже раскрытие его вызвало многочисленные протесты в западных странах. Адресовались они Шелепину.

Подготовка операции заняла длительное время. Сначала разведка наблюдала и собирала все сведения о беглеце: в котором часу идет на работу, когда возвращается домой, как организовано его свободное время, с кем встречается. Затем, после получения необходимой информации, в центре был разработан план проведения операции, включавший в себя не только устранение самого Бандеры, но и распространение правдоподобной легенды, которая снимала бы с нас подозрения.

Правило не оставлять после себя следов было главным, и поначалу получилось все именно так, как и планировалось. Считалось, что Бандера был убит в результате трений между различными украинскими эмигрантскими организациями.

И только побег на Запад самого исполнителя приговора — Богдана Сташинского — в 1961 году привел к провалу легенды. Сташинский в ФРГ сам признался в убийстве Бандеры.

Во времена моего председательствования в КГБ ничего подобного не происходило. Провал с Бандерой также послужил нам уроком. Да и западные спецслужбы усилили охрану перебежчиков. В таких условиях пытаться обнаружить их любой ценой означало рисковать безопасностью наших собственных разведчиков. Менять же золотой фонд страны на ублюдка — слишком неподходящая цена!

Разведку нашей страны отличала одна особенность, которую крайне редко можно обнаружить в практике других тайных служб. Это касается подготовки и использования так называемых «нелегалов» — советских граждан, которые под вымышленными именами обосновались в других странах, позволяя нам тем самым создавать самую совершенную агентурную сеть. Такую сеть не могли обнаружить западные контрразведки, крутящиеся главным образом вокруг наших посольств, представительств, торговых миссий, корпунктов и агентств печати.

Насколько мне известно, о нелегальных агентах, которые

сами вербовали своих источников информации, писалось лишь в отношении разведки ГДР и ее действий против западных немцев. Но там при наличии двух германских государств положение было много проще, чем у нас.

Я не знаю, готовили ли немцы в Берлине своих «нелегалов» таким же образом, как это делали мы. Знаю только то, что их секретная агентура управлялась на основе того же принципа, каким пользовались и мы, руководя сетью своих «нелегалов». Конкретно это означало использование агентов прямо из центра, а вовсе не через боннскую резидентуру.

К тому же агент — западный немец — не пользовался ни чужим именем, ни чужой биографией.

Сам бы я не начинал разговора на подобную тему, потому что не разделяю мнения, что с распадом Советского Союза пришел конец и соперничеству между отдельными секретными службами. Многие технологии придется использовать и в дальнейшем, пусть и в иных политических условиях.

Тайна наших «нелегалов» была одной из самых старательно оберегаемых наших ценностей. Однако в последнее время в российских средствах массовой информации выступили несколько бывших чекистов, которые, раскрывая технологию подготовки «нелегалов», подзарабатывают себе на хлеб с маслом. Я не считаю, что все следует держать в великой тайне, как это делалось раньше, но надо помнить о безопасности собственных коллег, которые работают или просто живут на Западе, а также о том, чтобы раскрытие секретов шпионажа не оказалось «медвежьей услугой» своим спецслужбам. Вместо помощи в понимании истории оно может обернуться успешным инструктажем террористических организаций или различных мафий, которых сегодня довольно много. Поэтому я остановлюсь лишь на том, что в других печатных изданиях уже вышло на поверхность.

Подготовка нелегальных агентов не была массовым делом, и вся она представляла собой очень сложный, дорогостоящий, а подчас и весьма затяжной процесс. Ставилась задача так подготовить советского разведчика к агентурной работе, чтобы он ничем не отличался от жителей той или иной западной страны, в частности США, Великобритании, Франции или Германии. Начиная с отшлифованной речи без всякого акцента и кончая такими мелкими деталями, как, например, привычка завязывать шнурки на ботинках. Наш человек, как известно, обычно проводит эту нехитрую операцию, присев на корточки, а иностранец в первую очередь будет искать, на что бы поставить

ногу, а потом уже к обуви только склонится.

О нелегальных агентах не были осведомлены и наши обычные резиденты, отвечавшие за поставку агентурных сведений с конкретной территории. «Нелегалом» руководили прямо из московского центра. Встречи с ним проводились или во время его тайных визитов в СССР, или в каком-ни-будь другом государстве, но не там, где он постоянно жил. Понятно, что и на самой Лубянке о них знал лишь очень узкий круг людей.

Работа с каждым выбранным кандидатом проводилась сугубо индивидуальная. Начинать подготовку лучше всего было еще до того, как человеку исполнится тридцать лет. Тогда разведчик после обучения и переселения в другую страну сможет еще долго работать. Но, с другой стороны, нельзя было и слишком рано начинать подготовку: двадцатилетний человек еще слишком молод, чтобы на нем останавливать свой выбор. В таком возрасте определить, подходит он к предстоящей работе или нет, можно лишь на тридцать-сорок процентов.

Человек, ставший кандидатом, должен был еще до этого проявить быстроту ума, высокую интеллигентность, способность к изучению языков и другие ключевые способности. Во время обучения мы контролировали и корректировали почти каждый его шаг. Большое число потенциальных «нелегалов», а может быть, даже и большинство в конце концов так и не достигали финальной цели.

Бывало горько, когда человек, после того как в него вложили много средств, времени и усилий, не оправдывал надежд. Но было достаточно и мелочи, скажем, во сне мог заговорить по-русски, и от кандидатуры приходилось отказываться. К тому же будущий «нелегал» не должен был слишком любить выпить или приволочиться за юбкой.

Инструкторами и учителями будущего «нелегала» были как психологи, так и педагоги. Например, преподаватели языка. Время обучения не было стандартным: одному человеку хватало четырех лет, а другому нужно было и шесть, и семь. «Настоящих» американцев и англичан мы готовили на советской территории: привычкам, как заполнить формуляры на лондонской почте, как платить за квартиру в Нью-Йорке, куда в Бонне нужно зайти самому, а где можно попросить помочь, как заполняются налоговые декларации в Париже — всему этому мы учили прямо в столице Советского Союза или ее окрестностях.

В то время как будущие «нелегалы» усердно учились, не спали и заграничные резидентуры. Подготовленный «нелегал» должен был стать им на самом деле, а не превратиться в эмигранта или обычного агента. Таким «англичанином с самого

рождения» нашего человека могла сделать лишь безупречная легенда, корни которой могли бы уходить и на десятки лет назад.

За границей следовало в первую очередь найти подходящую основу для легенды. Одним из возможных решений было найти могилу, скажем, ребенка, умершего младенцем. Тогда будущий «нелегал» получал такое имя, какое стояло на детской могилке. А вместе с ним конкретную дату и место рождения. Потом нужно было обеспечить исчезновение имени младенца из записи усопших в соответствующей церковной книге. Наилучшим вариантом было, когда ребенок родился в одном месте, а умер в другом. Таким образом, оказывалось несколько церковных книг с записями о конкретной личности. И сравнение их было практически невозможно. Если бы вдруг западная контрразведка захотела проверить конкретные сведения о подозреваемом, то, пожалуйста, в данном месте записано, что такой-то здесь действительно родился. Кто же будет искать, не умер ли случайно этот человек где-то в совершенно ином месте и в ином штате страны?

Стереть в церковной книге соответствующую запись было обычно лишь вопросом требуемой суммы. Разумеется, при этом мы вели дело с самой простой и понятной мотивировкой. Каждый шаг опирался на ту или иную хорошо продуманную легенду: в одном случае дело, мол, идет о наследстве и больших деньгах, в другом придумывалось что-то наиболее подходящее в данный момент. Здесь играла роль фантазия и действовала техника. Но главное, легенда должна быть абсолютно естественной, романтическим хитросплетениям не оставалось ни малейшего места.

Однако не раз случалось так, что подступиться к соответствующим документам не удавалось, задуманная биография где-то «не стыковалась», и эта «нестыковка» при более пристальном рассмотрении могла быть обнаружена западными органами безопасности. Как это ни было тяжело, но все приходилось начинать сначала. Другого решения, основанного на недооценке противника, не было, иначе, спустя много месяцев, а то и лет, нам пришлось бы заплатить за промашку дорогой ценой. И ничего страшного не было в том, что из десяти попыток удавалась лишь одна. Это еще одно доказательство того, что «нелегалы» не возникали на конвейере.

Когда все факты были подготовлены так, как это и должно было быть, а кандидат оказывался достаточно способным и мог приступить к работе, наступало время проявить себя технической службе. Начиналась подготовка необходимых документов.

Новый гражданин, скажем, американец, получал свою

метрику, которую нельзя было отличить от других подобных документов: это относилось как к виду и возрасту бумаги, так и к использованной краске.

Разведка доставала бумагу американских бумажных фабрик, а затем в специальных барабанах, с помощью химических добавок и сложных технологий, эта бумага начинала искусственно стареть. Таким же образом изготовлялись и любые другие поддельные документы: выписка из французе-кой метрики, равно как и финские дорожные документы, не могла быть изготовлена на бумаге архангельской фабрики шестидесятых годов.

В конце всего этого длительного процесса «нелегал» держал в руках затрепанный старый паспорт с множеством печатей и виз, хотя на самом деле документ был совсем новым.

Наступало время соединить на практике легенду и человека. Представлять себе дело так, что «нелегал» переезжает на новое место, покупает себе дом, начинает устраивать пышные вечеринки для влиятельных, с положением людей, совершенно наивно.

Внешне «нелегал» часто выглядит неудачником, которому поначалу не везет, он может обанкротиться, поднять голову и снова покатиться вниз. Постепенно он обрастает людьми, которые ему помогут — где-то дадут рекомендацию, где-то продвинут вперед. (Мы находили пути, как им помочь в финансовом отношении.) И только спустя какое-то время наш человек становится на ноги, и тут начинается время его агентурной деятельности.

Смотря некоторые сегодняшние фильмы о шпионах, я не могу не сравнивать их с теми, на которых воспитывался сам. В современном кино мы бываем представлены дураками, легкой добычей. И нам в свое время рассказывали о таких же недалеких людях, только с другой стороны баррикады.

Если у агента, легального или нелегального, все идет совершенно гладко, провал всегда бывает особенно близок. Я никогда не верил сообщениям о так называемых разоблаченных агентах, раскрытых на основе доносов об их якобы слишком расточительной жизни. Ценный агент, которому много платили и который не был в деле новичком, прекрасно знал, что он может, а чего не может себе позволить. Жизнь не по средствам сразу бы вызвала подозрения. И тем не менее в газетах по сей день появляются сообщения о разоблачении важных источников на основе доносов завистливых соседей.

Так обычно соответствующие секретные службы маскируют истинные источники информации. И сам разоблаченный агент, у

которого уже нет выхода, с радостью признается и перед камерой в своей неосторожности при обращении с деньгами.

«Нелегалов» мы, разумеется, растили не для работы в других социалистических странах. Упоминания, свидетельствующие о противоположном, не имеют, на мой взгляд, никакого логического обоснования.

Равно я не могу понять и заявления некоторых советских перебежчиков о том, что Первое главное управление использовало «нелегалов» в облике западных туристов для разжигания волнений и организации провокаций, например, в Венгрии в 1956 году или в Чехословакии в 1968-м. Я не возглавлял КГБ в те времена, но тем не менее не могу себе представить, зачем нам было бы столь глупым и легкомысленным образом рисковать людьми, на которых потрачено столько сил и средств.

Если, скажем, советский «нелегал» в облике неофашиста или судетского немца начнет организовывать провокации в Чехословакии, то он не может не понимать, что его будут фотографировать и снимки могут появиться в печати и в архивах секретных служб. Как бы потом он смог незаметно вернуться снова за тогдашний «железный занавес»? Кому захотелось бы ради провокаций, которые можно организовать двадцатью иными, более простыми способами, выбросить за борт годы напряженного труда?

Работа «нелегала» всегда связана с риском возможного провала, и каждая из противоборствующих сторон старается самортизировать последствия этого провала для своего агента. С этой целью часто практикуется обмен одних раскрытых агентов на других. Сама возможность такого обмена играет большую роль в поддержании морального духа разведчика: он знает, что его не оставят в беде, и это придает ему силы и уверенность при осуществлении той или иной операции.

На моей памяти произошло два таких обмена, драматическая история которых представляет несомненный интерес: обмен американского летчика-шпиона Пауэрса на нашего разведчика Абеля (Фишера) и обмен британского агента разведки Винна на советского разведчика Лонсдейла (Конона Молодого).

Полет американского самолета-шпиона пришелся на 1 Мая 1960 года. В то время, когда по Красной площади проходили колонны советских трудящихся, нервы работников разведывательных служб и высшего руководства страны были на пределе.

Тогда я был еще вторым секретарем Центрального Комитета

Коммунистической партии Азербайджана. Как приглашенный гость и кандидат в члены ЦК КПСС смотрел на демонстрацию с трибуны рядом с Мавзолеем В.И.Ленина. В должности председателя КГБ мне пришлось позже решать вопросы, связанные с последствиями того дня.

Из сообщений агентурной сети и через ГРУ Кремль знал о том, что у американцев есть особые самолеты-шпионы, которые способны вести наблюдения за нашей территорией с высоты, труднодоступной для отечественных средств обороны. Хотя все это происходило уже после полета Гагарина и мы показали всему миру, что способны послать человека в космос, однако оружия, при помощи которого можно было бы сбить самолет-разведчик, такой, как американский У-2, у нас не было.

Самолеты У-2 «Локхид» были в свое время действительно вершиной разведки с воздуха. Именно благодаря им в США узнали о строительстве установок для ракет с ядерным зарядом на Кубе. Само их наличие свидетельствовало о том, что американцы знают о нас больше, чем мы до тех пор допускали. Летчики на У-2 следовали вдоль наших границ в Средней Азии, но вступить в воздушное пространство СССР поначалу не осмеливались.

Полет Френсиса Гарри Пауэрса именно 1 Мая 1960 года был исключением. Немного не хватило для того, чтобы он стал к тому же и успешным. Из Средней Азии Пауэрс долетел почти до Северного Ледовитого океана.

Самолет шел на высоте по тем временам фантастической — 20 километров при скорости 750 километров в час. Он был нашпигован электронной аппаратурой, способной отслеживать работу наших радарных установок.

Уже несколько часов военные следили за ним. Хрущев и министр обороны Малиновский непрерывно получали информацию о ходе событий. Они не знали, есть ли на борту самолета бомба или же он прилетел только с разведывательными целями. Более четырех часов подразделения войск противовоздушной обороны пытались сбить Пауэрса.

Истребители один за другим поднимались в небо, стараясь добраться до цели. И один за другим снова приземлялись на своих базах. Приблизиться к Пауэрсу не удавалось.

Одному нашему Су-9 удалось проскочить рядом с самолетом-нарушителем, но для повторной атаки не хватило горючего. Надежда была только на ракетчиков и на вылетевшие из Перми на перехват истребители МиГ-19.

Только где-то у Свердловска удача повернулась к нам лицом. Ракета С-75 отсекла плоскость и хвостовое оперение. Самолет

потерял управление и стал разваливаться.

Как выяснилось позднее, летчик катапультироваться не мог, так как знал, что кресло заминировано. Ему удалось сдвинуть фонарь над кабиной самолета, выкарабкаться из нее и с силой оттолкнуться от фюзеляжа.

На земле он был арестован. Позже в Америке его упрекали за то, что он повел себя не как настоящий солдат. У него были средства покончить с жизнью и не попасть к нам в плен. Действительно, смертоносную ампулу-иглу он не использовал и в наши руки угодил целым и невредимым.

Так закончилась разведывательная американская операция «Оверфлайт». Пауэрс был осужден на десять лет и около двух лет отбывал наказание во Владимирской тюрьме.

В это же время Вильям Фишер, один из наших самых замечательных агентов-«нелегалов», находился в американской тюрьме. В 1957 году он был разоблачен (когда доставал информацию и пытался установить новые контакты с советской разведкой) и осужден на тридцать лет тюремного заключения. Однако этот провал объяснялся не особой бдительностью ФБР, американской разведки, а предательством одного из связных нашего агента.

В действительности Фишера звали Рудольф Иванович Абель.

Он родился в 1903 году в Англии в семье русского политэмигранта. В 1920-м семья вернулась в Ригу. Юношу, свободно владеющего несколькими европейскими языками, берут на службу в иностранный отдел ОГПУ, где он выполняет важные поручения по линии нелегальной разведки в разных странах. Это был очень интеллигентный человек, он хорошо рисовал и фотографировал. Его биография была словно создана для «нелегала»: в ней было несколько переселений из одной страны в другую и многое так переплетено, что фантастических легенд и не нужно было. После войны и работы в нашей разведывательной службе в Германии Абель переехал за океан, где постепенно стал одним из весьма преуспевающих фотографов. Он получил доступ в высшие круги американского общества. Умел наблюдать, запоминать, анализировать. Его легенду нельзя было считать непостижимой, как подчас об Абеле писали за рубежом после его разоблачения, но в любом случае это был высокий профессионал, и таким его считали по обе стороны Атлантики.

Вскоре после ареста Пауэрса и заключения его в тюрьму в США поднялась волна движения за его освобождение. Вокруг этого велись дискуссии широкой общественности: тогда это была сенсация всемирного масштаба.

Скандал, возникший вокруг Пауэрса и самолета У-2, даже сорвал планировавшийся визит американского президента Дуайта Эйзенхауэра в Советский Союз. Около Байкала, куда должны были лететь Хрущев и Эйзенхауэр, были уже построены новые прекрасные виллы, так как ничего подобного для проведения встречи столь высокого уровня там тогда еще не существовало. И тем не менее Хрущев, рассерженный американской дерзостью, в последний момент от встречи отказался.

Были сорваны и переговоры с президентом США. По прибытии в Париж Хрущев заявил, что начнет переговоры только при условии, если Эйзенхауэр принесет извинения Советскому Союзу и даст заверения о прекращении полетов У-2 над СССР. Президент США отказался выполнить эти требования. Совещание было сорвано. «Холодная война» продолжилась.

Предложение обменять Пауэрса на Абеля возникло не у нас. Впервые оно прозвучало за океаном в ходе шедших там бурных дискуссий. Я тем временем уже перебрался из Азербайджана в Москву, на Лубянку, и мне, как и многим другим, идея подобного обмена понравилась.

Допросы Пауэрса уже закончились, и мы вряд ли могли что-либо еще от него узнать. Зато наша заинтересованность получить Абеля обратно была гигантской.

Через американского юриста Джеймса Донована начались переговоры: сначала имели место лишь неофициальные намеки и зондаж, а позже состоялись официальные встречи.

В итоге 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, разделявшем западный и восточный Берлин, Рудольф Абель, которому предстояло бы еще двадцать пять лет находиться в американской тюрьме, был обменян на Пауэрса и оказался снова дома, в Советском Союзе.

Я принял Абеля вместе с его супругой у себя в кабинете на Лубянке, вручил ему правительственные ордена и подарки, выразил нашу благодарность за все, что он сделал для нашей страны и ее разведки. Были решены вопросы его бытового устройства и денежного содержания. Некоторое время спустя мне принесли от Абеля небольшую картину — зимний пейзаж. Графика. Она заняла почетное место в моем кабинете.

Мне рассказали, что, находясь в тюрьме, он много рисовал. Им, в частности, был нарисован портрет Кеннеди, который у него выпросили для самого американского президента. Говорят, он долго висел в Белом доме.

Абель отдыхал около года, приводил в порядок свои записи, архивы. А затем мы взяли его к себе консультантом. Когда я уже

ушел из органов, он еще продолжал там работать.

Публично мы признали Абеля сотрудником КГБ только в 1965 году.

Умер полковник Рудольф Иванович Абель в 1971-м.

В 1990 году в его честь и в честь еще четырех выдающихся разведчиков в СССР была выпущена серия почтовых марок.

После обмена американцам показалось, что они продешевили. Что же касается нас, то мы таких чувств решительно не испытывали.

Переговоры по поводу Пауэрса принесли нам ценный опыт.

Аппарат контрразведки был нашим самым разветвленным и многочисленным оперативным подразделением. Основные силы разведки были сосредоточены в центре: здесь была ее главная кухня. Контрразведчики активно работали во всех республиках Советского Союза. И как в центре, так и в республиках, областях, районах и городах они имели свою агентуру.

Контрразведку интересовало все, что происходило в нашей стране: она участвовала в охране государственных тайн, помогала поддерживать общественный порядок, противостояла действиям иностранной агентуры. Она разоблачала тех, кто надеялся обогатиться за государственный счет. Пресекала разного рода валютные махинации и различные контрабандные операции. Контрразведчикам полагалось быть осведомленными обо всем существенном, и желательно, с опережением. Они не были пожарниками, которые мчатся тушить пожар, когда пламя уже лижет стены. Задачей чекистов было предвидеть опасность и надежно ее предотвратить.

В связи с тем, что Первое и Второе главные управления занимали в КГБ доминирующее положение, все остальные работали в той или иной мере на них. Им помогали Управление наружного наблюдения и Управление оперативной техники. Именно от последнего зависели, например, качество прослушивания разрабатываемых объектов, успех скрытого фотографирования, изготовление необходимой документации. Работники всех этих управлений знали, какое место они занимают в КГБ, и против ведущего положения разведки не возражали. Их вполне удовлетворяла высокая оценка их технического профессионализма.

КГБ и армия представляли собой две организации, которые во всем тогдашнем советском обществе в наименьшей мере были затронуты коррупцией. Самый малый намек на коррупцию — и человека наказывали наистрожайшим образом: увольнение с работы, исключение из партии, отдача под суд.

В начале шестидесятых годов чекисты Ростовской области обнаружили, что в одной из местных типографий в отдаленном районе печатают этикетки для водочных бутылок. Здесь из неучтенного спирта изготовляли подпольно водку и реализовывали ее через магазины. Таких магазинов было около двадцати. До нас расследованием занимались органы внутренних дел. Однако далеко не продвинулись: спекулянты не жалели денег на взятки, и сигналы о подпольном изготовлении и продаже водки уходили в песок.

У следователей КГБ своей работы в то время было немного: по политическим мотивам арестов почти не производили. Вот и представилась возможность поддержать свой профессиональный уровень. По этому делу проходили более трехсот человек. Взятки, которые предлагали чекистам родственники арестованных, достигали сумм в несколько десятков тысяч рублей. Не забывайте, что тогда телевизор стоил шестьсот, а автомобиль — семь-восемь тысяч рублей. Однако среди наших людей не > нашлось ни одного, который польстился бы на эти грязные деньги. Они честно завершили свою работу.

От подчиненных я требовал жесткой дисциплины. Я считал, что их жизнь должна быть скорее аскетической, чем вольной. Однажды до меня дошло сообщение, что в одной из областей чекисты увлеклись садоводством, автомобильным и водомоторным спортом. Пришлось на одном из собраний партийного актива объяснить свое отношение к таким явлениям. Рассуждения сводились к следующему: если у чекиста появились садоводческий участок, автомобиль, а у некоторых и моторная лодка, то сколько же времени у него остается на работу? Одно добывание всевозможных деталей, запчастей, стройматериалов заберет бездну времени (у нас торговля была еще далека от того, чтобы можно было зайти в магазин и купить все необходимое). При этом опаснее всего, когда работник КГБ, увлекаясь поисками понадобившихся ему вещей, оказывался обязанным тем, кто ему помогал что-либо заполучить. У такого чекиста руки да и совесть оказывались далеко не чистыми, а сам он становился зависимым от разного рода дельцов.

Могут сказать, что такие требования были связаны с определенным ограничением личной свободы. Однако каждый, кто принимает решение быть чекистом, должен сам себе ответить на этот вопрос.

Органы безопасности имели лучшее, чем у многих других, материальное обеспечение, сотрудники получали доплату за звание. Были свои санатории, пансионаты, детские лагеря и

многое другое. Все хорошо знали: малейший проступок — и они свою работу и привилегии могут потерять.

Шестидесятые годы уже далеко не были похожи на те времена, когда чекисты в регионах чувствовали себя бесконтрольными, а порой и безнаказанными. Никто уже не мог спрятаться в тени. Структура организации в центре и на местах была такой, что вышестоящий начальник без особого труда мог контролировать небольшое число офицеров. Громадную роль в воспитании и контроле за моральным обликом чекиста играли партийные организации. А чекисты почти все были коммунистами.

К тому же работник КГБ периодически оказывался в поле зрения различного рода проверок, проходил аттестацию. В ходе их каждому напоминали, какие просчеты он допустил, оценивалась его профессиональная пригодность.

Соответствующие отделения Второго главного управления занимались промышленностью, стройками, транспортом. Если, например, случалось много аварий на железных дорогах с тяжелыми последствиями, то контрразведчики подвергали эту проблему анализу, устанавливали причины аварий, приходили к определенным выводам. В особо серьезных случаях мы информировали о результатах Центральный Комитет партии и правительство. Поначалу изучали также настроение людей и их реакцию на важнейшие в стране события, Хрущев дал себя убедить в том, что анализ морально-политического и психологического настроения в том или ином коллективе — вовсе не дело КГБ. Он согласился, что этим, а также реакцией населения на партийные решения следует заниматься партийным организациям, что знать настроение молодежи следует комсомолу, а проблемы трудящихся профсоюзам. От агентов, которые не умели ничего иного, как только сообщать, о чем говорят в очередях и на рынках, да показывать пальцем на авторов анекдотов, мы почти полностью избавились.

Много внимания КГБ уделял работе предприятий, выпускающих военную продукцию. Главное — это охрана секретов, защита от проникновения вражеской агентуры. На крупнейших предприятиях существовала должность заместителя директора по режиму (секретности), которую занимал человек с офицерским званием. В министерствах, занимавшихся вопросами, связанными с атомными и ракетными делами, существовали даже должности заместителей министров, отвечающих за соблюдение режима секретности.

Но, как бы мы ни старались, порой нас огорчали некоторые

досадные явления. Были случаи, когда наши работники, два-три дня покрутившись около засекреченного объекта, пообщавшись с посетителями близлежащих кафе, баров, закусочных, возвращались с подробным докладом о выпускаемой продукции этих предприятий, схемой расположения цехов, даже с фамилиями ведущих конструкторов. Такой контроль помогал принять дополнительные меры по наведению должного порядка.

В стране с трехсотмиллионым населением сами работники КГБ собственными силами не могли бы справиться с поставленными перед ними задачами. Контрразведка имела свою сеть агентов. Контакты с ними отчасти основывались на согласии добровольного сотрудничества, а отчасти — и на плате за информацию.

Между агентом и доносчиком, разумеется, огромная разница. В годы массовых репрессий существовало немало так называемых информаторов, причем весьма часто это были самые настоящие доносчики. Их называли «стукачами». Вместо важной информации они снабжали КГБ множеством слухов и ложью, а сами при этом нередко сводили личные счеты с неугодными людьми. Конечно, ошибкой чекистов было то, что они не поставили надежной преграды потокам такой информации, а наоборот, во многих случаях еще и поощряли подобных доносителей, побуждая их к более активной деятельности…

Каждый день я получал море сводок и всевозможных донесений. Часть немедленно направлял членам Президиума ЦК и лично главе государства, причем с нарочным. Были депеши такой секретности, что Хрущев обязан был по прочтении вернуть их назад фельдъегерю, а тот — мне. Это, например, было в том случае, если в послании указывалась наша агентура. Уничтожением бумаг занимались мы сами. Такой был порядок.

Был и другой, оставшийся мне от Шелепина, вид «бумажной работы». Шелепин наставлял меня: «Ты бери самые злые анонимки, где Никиту ругают матом, а также его газетные портреты с выколотыми глазами и неси ему на доклад». Хрущев на самом деле сам просил нас приносить это «добро» и читать вслух.

При Шелепине поток доносов значительно сократился, и я поддержал такую тенденцию.

Контрразведка обязана была разоблачать действительно антисоветские и антисоциалистические проявления и заниматься профилактикой подобных явлений. К сфере ее деятельности относились предотвращение террористических актов, проверка анонимных угроз.

Я не предавался иллюзиям по поводу того, что вся внутренняя информация, которую мы передавали руководству страны, абсолютно объективна. Ее поставляли живые люди, и каждый источник имел свои достоинства и свои недостатки. Начальники на промежуточных инстанциях могли что-то поправить, где-то приукрасить, а где-то и обострить картину. Однако это вовсе не означает, что мы старались сознательно скорректировать объективные данные. Внутренняя информация от КГБ была лишь частью сведений, которыми располагало советское руководство. О положении в стране ему сообщали также партийные и общественные организации, различные министерства, профсоюзы.

Об общем состоянии тогдашнего общества могу сказать одно: подавляющее большинство советских людей принимало социалистическую общественную систему в нашей стране поддерживали ее. Это было по меньшей мере 90 % населениями даже Прибалтика, которая позже отделилась, никогда не декларировала открытого несогласия с проводившейся политикой. Представители Прибалтийских республик регулярно приезжали в центр, участвовали во всех общесоюзных мероприятиях, голосовали; люди там ходили на демонстрации, кричали «ура!», поддерживали свое коммунистическое руководство. Открытых протестов было очень мало, протестовали единицы.

Политические заключенные сталинских времен уже были на свободе, а новые на их место все не прибывали. Понятие «диссидент» появилось позже. Не было и Пятого управления. Был, правда, в КГБ отдел во Втором главке (контрразведка), занимавшийся «инакомыслящими», который курировал подполковник Бобков. Но это лишь маленькое подразделение, не выдерживающее никакого сравнения с будущим Пятым управлением.

Практика изгнания инакомыслящих за границу возникла уже в семидесятые годы, равно как и помещение психически нездоровых людей из их числа в психиатрические больницы. У КГБ не было никогда никаких «психушек». Отправляли нервнобольных на лечение в обычные психоневрологические учреждения.

Москва занимала доминантное положение в структуре контрразведки. Работа на ее территории требовала от городских органов КГБ и от центрального аппарата взаимопонимания и сотрудничества. На территории столицы находились все западные

посольства, международные представительства и организации. Делегации, гости, туристы — все они прежде всего стремились сюда или хотя бы через Москву проезжали. Задача не выпустить все это из поля зрения требовала от нас большой сосредоточенности.

Чтобы сохранить порядок и оперативность, чтобы областное и городское управления КГБ не мешали в работе друг другу, я принял решение объединить их, несмотря на то что партийные органы оставались раздельными. В Московской области было тогда четыре миллиона человек, а в столице — шесть миллионов, это две Финляндии. Позже, когда я был вынужден уехать в Киев, начальник Московского управления стал даже одним из заместителей Андропова.

В Москве и ее окрестностях было сосредоточено немало научных институтов, связанных с военной тематикой. Многие местные заводы выпускали продукцию, предназначенную для оборонной промышленности. И, понятно, это не давало спокойно спать большинству западных дипломатов — они вели активную работу.

То внимание, какое мы уделяли западным представительским учреждениям, было для них весьма нежелательно. Надо сказать, и мы сами таким же образом воспринимали их «заботу» о нас. Но профессионалы способны понять подобные действия. Мы старались пропагандистски использовать каждую ошибку Запада, каждое опрометчивое действие против наших дипломатов, и они отвечали тем же, например, поднимали шум по поводу малейшего признака прослушивания их миссий в Москве. А ведь на установку каждого микрофона пошел не один месяц, а порой и год трудной работы. Разоблачение нашего агента побуждало нас еще интенсивнее изыскивать возможность для нанесения ответного удара. Высылают они двух наших дипломатов — мы тотчас отвечаем тем же. Реакция с обеих сторон была симметричной.

Хрущев в наши оперативные дела не вникал. Но в установке «красного телефона» в Кремле для прямой связи президентов СССР и США участвовал сам: мы советовались с ним, где этот телефон поставить, и приглашали на опробование линии, когда мы и американцы, каждый со своей стороны, зачитывали текст из книги, чтобы проверить слышимость.

В специальных подразделениях КГБ работали выдающиеся математики, которые занимались шифровкой и дешифровкой. Но техника шифрования быстро совершенствовалась, система засекречивания постоянно изменялась, и пока математики разгадывали один код, уже давно использовался другой. Ключ же

к шифру, при помощи которого кодировались сообщения, можно было заполучить только через контрразведку. Поэтому шифровальщик, завербованный в агенты, экономит бездну времени и труда. Разумеется, завербовать самого посла — автора важных сообщений — было бы еще лучше, хотя и значительно труднее, но и такое в ряде случаев удавалось.

Как дома, так и за рубежом иностранцев в агенты мы привлекали несколькими способами. Самым ценным, естественно, бывала идейная общность с теми, кто шел на сотрудничество на основе собственных убеждений. Иные источники разрешали себя покупать. Бывало и так, что важного гостя с Запада мы на чем-то подлавливали и добивались сотрудничества путем простого шантажа. Например, когда мы узнавали, что высокопоставленный чиновник скрывает свои гомосексуальные наклонности, то находили способ сфотографировать его во время его похождений. А если к тому же это был еще и амбициозный политик, то в ход шла угроза передать снимки секретным службам его страны или в печать.

Возможности поездок для дипломатов по Советскому Союзу были весьма ограничены. В пределах сорока километров от Москвы они могли перемещаться свободно, но для более отдаленных поездок требовалось специальное разрешение. Американцы реагировали на наши меры подобным же образом, в результате определенные районы Соединенных Штатов оказались для советских дипломатов закрытыми. В этой молчаливой схватке одна сторона старалась перехитрить другую. Например, предпринимались командировки с фальшивой целью только для того, чтобы запутать преследователя и сделать неясными наши намерения. Это была волнующая и увлекательная игра, и вели ее опытные, матерые бойцы.

Главные наши усилия были, разумеется, направлены на посольства наших противников — США и других стран НАТО. Центральный Комитет и правительство интересовала любая информация.

В посольства западных стран в Москве пытались проникнуть разные люди. Некоторые умудрялись перебрасывать через ограду иностранной миссии бутылки с письмами или старались пробраться туда лично. Контрразведка занималась идентификацией этих людей и мотивами их действий, охраняя как сами посольства, так и советскую общественную систему в нашей стране.

При мне была достигнута договоренность с американцами, что для охраны посольства Соединенных Штатов они могут использовать своих морских пехотинцев. В обмен мы получили

возможность иметь — совершенно открыто — в наших представительствах в США офицера госбезопасности. Мы запретили ему встречаться с «нелегалами», а вводили его как «громоотвод»: американцы устанавливали за ним слежку на автомашинах или с помощью «топтунов», а мы тем временем действовали другими путями.

Шефом контрразведки был Олег Михайлович Грибанов, человек, который своим подходом к делу очень мне нравился. Кроме профессиональных способностей он имел дар импровизации, отличался большой фантазией, компанейским характером, а также огромной энергией. У него у самого была небольшая сеть агентов. Он умел и завербовать агента, и хорошо его использовать.

В то время как начальник разведки Сахаровский вербовкой не занимался и держался в определенной мере замкнуто, Грибанов под именами разных чиновников из различных министерств участвовал в дипломатических приемах и устанавливал контакты с иностранцами. При этом он не ограничивался только территорией Советского Союза. Временами отправлялся и на Запад. Разумеется, не как чекист, а в качестве правительственного чиновника. У него всегда была легальная виза, полученная официально через представительство того или иного государства.

Никто не знал, как выглядит шеф советской контрразведки, его фотография никогда не публиковалась. Даже сами советские дипломаты чаще всего не знали, кто к ним приезжает, а чекисты, там находившиеся, были связаны обязательством соблюдать секретность. Для остальных все обстояло просто: приехал некто Иванов из Министерства машиностроения или какого-либо иного, и все тут. А чем этот Иванов здесь намерен заниматься, их не касалось.

Чекист грибановского уровня не подвергался риску ради того, чтобы добыть второстепенную информацию и поддерживать связь с людьми второго плана. Для этого у него достаточно было оперативных работников. Но если уж он принимался за дело лично, можно было со стопроцентной уверенностью делать вывод, что оно касается очень важного контакта. Объектом его интереса мог быть известный журналист, посол, резидент иностранной разведки или серьезный предприниматель, торгующий с Советским Союзом.

И у меня как председателя КГБ были на связи некоторые агенты. Но их было немного, как говорится, для поддержания квалификации. Если мне приходилось принимать важные решения по делам контрразведки, то мне самому следовало знать, что эта оперативная работа собой представляет.

Однако я никогда не опущусь до того, чтобы выдавать имена, как это сегодня делают многие бывшие мои подчиненные. Те люди помогали Советскому Союзу из самых лучших побуждений, и я им за это благодарен. И хотя некоторых из них уже нет среди нас, но остались их семьи, родные. Да и подпись свою под согласием работать на нас они ставили при условии, что их деятельность останется от посторонних глаз скрытой. Если о каком-либо весьма полезном контакте знают всего три человека, стопроцентная тайна уже под угрозой.

Агентура — самый важный секрет разведки и контрразведки. Без нее тайная служба превращается в обычное воинское подразделение. Если получить информацию можно только с применением насилия — это уже начало провала.

В мире всегда существуют тайны, которые не выйдут на свет божий ни через сорок, ни через пятьдесят лет. А есть и такие, которые останутся тайной навсегда…

Первый секретарь и члены Президиума ЦК должны были, разумеется, хорошо знать настроения в армии и учитывать их. В этом отношении интересно отметить поведение Никиты Сергеевича Хрущева, когда до него дошли слухи о том, что маршал в отставке Георгий Константинович Жуков начал писать мемуары.

Сгорая от любопытства, а может быть, испытывая укоры совести, Никита Сергеевич позвонил мне и дал необычное задание: заглянуть в рукопись Жукова и попытаться понять, под каким углом зрения пишет маршал свои воспоминания.

— Хотел бы знать, о чем там речь, — объяснил свое поручение первый секретарь строго и осторожно.

Нам удалось краешком глаза заглянуть в рукопись.

В то время Жуков уже не был членом Центрального Комитета партии. Но за письменным столом он не позволил обиде водить своим пером, не было там горьких слов ни по отношению к государству, ни по отношению к партии, ни по отношению к самому Хрущеву.

Маршал писал как дисциплинированный солдат, как коммунист, убежденный в правоте своего дела, верный ему и душой и сердцем. Ну просто ничего не было в тексте такого, что можно было бы поставить ему в упрек…

Что касается служебных отношений, то между представителями Министерства обороны и КГБ существовало многолетнее противостояние. Причиной была военная контрразведка. Будучи Третьим управлением КГБ, военная

контрразведка проводила контрразведывательную работы в армии, но подчинялась не Министерству обороны, а только — Комитету государственной безопасности.

Если бы военные контрразведчики получали свое довольствие от Министерства обороны, то армейские структуры довольно легко подчинили бы их своим интересам и своему влиянию, и от их контрольной функции вообще ничего бы не осталось. Поэтому утвердившаяся практика ставила этих офицеров на один уровень с остальными офицерами Советской Армии, но одновременно оставляла их и формально и по существу в подчинении КГБ.

Естественно, никому, кто привык отдавать приказы и требовать их строгого исполнения, не могло понравиться ограничение собственной власти, тем более со стороны КГБ. Я не знаю ни одного генерала, который с радостью позволял бы заглядывать в его планы и приказы. И не только заглядывать, но и нередко давать им оценку.

И хотя накануне войны, в тридцатые годы, армейское руководство наконец-то добилось своего и военная контрразведка была выведена из НКВД в армию, вскоре все вернулось «на круги своя». Сталин очень быстро понял, что нереально надеяться на получение независимой информации об истинном положении армии от самой же армии. Организационная структура снова стала действовать по старой схеме.

В соответствии со своими служебными обязанностями я должен был быть постоянно в курсе дела: действительно ли руководство военных подразделений в состоянии обеспечить надлежащее выполнение порученных ему задач. Я должен был быть уверенным в том, что оно бдительно следит за порядком в войсках. В случае чего нужно было своевременно бить тревогу.

Многие выявленные недостатки можно было исправить прямо на местах. Когда же просчеты бывали серьезнее — в боевой подготовке, например, в ракетных войсках, в авиации или на флоте, чем наносился урон боеспособности и безопасности страны, — докладывалось в ЦК КПСС.

Однако чаще всего о возникавших проблемах я говорил непосредственно министру обороны Р.Я.Малиновскому. Часто получал «спасибо», но время от времени слышал жесткие слова.

Наш контроль не был лишним делом. Однажды на Дальнем Востоке один адмирал, напившись, отдал приказ о введении боевой готовности. Корабли начали выходить на боевые позиции. Наше своевременное вмешательство помогло немедленно остановить всю акцию.

КГБ никогда не занимался агентурной разведкой в

дружественных социалистических государствах. Мы не видели в этом никакой нужды. Тайные замыслы рано или поздно выплыли бы на поверхность, так как разведчики и контрразведчики в соседних странах были не менее способные и умные люди, чем наши собственные сотрудники. А надеяться вызвать доверие у тех, кому мы сами в этом отказываем, было бы в высшей степени наивно.

Действительно, сразу же после окончания Великой Отечественной войны, с целью закрепления ее результатов в других странах социалистической ориентации, некоторые советские послы, а с ними и наши советники в тамошних армиях и силах безопасности, порой вели себя бестактно, пренебрегая дипломатией во взаимных отношениях.

Однако после тех уроков, которые преподнесли нам волнения в Берлине в 1953 году, а затем, тремя годами позже, события в Варшаве и в Будапеште, преемник Сталина в высшем руководстве страны Хрущев уже не намеревался повторять ошибок своего предшественника в этом плане. Хорошее отношение братских стран мы стремились обеспечивать не силой, а только путем убеждения простых людей и — в значительной мере — позитивным примером.

Тем не менее взгляды остальных сторонников построения социалистического общества, включая мнения противоречивые и неофициальные, разумеется, интересовали нас и в дальнейшем. Самая верная дружба в политике всегда подвергается проверкам и испытаниям. Но мы уже располагали иной шкалой возможностей для получения интересующих нас сведений и делали это более простым, более честным путем, нежели шпионская сесть.

Кроме посольств уже существовали консульские учреждения, торговые, туристические, спортивные, культурные и другие общества. Проходило столько различных дискуссий между рядовыми и высокопоставленными деятелями всех ведомств, что, складывая все полученные сведения и проводя их сравнительный анализ, можно было воссоздавать достаточно комплексную и реальную картину. Разумеется, нам не нужно было знать все и обо всех. Интересовали нас, главным образом, общее состояние дел в стране, развитие наших связей и отношение к ключевым международным вопросам. Важным было обоюдное стремление сотрудничать.

Мы прилагали усилия для установления рабочих связей со службами безопасности дружественных стран из социалистического лагеря. Была достигнута договоренность, что разведки этих стран не будут работать друг против друга.

Главным документом, который определял взаимодействие

секретных служб, были двусторонние соглашения, которые мы с министрами внутренних дел отдельных стран подписывали каждый год. Скажем, в этом году я отправлялся в Прагу, Берлин, Варшаву или Будапешт, а в следующем соответствующие министры приезжали к нам.

Я довольно часто бывал в Польше. Там мы заключали договоры и соглашения, которыми оформляли нашу последующую деятельность. Поляки, правда, нарушали по мелочи эти договоренности, но на крупные нарушения не шли, опасаясь скандала на партийном и государственном уровне. Хотя что считать «мелкими» нарушениями?..

Представители КГБ были при министерствах внутренних дел каждого из наших союзников, и наоборот. Им был обеспечен доступ к министрам в странах их пребывания, равно как и контакты с другими ведущими представителями ведомства. Используя различную связь с Москвой, наши люди в странах содружества могли консультироваться по отдельным повседневным проблемам специального характера. Это могло касаться и оперативных материалов, необходимых для успешного противодействия агентурным акциям разведок западных стран.

Прямые рабочие контакты рядовых разведчиков или каких-либо иных работников соответствующего ведомства в социалистических странах с нашей стороны, не приветствовались, а то и вовсе были запрещены. Согласно действовавшим правилам все чекисты обязаны были соблюдать служебную субординацию и передавать свои материалы своему непосредственному начальнику. В центральный аппарат КГБ те или иные сведения поступали лишь от руководства соответствующей службы. Нарушение этого порядка могло привести к провалу той или иной акции, а в худшем случае поставить под угрозу весь отлаженный ход работы секретной службы.

В двустороннем договоре мы фиксировали намечаемые приоритеты на будущий календарный год. Эти задачи определялись сложившейся обстановкой и предполагаемым ходом событий в отдельных частях мира, важными политическими акциями, были связаны с расширением экономических интересов и множеством других моментов. А потом уже оставалось лишь следить за ходом событий и работать.

Как при повседневной работе в стране, так и при проведении политических акций за рубежом мы старались знакомить с проанализированной информацией только узкий круг людей и только из спецслужбы той страны, которой это касалось. Мы не проводили совместных совещаний министров внутренних дел

всех социалистических стран. Это давало возможность более откровенно и конкретно решать оперативные вопросы с каждой спецслужбой в отдельности с учетом политической обстановки, географического расположения и сохранения секретности проводимых акций. И если нам приходилось встречаться на высшем уровне втроем, то дело должно было идти о взаимодействии высшей важности; это могло, например, касаться интересов секретных служб ГДР и Чехословакии или ГДР и Польши в Западной Германии. Однако число таких встреч можно было сосчитать по пальцам одной руки.

Каждый из нас старался сделать все, что было в его силах. Поэтому скрупулезного деления территории не существовало. Однако было ясно, что в результате исторического развития, культурных различий некоторые разведки на определенных территориях имели больше шансов на успех, чем остальные.

Защищая свою Родину, равно как венгры, поляки, немцы, чехи или кубинцы, мы старались прежде всего обнаружить недружественные тенденции, направленные против наших стран. Они отражались как в позициях известных политиков, так и в планах идеологических диверсий, реализовывавшихся через радиостанции, подстрекательскую литературу и иные формы воздействия на широкие слои населения. Умение обнаружить, какого рода провокация готовится другой стороной, всегда более ценно и эффективно, чем оборонительные залпы после того, как пропагандистские выстрелы с той стороны уже сделаны и ущерб нанесен.

Разведкой высшей пробы после КГБ в восточном блоке стали считать секретную службу Германской Демократической Республики. Главной ее целью, понятно, была соседняя Федеративная Республика Германии. Именно на ней было сосредоточено внимание разведчиков ГДР, которыми руководили министр внутренних дел Эрих Мильке и его подчиненный, начальник самой разведки Маркус Вольф. И не только из-за общности языка и традиций, но и жизненно важных интересов страны, задачи сохранения самого существования на немецкой земле первого государства рабочих. Большая заслуга в разоблачении многих операций, готовившихся на западногерманской территории, по праву принадлежит Мильке и Вольфу.

В начале шестидесятых годов о разведывательной деятельности Бонна известно было еще мало. Официальная ФРГ отрицала, что у ее Комиссии по защите конституции есть еще и особые шпионские интересы. И военный шпионаж ФРГ держался в величайшем секрете.

В последующем, благодаря мастерству наших людей, а также людей Вольфа, нам удалось многое разузнать. Как и с другими разведками стран НАТО, мы со службой Гелена вступили в лобовой бой. Никакой маскировки под охраной закона, никаких объявлений о ложных задачах — мы схватились друг с другом как настоящие, четко определенные неприятели и бились как на внутренней, так и на международной арене.

При координации действий у нас с Берлином не возникало серьезных проблем. Мильке и Вольф пользовались нашим полным доверием. По-человечески это были очень непохожие люди. Вольф был несколько общительнее, я ценил его высоко дипломатическую манеру вести переговоры, которая временами контрастировала с резкостью Мильке. Иногда мне казалось, что их собственные взаимоотношения оставляли желать лучшего. Одно время я даже предполагал, что Вольф будет отозван со своего поста. Однако мы, когда обострялись отношения этих людей, вели себя в высшей мере осторожно, чтобы, не дай бог, не подлить масла в огонь и своими действиями не обострить их противостояние и уж вовсе не стать их причиной. К тому же Мильке, так же как Ульбрихт и Хонеккер, не говорил по-русски. В то время как у Вольфа, который провел несколько лет в Москве, с русским языком проблем не было. И это тоже играло большую роль в наших отношениях.

На мастерство восточногерманской разведки мы не раз полностью полагались, а подчас просто вынуждены были это делать: какой-либо диктат с нашей стороны, неуместное вмешательство воспринимались бы с их стороны с большим неудовольствием. У немцев была своя голова на плечах, и они знали, как ею пользоваться. Если и случалось, что между нашими и их работниками возникали споры, то они быстро и сообща гасились. На более высоком уровне всегда старались действовать в интересах общего дела, обходить острые углы, устранять ненужное соперничество. Что же касается обещаний и обязательств, которые обе стороны давали друг другу, то и мы, и немцы могли на слово партнера положиться.

Мильке, Вольф и их разведчики, благодаря доставшимся им в наследство традициям еще с имперских времен, располагали определенными возможностями для добывания информации как в Северной Африке, так и в других бывших германских колониях. Добросовестно работали они и в Латинской Америке, где после войны возникли значительные немецкие поселения. Нельзя было сбрасывать со счетов и их помощь рождающейся социалистической Кубе. Зато их деятельность в США была не слишком богата: как представители страны, не получившей

полного дипломатического признания, они не могли себе многого позволить.

Что касается польской разведки, то и в тщательности, и в успешности она во многом не дотягивала до восточных немцев. К тому же в отношениях с нами и с Берлином поляки не раз проявляли излишнее самолюбие, национализм. У них бытовало представление о том, что их якобы постоянно лишь используют. Поэтому их доверие к нам было не очень высоким. С нашей стороны соответственно доверие было ничуть не большим, тем более что наша подозрительность была оправданной. Ведь еще в 1956 году секретный доклад Хрущева на XX съезде попал на Запад именно через Польшу.

Не лучше обстояло дело и с сохранением военных секретов. Как только новый тип вооружений появлялся в соседней стране, о нем вскоре уже можно было прочитать на Западе — и снова следы вели к полякам. В общем, польское сознание, видимо, уже тогда работало на рыночном уровне.

К тому же поляки были не слишком трудолюбивы. Например, имея немалые возможности для сотрудничества со своими эмигрантами во Франции или Соединенных Штатах, они использовали их минимально, как говорится, работали «спустя рукава».

Отношения со спецслужбами Чехословакии, Венгрии, Болгарии были дружескими, рабочими и взаимно доверительными.

Гораздо прохладней были отношения с Румынией. С Югославией все было еще сложнее.

Правда, на закате эры Хрущева начинало казаться, что установление контактов между Москвой и Белградом по части обмена секретной информацией и сотрудничества разведок становится возможным. Однако это ожидание не оправдалось. Во время моего визита на Балканы мы договорились о конкретных шагах, в том числе и о посылке советского офицера связи в Белград. Человек, которому это было поручено, в Белград прибыл, и они к нам прислали своего для связи между нами. Но дальше дело не пошло.

Несколько месяцев нашего представителя никто не хотел замечать. Наш человек ждал и ничего не делал, ибо любое проявление нашей неосторожности лишь помешало бы улучшению отношений с Югославией. По нашей инициативе он только передал югославам две или три информации. И ничего больше.

Но секретные службы Югославии ответили совсем не так, как мы ожидали. В квартиру нашего представителя проникли

«грабители», дав ему понять что он человек нежеланный. Анализ показал, что действовали профессионалы. Чтобы избежать продолжения подобного, мы нашего представителя отозвали.

Дальнейшие попытки были безрезультатны. Доверительные отношения так и не сложились. Югославы линию самостоятельности вели до конца…

Морален ли шпионаж?

Подбор агентов, которым предстояло на Западе работать на нас, был весьма многоплановой работой. Вот где действительно невозможны шаблон и прямолинейность! И здесь использовались самые разнообразные методы и подходы.

В одном случае нам повезло поймать значительную фигуру на любовных авантюрах, более того — тут мы «помогли» человеку и тем самым раздобыли богатый компрометирующий материал. В другом — агентурный контакт развился на основе случайной встречи и личных симпатий. Всегда находились люди с самой обычной и распространенной человеческой слабостью — страстью к деньгам. И, наконец, были те, кто сотрудничал с нашей страной и ее политической системой вне зависимости от того, что или сколько они получат за свою информацию. У нас это называлось по «идейным соображениям».

Найти такого агента сложно, но чрезвычайно важно. Это — большая удача.

Если дело шло о проникновении в сферу западных ядерных секретов, в министерства и учреждения, где принимались принципиальные решения, определявшие направления политики, мы ставили перед собой конкретную задачу и целенаправленно шли к ней на всех фронтах. А это означало скрупулезное изучение, наблюдение, анализ, координацию действий между резидентом на месте и руководством разведки, а в особо важных случаях и руководством всего Комитета.

Набор агентов для внутренней контрразведки был гораздо проще, так как не требовал длительных проверок и многочисленных контактов. Если что-то не получалось, в любой момент можно было найти замену. Но за рубежом у разведчиков было намного меньше возможностей, и ошибки здесь вели к значительно большим потерям — и финансовым, и политическим.

Обработкой конкретного объекта в чужой стране всегда занимался лишь один человек. Если ему и помогали в том или ином случае люди со стороны, то о цели всей операции они не имели точного представления.

Число контактов, на которые выходил разведчик, зависело от их важности. Если один чекист в контрразведке в состоянии руководить примерно пятнадцатью внутренними агентами, то у разведчика на Западе их число гораздо меньше.

Когда дело касалось уж очень важного контакта, то связанный с ним человек мог заниматься только одной этой

личностью, чтобы не поставить под угрозу безопасность главной акции неожиданно возникшими подозрениями, касающимися второстепенных направлений.

Безусловно, многое зависело и от страны пребывания. Например, во Франции нам не приходилось проявлять столько осторожности, как в Соединенных Штатах. В африканских странах или на Филиппинах возможностей перевести дыхание было еще больше.

Основные указания по части ведения дела давал начальник разведки или один из пяти его заместителей. Резидент регулярно передавал в Москву все данные и детали и ждал, пока их обработают: хранить сведения прямо в посольстве было бы непростительным риском, учитывая опасность нападения или обнаружения секретных сведений. Затем уже руководящий орган — после консультаций с резидентом — реализовывал замысел на практике, проявляя собственную инициативу.

Оплата труда была в широких границах. Гонорары за обычную политическую информацию, которая позже появлялась в ежедневной печати, были незначительных размеров, а вознаграждение за факты наивысшей ценности могли оплачиваться и четырехзначной цифрой. Как правило, агенты никогда и ничего не знали друг о друге, так что не могли сравнивать размеры своих гонораров. К тому же агенту платили не только за объем проведенной работы, но и с учетом перспективы его возможностей получения ценной информации в дальнейшем.

Случалось не раз, что обычный рядовой политик, завербованный на второстепенной, порой совсем незначительной должности, достигал высоких постов, даже становился министром. Чтобы правильно оценить способности агента, в определенной мере предугадать его будущее, убедить его самого в полезности сотрудничества с нами, разведчик должен был иметь немалый опыт.

Было выгодно оплачивать работу за более длительный период — это позволяло определять, где ценные сведения, а где различные ненадежные агенты пытаются подсунуть нам вместо важных фактов некое подобие «пустой породы». Однако не всегда можно было все предугадать. Поэтому время от времени случалось, что мы тратили деньги впустую.

Материальное вознаграждение рядовых информаторов находилось в компетенции резидента конкретной страны. Однако чем выше в общественной иерархии находился источник информации, тем и в системе КГБ смещалось вверх право на определение его ценности. Ни размеры гонораров, ни подлинные

имена наиболее значительных агентов КГБ за границами страны не были известны даже заместителям председателя КГБ, не говоря уже о людях из других государственных органов. Отдельные промышленные министерства брали на себя расходы по научно-технической разведке, и мы отчитывались перед ними конкретными материалами по интересующим их вопросам.

Моральные аспекты агентурной работы являются сверхчувствительной областью нравственности. Оплачивали мы работу или нет, мы считали хорошо расположенных к нам граждан других стран не предателями, а, наоборот, героями и борцами за прогресс. Мы за то были им благодарны, что они открывали нам двери к строго охраняемым тайникам важных сведений (Запад, разумеется, точно так же подходил к этой проблеме). Но их личная борьба с собственной совестью рано или поздно всплывала на поверхность.

Идеальный агент, сотрудничавший на основе своей идейной близости с нами, должен был и в своих собственных глазах сохранять уважение к себе, беречь свое человеческое достоинство: ведь он боролся за принципы, в истинности которых был внутренне убежден, помогал тем, кто наиболее активно проводил эти принципы в жизнь. Такой агент не был примитивным торгашом и никогда не опускался до роли провокатора или вымогателя.

К примеру, Пеньковский не был для Запада таким человеком. Он диктовал свои условия и заботился прежде всего о своих собственных интересах, своей выгоде. Пеньковский буквально высасывал деньги из своих работодателей. Его подход к работе всегда таил в себе угрозу: не дашь столько, сколько требую, могу предать и тебя, и твоих людей.

Джордж Блейк, напротив, о своей выгоде вообще не заботился. Ким Филби был не простым по характеру, но и в его случае личные амбиции не играли решающей роли: он помогал нашей стране в весьма трудное время напряженной международной изоляции.

Если мы сами вдруг ощущали при своих контактах с агентом намек на переживаемые человеком моральные сомнения, то старались его поддержать, помочь преодолеть тяжелый момент в его жизни. Мы и словами, и делами давали ему понять, что, случись что-либо непредвиденное, не бросим его в беде, поможем. Поможем, даже если в глазах общественности нанесем урон собственному имени.

Какими бы мотивами ни руководствовался агент, идя с нами на сотрудничество, он имел, на случай крайней необходимости,

готовый план спасения. И даже в тех обстоятельствах, когда план проваливался и человек оказывался в тюрьме, мы не забывали о нем. В подходящий момент его можно было выменять на шпиона противника. Если же ему удавалось бежать из тюрьмы самому, как это удалось Джорджу Блейку, было достаточно дать о себе знать откуда угодно, из любой точки земного шара, — и мы спешили на помощь.

Мы никогда не действовали по принципу: выжать человека до последней капли и бросить. Если бы о подобных действиях узнали потенциальные, возможные в будущем сотрудники тайной службы, то никогда бы не пошли на связь со столь бесчувственной организацией…

Агент, чрезмерно уязвленный собственной совестью, проявляет повышенную склонность к тому, чтобы прийти с повинной в органы своей страны или же эмигрировать в момент, когда еще никакой реальной опасности нет и его исчезновение будет преждевременным.

Внутренне раздвоенный человек склонен к внезапным поспешным действиям, чем может причинить вред и себе, и нам. В минуты, когда совесть начинает его мучить сильнее, чем он в состоянии перенести, возникает опасность, что он неосторожно поделится своими переживаниями с приятелями. или как-то иначе себя выдаст.

При этом без нашего согласия он не имел права рассказать о своем сотрудничестве с нами никому, даже самому близкому человеку. Ничего не должна была знать и жена. Случалось, конечно, что, при благополучном стечении обстоятельств, со временем на нас начинали работать оба супруга, но если дома у человека не все было в порядке, происходили трагедии.

Однако, несмотря на все наши старания помочь, подбодрить, пойти навстречу, у агента были свои границы. Часть тяжести подобной работы должен был нести сам человек, ставший нам помогать. Мы не всегда могли докопаться до всех поворотов его мыслей. Нельзя забывать и о том, что, при всем желании, предупредительности, гуманизме с нашей стороны, разведка — это не Международный Красный Крест.

Когда же опасность провала становилась реальной, когда дальнейшее пребывание агента у себя на родине или в стране пребывания становилось нежелательным и неизбежной была немедленная эмиграция к нам, мы принимали каждого с благодарностью за проделанную работу. О своем материальном обеспечении беспокоиться не приходилось никому. И гарантия личной безопасности была стопроцентной.

Доступ к бывшему агенту поначалу был весьма ограничен, его бдительно охраняли. И подключиться к активной работе такой человек сразу не мог. Требовалось время. В дальнейшем его использовали для подготовки кадров разведки или на аналитической работе, и очень редко такие люди зачислялись в аппарат КГБ. Утверждение взаимного доверия требовало времени. Начинать снова в подобных обстоятельствах всегда было трудно.

Советские перебежчики, укрывшиеся на Западе, отличались от иностранных агентов, перешедших к нам.

Людей типа Гордиевского, предавшего Родину в восьмидесятые годы, или перебежчика Виктора Суворова Запад поощрял печатать различную полуправду и явную ложь о нашей стране. Я думаю, они прекрасно понимали, что поступаю! бесчестно. Но иначе они там никому не нужны, а потому в поте лица отрабатывают свой хлеб, стараясь побольше вылить грязи на свою бывшую Родину. Деньги тоже, разумеется, способствуют этому.

А Советский Союз, в отличие от стран НАТО, не требовал от агентов-эмигрантов, находившихся под его защитой, в своих книгах или публичных выступлениях чернить свою страну. Ким Филби и Джордж Блейк также опубликовали свои воспоминания, где делились с читателями своими размышлениями, описали пройденный ими путь от раннего детства до приезда в Москву, не скрывая мотивов, приведших их к сотрудничеству с нами.

Рукописи в КГБ, понятно, читали и очищали от слишком конкретных деталей, которые в то время могли бы осложнить нашу оперативную работу или же приоткрыть западным контрразведчикам то, что до сих пор было от них скрыто.

Филби и Блейк в своих книгах не упоминали и о десятках людей, с которыми они в свое время общались, не писали о своих друзьях и товарищах по работе, поскольку любое такое упоминание могло бы осложнить личную жизнь тех людей, их семейные отношения. Сведения подобного характера находятся только в соответствующих московских архивах.

Эти люди работали как профессионалы, профессионалами они и остались. Они нашли для себя жизненную платформу, стоя на которой, смогли сохранить свое лицо.

Дело Пеньковского

Предательство полковника Олега Пеньковского, человека, которого Запад и по сей день считает своим самым значительным источником тайной информации в Советском Союзе, мы раскрыли, можно сказать, в определенной мере случайно.

Время от времени мы бросали все наши силы на наблюдение за дипломатами одного из западных посольств в Москве. Чаще всего, понятно, мы так следили за американцами, но и британское или немецкое посольства нас интересовали не в меньшей степени.

Проверки обычно длились неделю, в течение которой мы наблюдали за каждым шагом посольских работников. Мы фиксировали их контакты с советскими гражданами, проверяли последних, делали выводы.

Во время одной такой акции наши чекисты в ГУМе, на Красной площади, отметили контакт британского разведчика с нашим гражданином. Беглый контакт, после чего русского мы сразу потеряли. Способ его исчезновения и был сигналом к тревоге: этот человек не новичок, знает, что следует делать.

Усилили наблюдение за англичанином, и их следующая встреча для нас уже была успешной: на сей раз заинтересовавший нас человек не смог уйти от наблюдателя. Естественно, мы не вмешались тотчас, а начали осторожно собирать факты.

Мы не сразу поняли, на что же натолкнулись. Вышеупомянутый неизвестный оказался полковником Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба, одновременно он работал заместителем начальника отдела Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР. Фамилия его была Пеньковский.

Мы отказывались верить, что нечто подобное вообще возможно. Я и до сих пор спрашиваю себя: как мог переродиться в предателя офицер-артиллерист, участник Великой Отечественной войны, имевший боевые награды? Однако новые и новые факты все более подтверждали наши подозрения.

Постепенно мы вышли еще на одного англичанина, выдававшего себя за британского коммерсанта, — Гревила Винна, который наведывался в Москву по торговым делам. Винн решительно не отвечал тому уровню контактов, которые могли бы его связывать с Госкомитетом по науке и технике, и уж меньше всего — с ГРУ. Но наблюдение за его перемещениями, встречами и приемами окончательно рассеяло всякие сомнения.

Позже выяснилось, что установить контакт с западными

секретными службами Пеньковский пытался несколько раз, и прежде всего — с американцами. Однако прошло определенное время, прежде чем он добился успеха.

Еще в августе 1960 года он передал американцам письмо, в котором предлагал свои услуги. Не дождавшись ответа, стал искать контакты с британской и канадской разведками, используя свои встречи по линии Госкомитета с предпринимателями, приезжавшими в нашу страну. Помогло ему и то, что офицер, занимавший такое положение, какое занимал Пеньковский, мог иметь сведения практически о любом туристе, приезжавшем — к нам, и после основательной проверки попросить его о помощи.

Англичане вполне логично отнеслись к нему сначала с подозрением: так просто достигнутый успех и на таком высоком уровне вполне мог оказаться советской провокацией. Добровольное стремление к сотрудничеству всегда побуждает действовать осторожно. Однако спустя некоторое время и после основательных проверок англичане все-таки поверили, что советский полковник на самом деле стремится стать их агентом.

В своих разговорах с работниками западных спецслужб Пеньковский, чтобы подчеркнуть свою значимость и преданность Западу, утверждал, что антикоммунизм у него в крови, что его отец в свое время боролся с «красными». Но подобное было абсолютно исключено: кадровая проверка будущих разведчиков была очень строгой. Сведения о родственниках проверялись еще до принятия курсанта в школу разведчиков и его посылки за границу. Если бы то, что Пеньковский сообщал своим западным хозяевам, отвечало действительности, он никогда бы не оказался среди военных разведчиков.

Не подтвердились и рассказы Пеньковского о том, что брат его деда, Валентин Антонович Пеньковский, был начальником штаба военного округа на Дальнем Востоке, а потом в Белоруссии. Такой человек действительно существовал и названные посты занимал. В Великую Отечественную войну он сражался под командованием Родиона Яковлевича Малиновского. Однако тот Пеньковский не имел с нашим «героем» ничего общего, кроме фамилии. Такой вымысел нужен был Олегу Пеньковскому для того, чтобы усилить свою значимость в глазах западных партнеров…

Винн во время второй мировой войны служил в военной разведке. С Пеньковским он познакомился в декабре 1960 года в Москве. Пеньковский попросил его помочь установить связь с британской разведкой, что тот и сделал.

С апреля 1961 года Винн стал выполнять роль посредника между Пеньковским и британской секретной службой, к которой

присоединилось и Центральное разведывательное управление США…

Кроме служебного положения, Пеньковский для добычи информации использовал и свои близкие связи с маршалом Сергеем Сергеевичем Варенцовым, командовавшим артиллерией и ракетными войсками наземных сил Советской Армии.

Еще во время войны Пеньковский служил у маршала адъютантом. Женившись после войны на дочери одного генерала, он быстро пошел в гору. Окончив двухлетний курс в Военной академии им. М.Фрунзе, где овладел английским языком, Пеньковский начал работать в ГРУ. Позже он был послан в Турцию, где находился при нашем военном атташе.

В Анкаре его невзлюбили: характер у него был мерзкий, со всеми ссорился, вызывая к себе неприязнь. Самолюбивый Пеньковский имел о себе слишком высокое мнение и найти общий язык с сослуживцами не сумел. Работа у высокопоставленного Варенцова сделала его самоуверенным — он стал считать, что может всем приказывать, всех поучать. Как позже стало известно, обидевшись на весь мир, он даже донес на своего начальника турецкой разведке! В итоге из Турции его вынуждены были отозвать, а потом и вовсе выгнали из ГРУ.

Некоторое время работа Олега Пеньковского не была связана с военной разведкой. Но он подключил своих влиятельных друзей, чтобы вернуться в ГРУ, и за него стал ходатайствовать маршал Варенцов. Запросив личное дело Пеньковского, начальник ГРУ Серов ответил: «С такой характеристикой возвратить в органы не могу». Варенцов «нажал» на все возможные инстанции — и документы Пеньковского переписываются (!), на них появляется резолюция того же Серова: «Зачислить». Так Пеньковского снова вернули в ГРУ.

Впоследствии Пеньковский старался всячески сблизиться с Серовым и «отблагодарить» его. Он «случайно» встречался с Серовым за границей, когда тот с женой и дочкой бывал в Англии и Франции, и на деньги английских спецслужб устраивал им «красивую жизнь», преподносил дорогие подарки. В ответ Пеньковский был даже приглашен в Москве на семейный обед к Серову…

После возвращения в ГРУ Пеньковский получил не слишком большой пост. Его это не удовлетворяло — он претендовал на большее. К тому же полковник привык вести расточительный образ жизни, много тратить на женщин. Для этого нужны были немалые средства, а работа в ГРУ таких возможностей не

предоставляла, к тому же никто не спешил повысить его по службе. А Пеньковский жаждал возвыситься и иметь неограниченные финансовые возможности…

Когда он прибыл в Лондон во главе делегации Госкомитета по науке и технике, западные спецслужбы его там уже ждали. Была разработана сложная система связи с Пеньковским, его снабдили всей необходимой техникой.

Встречу в ГУМе мы зафиксировали в начале 1962 года.

Вскоре проследили и новые встречи Пеньковского с Винном в гостиницах «Националь», «Метрополь», «Украина». Там под шум воды из крана в ванной комнате иностранцу передавались микропленки с отснятыми материалами, сообщениями о советских стратегических ракетах, военно-технических документами. Предатель, в свою очередь, получал средства тайнописи, деньги, фото- и радиоаппаратуру, инструкции по способам связи и сувениры от зарубежных «друзей».

Большой коллектив советских контрразведчиков был задействован в работе по раскрытию этого «лучшего» англо-американского агента «холодной войны». Полгода велась его разработка, руководили которой начальники Второго главного управления Грибанов и Банников.

Сведения, передаваемые Пеньковским, начали использовать британская и американская разведки. Мы какое-то время ничего не сообщали в ГРУ. И поступали так не потому, что хотели любой ценой скрыть от них столь серьезное разоблачение.

Дело было в другом: мы ничего не знали о связях Пеньковского в СССР. Нам не было известно, работает он в одиночку или имеет еще дополнительные, вспомогательные каналы. Не исключалось и то, что ГРУ, ради сохранения «чести мундира», захочет побыстрее закрыть дело и след, который мы взяли, может исчезнуть.

Мы предприняли все возможные шаги для того, чтобы отрезать Пеньковскому любой доступ к материалам большой секретности. Но мы не стали подсовывать ему для передачи на Запад и фальшивых сведений, чтобы неудачным шагом не раскрыть самих себя. Просто под рукой у Пеньковского оказывались маловажные инструкции, касавшиеся старых и уже списанных дел.

Материалы, которые он передавал в начале своей работы на Запад, были настоящие, и их выдача принесла нам значительный вред. Они были из досье как Комитета по науке и технике, так и ГРУ. В частности, Пеньковский брал из библиотек документы для служебного пользования, которые не находились под слишком

строгим надзором, и копировал их.

В западных публикациях возможности Пеньковского чрезмерно преувеличены. Ему даже приписывается доступ чуть ли не в кабинет самого министра обороны. Это чистая фантазия. Для того чтобы получить на руки секретный материал особой важности, нужно было, кроме всего прочего, заполнить не один вопросник, обосновать необходимость изучения документа, определить взаимосвязь между проводимой человеком работой и содержанием этого документа. Получение его не могло обойтись без соблюдения всей этой строгой процедуры. И тот, кто имел право на изучение секретных материалов особой важности, это прекрасно понимал и не рисковал без необходимости.

Британская и американская разведки ценили Пеньковского. За оказанные услуги они присвоили ему звание полковника. В ЦРУ он проходил под кличкой Герой, в английской разведке — Йог. Во время одной из заграничных встреч, желая подыграть его самолюбию, Пеньковского сфотографировали в форме офицера американской, потом британской армии с полковничьими знаками различия. Он был честолюбив и всячески раздувал легенду о собственной значительности.

Пеньковский передавал секретную информацию в Москве и во время поездок в Лондон или Париж. В Москве он был связан с женой британского дипломата Джанет Анн Чизхолм. Часть снятых копий передавал через нее. Ее муж, кадровый разведчик МИ6(Сикрет интеллидженс сервис), работал под крышей английского посольства в Москве. И сама Чизхолм была связана с секретными службами.

Встречи проходили в старых арбатских переулках. Схема проведения контактов была проста: агент заходил в подъезд заранее намеченного дома, куда, после тщательной проверки на случай слежки, заходила и Анн Чизхолм. Обменявшись пакетами, они расходились по одному с минимальным интервалом — в тридцать секунд. Использовался даже ребенок Чизхолм. Однажды на Цветном бульваре Пеньковский передал ребенку кассеты с микрофильмами в коробке из-под конфет.

Для экстренной связи использовался тайник в подъезде дома 5/6 на Пушкинской улице (ныне Б.Дмитровка), где между батареей парового отопления и стеной подвешивался на проволочном крючке спичечный коробок, в котором находились сведения государственной важности.

Но самыми безопасными местами для обмена шпионскими материалами считались дипломатические приемы в английском и американском посольствах, где Пеньковский мог бывать по роду

своей деятельности.

По мере расследования стало ясно, что следует ограничить его выезды за рубеж. В одном случае он получил срочную работу, в другом — с нашей помощью — заболел. Разумеется, это была болезнь, которая помешала поездке, но не нанесла здоровью никакого вреда: некоторые личные вещи предателя обработали специальным составом, в результате у него на ягодицах выступила сыпь, и он был вынужден лечь в госпиталь. В это же время мы оборудовали его квартиру нашей спецтехникой.

К начавшейся работе было привлечено и Управление оперативной техники. Его работники творили подчас чудеса. Это были действительно мастера высокого класса. Мы им всячески старались помочь, выявляя на Западе, при помощи секретной технической разведки, новейшую технику и технологию, покупая ее затем так же тайно за границей. Тем не менее само мастерство наших работников было очень высоко.

К слову сказать, киноаппаратура, установленная на первых наших спутниках, рождалась в недрах КГБ. И первые фильмы о выходе человека в космос тоже были сняты нашей аппаратурой. Речь о космонавте Алексее Леонове. Космонавты смотрели эти съемки на Лубянке. Уже после мы их передали телевидению и в кинопрокат. Десятиминутная космическая «прогулка» Алексея Леонова во время его полета на корабле «Восток-2» была сохранена на кинодисках только благодаря технике КГБ. Это уже позже, когда наших сил было недостаточно для обеспечения быстро развивающейся космической программы, заботу о производстве микроаппаратуры взяла на себя промышленность. Мы не располагали конвейером, на котором производилось бы все, что нам нужно, но в отдельных случаях были в состоянии создать сложнейшие устройства в единственном экземпляре, как платье в ателье на заказ… И в случае с Пеньковским техники смастерили систему устройств, при помощи которых мы смогли незаметно следить за ним, подслушивать и фотографировать.

Новая технология помогла нам даже сфотографировать лежавшие на окне его квартиры украденные документы и сделать это с противоположного берега Москвы-реки. Пеньковский жил в доме на Котельнической набережной. Чтобы задокументировать его шпионскую деятельность, по дну Москвы-реки специально был проложен кабель, по которому осуществлялось управление цветочным ящиком на балконе этажом выше. Как только Пеньковский раскладывал на своем подоконнике секретные документы для пересъемки, с соседского балкона выдвигался этот цветочный ящик и вмонтированная в него камера

фотографировала все действия шпиона.

Мы ждали, когда приедет связной Пеньковского Винн. Нам было известно, что поездка в Москву у него в планах, а ради весомости доказательств на суде и снятия спорных вопросов мы хотели задержать их обоих при встрече с поличным.

Однако Винн медлил с приездом. Не знаю, были ли у него какие-то сомнения или подозрения, но в Москву он все не приезжал и не приезжал. Схватка нервов и расчетов была в полном разгаре.

Как пишут М.Палмер и Т.Б.Аллен в своей «Энциклопедии шпионажа», в 1962 году, когда западным секретным службам стало ясно, что Пеньковскому грозит разоблачение, они приняли решение организовать ему побег на Запад в одном из грузовиков с экспонатами с торговой выставки в Ленинграде, в которой бизнесмен Винн должен был официально участвовать.

В то время дело Пеньковского было под моим личным контролем. Вместе с Грибановым, а затем Банниковым мы взвешивали каждый наш шаг: мы понимали, что на крючке у нас большая рыба, и не в коем случае не могли допустить, чтобы она ушла.

Вскоре узнали, что Винн направляется с двумя грузовиками на торговую выставку в Венгрию, намереваясь оттуда через Хельсинки прибыть в Ленинград.

Между секретными службами Советского Союза и Венгерской Народной Республики существовало соглашение о взаимной выдаче лиц, допустивших проступки на территории наших стран. Однако Винн пока что не был в чем-либо уличен — только подозреваем. И все-таки мы решили не медлить.

В октябре в Венгрию на самолете пограничных войск вылетел Банников с группой чекистов. 2 ноября 1962 года, когда Винн уже покидал Будапешт, он был задержан в своей автомашине, арестован и сразу же перевезен в Москву — на том же самолете, на котором прибыл в Будапешт Банников. Нам очень помогли венгерские чекисты.

Пеньковского взяли еще раньше — 22 октября. Операция была проведена так, что ни британские, ни американские спецслужбы поначалу ничего не знали об этих арестах. Не знали об арестах друг друга и оба агента.

Я распорядился, чтобы Пеньковского сразу же привели в мой кабинет. Хотел разглядеть его и понять, что представляет собой полковник одновременно трех мировых разведок, посмотреть ему в глаза.

Из камеры, находившейся здесь же, на Лубянке, был

доставлен неказистый человек, на лице которого не выражалось ни понятливости, ни природного ума, так необходимых для того, чтобы вызывать доверие и занимать достаточно высокий пост.

Его посадили в конце моего длинного стола. Поначалу я не заметил его волнения. И спросил, как он дошел до жизни такой.

Но Пеньковский не стал говорить о своем предательстве, он сказал другое:

— Гражданин председатель, я хочу предложить вам использовать меня в интересах нашей Родины. Я мог бы для нее много сделать.

И принялся разглагольствовать о том, что отныне будет работать на нас, что сумеет использовать то, что является агентом и здесь, и там…

— Скажите мне, какой вред вы нанесли нашей стране, — остановил его я. — Скажите схематично, назовите самые существенные факты.

Тут он стал вертеться и выкручиваться. Он не имел понятия, что нам известно и сколько. Передавал, мол, самые незначительные бумажки, водил их за нос, собирал треп…

— Теперь у вас будет достаточно времени обо всем поразмыслить, — прервал я наконец это тягостное «представление». — Когда будете готовы к тому, чтобы подробно рассказать о нанесенном вреде, я приму вас.

Эта встреча, длившаяся несколько минут, ясно показала мне, что никакой оперативной игры с разведками США и Англии через Пеньковского вести нельзя: уж чересчур он был гнусной личностью. Предложив использовать себя, он в то же время отказался честно рассказать о своей шпионской деятельности, стал юлить. Вопрос сотрудничества с ним отпал сам собой. Уже в ходе этой беседы у меня возникло чувство брезгливого отвращения к нему, которое не прошло до сих пор.

Расследование дел Пеньковского и Винна шло одновременно. Винн поначалу вел себя так, словно никаких грехов за собой не находил, тем более что задержан он был на территории другого государства.

Они все еще не знали друг о друге. Когда же в их показаниях перестали появляться новые факты, мы пошли на избитый прием: в то время, когда одного вели по коридору Лубянки на допрос, другого в то же время вели с допроса.

Эта встреча для обоих была шоком. Не зная, кто и что уже успел рассказать, они стали давать показания, в том числе и друг на друга, чтобы хоть как-то смягчить собственную вину. Так расследование получило новый импульс.

В мае 1963 года над Винном и Пеньковским состоялся суд, который проходил в клубе им. Дзержинского, рядом с главным зданием КГБ. В зале собрались более двух тысяч человек, главным образом чекисты, работники ГРУ и военные. Вход был по пригласительным билетам. Процесс преследовал, кроме всего, и воспитательные цели.

Военная коллегия Верховного суда приговорила Пеньковского к смертной казни.

Приговор был приведен в исполнение. Так закончилась карьера полковника трех разведок.

Отклик на дело Пеньковского был значительным. Известно, что даже самая ответственная и дисциплинированная в мире секретная служба не застрахована от утечки информации и должна в определенной мере брать это в расчет. Однако в том случае все нити предательства были сплетены вместе из-за нерадивости высших чинов Главного разведывательного управления.

Не без вины был и маршал Варенцов. Конечно, человеку, дослужившемуся в разведке до звания полковника, следует верить. Нельзя подозревать всех вокруг себя и видеть только плохое. Однако и в самых простейших делах должно всегда действовать правило: доверяй, но проверяй. Для меня в этом плане дело Пеньковского стало большим уроком.

Варенцов именно этим правилом непростительно пренебрег. Ему были хорошо известны проблемы Пеньковского в ГРУ, и все-таки он приблизил к себе своего бывшего адъютанта, вошел с ним в доверие. И «купился» Варенцов на мелочах, знаках внимания и подхалимстве. Так, когда маршал отмечал шестидесятилетие, Пеньковский подарил ему коньяк, которому, как утверждал даритель, тоже 60 лет, все пили и ахали: ах, какое чудо! В ходе расследования дела Пеньковского, однако, выяснилось, что коньяк, купленный им на Западе, был самым что ни на есть обыкновенным, а этикетка с цифрой «60» на нем была взята из какого-то рекламного листка. В ответ Варенцов давал Пеньковскому ключи от своей дачи, где бывший адъютант устраивал пьянки и куда без помех приводил женщин.

Но Пеньковскому этого было мало. Войдя в круг людей Варенцова — конструкторов, военных специалистов, — Пеньковский мог слышать разговоры о ракетном вооружении, технологии его производства. По частым поездкам Варенцова он мог судить о дислокации ракетных войск. Вся эта секретная информация очень ценилась британской и американской спецслужбами.

Вызывать Варенцова для официального допроса нам не

слишком хотелось. Все-таки он был высоким лицом в руководстве армии. И все же пришлось пригласить его на беседу.

Явившись ко мне в кабинет, он начал возмущаться:

— Где разрешение? Кто позволил? Я не обязан!..

— Я не намерен вас арестовывать. Не собираюсь вас и допрашивать, — сказал я ему. — Позвал вас, чтобы поговорить — как с участником войны, маршалом. Только потом решу, какие нам принять меры.

Свою вину маршал отрицал полностью. Представленные мною факты назвал небылицами.

Я задал ему десяток вопросов и попросил ответить на них письменно. Или, если хочет, он может сразу же ответы надиктовать.

Варенцов стал протестовать, заявив, что является членом партии, маршалом, фронтовиком и писать ничего не собирается.

— Товарищ маршал, — ответил я уже более жестко. — Не думаете ли вы, что я вызвал вас без ведома Центрального Комитета партии и его Президиума?

Варенцов заколебался, маршальские манеры постепенно начали исчезать.

— Если нас ваши ответы не удовлетворят, мы позовем вас снова, — я ковал железо, пока горячо.

Он отговаривался, ссылался на то, что у него полно работы и нет времени.

— Ваш министр хорошо знает, что вы здесь, — заявил я. — Если желаете, попрошу его дать вам свободный день.

Варенцов ответил на все вопросы письменно, и больше я его к себе не приглашал. И не потому, что ответы нас полностью «удовлетворили», — мне не хотелось создавать у высших армейских генералов ощущение, что КГБ начинает вторгаться в самые верха армии. К тому же из других источников материала у нас было более чем достаточно.

Варенцов потерял свое маршальское звание: его понизили до генерал-майора. Если учесть долю его вины во всей этой истории, все могло бы кончиться для него еще хуже.

Шефа ГРУ Серова я не вызывал из принципа. Ведь это был бывший председатель КГБ! А еще раньше — заместитель Берии. К тому же он не располагал ничем, что смягчило бы его вину (хотя следователи потом вели с ним разговоры).

Но, занимаясь подготовкой отчета о ходе расследования, к фактам, касавшимся Серова, я добавил и напоминание о доле его вины за выселение мирных народов — калмыков, ингушей, поволжских немцев и других — и внес предложение строго его наказать. В результате Серов был отозван с поста руководителя

ГРУ, но остался генерал-майором и из партии исключен не был. Вышел из всей этой истории со строгим выговором, у него отобрали ордена и другие награды. Затем перевели в Куйбышевский военный округ.

На место Серова был назначен мой первый заместитель Ивашутин.

Поскольку Пеньковский знал многих наших разведчиков, мы были вынуждены отозвать их из-за границы.

Практически все без исключения разоблаченные агенты иностранных спецслужб утверждали и продолжают утверждать, что на предательство они пошли исключительно из идейных соображений.

Арест Пеньковского совпал по времени с пиком Карибско-го кризиса, когда мир стоял на пороге атомной войны.

Разместив в Турции и Англии свои новые межконтинентальные ракеты «Минетмент», американцы добились серьезного стратегического перевеса над СССР. В ответ мы провели операцию «Анадырь», тайно переправив и установив на Кубе 42 ракетных комплекса с дальностью действия до 2 тысяч километров.

В США началась паника. Американские ВМФ установили блокаду Кубы, что фактически означало начало войны. Вот на таком тревожном фоне действовал предатель Пеньковский, и это дало западной пропаганде повод объявить его «миротворцем», спасшим мир от ядерной войны, идейным противником СССР, борцом против тоталитарного режима, хотя сам Пеньковский никогда ничего подобного не заявлял.

В 1993 году в США вышла книга под названием «Шпион, который спас мир». Эта книга написана бежавшим на Запад бывшим сотрудником КГБ Дерябиным вместе с неким Шектером и посвящена Пеньковскому. В ней непомерно преувеличивается роль Пеньковского, хотя надо признать, что последний действительно причинил нам большой ущерб.

Предательству Пеньковского приписывается даже решающая роль в том, что американцы в 1962 году узнали о вывозе советского ядерного оружия на Кубу. Однако какой-либо «вклад» Пеньковского в разглашение этой советской тайной операции совершенно исключается. К Карибскому кризису он вообще не имел никакого отношения. Строительство шахт на Кубе американцы обнаружили сами при помощи своих само-летов-разведчиков, потом в поле их зрения попали корабли с ракетами, направлявшиеся к кубинским берегам. Остальную информацию им поставили другие агенты, которых на Кубе было достаточно.

Столь же беспочвенными были и соображения о том, что Пеньковский информировал Запад о планах строительства стены в Берлине. И хотя он мог установить контакт с западными тайными службами уже в апреле 1961 года, планы строительства стены еще не обсуждались в Совете обороны стран содружества и ГРУ ничего не было известно об этом. Возведение стены было результатом договоренности узкого круга лиц, скорее всего, на уровне высших руководителей тогдашних ГДР и СССР — Вальтера Ульбрихта и Никиты Сергеевича Хрущева.

Материалы следствия раскрывают совсем иные мотивы, которые двигали Пеньковским. В связи с этим следует сказать о его «покаянном» письме руководству КГБ. Оно настолько саморазоблачительно, что заслуживает того, чтобы привести его полностью.

> «Председателю Комитета Государственной Безопасности.
>
> Начальнику Главного управления КГБ.
>
> За четыре дня, в течение которых ведется следствие, мною показано очень много преступных фактов работы на иностранную разведку. Мне больно и страшно говорить о совершенном, я уже чувствую большую слабость и усталость, мысли путаются. Прошу понять это состояние и помочь мне.
>
> Я вторично обращаюсь к вам как к государственным деятелям со следующим.
>
> В результате большой работы, проделанной на врагов, я получил их полное признание и доверие. Мне было заявлено перед отъездом из Парижа, что вражеское главное командование высоко оценило мои действия по сотрудничеству с ними и обещает после моего прибытия на Запад сохранить воинское звание полковника и использовать на важной работе в высшем штабе, а также выплатить большое денежное единовременное вознаграждение, установив в последующем ежемесячный оклад в 2000 долларов. Я уверен, что буду использован ими на работе в Пентагоне или в имперском штабе. Мои агентурные возможности будут очень большими.
>
> Прошу вас оказать мне доверие и помочь реабилитироваться и вернуться в наше общество и в свою семью ценой огромнейшей пользы, которую я сейчас еще имею возможность принести.
>
> Я смогу вырвать у врага гораздо больше сведений и материалов, нежели передал. Это реально с точки зрения

сложившихся в настоящее время условий: это является моей жизненной целью.

Не превращайте меня в труп — это будет подарком врагу. Забросьте туда, где меня ждут. Большего вреда я уже не принесу, и вы ничем не рискуете. Беру на себя следующие условия: если изменю своему обещанию и буду присылать некачественные материалы или „дезу“ — уничтожьте семью, да и со мной вы сможете всегда расправиться. Но этого не будет. В горячем стремлении принести сейчас пользу Родине — моя сила. Помогите искупить преступление.

25 октября 1962 года. О.Пеньковский».

До какой же степени морального падения и безжалостности к своим близким смог дойти этот человек!

Жестокость этого «борца за мир» видна и в его предложении (в реализации которого он сам предлагал свои услуги западным спецслужбам) установить в различных городах СССР ядерные мини-заряды, которыми одновременно можно было бы уничтожить все руководство Советского Союза, стереть с лица земли Москву и все главные стратегические объекты. А то, что при этом будут уничтожены миллионы мирных жителей, его не интересовало!

Таков портрет этого «миротворца».

Дело Пеньковского стало одним из самых известных в истории КГБ. Разоблачение Пеньковского было весьма чувствительным ударом для Запада.

Нам же, кроме горьких чувств, вся эта история принесла и некоторое удовлетворение. Как агент он мог бы работать и пять, и десять лет, однако раскрыт был уже на второй год. А это означало, что наша контрразведка зря хлеб не ела.

Кроме того, арест Винна мы использовали для вызволения из плена еще одного нашего разведчика — Гордона Лонсдейла.

После ареста Гревила Винна мы были уже мудрее.

Гревил Винн, связной Пеньковского, был признан виновным в шпионаже и приговорен к трем годам тюрьмы плюс к пяти годам исправительных работ.

В то время в тюрьме в Великобритании находился заключенный по имени Гордон Лонсдейл, выдающийся советский разведчик. Это был советский гражданин, агент-«нелегал», с настоящим именем Конон Молодый.

К.Молодый вначале успешно работал в США. С 1955 года — в Англии под видом бизнесмена, сдающего в аренду музыкальные

автоматы. Для того чтобы вызволить его из английской тюрьмы, где он должен был, по решению английского суда 1960 года, провести 25 лет, мы несколько ужесточили меру наказания для Винна, доведя ее до верхнего предела.

Значимость разведчиков при обменах начала вычисляться с лабораторной точностью.

Для того чтобы обмен все-таки состоялся, мне пришлось даже уговорить министра внутренних дел ГДР Эриха Мильке освободить двух западных немцев, отбывающих свои сроки в ГДР.

В 1964 году обмен состоялся.

Дела Абеля и Лонсдейла вызвали интерес во всем мире. Именно в связи с ними и начали говорить о нашей необычной технике подготовки агентов-«нелегалов» больше, чем когда-либо до тех пор.

Некоторые удивляются, почему мы не присвоили таким разведчикам-асам, как Абель, Молодый, Блейк и Филби, генеральских званий. Прежде всего потому, что они не занимали соответствующих должностей.

Спрашивают также, почему Филби оказался невостребованным в Советском Союзе. Дело в том, что в любой разведке, в том числе и нашей, к такого рода людям не принято проявлять как недоверие, так и чрезмерное доверие. Обычно у нас их награждали орденами, но звание Героя Советского Союза не присваивали и в центральный аппарат не брали. Но они много сделали в качестве консультантов в подготовке кадров новых разведчиков…

Диссиденты

Не хочу уходить от упоминаний о людях, которых позже, в семидесятых годах, стали называть «диссидентами». Хотя, как я уже об этом говорил выше, при Хрущеве и в начале «правления» Брежнева публичные проявления несогласия с политикой властей были явлениями исключительными и в международной пропаганде против СССР использовались крайне редко. Это было, видимо, связано с тем, что тональность и общий ход десталинизации убеждали Запад, что речь идет об ораторских упражнениях, а не о серьезных стремлениях к демократизации жизни советского общества. Контрпропаганда перенесла прицел на внешнюю политику.

Но уже во времена хрущевской «оттепели» американские политические стратеги начали предпринимать попытки перенести игру на наше поле, приступив к созданию «организованного движения сопротивления».

В этом деле ЦРУ заручилось поддержкой одной из самых квалифицированных разведок мира — израильской Моссад. С помощью еврейских диссидентов из Советского Союза, Польши и Венгрии Моссад создала в Центральной Европе активную сеть, по каналам которой передавалась информация, нелегально переправлялись люди и т. д.

Уильям Кейси — директор ЦРУ, член правительства США, Совета национальной безопасности и Рабочей группы по национальной безопасности — писал: «Я считаю, что в наше время очень важно понять, насколько нужны разведка, тайные операции и организованное движение сопротивления… Их успешность подсказывает нам использование диссидентов против мощных центров и тоталитарных правительств» (цитируется по книге П.Швейцера «Победа». Минск, 1995. С.43).

Все это вписывалось в более позднюю доктрину Рейгана — план поддержки антикоммунистических выступлений во всем мире…

Писателя Александра Солженицына следует отнести к самой серьезной категории врагов режима. Всемирно известным он стал после того, как ему в 1970 году в Стокгольме была присуждена Нобелевская премия по литературе. В своих работах он обличал сталинские трудовые лагеря. Однако свое отношение к Советской власти, пожалуй, наиболее открыто он высказал в своем стихотворном произведении «Пир победителей», полном нескрываемой ненависти к советскому строю. В нем Солженицын

объявил выдумкой подвиги Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Олега Кошевого. Разнес «в пух и прах» весь командный состав армии.

Я тогда посоветовал собрать писателей Москвы и почитать им выдержки из этой книги. Но К.Симонов и А.Твардовский возражали: «То, что из рук КГБ, мы читать не будем». И ушли от этого вопроса. Хотя эту поэму, насколько мне известно, Симонов и Твардовский видели и даже помогали ее редактировать. По нашим материалам, Солженицына раза два приглашал генеральный прокурор и предупреждал, что он нарушает существующие законы и может быть привлечен к судебной ответственности.

Во время Великой Отечественной войны Солженицын был на фронте в рядах Красной Армии и не проявил себя как настоящий патриот. В напряженной обстановке, какой является война, совершенно ясно, что власти вводят строгую цензуру и карают за проявления безответственности. В 1945 году Солженицын был арестован за пораженческие настроения и за то, что в своих письмах расхваливал немецкую армию и немецкую технику. Поэтому, я считаю, был Солженицын осужден совершенно логично и с полным основанием. Другое дело, в каких условиях он оказался. Однако нельзя забывать, что жестокость и беспощадность лагерей позже были подвергнуты осуждению со стороны самой партии.

В те дни, когда постепенно открывались ворота лагерей, высшему партийному руководству в Москве было ясно, что все то страшное, что пришлось пережить заключенным в этих лагерях, найдет свое отражение во многих областях, и в сфере культуры тоже. И так же хорошо руководство страны понимало, что если все эти чувства открыто не будут высказаны, то они, так или иначе, все равно выйдут на поверхность, но подпольно и в намного более напряженных обстоятельствах.

Что касается Солженицына, то вначале внимание общественности привлекла его небольшая повесть под названием «Один день Ивана Денисовича». В 1962 году она была опубликована в журнале «Новый мир». Реакцию на ее появление решительно нельзя было считать однозначной.

Повесть Солженицына увидела свет, по моему мнению, благодаря Алексею Аджубею. Это он рекомендовал рукопись своему тестю Хрущеву, а позже и журналу «Новый мир».

В предисловии к повести писатель Александр Твардовский сравнивал Солженицына с Л.Н.Толстым, чем подлил масла в огонь развернувшихся вокруг повести споров.

Особенно коробило советского читателя той поры

употребление в этой повести лагерного жаргона и нецензурных слов. Толстой всегда считался вершиной классической прозы, и сравнение с ним Солженицына представлялось преувеличенным и неприятно воспринималось даже теми, кто считал саму публикацию повести большим шагом вперед.

«Один день Ивана Денисовича» был даже выдвинут на соискание Ленинской премии. Это известие вызвало новый взрыв споров. Через пару дней в «Правде» появилось уточнение, где говорилось, что предыдущая статья была лишь частью литературной дискуссии, а вовсе не окончательно принятым решением.

К решению по повести Солженицына я как председатель КГБ никакого отношения тогда не имел. И вообще такая тема, как лагерный язык и лагерный быт, меня совсем не интересовала. Все эти слова я каждый день читал в получаемой почте, так как мне постоянно приходилось заниматься жалобами и реабилитациями, поэтому и книгу Солженицына я воспринял не столько как литературу, сколько как политический акт. Да, в прошлом происходило такое, что не должно повториться, и теперь было самое время разобраться со всем этим открыто.

Тем не менее, с точки зрения нашей работы публикация повести Солженицына породила ряд новых проблем. Людской гнев обернулся не против тех, кто был во всем виноват, не против наших предшественников, а против нас, хотя именно мы старались исправить старые ошибки и не делать новых. Конечно, подобные размышления никому из нас не поднимали настроения, но я оставался в стороне и ждал, как отреагирует Политбюро.

КГБ в суждениях Солженицына всегда представлялся неисправимым злом, и виноватыми были одни только чекисты. Даже прежде всего чекисты.

Понятно, что никто в правительстве не был заинтересован в том, чтобы Солженицын обосновался в Москве, где он постоянно притягивал и будоражил иностранцев, а потому местом жительства ему была определена Рязань, откуда родом была его жена.

Несмотря на это, Солженицын тайно жил и работал у известного советского музыканта Мстислава Ростроповича — на даче, находившейся недалеко от столицы, — и временами наезжал в Москву.

КГБ было хорошо известно о месте, его пребывания, но его никто с этой дачи насильно не выгонял и не требовал, чтобы он непременно переехал в Рязань. Зачем, спрашивается, нам самим организовывать дополнительные скандалы, обострять положение

и делать к тому же нашим противникам дополнительную рекламу?

Сверх того мы получили бы еще один конфликт с Ростроповичем и его женой, певицей Галиной Вишневской, что тоже было нежелательно. Ни Солженицына, ни, например, академика Сахарова мы не хотели сталкивать лбами с КГБ. В стране есть генеральный прокурор, и ему прежде всего положено защищать государственные интересы, следить за строгим соблюдением законов, призывать к порядку нарушителей.

Как оказалось, не случайно именно Ростропович и Вишневская приютили Солженицына. Вскоре они и сами покинули родину, а позже Вишневская выпустила книгу, в которой густо полила грязью людей, которым многим была обязана…

Если же сегодня сам Солженицын, вернувшийся в Россию после двадцатилетней вынужденной эмиграции, утверждает, что из его дела в архиве КГБ исчезли десятки и даже сотни томов, то я это воспринимаю как стремление раздуть значимость собственной персоны. Уж очень редко из архивов КГБ что-либо исчезало! Да и маловероятно, что дело Солженицына могло разрастись до таких невероятных размеров.

КГБ примерно знал, над чем Солженицын работает. Публикации на Западе тех или иных его работ далеко не всегда были для нас полной неожиданностью. Но все же он находил новые каналы для пересылки своих рукописей на Запад.

Я снова повторяю, что до мая 1967 года имя Солженицына еще не было в мире широко известно, как это произошло позже, и мы со своей стороны никогда не стремились его популярность приумножать. Поэтому не конфисковывали его рукописей сразу же после их создания, не прибегали к прямым насильственным действиям.

Я не сомневаюсь, что история когда-нибудь по справедливости оценит и дело физика-атомщика Андрея Сахарова и его уход в оппозицию против советского строя. Это был очень необычный путь, и начинался он в лабораториях, где проводились советские ядерные исследования, находившиеся под контролем Берии.

Сахаров принадлежал к той наиболее охраняемой сфере, к тому богатству, которым располагала советская наука на первых этапах «холодной войны». Так же, как его западные коллеги, Андрей Сахаров позже осознал всю разрушительную силу атомного оружия и его способность уничтожить жизнь на всей планете. Человек тонкий, высокий специалист в своей области, он

представлял страшные последствия своего труда для человечества.

Но ракеты с атомным зарядом в шестидесятые годы уже смотрели в небо на обоих полушариях, а вопрос о том, выживет ли человечество, зависел не только от одной стороны.

Однако некоторые вещи Сахаров воспринимал слишком прямолинейно и начал требовать от Кремля намного больше, чем от всех остальных ядерных держав.

Хрущева искренне удивляла его позиция: «С одной стороны, Сахаров трижды принимает звание Героя Социалистического Труда, а с другой — выступает против того, что сотворил. Он создал бомбу, так пусть признает свою долю ответственности, а не сваливает все на остальных!»

В первые годы правления Брежнева конфликт не носил чрезвычайно острой формы. Открытым противником режима Сахаров стал, по моему мнению, под влиянием своей второй супруги — Елены Боннэр.

Однако это уже было время, когда я следил за московскими событиями издалека.

Е.Боннэр умело подогревала и направляла обостренные чувства А.Сахарова. Для Запада он стал прославленным «защитником прав человека» и непримиримым противником Советского Союза.

Стоявшая рядом с ученым Боннэр беспардонно оценивала (что, собственно, делает и по сей день) так называемую большую политику и главных действующих лиц, хотя представление о ходе мировых событий, об исторических и политических взаимосвязях имеет не бог весть какое глубокое. Но для международной печати, радио и телевидения она была и остается женой Сахарова, и этого оказалось достаточно, чтобы предоставлять ей такое же эфирное время или место на газетной странице, как и высокопоставленным государственным деятелям.

Из своего скромного исходного политического багажа, используя стопроцентно престиж Андрея Сахарова, она сумела извлечь, пожалуй, максимум возможной прибыли…

О психиатрических больницах в Советском Союзе в семидесятые годы в мировой печати писалось не раз, и многие западные пропагандисты обвиняли в злоупотреблении ими Юрия Андропова.

Я далек от того, чтобы оправдывать те случаи, когда больными признавались совершенно здоровые люди. Однако мало кто, занимаясь политизированием всего этого дела, задумывался над его более широким контекстом.

В Советском Союзе очень не хватало больниц для лечения душевнобольных. Во время своего пребывания на посту председателя КГБ я дважды специальными записками обращал внимание руководителей ЦК КПСС и Совета Министров СССР на то, что лечение психических больных находится в стране в весьма запущенном состоянии и что следует этим серьезно заняться и решить этот вопрос. К тому же из-за такого положения нам приходилось иметь дело не только со случаями, когда психические больные угрожали жизни людей, но и с настоящими маньяками из их среды. Такие безумцы в состоянии убить своих родных и близких, даже детей.

Не меня одного тревожило подобное положение. Министр здравоохранения также неоднократно обращался к руководству страны с подобными просьбами и предложениями. Однако в итоге все заканчивалось отписками или же малозначительными мерами. Объясняли это нехваткой денежных и материальных средств.

Единственным моим спорным «политико-психиатрическим» делом за шесть лет в КГБ стало дело генерала Григоренко.

В Великую Отечественную войну Григоренко воевал, а после нее преподавал в военной академии. Там он выступил с резкой критикой деятельности КПСС и ее руководителей. Особенно досталось Хрущеву.

К его наказанию в то время КГБ не имел отношения. Наказали его по военной линии, направив служить в Уссурийск, на Дальний Восток, где он занимал должность в штабе одной из армий.

Все это произошло после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. В Москве Григоренко появился снова уже в шестидесятые годы, став пенсионером.

Посчитав себя обиженным, он демонстративно пошел работать грузчиком в один из магазинов города, иногда появляясь там в генеральском мундире. Это привлекло внимание западных журналистов, постоянно искавших хоть что-нибудь «жареное». Они и сделали из него героя-борца.

Первый раз Григоренко арестовали в момент распространения антисоветских листовок. В это дело были вовлечены и его сыновья. В соответствии с действовавшими тогда советскими законами было заведено на него дело. Он мог получить до семи лет тюрьмы.

Следствие вели следователи КГБ. Прокуратура осуществляла прокурорский надзор за ведением дела в соответствии с законом.

В ходе следствия Григоренко был обследован психиатрами, и

те сделали вывод о его психической неполноценности. Когда ко мне пришел с этим заключением мой заместитель Банников, я распорядился, чтобы были собраны медицинские светила в области психиатрии. Но и они вынесли такое же заключение о состоянии здоровья Григоренко. Всевозможные спекуляции в этом вопросе, раздутые западной прессой и нашими средствами массовой информации относительно давления КГБ на врачей, категорически отвергаю.

Незадолго до моего ухода из органов КГБ я еще раз столкнулся с именем генерала Григоренко. Речь шла о лишении его генеральского звания. Уже будучи на Украине, я узнал, что он оказался на Западе и там закончил свой жизненный путь…

Занимались мы и потомками Якира, Свердлова. Помню, что даже сын бывшего редактора «Правды» Румянцева, внук дипломата Литвинова, тоже участвовал в разных похождениях.

Это было время, когда на площади Маяковского у памятника поэту проходили всякие сборища. Место было бойкое, горячее. Потом сборища переместились к памятнику Пушкина. Участников, конечно, контролировали. Но их не хватали, не сажали, не судили, не давали статью.

Профилактические и воспитательные беседы с ними проводил начальник Московского управления КГБ Светличный. Я рекомендовал ему быть пожестче: тут или ты убедишь, или убедят тебя.

Одного мы «выслали». Был такой «писатель» Тарсис. Он исписывал целые тома-книжищи и посылал их Суслову. Тот пересылал их мне.

Тарсис жил на Беговой и каждый день или через день собирал пресс-конференции, давал интервью. А он такие антисоветские вещи в своих книгах писал, такую антисоветчину нес на пресс-конференциях!.. Тогда для иностранцев это было редкостью, вот они и слетались к нему, как мухи на мед.

Это теперь, к сожалению, никого не удивишь, когда свою Родину грязью поливают все кому не лень!

Когда Тарсиса пригласили в Голландию, мы ему открыли границу, но закрыли въезд обратно. Так он там и остался. Жил потом в Афинах. Как-то показывали его по телевидению, как он сидел и вязал не то носки, не то чулки.

Здесь его признали душевнобольным, и он действительно был таким. Потом и на Западе в этом убедились…

Перечень тех, к кому позже стали применять понятия «диссиденты» или «внутренняя эмиграция», был бы не полным без

упоминания двух, не слишком в то время известных писателей — Синявского и Даниэля.

В сентябре 1965 года я и генеральный прокурор СССР Руденко докладывали ЦК КПСС о ходе предварительного следствия по делу Синявского и Даниэля. В своей записке мы сообщали, что в период 1956–1963 годов один под псевдонимом Абрам Терц, другой — Николай Аржак написали и по нелегальному каналу передали за границу ряд произведений антисоветского, клеветнического содержания, порочащих советский государственный и общественный строй. К ним относятся, в частности, повесть Аржака «Говорит Москва», сборник рассказов и повестей Терца «Фантастические повести» («Суд идет», «Гололедица», «Любимов»). Произведения эти нелегально были пересланы ими за границу через Замойскую-Пельтье (дочь бывшего французского военно-морского атташе в Москве) и широко публиковались в США, Англии, Франции, Италии и ФРГ.

«Труды» Синявского и Даниэля щедро оплачивались иностранными издательствами и широко распространялись авторами среди своего окружения в Москве. В то же время они не предпринимали никаких попыток опубликовать их в Советском Союзе.

Авторство Синявского и Даниэля было подтверждено экспертизой, проведенной Главным управлением по охране военных и государственных тайн Комитета по печати при Совете Министров СССР, и свидетелями.

В ходе следствия был установлен еще один автор антисоветских произведений — Ремизов, который проходил как свидетель.

С согласия Секретариата ЦК КПСС КГБ и отдел культуры ЦК информировали писательскую общественность Москвы и Ленинграда, партийные организации Института мировой литературы им. Горького и Отделения литературы и языка АН СССР о существе дела Синявского и Даниэля.

В ходе обмена мнениями в среде партийного и писательского актива было единодушно поддержано решение КГБ о привлечении Синявского и Даниэля к уголовной ответственности. Многие высказались за проведение судебного процесса и публикацию материалов процесса в печати.

Мы учли эти пожелания. КГБ предложил рассмотреть дело Синявского и Даниэля в открытом судебном заседании Верховного суда РСФСР и приступил к подготовке соответствующих публикаций совместно с отделом культуры ЦК и Союзом писателей СССР.

Судебный процесс мы предлагали провести с участием общественного обвинителя из числа литераторов. Кандидатуру должен был назвать Союз писателей.

На нашу записку одобрительно ответили завотделом культуры ЦК КПСС В.Шауро, заместитель завотделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н.Яковлев и заместитель завотделом административных органов ЦК КПСС Н.Савушкин. Они создали специальную пресс-группу (Мелентьев, Ситников, Беляев, Кузнецов, Волков и от КГБ — Бобков) для подготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса.

Порядок приглашения на судебный процесс представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов обеспечивал МГК КПСС. Репортажи своих корреспондентов из зала суда и официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публиковались в газетах «Известия» и «Литературная газета». АПН совместно с КГБ была поручена подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Иностранные корреспонденты на процесс не допускались.

Синявский и Даниэль были осуждены на пять и семь лет тюремного заключения соответственно.

Этот процесс является единственным спорным случаем жестких действий против инакомыслящих, когда КГБ под моим руководством отказался от профилактики с помощью убеждения и разъяснения, воздав им должное по закону.

В январе 1967 года я и Руденко направили в ЦК КПСС еще одну записку. В ней отмечалось, в частности, что, начиная с декабря 1965 года, в Москве состоялись выступления в защиту Синявского и Даниэля и памяти жертв сталинизма. Участники требовали пересмотра законов, отдельных статей Уголовного кодекса, освобождения из-под стражи задержанных органами КГБ распространителей антисоветских документов.

Действия участников сборищ не носили случайного характера. Они инспирировались и готовились людьми, которые задались целью опорочить советский строй. В их числе были Вольпин, Якир, Гинзбург и другие. Неблаговидную роль в этом деле играли Снегов, Генри, Петровский, Балтер, Костерин, Некрич, Чуковская, а также некоторые ученые и деятели культуры, подписавшие ряд сомнительных документов.

Эта группа в количестве 35–40 человек изготовляла и распространяла антисоветскую литературу и проводила манифестации. Она была связана с зарубежной антисоветской

организацией НТС, лидеры которой направляли прямые инструкции отдельным членам этой группы.

КГБ и Прокуратура применяли к этим лицам меры предупредительно-профилактического характера, проводили с ними беседы, воздействовали на них по месту работы и через общественные организации. Но они своей деятельности не прекращали.

В связи с этим Прокуратурой СССР и КГБ были привлечены к уголовной ответственности: Гинзбург, Галансков, Добровольский, Лашкова, Радзиевский, Кушев, Хаустов, Буковский, Делоне и Габай.

Считая, что привлечение к уголовной ответственности указанных лиц вызовет определенную реакцию внутри страны и за рубежом, мы предложили поручить отделам пропаганды ЦК и МГК КПСС провести разъяснительную работу, особенно среди студенческой молодежи. Со своей стороны КГБ также принимал в этом участие.

ЦК ответил на эту записку поручением М.Суслову, А.Пельше и В.Семичастному продумать связанные с этим вопросы, в частности вопрос об ответственности авторов за передачу рукописей для издания за границу. Я уже не успел этим заняться…

Имена диссидентов поглотила история, а все дело, с сегодняшней точки зрения, можно оценивать по-разному.

Что касается меня, то я защищал интересы и действовавшие законы страны, в полезности которых для общества был убежден.

Дела Европейские

После 1945 года решающие направления советской внешней политики и вытекающей из нее военной стратегии были определены результатами Второй мировой войны и последующим разделением мира на два военных блока, разгороженных «железным занавесом».

Для советского руководства большое беспокойство создавало пребывание в Европе американских войск. Оно хорошо помнило обо всех скрытых течениях, которые принесло с собой уже само антигитлеровское союзничество США и СССР, не забывало об осложнениях и сокрытии правды при ведении работ по созданию ядерного оружия, об эффекте первого использования атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки, которое должно было устрашить не только Японию, но и Советский Союз. Присутствие в Европе американских войск только усиливало опасность глобальной конфронтации, а также ускорило объединение стран Запада в военный блок.

В борьбе против сторонников коммунистической идеологии капиталистический мир стремился постепенно сплотиться как можно крепче. Результатом стало прежде всего создание в 1949 году Североатлантического пакта — НАТО. Социалистические страны в ответ предприняли аналогичный шаг: создали в 1955 году свою собственную военную организацию — Варшавский, договор.

Оба объединения, НАТО и Варшавский договор, заявляли о себе как об организациях оборонительных, а вовсе не наступательных. Однако при этом были нацелены на нанесение поражения противнику, правда, не столько военным, сколько политическим путем. До времени мирного сосуществования было еще очень далеко, и разговор между Москвой и Вашингтоном велся исключительно с позиции силы. Кто был сильнее, тот чувствовал себя безопаснее.

После смерти Сталина советская внешняя политика изменялась значительно медленнее, чем внутренняя. В то время как в Президиуме ЦК партии постепенно появлялись новые люди' во главе Министерства иностранных дел некоторое время по-прежнему оставался Вячеслав Михайлович Молотов — дипломат, скорее, консервативного толка.

В 1957 году его сменил бывший первый заместитель Молотова Андрей Андреевич Громыко.

Назначение Громыко на пост главы советской дипломатии

имело для Хрущева много выгод. Сравнительно быстро оба нашли общий язык. Хрущев не был в области дипломатии слишком силен, а умный Громыко гарантировал стабильность общего толкования внешней политики и сохранение профессиональных кадров. Громыко занял свое место и никоим образом не мог служить угрозой позициям Хрущева. Андрей Андреевич не входил в состав Президиума ЦК и в случае возникавших разногласий не оказывал принципиального сопротивления.

Он пользовался авторитетом как в международных организациях, так и на международной арене в целом. Уже на Ялтинской конференции он сидел рядом со Сталиным как один из ближайших советников.

В конце войны Громыко был послом СССР в США, а после 1946 года — постоянным представителем нашей страны в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. Позже он был назначен послом в Великобританию. В печати и среди коллег его часто из-за неуступчивости называли «Господин „нет“». Однако, несмотря на это, все сходились во мнении, что для нашей страны этот человек на своем месте.

Хотя потепление международной обстановки происходило медленно, нельзя сказать, что мы оставались столь же отгороженными от остального мира, как и прежде. Всего через четыре года после смерти Сталина в Москве состоялся Всемирный фестиваль молодежи, событие, которое в сталинские времена трудно было бы себе представить. Пригласить к себе десятки тысяч молодых людей со всех стран мира! Такое прежде прозвучало бы как самая буйная фантазия. Постепенно мы приходили к выводу, что внешний мир не столь страшен, как это представлялось при Сталине. К подобным выводам относительно Советского Союза приходила и часть международной общественности.

Однако на официальном уровне и в самой сути противоборства двух политических систем менялось немногое.

Закрепить патовую ситуацию в течение всего периода «холодной войны» Советскому Союзу помогло достижение приблизительного равновесия военных сил. Подобное утверждение нельзя доказать чисто арифметически, ибо проверить это можно только во время глобальной разрушающей катастрофы, о чем даже подумать было страшно.

Равновесие означало создание такого положения, когда каждый шаг противника в нежелательном направлении означал его вступление в опасную зону.

В течение всей «холодной войны» западная пропаганда

представляла нас этаким чудовищем. У общественности капиталистических стран создавалось представление, что СССР — это кровожадный тигр, который издает рык, лязгает зубами и только ждет момента, чтобы нанести смертоносный удар. Они столько страшного про нас наговорили, что начали сами пугаться собственноручно намалеванных ужасов.

Однако все эти сценарии катастроф не отвечали истине. И хотя мы время от времени на международных встречах стучали кулаком (а то и башмаком!) по столу, грозя в случае чего страшными ударами, сами же прекрасно понимали, что ставим ногу на тонкий лед.

Вплоть до семидесятых годов, когда я уже не стоял во главе КГБ, США в отношении ядерного оружия были значительно сильнее нас, сильнее Организации Варшавского договора. Они могли от Атлантики до Ледовитого и Тихого океанов накрыть наши гигантские территории снарядами со своих совершенных атомных подводных лодок.

Другую мощную ударную силу натовцев представляли собой плавучие авиабазы. Ничего подобного у нас тогда не было.

Преимущество было у США в тяжелых бомбардировщиках, и на этом перечисление не кончалось. Отстоять территорию в одну шестую часть света было бы почти сверхчеловеческой задачей, нападай на нее одновременно армии развитых западных стран. Не было на всем земном шаре страны, являвшейся такой легкой добычей, как первое государство рабочих и крестьян.

И все-таки Советский Союз имел определенные выгоды. Советская Армия быстрей, чем войска США, могла бы по суше переместить свои объединенные вооруженные силы к границам западных стран.

Уже со времен победного наступления на гитлеровские армии для нас главное стратегическое направление определялось осью Варшава — Берлин — Париж. И именно здесь значительное преимущество было на нашей стороне. Во всех прилегающих странах — исключая до 1968 года Чехословакию, — в ГДР, Польше и Венгрии, кроме армий этих стран, стояли на страже и советские военные части. В государствах, где находились советские гарнизоны, могли быть установлены и советские боевые ракеты.

Мы могли бы в Европе начать эффективное наступление и без большого труда дойти до Португалии, разумеется, в том случае, если остальные страны мира останутся в стороне.

Принцип равновесия, говоря весьма упрощенно, заключался в следующем: если НАТО решит напасть на Советский Союз или какую-либо другую страну — члена Варшавского договора с

использованием ядерного оружия, то рискует Западной Европой, куда тотчас же вторгнутся восточноевропейские вооруженные силы. Страны Западной Европы были в этом отношении нашими заложниками.

Я со всей ответственностью заявляю, что за все годы, проведенные мною на высоких постах в советском политическом руководстве, мне ни разу не приходилось слышать о каком-либо плане, нацеленном на захват Западной Европы или отдельной страны путем развязывания войны. Это при том положении, что о планах, главных стратегических направлениях советской политики я был информирован в течение длительного времени. И уж вовсе не могло нечто подобное касаться Соединенных Штатов.

Советские удары, направленные против Запада в какой-то части света, могли планироваться лишь как удары ответные, как следствие того, что на нас напали где-то в другом месте. Аналогичным образом были нацелены и пропагандистские заявления об окончательной победе коммунизма в случае возможного нападения на нас. Мы знали, что сами начать не можем. Но если первый шаг к развязыванию конфликта сделают другие, то, разумеется, мы хотели выиграть.

Важно, однако, знать, что нам не нужны были новые территории. В свое время мы даже отказали Болгарии, которая проявила серьезную заинтересованность в том, чтобы стать шестнадцатой республикой нашего Союза. У нас были большие внутренние проблемы и весьма ограниченные возможности. Куда уж там вести захватническую войну!

На Западе и у нас было немало людей, которые понимали наши громкие словесные перестрелки и угрозы именно так, как они по большей части и мыслились, а именно — как стремление, запугивая, удержать противника от непродуманных действий.

Я признаю, что наряду с такими реалистами существовало пусть и меньшинство, но ослепленных фанатиков-фантастов. Людей, которые о подлинном положении знали не так уж много. Однако последние — ни у нас, ни в странах НАТО — никогда не оказывались на верху политической лестницы.

При этом я должен подчеркнуть, что в отношении разработки военной стратегии в целом у меня как у председателя КГБ были весьма мизерные возможности. Поэтому я не хочу, да и не могу погружаться в детали. Моей задачей, связанной с армией, было обеспечение контрразведывательной работы в ее частях, недопущение вражеских агентов к нашим секретам. Но я должен был знать в общих чертах как можно больше об уровне боеспособности наших войск, а также положение, связанное с

персональным составом офицерского корпуса. На этом мои возможности кончались.

Остальное было уже делом министра обороны и Верховного главнокомандующего — первого секретаря Центрального Комитета КПСС.

Освоение космоса

Наибольшую радость всему нашему поколению принес полет первого человека в космос 12 апреля 1961 года. Симпатичный молодой майор Юрий Алексеевич Гагарин стал героем всего мира, а политические акции советской науки после его успешного полета и возвращения на землю стали расти с головокружительной быстротой.

Одним из тех, кто в наибольшей мере способствовал развитию науки в послереволюционный период в нашей стране, был человек, сыгравший решающую роль в успешном полете Гагарина, — Сергей Павлович Королев. Ракетами Королев начал заниматься еще в юности и уже к тридцатым годам стал известен как чрезвычайно способный специалист.

В жернова репрессий он попал из-за вымышленных обвинений и подозрений в антисоветской деятельности. Главный конструктор ракеты Гагарина в 1938 году был осужден к десяти годам заключения. Сначала путь Королева-заключенного лежал в Сибирь, и только перед самым началом войны положение ученого улучшилось. В 1940 году по требованию Андрея Николаевича Туполева, его учителя, тоже находившегося в заключении, он был возвращен в Москву и включен в туполевскую группу, работавшую под надзором НКВД.

После победы над фашизмом Королева командировали в Восточную Германию посмотреть, что осталось от исследовательской базы в Пенемюнде, где создавались известные немецкие ракеты ФАУ-2. Главный немецкий конструктор Вернер фон Браун уже находился в руках американцев, но объектом интереса нашей разведки он не переставал быть в течение дальнейших десятилетий. Теперь он работал не на фашиста Гитлера, а на страну, которая сама себя выдавала за самую демократическую в мире, однако цель его усилий осталась прежней: он конструировал носители смертоносного оружия, направленного против того же Советского Союза. Наша страна нуждалась в ракетах для своей защиты.

Сергей Королев стал тем, кто об этом позаботился. Он с группой талантливых советских ученых разработал первую межконтинентальную баллистическую ракету, а потом поднял голову к звездам.

Четвертого октября 1957 года мир узнал о его работе благодаря самому первому спутнику, который впервые преодолел земное притяжение. Потом уже последовали на земную орбиту

живые существа — собака Лайка, первый космонавт Гагарин, а через два года после него и первая женщина-космонавт — Валентина Николаевна Терешкова.

Я должен подчеркнуть, что хотя полет Валентины Терешковой был политическим и научным успехом, пропагандировал равноправие женщин и позволил изучить реакции женского организма на состояние невесомости и экстремальные условия полета, сам Королев в итоге был не очень доволен. «Никогда больше никакую женщину я в космос не пошлю», — твердил он. Валентина Николаевна после приземления была измотана физически и нервно, а ее организм тяжело перенес состояние невесомости. В определенной мере это было и понятно. Она прежде никогда профессионально не летала, как ее коллеги мужчины, была простой работницей текстильной фабрики и перед стартом прошла лишь основные из необходимых тренировок.

Однако было ясно, что, как бы ни ворчал Главный конструктор, если наша страна намеревалась и дальше реализовывать свои замыслы и создавать в космосе станции и лаборатории для длительного пребывания на околоземной орбите, то и у первой женщины-космонавта появятся свои последовательницы.

Сергей Королев был человеком сложного характера. Отличался принципиальностью, знал себе цену, но бывал и весьма резким, а иногда и грубым. Однако для того поста, который он занимал, подобные качества были даже необходимы и полезны.

При своей жизни Королев был полностью засекречен. Миру не было известно ни его имя, ни пост, который он занимал, не говоря уже о содержании его научного труда. И даже тогда, когда руководитель советской космической программы мог бы быть выдвинут в кандидаты на получение Нобелевской премии за достижения в области физики, было решено оставить его имя в тени. Для мировой общественности успехов в завоевании космоса добился советский народ.

Только после его неожиданной смерти в результате неудачной операции, последовавшей в 1966 году (ученому тогда было всего пятьдесят девять лет!), люди узнали имя Королева, а для мира его загадочная фигура приобрела реальные очертания выдающегося ученого, ставшего символом начала космической эры человечества.

Сам же он так и не вкусил при жизни всемирного признания. Однако он знал, что без поддержки Советского государства и личного расположения его главных руководителей, особенно

Никиты Сергеевича Хрущева, он один и после разоблачения культа личности не стал бы тем, кем стал. Его служение Родине и преданность ее идеологии для всех были примером. Королев всегда работал с полной отдачей.

К великой беде для отрасли и для всей страны, у нас не оказалось соответствующего масштабам Королева преемника. Кончина Главного конструктора означала серьезный кризис для советских космических исследований…

К концу шестидесятых годов преобладание СССР в сфере космоса закончилось. В это время американцы уже готовились к полету на Луну.

В апреле 1967 года, всего через год с небольшим после смерти Королева, на нас обрушилось новое несчастье. Его жертвой стал сорокалетний космонавт Владимир Михайлович Комаров.

В октябре 1964 года Комаров был членом экипажа космического корабля «Восход», который первым в истории доставил на космическую орбиту сразу трех космонавтов. Вместе с командиром экипажа Комаровым летели также врач Егоров и ученый, кандидат технических наук Феоктистов. Тогда возможность взглянуть на нашу планету из космоса получили впервые не только пилоты — военные, но и штатские лица.

Следующая космическая экспедиция ждала Комарова три года спустя в новом космическом корабле «Союз-1». Космонавт успешно выполнил всю программу полета и уже готовился к посадке, когда на высоте семи километров над землей отказали парашюты, а вместе с ними и тормозная система.

Владимир Михайлович Комаров стал первым человеком, не вернувшимся из космоса на Землю.

У КГБ было не очень много контактов с космической программой: вся отрасль была под патронажем Министерства обороны и военных кругов. Хотя первая «прогулка» космонавта Алексея Леонова в космосе в 1965 году была отснята при помощи нашей аппаратуры, однако для того, чтобы и дальше успешно сотрудничать с космонавтами, у нас не было ни возможности, ни средств.

Из агентурных донесений и из западной печати мы к тому же стали узнавать, что американцы начали использовать свои космические экспедиции для получения шпионских фотоснимков о советских военных объектах. Нам ничего не оставалось, как объединить наших сотрудников в отдельную группу и передать всю тему им. Так что КГБ в успехе самого завоевания космоса не

имел возможности отличиться.

Тогда я был только на десять лет старше двадцатисемилетнего Гагарина и по возрасту из всего руководства страны был ближе других к космонавтам. Поэтому со многими из них поддерживал очень добрые отношения. Некоторые были еще комсомольцами, и мое комсомольское прошлое, понятно, сыграло тут свою роль. Как хорошие солдаты — по званию они были намного ниже меня, — космонавты сохраняли необходимую, формальную дистанцию, но взаимное доверие между нами все более углублялось.

Космонавты были потрясены случившимся с Комаровым. Вскоре после траурного прощания с Владимиром Михайловичем в Краснознаменном зале Дома Советской Армии ко мне подошли Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриан Николаев, Павел Попович и попросили выслушать их. Я согласился. Прямо с похорон мы отправились на Лубянку.

Согласно принципам служебной подчиненности им следовало бы идти со своими проблемами к новому министру обороны Гречко, но, как я позже понял, там были глухи к волновавшим их вопросам.

Космонавты попросили меня посодействовать их личной встрече с Леонидом Брежневым, уже третий год возглавлявшим руководство нашей страны и партии. Они изложили мне свои проблемы и поделились проектами их решения. Космонавты были также уверены, что я их не выдам Гречко, а вот первому секретарю ЦК смогу представить перечень их жалоб и проекты решений спорных вопросов таким образом, словно все это родилось в моей, а не их головах. Для успеха всего начинания именно такой подход имел решающее значение.

До той поры я не предполагал, что взаимоотношения между отдельными группами в сфере космических исследований столь накалены. Однако четверка моих гостей с Гагариным во главе убедила меня в обратном. Самой обременительной для них была необходимость слепого соблюдения военной дисциплины.

В свое время подчиненность нашей космонавтики Министерству обороны была необходима, однако чем дальше развивалась она, тем больше проявлялось различие в толковании тех или иных вопросов между теми, кто летал и тренировался, и теми, кто давал команды из-за письменного стола. Практически все летчики-космонавты в сравнении со своими начальниками имели очень низкие воинские звания. А случалось, что, приходя на совещание, которое проводил генерал или маршал, они не получали должного понимания своих проблем. Те ставили молодых космонавтов по стойке «смирно», не дав себе даже труда

выслушать, что их волнует.

А проблемы ни много ни мало касались тренировок, финансирования, подбора кадров, материального обеспечения.

Поэтому космонавты хотели, чтобы их сфера была изъята из Министерства обороны и выделена в самостоятельную.

С Брежневым я на эту тему действительно говорил, но вскоре же после этого сам был отозван из КГБ и сослан в Киев.

За решением судеб космических исследований в нашей стране я мог теперь следить только издалека. Прошло какое-то время, и космические программы были все-таки выведены из ведения Министерства обороны.

Годом позже, 27 марта 1968 года, в возрасте тридцати четырех лет трагически погиб Юрий Алексеевич Гагарин. Он стал символом космической эпохи, и поэтому мы не хотели рисковать, снова отправляя его к звездам. Но он неудержимо рвался в небо. Жизни ему стоил тренировочный полет на военном истребителе.

С его смертью как бы символически была завершена и великая глава в советской истории, хотя завоевание космоса продолжалось, и совсем не безуспешно…

Карибский кризис

С Раулем Кастро я познакомился на международной конференции рабочей молодежи во второй половине пятидесятых годов в Вене. Наша первая встреча с ним была такой же, как и со многими другими делегатами: на личные разговоры времени не было, пожали друг другу руки и пошли дальше, каждый своим путем.

Никто не называл его по имени. В то время как я возглавлял официальную делегацию советского комсомола, он представлял глубоко нелегальную организацию. В его родной стране еще правил режим диктатора Батисты. Кубинские делегаты, опасаясь репрессий, старались быть менее заметными. Если не ошибаюсь, не было их и при коллективном фотографировании.

Главой всей делегации кубинских комсомольцев в Австрии был тогда друг Рауля — Флавио Браво, первый секретарь подпольного Центрального Комитета. Именно он принимал Рауля в члены организации, когда оба сидели в тюрьме.

С Флавио я был уже знаком несколько лет: он, как и я, в пятидесятом году был в Китае в составе делегации Международной федерации демократической молодежи.

Позже на Острове Свободы он стал начальником оперативного управления Генерального штаба армии, а свою политическую карьеру закончил председателем парламента. Находясь на этом посту, он заболел и умер.

Судьба Рауля, выходца из богатой семьи, могла сложиться иначе. Она, казалось, готовила ему безоблачную жизнь наследника, как сотням подобных сынков американских и кубинских миллионеров. Но Рауль предпочел другую жизнь, полную тревог и лишений. Он стал на сторону защитников народных интересов, выступив против своего класса.

О том, что у Рауля Кастро есть брат Фидель, я тогда вообще не знал. Да и Фидель Кастро в ту пору придерживался иных взглядов, чем те, что были у участников коммунистического движения молодежи. Общей платформы, на которой могли пересечься наши пути, еще не существовало.

Мой интерес к молодому энергичному правоведу с характерной окладистой бородой возбудили первые сообщения в начале 1959 года: диктатор Батиста бежал из страны, революция победила. Имя Фиделя Кастро прогремело на весь мир.

На все его действия и вообще на кубинскую революцию в нашей стране сначала смотрели с любопытством и удивлением, однако и с уважением, несмотря на то что преобразования на

Острове Свободы еще не были нацелены на коммунистическое будущее и не звучало никаких деклараций о дружбе с Советским Союзом. Революция свергла марионеточное диктаторское правительство и стремилась к формированию демократического общества. Она возбуждала надежды на то, что еще один народ в результате послевоенной национально-освободительной борьбы, охватившей весь мир, сможет править собственными силами, а не по указке своих богатых северных соседей.

Коммунистическая партия Кубы была образована в 1925 году и свою политическую деятельность развивала даже после ее запрета в 1952 году. Батиста жестоко преследовал членов партии и тех, кто просто симпатизировал коммунистическим идеям. Еще до победы революции 1959 года кубинские товарищи стали появляться в Москве на наших партийных съездах.

К коммунизму и его сторонникам Фидель Кастро поначалу относился не очень дружески, да и сам генеральный секретарь партии Блас Рока не пользовался его симпатией. Самый прославленный из братьев, Фидель обвинял тогда коммунистов в стремлении захватить власть и даже в том, что они готовят заговор против него самого. Подобное отношение, разумеется, руководителям Советского Союза не очень нравилось, однако еще не было необходимых условий, чтобы изменить обстановку и нормализовать взаимные отношения.

Немалую роль в том, что впоследствии Фидель Кастро склонился к коммунизму, сыграли его брат Рауль и Флавио Браво. Однако свое окончательное слово он произнес лишь после основательного изучения вопроса и тщательной проверки фактов. Он глубоко изучил марксистскую философию, работы Ленина, ибо не принадлежал к числу тех, кто воспринимал марксизм на слух, прослушав краткий курс. То, что прочитал и о чем размышлял, он глубоко осваивал, а затем, также по-своему, воспринимал как собственные взгляды.

Характерным для Фиделя Кастро, кроме всего прочего, было именно его стремление иметь собственное мнение, и притом глубоко обоснованное и квалифицированное. Он отличался сильной волей — волей человека, очень трудолюбивого и добросовестного. Не разобравшись как следует с целым комплексом проблем, не проникнув во все их аспекты, он отказывался делать какие-либо выводы. Зато потом было так же трудно побудить его что-то пересмотреть, тем более — изменить свою позицию.

К тому же он был мастером слова. Он мог четыре часа подряд интересно говорить и страстно убеждать, и при этом в руках у него были лишь два листка бумаги с парой тезисов и

несколькими цифрами. Статный, высокий, прирожденный оратор, он всегда был удивительно хорошо подготовлен к любой ситуации.

Своими личными качествами он приобрел доброжелателей и сторонников во многих странах. На победу кубинских повстанцев под руководством Фиделя Кастро откликнулся весь континент Южной Америки. Даже в самих Соединенных Штатах оценка этой выдающейся фигуры была далеко не одинаковой.

Однако выжить в биполярно разделенном мире у самых берегов США без посторонней помощи для нового кубинского правительства было нереально. Экономика Кубы очень тяжело переносила последствия сокращения торговли с Соединенными Штатами. К тому же отношения с ними продолжали обостряться.

Ища выход из создавшегося положения, руководство страны попыталось расширить свои связи с Испанией, которая исторически была Кубе ближе других стран. Однако испанцы были не в состоянии удовлетворить кубинских, запросов.

Правящие круги США, привыкшие смотреть на Кубу как на свою вотчину, были прямо-таки ослеплены ненавистью к правительству Фиделя Кастро и одной из важнейших задач своей внешней политики поставили убийство Фиделя, свержение его правительства и возвращение Кубы под свой протекторат. Пугало их и воздействие кубинской революции на всю остальную Латинскую Америку. Потому росло число покушений на самого Фиделя, и многим людям из его охраны это стоило жизни, но желающих охранять своего вождя не убавлялось.

Еще при президенте Эйзенхауэре в марте 1960 года был разработан план вторжения на Кубу. Для этого было дано указание подготовить бригаду из кубинских политэмигрантов и из них же сформировать новое правительство Кубы. Задача была возложена на ЦРУ. Узнав об этом, мы, со своей стороны, поставили задачу нашим резидентам получить информацию о планах и сроках вторжения.

Свои источники для получения надежных сведений имели и кубинские товарищи.

3 января 1961 года администрация президента Д.Эйзенхауэра разорвала дипломатические отношения с Кубой, а вскоре после этого новая администрация во главе с президентом Джоном Кеннеди нанесла острову еще один удар, введя против него полную экономическую блокаду. Ясно было, что на этом американцы не остановятся.

И действительно, вскоре нам стало известно, что на секретном совещании, проводимом в начале апреля под председательством президента, руководители ЦРУ заверили его,

что на Кубе им удалось подготовить большую группу вооруженных противников режима Кастро — не менее двух с половиной тысяч, — готовых поддержать высадку войск. Более того, на их сторону, как они утверждали, встанет не менее четверти кубинского населения. Получив все эти обнадеживающие сведения, президент утвердил план и дату вторжения на Кубу. Полторы тысячи кубинских эмигрантов под руководством ЦРУ должны были высадиться в заливе Кочинос и попытаться свергнуть Кастро. Сам план высадки был, разумеется, глубоко секретным.

Мы проинформировали революционные круги Кубы обо всем: о намерении убить Кастро, о шагах, предпринимаемых для нападения на страну, и о требованиях целой группы ближайших сотрудников президента Кеннеди (особенно из ЦРУ и Пентагона) полностью ликвидировать послереволюционный режим в Гаване. Куба готовилась к отпору.

17 апреля эмигранты, обученные во Флориде и Гватемале, высадились в заливе Кочинос, но были разбиты в открытом бою: многие погибли, более тысячи попали в плен. Провал задуманного плана стал для новой администрации США катастрофой. Она еще не успела как следует оглядеться, а на международной арене уже пожинала плоды падения своего престижа.

Защита же революции от враждебного могучего соседа стала целью всего кубинского народа.

Идеологический момент был неразрывно связан с национальными чувствами. Знаменательно, что накануне нападения, 16 апреля 1961 года, Фидель Кастро впервые публично заявил, что кубинская революция, начатая два с лишним года назад, носит социалистический характер, а несколько месяцев спустя, 2 декабря 1961 года, Кастро определил кубинскую революцию как марксистско-ленинскую. К более тесному сотрудничеству с нами в немалой степени Кубу подтолкнули сами Соединенные Штаты.

Факт, что в Западном полушарии возникло первое социалистическое государство, стал неопровержимым.

Однако и после всего этого Фидель не превратился в послушного исполнителя приказов Москвы, хотя в западной печати часто стали его так называть. Кастро проводил самостоятельную внешнюю политику, которая не всегда согласовывалась с симпатиями или антипатиями Советского Союза. Так, в то время, когда наши отношения с Пекином находились в состоянии «свободного падения», кубинско-китайские связи процветали; когда в контактах между Москвой и

Албанией один взрыв следовал за другим, кубинский представитель поступал по-своему. Однако один фактор оставался постоянным и тревожным: над Кубой по-прежнему висела угроза нового американского нападения.

И действительно, Кеннеди не успокоился. По данным нашей разведки, американцами был разработан новый план удушения Кубы. Для подготовки нового вторжения на остров стали забрасываться и диверсионные группы, оружие и взрывчатка, различные технические средства, для чего использовались всевозможные способы доставки, даже рыбаки.

Широко проводились и другие диверсионные меры внутри страны: уничтожались урожаи сахарного тростника, распространялись эпидемические болезни, создавались вооруженные банды, которые терроризировали население, вербовалась агентура. Нам стали известны маршруты переброски диверсантов и оружия из Флориды, места их высадки и тайники оружия. Все эти сведения мы тут же передали кубинским товарищам. Более того, мы постарались проинформировать влиятельные круги США, что контрразведка Кастро контролирует эти маршруты, благодаря чему оружие попадает не к бандитам и наемникам, а в руки кубинцев.

Кроме того, мы организовали также «утечку информации» о том, что некоторые из заброшенных контрреволюционеров давно перевербованы и ведут с американцами двойную игру для получения от ЦРУ денег и оружия. Эта дезинформация несколько охладила пыл ЦРУ, что значительно, как нам стало позже известно, сократило переброску оружия и агентов на Кубу.

И все-таки мы понимали, что новое вторжение не за горами.

Гарантом кубинской безопасности мог быть только Советский Союз.

Наша страна предоставила Кубе всестороннюю помощь: покупала у нее сахар, а ей поставляла важнейшее оборудование, лекарства и столь нужную нефть. В соответствии с заключенными договоренностями на Кубу были посланы и наши войска. Этот шаг был предупреждением для Белого дома, которое звучало так: отныне, если против Кубы будет применено насилие, Кремль не останется нейтральным. И напоминалось об этом США при каждом подходящем случае.

Но существовала опасность, что недостаточно взвешенные шаги с нашей стороны могли втянуть Советский Союз в тяжелый конфликт.

Соединенные Штаты при существовавшем тогда соотношении вооруженных сил и благодаря географическому положению оказывались в военном отношении наименее уязвимы.

Сила в их руках была огромная, но чувство ответственности не соответствовало тому, которое испытывает остальной мир, сознавая свою собственную уязвимость.

Поэтому мы старались сделать так, чтобы и американцы сами, на собственной шкуре испытывали то давление, которое они оказывают на других. Этому был подчинен и тон некоторых наших сверх меры угрожающих заявлений. Переговоры с позиции силы в 1962 году достигли своей вершины, потому и обе стороны использовали любую возможность усилить свое влияние.

Хрущев и его окружение практически сразу же поняли, что с углубляющейся ориентацией Кубы на Советский Союз у Варшавского договора появился, кроме обязанности защищать остров, и новый шанс в противостоянии с Америкой.

Положение на Кубе стабилизировалось, и становилось ясно, что постоянное присутствие там трех дивизий Советской Армии — примерно в ста пятидесяти километрах от американских берегов — является значительным фактором, который скажется на всей концепции обороны социалистического содружества. Можно было с уверенностью считать, что при первом же ударе, направленном против какой-либо страны — члена Варшавского договора, территория США не останется в стороне. Хотя и до этого боеголовки советских межконтинентальных баллистических ракет сориентированы были на американские цели, теперь американцам пришлось быть на прицеле ядерных ракет среднего радиуса действия, установленных к тому же на близких к США стартовых площадках, — а это совсем иное дело. Кроме военных выгод, такое положение вещей должно было усилить влияние на политическое сознание американцев, заставить их почувствовать, какими страшными последствиями грозила бы возможная война, и предотвратить вторжение США на Кубу.

Имея за спиной большую ударную силу, мы могли рассчитывать на более гладкое проведение некоторых советских предложений и на международной арене.

До самой осени 1962 года советские воинские части, расположенные на Кубе, были вооружены только обычными ракетами среднего радиуса действия. Мысль послать под нос американцам также и ядерные боеголовки понравилась Хрущеву еще и потому, что советское руководство само ощущало ядерное давление в непосредственной близости от своей территории: американские ракеты средней дальности «Юпитер» с 1959 года были размещены в Турции вдоль нашей общей границы.

Решение о том, что советские ракеты с атомными боеголовками будут отправлены на Кубу, принимала очень небольшая группа людей. Вся операция была строго секретной. Я

не был в нее посвящен и узнал об этом позже, причем не официальным путем, а через каналы военной контрразведки.

Кроме Никиты Сергеевича Хрущева, окончательное решение принимали министр обороны Родион Яковлевич Малиновский и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко. Обо всем знали также Леонид Ильич Брежнев и Дмитрий Федорович Устинов. В ведении обоих были вопросы военного производства: у первого — в Президиуме Центрального Комитета КПСС, у другого — в Совете Министров СССР, где последний был заместителем министра по соответствующей части.

Даже в том, был ли информирован о принятом решении такой высокопоставленный деятель, как Михаил Суслов, я не достаточно твердо уверен.

Предполагалось, что американцы узнают обо всем лишь после того, как ядерные ракеты встанут на свой боевой пост рядом со своими носителями в стартовых укрытиях. В таком случае у наших визави не оставалось бы иных возможностей, чем снова сесть за стол переговоров.

Операция по размещению наших ракет получила название «Анадырь».

Казалось, никаких препятствий для успешного проведения операции не будет. Началась она в июле 1962 года.

Однако в наших расчетах оказались ошибки…

Американцы, занятые в то время проблемами в Европе и Вьетнаме, не сразу спохватились. И все же к концу лета у Джона Кеннеди на столе лежали материалы, свидетельствующие о расширении военной мощи советских войск на Кубе. Но даже тогда еще никто из американских политиков, видимо, не мог предположить, что русские осмелятся разместить ядерные боеголовки в непосредственной близости от США.

Однако полученные сведения заставили американцев усилить разведывательные полеты над Островом Свободы, тем более фотоснимки неопровержимо показали: на Кубе — наступательные советские ракеты.

Как удалось разоблачить действия советских военных?

Замаскировать подготовительные работы такого масштаба всего в нескольких милях от американских берегов было далеко не просто. Куба — не Сибирь, покрытая кронами вековых деревьев. Прежде всего американцев могли встревожить снимки, полученные самолетами У-2, которые они могли сравнить со снимками их разведчиков, летавших над территорией Советского Союза: шахты, построенные на Кубе, были того же типа, что и укрытия для атомных ракет, сооруженные у нас.

Вероятно также, помогла и агентура, которая была у ЦРУ среди кубинцев. Последнюю деталь в мозаику тревожных предположений американцы получили, очевидно, к середине октября 1962 года, когда обнаружили множество советских кораблей, направлявшихся к кубинским берегам. Наш план был раскрыт в самой его заключительной части.

Реакция американцев была стремительной. Кеннеди срочно создал Исполнительный комитет Совета национальной безопасности для выработки мер по устранению ракетной угрозы, которая неожиданно оказалась рядом. В Исполком вошли вице-президент Л.Джонсон, госсекретарь Д.Раск, министр обороны Р.Макнамара, министр юстиции Р.Кеннеди, директор ЦРУ Д.Маккоун и др. На первом его заседании 16 октября в Белом доме под председательством Кеннеди военные настаивали на немедленном применении массированной бомбардировки Кубы, вторжении на остров и свержении Кастро. Против немедленных действий выступил вначале Р.Макнамара: министр обороны выразил опасение, что не все ракеты могут быть уничтожены, а уцелевшие смогут дать залп по США. Поддержал его и Роберт Кеннеди.

К 18 октября большинство Исполкома пришло к выводу о необходимости введения морской блокады, но обсуждались и другие варианты.

Ничего об этом не знали деятели СССР. Первым был скомпрометирован наш министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, прибывший в США для участия в Генеральной Ассамблее ООН. 18 октября он заявил на встрече с президентом США Кеннеди в Вашингтоне, что не может быть и речи о какой-либо переброске нашего атомного оружия на Кубу, что СССР поставляет на Кубу исключительно оборонительное вооружение, которое не представляет никакой угрозы для Соединенных Штатов.

Но уже в тот момент США перестали сомневаться как раз в обратном.

20 октября Исполком предложил президенту следующие альтернативные решения:

— вторжение на Кубу;

— уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха;

— установление блокады Кубы; ведение переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам;

— передача проблемы на обсуждение ООН.

Исполком рекомендовал президенту начать с установления блокады острова.

21 октября мы получили от наших резидентов сведения о том, что в Вашингтоне проходит секретное заседание кабинета президента с руководством Пентагона, после чего, по сведениям американских журналистов, надо ждать каких-то важных заявлений. Совещание затянулось до глубокой ночи, о чем свидетельствовали ярко освещенные окна офисов.

Получив эти сведения, газета «Правда» на следующий же день под рубрикой «Опасные и безответственные действия» сообщила со ссылкой на газету «Нью-Йорк геральд трибюн», что «никогда прежде так много высокопоставленных должностных лиц не собирались по воскресеньям на такое длительное время», что это совещание совпало с концентрацией у берегов Кубы военно-морских и военно-воздушных сил США — более 40 военных кораблей и около 20 тысяч солдат и офицеров морской пехоты.

Большую помощь в дальнейшем ходе событий оказал первый советник советского посольства и одновременно резидент КГБ на американской территории Александр Фомин (настоящая фамилия. Феклисов). Он имел к тому времени в Вашингтоне широкие связи среди журналистов, телевизионщиков, видных политических деятелей.

22 октября его неожиданно пригласил на завтрак известный внешнеполитический обозреватель телеканала Эй-би-си Джон Скали, с которым у него установились регулярные дружеские отношения.

Скали вел программу «Вопросы и ответы», которая пользовалась в Штатах большой популярностью. В ней выступали министры, известные политические деятели и конгрессмены. Он был лично знаком с кланом Кеннеди, включая президента, с госсекретарем Д.Раском и другими видными политическими лицами.

В этот раз Д.Скали выглядел необычайно взволнованным и без обычного обмена любезностями начал разговор с обвинений в адрес Хрущева: он упрекал советское руководство в агрессивности, в стремлении навязать Кеннеди свою позицию по Западному Берлину, а теперь еще и в том, что оно угрожает США ракетным обстрелом с Кубы. Феклисов в ответ привел убедительные доводы, что застрельщик в нагнетании обстановки не Советский Союз, а Соединенные Штаты: именно они окружили СССР сетью военных баз с ракетным вооружением, именно они засылают военные разведывательные самолеты У-2, которые летают над территорией нашей страны, именно они сколачивают военные блоки, острием направленные на Советский Союз. Д.Скали реагировал очень нервно, чувствовалось, что он куда-то торопился, и наконец сообщил, что надо успеть к телевизору:

вечером президент Америки выступит с обращением к американскому народу с обвинениями в адрес Хрущева и Кубы.

22 октября в 7 часов вечера по вашингтонскому времени вся Америка, затаив дыхание, слушала Кеннеди: президент выступил по телевидению с обращением к своим согражданам.

Кеннеди обвинил Москву в проведении агрессивной политики, сообщил, что на Кубе устанавливаются ракеты с атомными боеголовками, способные нанести ядерные удары по всем городам Америки — не только США. Президент объявил об установлении блокады Кубы и подчеркнул, что отдал Пентагону распоряжение проводить дальнейшие военные приготовления.

То, о чем он сказал, взбудоражило весь мир: американцы начали подготовку к нанесению массированного удара по установленным советским ракетам…

Чтобы остановить подход советских кораблей к Кубе, военные морские корабли США окружили остров плотным кольцом; разведывательные самолеты непрерывно утюжили небо над Карибским морем.

Решительный ответ Кеннеди был абсолютно понятен: учитывая внутреннюю и международную обстановку, свои обязанности по отношению к своей стране, иначе, как твердо стоять на своем, он не мог. Но, к счастью, действий никаких не предпринимал.

И в душе мы все были благодарны тому, что на последних выборах президентом был избран именно он, а не его республиканский соперник Ричард Никсон. Последний в начале шестидесятых годов был более враждебно настроен к Советскому Союзу, и с ним искать компромисс было бы намного труднее…

По команде Белого дома все американские средства массовой информации начали безудержную оглушительную кампанию против СССР и Кубы, нагнетая психоз в стране. Несколько раз в день сообщались сенсационные слухи, где правда густо перемежалась домыслами. Американцы, опасаясь ядерной войны, стали срочно уезжать в глубь страны, запасались продуктами; резко возрос спрос на портативные бомбоубежища. Полиция и пожарные были мобилизованы. Люди расхватывали газеты, жадно слушали радио; церкви заполнили молящиеся. Страну захлестнула военная истерия.

Высшие круги в Москве и не предполагали, что возможны столь молниеносное разоблачение, а затем и такая жесткая ответная реакция.

Руководство нашей страны было потрясено стремительно нараставшим напряжением. Сначала мы отвергли утверждение,

что транспортируемые ракеты были по большей части наступательными, затем послали свои подводные лодки в помощь кораблям с опасным грузом.

Мысль, что мы стоим на пороге войны, повергла всех в трепет. Подобные переживания, несомненно, мучили и всех осведомленных лиц на другой стороне Атлантики.

Когда Хрущев узнал, что произошло, он запаниковал. Если раньше он в своих выступлениях грозился «похоронить капитализм», то на первом же экстренном заседании Президиума ЦК он с совершенно серьезным лицом трагически произнес: «Все. Дело Ленина проиграно!»

С каждым новым сообщением из-за океана смятение в головах наших руководителей все нарастало, тем более что экстремисты из окружения Кеннеди требовали решительных действий и захвата всего острова вместе с Кастро.

Времени на эмоции становилось все меньше. Нам ничего не оставалось, как, стиснув зубы, пуститься на поиски взаимоприемлемого выхода. Нервозность с обеих сторон возрастала, громоздились новые и новые прожекты, предупреждения и даже ультиматумы. Горячие головы всегда вредят делу, раздраженные люди чаще совершают ошибки.

24 октября в «Правде» было опубликовано заявление Советского правительства, в котором американцев обвиняли в преступных замыслах развязать войну и начать агрессию против Кубы. Там же поместили постановление Совета Министров СССР о задержании увольнения из Советской Армии старших возрастов в ракетных войсках стратегического назначения, в войсках противовоздушной обороны и на подводных флагманах; о прекращении отпусков всему личному составу, о повышенной боеготовности и бдительности во всех родах войск.

В штабе Объединенных Вооруженных сил стран Варшавского договора «в связи с провокационными действиями американской военщины» главнокомандующий этих войск маршал А.А.Гречко 23 октября 1962 года созвал офицеров и дал указание о проведении ряда мер по повышению боеготовности войск и флотов Варшавского договора.

Газеты запестрели заголовками: «Мы с вами, кубинские братья!», «Народы отвергают агрессивную политику США!», «Куба готова к отпору агрессору!».

Казалось, достаточно неосторожного шага, зажженной спички, чтобы пороховой арсенал мира взорвался войной…

Наконец начался обмен документами. Каждый день Хрущев и Кеннеди посылали друг другу послания. Телеграфные линии

были накалены до предела. А так как шифровка и дешифровка требовали много времени, главы двух стран — впервые в истории наших отношений! — стали вести переписку открытым текстом.

Для передачи своих ответов американской стороне мы тогда использовали и некоторые неформальные, чисто человеческие контакты. Неофициальные пути ускоряли проверку взаимных реакций, не затягивая их корректировку предписанными дипломатическими процедурами.

Одним из немногих таких связных был Георгий Никитич Большаков, журналист, работавший в американской столице в советском посольстве. Кроме своей официальной работы, он добывал информацию для нашей военной разведки.

Большаков знал зятя Никиты Сергеевича — Алексея Аджубея и благодаря рекомендации последнего стал неофициальным представителем Хрущева в США. Доступ к высокопоставленной американской семье он получил через брата президента, министра юстиции Роберта Кеннеди. Через руки Большакова проходили уже полностью согласованные позиции. Затем их обсуждали официально и предавали гласности.

Руководящие органы страны работали в режиме чрезвычайного положения. Члены Президиума съехались в Кремль и не покидали его три дня, там же и ночевали. Подобным же образом по сигналу тревоги работали Генеральный штаб Советской Армии, Министерство иностранных дел и мы в КГБ. Срочно была создана оперативная координационная группа, куда стекались все доступные факты. Здесь они анализировались, готовились материалы для членов Президиума ЦК и проекты посланий и ответов администрации Соединенных Штатов.

Напряженно работал в те дни и аппарат советского посольства в Вашингтоне. На случай войны укреплялись двери, врезались замки, усиливалась охрана, проверялись сигнализация и средства срочного уничтожения секретных документов.

Наши сотрудники резидентуры каждую ночь объезжали все интересующие нас официальные здания высших органов власти США — там тоже целыми ночами горел свет: в окнах Белого дома, Пентагона и в канцелярии госсекретаря в Вашингтоне, в ФБР и ЦРУ.

Сведения от разведчиков тут же шли в Москву…

Тревожно было и на Кубе. По всему побережью кубинцы рыли окопы, устанавливали орудия; на передовые рубежи выводились армия и части народной милиции, в которой было много подразделений, сформированных из женщин, вооруженных в основном автоматами и пулеметами. Там, где были советские

моряки, они занимали передовые рубежи, оттеснив кубинцев на вторую линию обороны. Те, не сдерживая своих чувств, плакали и обращались к советским братьям, как они называли всех советских людей, со словами: «Умрем вместе!» Клич «Родина или смерть!» раздавался повсюду. Советские солдаты были одеты, как и кубинцы, в клетчатые рубашки, рабочие штаны и кирзовые сапоги.

А в это время в гаванском порту на выделенный корабль уже грузились работники посольства…

Учитывая, что ситуация в Америке становится час от часу все более взрывоопасной, наш резидент Александр Феклисов в пятницу 26 октября решил вновь встретиться с Джоном Скали, пригласив его на обед в один из ресторанов.

На этот раз Скали вел себя намного увереннее. Вновь обвиняя Хрущева в агрессивности, в неуступчивости, в отказе вывести ракеты без всяких условий, он, как бы между прочим, сказал, что США все более склоняются к решительным действиям и, как только президент даст на это согласие, с Кубой будет покончено в течение 48 часов. Феклисов мгновенно оценил обстановку и тут же ответил, что, во-первых, Советское правительство считает Д.Кеннеди дальновидным политиком, который сумеет трезво оценить обстоятельства и остановит своих не в меру воинственных адмиралов и генералов. Во-вторых, Куба, защищая свою свободу и независимость, будет бороться не на жизнь, а на смерть, и прольется много крови, гораздо больше, чем думают американские военные. И наконец, Советский Союз в ответ может нанести удар по уязвимому для США месту в другом районе земного шара.

Скали не ожидал такого ответа.

— Что в таком случае придумает Кремль? Ты думаешь, это будет Западный Берлин? — поинтересовался Скали.

— Все может быть, — не раздумывая, заявил Фомин.

Растревоженный Скали попросил объяснения:

— Означает ли это, что Москва прикажет своим войскам занять Западный Берлин?

— Не исключено, — коротко и уверенно прозвучал ответ Фомина.

Скали понял всю серьезность полученной информации, а главное: мир действительно на пороге новой мировой войны. Конец обеда прошел в молчании.

Оба собеседника хорошо знали о контактах друг друга с высокопоставленными лицами. Загвоздка была лишь в том, что у Феклисова не было никаких оснований для подобных заявлений.

Мы никогда не могли всерьез думать о чем-то подобном, ибо такие действия вместо желаемого мирного урегулирования привели бы, что было совершенно ясно, к полномасштабной войне.

Сразу после обеда Феклисов информировал посла Дубинина о своем разговоре и о тех словах, которые он произнес без всякого основания и без ведома начальства. Во время этой встречи с резидентом советскому послу доложили, что «Фомина» разыскивает Скали. Через десять минут в кафе Д.Скали передал новые условия американской стороны решения Карибского кризиса: Кеннеди давал обещание не вторгаться на Кубу. Шифровка с отчетом Феклисова была передана начальнику первого управления КГБ А.М.Сахаровскому…

Несанкционированное заявление нашего резидента произвело впечатление на американцев, и при последующих встречах обеих сторон разговоры пошли намного конструктивнее: и о взаимных уступках, и о возможных выходах из создавшегося положения.

Окончательное соглашение означало, что войну, от которой и мы и американцы были буквально на расстоянии вытянутой руки, реалистически мыслящим людям удалось предотвратить.

Дипломаты постарались, чтобы при оглашении договоренностей ни одна из великих держав не потеряла своего лица. И хотя западная печать приветствовала достигнутые соглашения как успех Кеннеди, однозначный победитель так и не был определен.

28 октября Советское правительство согласилось вывезти свои ракеты с Кубы.

Из политических результатов решающими были три:

— Советский Союз вывез свои ядерные боеголовки с Кубы и обязался ничего подобного в будущем не предпринимать;

— Соединенные Штаты убрали, в свою очередь, очень беспокоившие нас ракеты в Турции, расположенные в непосредственной близости от границ СССР;

— президент Кеннеди обещал, что его страна уже никогда не нападет на Кубу.

Пункт о ликвидации американских ракет в Турции, по просьбе Кеннеди, носил строго конфиденциальный характер и не был включен в официальный документ.

Ни мы, ни они не хотели войны!..

Когда после трехдневного отсутствия я переступил порог дома, жена горестно всплеснула руками: я стал совсем седым…

Однако существовал человек, который не мог быть доволен результатами договоренностей и сразу же охладел к Советскому Союзу. Им оказался высший кубинский руководитель Фидель Кастро.

С идеей размещения советских ядерных ракет на Кубе Фидель Кастро согласился, несмотря на то что она была предложена ему не в процессе консультаций, а тогда, когда окончательное решение об этом принял Советский Союз.

Когда же принималось решение об отправке ракет обратно, мнения кубинского руководителя вообще не спрашивали. В результате Фидель страшно рассердился на советское руководство.

Достигнутое без Кастро разрешение кризиса поставило его в ложное положение и в конечном итоге нанесло урон его авторитету на всем южноамериканском континенте.

Хрущев объяснял свое поведение в этом случае тем, что если бы советские и американские партнеры подключили еще и третьего участника, то поиски решения осложнились бы еще больше, а главное — затянулись. Дело решали буквально минуты. Тогда же, в той напряженной обстановке, о дипломатических переговорах с Фиделем Кастро действительно мало кто думал.

Чтобы устранить это недоразумение, члены Президиума ЦК КПСС послали в Гавану Анастаса Ивановича Микояна, поставив перед ним задачу восстановить добрые отношения с Кубой. Однако хотя ему и удалось уговорить Фиделя Кастро разрешить вывезти ракеты с Кубы, примирение далось непросто; потребовались месяцы и даже годы, чтобы оно состоялось…

Международная реакция на Карибский кризис была неоднозначной. Многие из ведущих руководителей партии уже тогда осознали, насколько опасным может быть стремление первого секретаря партии присваивать себе единоличное право принимать решения, ни с кем не советуясь, практически без всякого контроля…

Куба — любовь моя!

Возможности КГБ на Кубе вскоре после революции и в период Карибского кризиса были ограничены. Свою секретную службу кубинцам пришлось строить практически на пустом месте, однако овладевали они этим делом весьма быстро и успешно. Часть их разведчиков приезжала учиться к нам, ездили на остров и наши инструкторы. Из работников КГБ в длительной командировке побывали многие, в том числе и я. Постоянно там находился наш сотрудник по связям с кубинским министром внутренних дел.

С Раулем Кастро у нас был постоянный контакт. Он часто приезжал в Москву, и эти встречи всегда приносили радость общения с другом. Он всегда врывался ко мне — шумный, веселый, и, казалось, заполнял собой весь мой кабинет на Лубянке.

Однажды, договорившись о времени, он, всегда любивший точность, сильно опоздал. Я уже начал тревожиться, не случилось ли чего. Вдруг — является! Оказалось, задержался при «выяснении революционных отношений» с делегацией итальянцев: «Понимаешь, итальянцы думали, — бушевал Рауль, — что если они умеют громко говорить, то им удастся нас перекричать. Они не учли, что мы на Кубе тоже умеем кричать, даже побольше, чем они. Но чтобы выиграть в споре, крика мало — нужны аргументы, а их оказалось у них недостаточно!»

Накануне моей командировки с группой сотрудников КГБ в 1965 году на Кубу Рауль приехал в Москву с супругой Вильмой. Она тогда ждала третьего ребенка, и разговор вертелся вокруг того, кого же дарует им судьба. У них уже были две дочери, и Рауль мечтал о сыне. Мечта его сбылась. Мы с женой пригласили их на обед к себе домой, на Патриаршие пруды. Время провели замечательно.

Потом вместе летели на Кубу — через Мурманск и дальше без посадки: Северный полюс, вдоль берегов Канады и Америки до самой Гаваны.

Я летел полуофициально, потому имел паспорт на другую фамилию: на всякий случай, если вдруг случится вынужденная посадка где-нибудь в Америке или Канаде. Оставив имя и отчество без изменения, я придумал фамилию «Еленин» — от имени своей дочери. К счастью, долетели без приключений.

Вспоминая русское гостеприимство в Москве, Рауль и Вильма пригласили меня к себе отпробовать кубинскую кухню. Две их маленькие дочурки превратили мое пребывание у них в настоящий праздник, и я, пришедший к ним в качестве русского

Деда Мороза, выступил в роли кубинского Деда Тепла, подарив им две большие куклы. Надо было видеть их восторг, когда они принимали подарки, которые по росту оказались больше их самих! Семья у Рауля великолепная, и я часто вспоминаю этих прекрасных людей.

Такие люди не бросаются дружбой, и никакие повороты судьбы не мешают им ее доказать. Когда Брежнев сослал меня на Украину, Рауль, второй по значимости на Кубе человек, всегда звонил мне, когда приезжал в Москву, а однажды, видимо, почувствовав, как мне плохо, просто приехал в Киев, несмотря на мое опальное положение. И мы (я — по личному разрешению Щербицкого!) здорово с ним посидели и проговорили всласть несколько часов.

Тогда, словно с намеком, Рауль подарил мне необычный письменный прибор, в котором ручки напоминают военные ракеты. И вот иногда за работой, в минуты передышки, я смотрел на них и думал, что еще рано списывать их со счета, пока есть на планете личности, делающие ставку на силу. Хороший подарок, чтобы не забывать, что люди, рисуя одной рукой мирные картины, другой подписывают решения о производстве нового, еще более страшного оружия…

На Кубе поселили нас в очень комфортабельном особнячке, расположенном почти на берегу океана. Однако мы приехали не купаться и греться на солнышке, а, по просьбе кубинских товарищей, передать опыт нашей работы и в заключение подготовить и подписать с министром внутренних дел и госбезопасности Рамиро Вальдесом соглашение по нашим общим делам, связанным с разведывательно-контрразведывательными операциями. Ведущие советские чекисты читали специальные лекции и проводили практические занятия с кубинцами, а также учили, как грамотно и надежно организовать деятельность аппарата госбезопасности и внутренних дел.

В качестве «наглядного пособия» я привез и показал им обстоятельный фильм по обезвреживанию предателя Пеньковского. Даже Фидель Кастро с интересом вникал во все подробности этого дела и все советовал Вальдесу и его молодой команде постараться максимально использовать наше пребывание на Кубе, чтобы овладеть нашими навыками и умением, взять их на вооружение.

Надо сказать, что первое знакомство с Фиделем Кастро произошло у меня еще в Москве, однако никаких бесед тогда не было. Настоящее знакомство, которое оставило во мне неизгладимый след и заставило навсегда влюбиться в народ

Острова Свободы и его вождя, произошло именно на Кубе. Это были конфиденциальные и просто дружеские разговоры, и каждая встреча приоткрывала все новые грани этого необыкновенного человека, добавляла новые черточки к познанию его характера, вызывая громадное уважение и преклонение перед этой могучей и удивительной личностью.

Помню, первое, что меня поразило, — у Фиделя Кастро не было своего официального кабинета, как это принято у государственных деятелей всего мира. И привычки не было принимать людей в «своем» кабинете. Обычно он приезжал сам к тому, кто в этом действительно, по его мнению, нуждался. Его рабочим кабинетом становился кабинет того руководителя, к которому он являлся, чтобы лично ознакомиться с ходом дела и, если надо, тут же принять необходимые меры. Это было тем более поразительным, что у всех остальных политических руководителей Кубы рабочие кабинеты должны были быть в обязательном порядке. Я часто бывал в кабинетах у первых лиц: у Рауля, у президента Освальда Дортикоса, у своего коллеги Рамиро Вальдеса, у других, но так и не увидел, чтобы Фидель Кастро обзавелся собственной резиденцией.

Неоднократно, во время нашего пребывания на Кубе, его рабочим кабинетом становился наш особняк — Фидель приезжал часто и мог до полуночи решать с нами самые наболевшие вопросы. Ритм жизни у него был прямо-таки космический, работоспособность — феноменальная! Он везде успевал. И при этом — много читал! Было непонятно, когда он успевает спать. Я искренне восхищался этим человеком. Да разве я один?! Приходилось слышать, какой восторг испытывал от личности Кастро легендарный писатель Габриэль Гарсиа Маркес, которого никак нельзя назвать чьим-то подпевалой.

Основательно удавалось нам поговорить с Фиделем только по ночам, когда он приезжал к нам, весь наполненный впечатлениями от событий дня, встреч с людьми. И то, что и как он говорил, какие оценки давал, какой анализ делал из всего виденного и слышанного, представляло его необыкновенным политическим деятелем. Я его назвал бы Политическим Айсбергом!

Но совершенный восторг вызывали его многочасовые выступления перед многотысячными аудиториями. И мне посчастливилось слышать его выступление. Да, у него красивый тембр голоса. Да, правильная красивая речь. Но в ней всегда присутствуют еще страсть борца, логика развития мысли, аналитический образный ум, полноценное содержание, умение

обратиться ко всем сразу и к каждому в отдельности. Бесподобный оратор!

Мне как-то пришлось присутствовать на каком-то деловом собрании. У Фиделя не было никакой заготовленной речи. Из нагрудного кармана своей военной формы он вынул несколько маленьких листочков с какими-то цифрами. Наблюдая специально за присутствующими, я не заметил во время выступления, чтобы кто-то чем-то отвлекся или зевнул от скуки, как это бывает у нас. Речь держала всех в напряжении, потому что Фидель говорил о том, что каждому не давало покоя. Люди вскакивали, аплодировали, негодовали, кричали, вскидывали в знак полного согласия руки. И это фантастическое для нас действо продолжалось около трех часов. Никто не покинул зал! Никто! Фидель умел так сконцентрировать мысль на самом важном, так разложить все по полочкам, что ему удавалось даже сложные вещи донести до сознания каждого человека. Этим он покорял и вдохновлял зал, как маг-волшебник.

Несмотря на бесконечные организованные на него покушения, Кастро не делал фетиша из своей охраны. Мы помогли кубинским товарищам организовать самостоятельный отряд телохранителей, отбирая в него наиболее подготовленных людей. Но Фидель иногда разъезжал по стране вообще без охраны, оставляя своих людей по дороге, там, где они могли, как он считал, понадобиться больше. Бывало, приезжает он куда-то, где создается новый кооператив или какое-то госхозяйство, и, чтобы дело пошло, оставляет там одного из своих охранников — для руководства. Или открывается доходная ферма по разведению крокодилов — он опять туда направляет надежного человека, а сам едет дальше. Организуется новый центр туризма и отдыха на побережье с плавающими, как у туземцев, шалашами — и снова на одного-двух в охране меньше. И так — беспрерывно! Иногда доходило до того, что он возвращался за рулем… один! Невероятно неприхотливый и бесстрашный человек!

Наблюдая за братьями — Фиделем и Раулем Кастро, я пришел к выводу, что они очень дополняют друг друга, а по силе преданности делу революции — это настоящие близнецы. В Гаване меня не оставляла мысль, что кубинцы отлично понимают, что значат для их судьбы эти два удивительных брата. Недаром кубинский парламент принял официальное решение, категорически запрещающее Фиделю и Раулю одновременно покидать остров: всегда кто-нибудь из них должен оставаться «на хозяйстве». Ведь фактически блокаду Кубы никто не отменял! И несмотря на то что не так уж благополучно живет народ Кубы, кубинцы — за Фиделя, за Рауля, за Революцию! И это не показные

любовь и уважение, а искренние чувства, идущие от всей души.

И хотя помощь СССР давно кончилась, а с развалом Советского Союза Кубе пришлось пережить «двойную блокаду», Куба встает на ноги, крепнет и — уверен! — еще покажет себя!..

Министерство госбезопасности Кубы располагалось в высотном доме, кажется, на шестнадцатом этаже, а кабинет Р.Вальдеса — несколькими этажами ниже. Рядом с его кабинетом находилась личная комната, фактически рабочая спальня Рамиро. По договоренности я приезжал к нему всегда в 8 или 9 часов утра. Он даже шутил:

— Ну ты, как немец — пунктуальный и точный.

— У нас так положено. Мы — не на отдыхе. Мы работать приехали.

Носил я там всегда гражданскую одежду. Но однажды мне пришлось переодеться в форму кубинского солдата, когда мне предложили «отправиться в разведку» в район американской военной базы близ города Гуантанамо. США арендуют ее еще с 1903 года. Подъехали мы настолько близко, что было слышно, как американцы разводят караул. Меня провели в удобное место, с которого было хорошо видно, что там делается. Американцы не обращали на нас внимания, так как привыкли к кубинскому присутствию.

Мне пришлось много поколесить по Кубе. За рулем всегда сидел сам Рамиро Вальдес, лихой водитель. Тихо он ездить не умел. У меня было впечатление, что он никогда и на дорогу-то не смотрел, а все больше — по сторонам. Машина его представляла этакий склад оружия — автомат, гранаты… Я даже подумывал, что при такой гонке все это может взорваться в один прекрасный момент. Однажды я не выдержал и сказал ему:

— Слушай, ты когда-нибудь подорвешь и себя, и меня, и я не доведу до конца дело, ради которого приехал. А ты все на дамочек заглядываешься. Только почему они днем по городу в бигудях ходят?

А кубинки действительно очень красивые, точеные фигурки — глаз не оторвать! Он хохочет:

— Это у нас другая сторона Земли, поэтому все наоборот, не так, как у вас. Ваши женщины готовятся всю ночь, чтобы себя днем показать, а наши готовятся весь день, чтобы ночью предстать во всей красе!

Вот и поговори с ним после этого серьезно! Но это все шутки и шуточки. А работал он дни и ночи и делу предан действительно беззаветно.

Последний эпизод с ним был таким. Настал день подписания

соглашения. Я решил прибыть пораньше. Приехал в соответственном случаю костюме, захожу к Рамиро — он еще не одет.

— Так ведь Фидель уже в министерстве!

— На каком этаже?

— На первом!!!

— Успеем!

А дело в том, что он знал привычку Фиделя Кастро подниматься на этажи не в лифте, а пешком. Действительно, когда Фидель входил в кабинет, Вальдес уже успел привести себя в порядок — быстро, по-военному!

Самое интересное началось потом. Войдя в кабинет, Фидель Кастро начал вынимать их карманов и раскладывать на столе то, что удалось ему взять бесхозного в кабинетах, куда он заглядывал, пока поднимался с этажа на этаж. Чего там только не было! Одна вещь удивительнее другой: записная книжка, документ с грифом «секретно», записки и наконец… пистолет.

— Какие же вы конспираторы и охранители государственных секретов? — выговаривал он, качая головой. — Ведь скоро вас самих можно будет точно так же унести отсюда!

Вальдес не теряется даже в этой обстановке:

— Ну, Фидель, это только ты мог все это сделать. Другие бы не решились.

И все-таки польза от нашего пребывания была. Выводы были сделаны, наше соглашение сыграло свою роль. Доказательством служит то, что американская разведка так и не смогла переиграть вставшие на ноги силы госбезопасности Кубы…

Нам очень повезло, что в трудное время Карибского кризиса послом на Кубе был Александр Алексеев (настоящее его имя Александр Шитов). Он был в звании полковника КГБ.

У Алексеева были очень хорошие отношения с самим Фиделем. Работал он как на нас, так и на Министерство иностранных дел. Свои рабочие задачи он делил на две части: получал распоряжение из ведомства Громыко — делал все, что следовало по дипломатической линии; сведения, полученные по заданиям КГБ, сообщал нам и уже никакие иные организации в них не посвящал.

Хорошие отношения с Фиделем у него установились еще раньше, до того как Алексеев возглавил советское посольство. В те времена, когда он работал на Кубе как журналист, он мог свободно общаться с Фиделем. Если отправлялись вместе на уборку сахарного тростника, то жили в одной палатке. Их дружбой могли с успехом воспользоваться обе страны, и,

собственно, поэтому Алексеев — «товарищ Алехандро», как называл его Фидель Кастро, — и был назначен послом. Фидель знал, что Алексеев — чекист. Но не захотел его променять на дипломата, когда ему предложили это сделать. (При этом я должен подчеркнуть, что сам Фидель Кастро никогда на КГБ не работал.)

Охлаждение, вызванное кризисом конца 1962 года, временно отразилось и на их отношениях. Но к 1965 году, когда мы с группой чекистов приехали на Кубу, отношения эти снова были прекрасные, доверительные.

Начало дружескому общению с Фиделем Кастро положила памятная поездка в загородный дом нашего посла. Сидели, разговаривали, шутили, пока готовился шашлык, и мало-помалу нашли общий язык, освободились от зажатости, как всегда бывает при первом официальном знакомстве.

Именно там произошел один памятный разговор, имевший важные политические последствия. Кастро отвел меня в сторону и начал подробно говорить о положении в Аргентине. А там как раз разворачивались большие события, и возглавляли их генерал Перон и его знаменитая жена. Перон все активнее занимал прогрессивные позиции и вел дело в интересах народа. Кастро попросил меня помочь Перону, испытывавшему тогда финансовые трудности. Я честно ответил, что у моего ведомства таких возможностей нет, да и не могу я один решать эти вопросы, но обещал сделать все, чтобы убедить Брежнева в необходимости поддержать «аргентинские идеи» Кастро. И надо сказать, мне это удалось. Благо, к тому времени и советские настроения стали складываться в пользу Перона. Обращение Кастро было услышано, помощь оказана.

Короче, мы хорошо поняли друг друга и выпили за успех по рюмке русской водочки. Большего Фидель никогда себе не позволял. Сразу после шашлыка его опять ждали большие дела и люди, которым требовалась его неотложная помощь. Мы еще могли расслабиться, он — никогда! Кастро в отношении собственных удовольствий был очень сдержанным, всему знал меру.

Тот шашлык удался на славу. Хороший был день, и Фидель был доволен. Я тогда еще подарил ему офицерский кинжал со всякими секретами, отмычками, отвертками — универсальное оружие на все случаи жизни. Ему понравился мой подарок.

В ответ он меня одарил по-царски: картина — портрет кубинки, беломраморный письменный прибор с золотистым барельефом первого борца за независимость Кубы Хосе Марти и

сказочный ларец с кубинскими сигарами (кстати, почти все сигары целы до сих пор!) — все это подарки Фиделя Кастро, которые мне напоминают о тех незабываемых днях…

«Деза»

Тот факт, что страны Североатлантического пакта, и прежде всего Соединенные Штаты, не сумели в критические времена точно определить военную мощь Советского Союза, что они постоянно боялись нашей реакции, свидетельствует, кроме всего прочего, и о надежной защите наших главных секретов. Нашему успеху весьма содействовал также и другой фактор тайной войны: эффективная система создания и распространения фальшивых сведений, систематически путавших противника. Речь идет об искусстве дезинформации.

Безусловно, без солидного основания в виде военной промышленности и хотя бы нескольких видов оружия высшего качества мы никогда не сумели бы создать представление об общем равновесии сил, а значит, и не побудили бы противника из опасений нежелательных последствий действовать осторожно. Дезинформация может обмануть, но и она не в силах длительное время делать из карликов гигантов, а из гигантов карликов. Целью эффективной дезинформации было не только возбуждать страх и затушевывать недостатки в собственном вооружении, но и позаботиться о том, чтобы все необходимое нам обошлось как можно дешевле. Старательно разработанная и основательно продуманная дезинформация заводила противника в тупик. Она побуждала его ориентировать свои политические, экономические, военные и разведывательные усилия на ложные цели, а некоторые существенные взаимосвязи упускать.

Питательной средой для возникновения и развития дезинформации всегда бывает такое время, когда одна страна намеревается вести войну против другой. Война, вошедшая в историю под именем «холодной», не сопровождалась залпами орудий, а потому как никогда клокотала тайным соперничеством тайных служб. Дезинформация была одним из важнейших фронтов, и не миновал его, пожалуй, никто из тех, кто старался в тогдашней политике играть ведущую роль.

На разработку важнейшей дезинформации у разведок было более четырех десятилетий, а потому те или иные ложные по сути сведения, несомненно войдут в историю, словно на самом деле определенные события имели место и происходили именно так, а не иначе. А так как выдумывали их группы опытных, образованных и умных людей, надежда стопроцентно разобраться в некоторых чрезвычайно специфических вопросах и отделить зерно от плевел, очевидно, по истечении определенного времени будет уже не в человеческих силах.

Чем сильнее партнер, тем увлекательнее становилась своеобразная «шахматная партия» дезинформации для всех, в нее игравших. И мы испытывали огромную радость, когда нам удавалось понять ход противника, а то и предвидеть его.

В дезинформации действовал тот же принцип, что и в отношении имен и положения агентов: чем меньше людей знает о подлинной сути дела, тем больший успех может ожидать в конце операции. Было вполне достаточно, чтобы, кроме высшего руководства страны, истинное положение вещей было известно председателю КГБ, начальнику разведки и людям, непосредственно участвующим в самом процессе как в рамках аналитического отделения и отделения дезинформации КГБ, так и в остальных министерствах, прежде всего в Министерстве обороны. Там, в Генеральном штабе при ГРУ, тоже существовал центр производства стратегической дезинформации.

В военной области, испокон века традиционно начиненной наибольшим числом ложных сведений, фантазия работала полным ходом. Возводились бутафорские дома, аэродромы, даже города, чтобы в случае нападения противник потратил время и силы именно на них и не смог сосредоточиться на объектах и целях, действительно значительных. Настоящие гигантские военные площадки скрывались под землей, под кронами деревьев, с использованием всех других возможностей, предоставляемых природой.

На поле информации главным маскировочным материалом были прежде всего слова и логические конструкции. В разведке это делалось для того, чтобы не выдать правду или подлинный источник достоверных сведений.

Если было нужно, фальсифицировались также сведения об экономическом развитии большей части государств или же об истинном положении в разработке стратегически важных полезных ископаемых. Здесь цель оправдывала средства.

Не всякую дезинформацию и выдумки на другой стороне тайного фронта принимали с одинаковой доверчивостью. Когда Хрущев в одном из выступлений стал утверждать, что в Советском Союзе производятся ракеты с ядерным зарядом в таком же темпе, как на сковороде пекутся блины, мы вскоре же почувствовали, что такой ход не слишком хорошо проработан. И маршал Малиновский не многого достиг, когда заявил, что мы создаем в подводных глубинах своеобразный «голубой пояс». Маршал не прибавил тогда ни слова больше, и недостаточная конкретизация ослабила узду фантазии: даже мы в КГБ какое-то время не знали, о чем речь.

Запад тоже не очень долго пребывал в неуверенности, но

потом и там вое просчитали, хорошенько подумали и правильно поняли, что «план Малиновского» не более чем риторическое упражнение, а не реальность или серьезно задуманный шаг. Так что с точки зрения дезинформации «голубой пояс» сыграл ничтожно малую роль.

Однако не все наши старания высвечивались столь легко. Если кто-то отваживался утверждать, что ему известно, например, точное число наших ядерных ракет, то такие слова были не более чем бахвальством.

Значительная часть вооружений и ракет была бутафорией, а тогдашняя техника, даже если учесть возможности рассматривать нашу территорию из космоса, не позволяла определить, где настоящее оружие, а где нет. С ростом опасности более отчетливого распознавания объектов сверху соответственно развивались средства и изощренность маскировки, и так все катилось по кругу.

Было любопытно наблюдать, как изменялись американские данные о военной силе Советского Союза в течение весьма короткого времени. Такие цифры порой то увеличивались, то уменьшались в несколько раз, и это зависело от определенных обстоятельств. В тот момент, когда военно-промышленные круги выносили на обсуждение депутатов конгресса США проект нового военного бюджета, наша страна представлялась им фантастическим всемогущим гигантом, чудовищем, способным на все. Но стоило только одобрить огромные суммы на защиту от этого «жуткого колосса» официально, как наши возможности в интерпретации знающих американцев разом падали. И это была тоже своего рода дезинформация, предназначенная прежде всего собственным политикам и миллионам простых граждан, плативших за сознательное завышение потребностей обороны значительной частью собираемых налогов.

Мне были известны американские высказывания о КГБ и Советском Союзе. Было известно и подлинное положение дел. Поэтому я могу судить о преувеличениях и раздувании дезинформации со стороны противника и в процентном отношении.

Регулярно, примерно раз в два или три года, мы официально сообщали об освоении нового типа ракет. Вскоре после этого мы представляли их общественности во время военных парадов на Красной площади. По торжественным дням очередных годовщин Победы в Великой Отечественной войне 9 мая и Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября перед глазами собравшихся, теле- и фотокамерами всего мира по брусчатке проезжала военная техника.

В шестидесятые годы ракеты вызывали огромный интерес, и каждое новое упоминание о них, а тем более самый вид заставляли вглядываться в них, затаив дыхание.

Лишь очень небольшому кругу людей бывало известно, что некоторые из новых типов ракет — всего лишь бутафория, этакое подобие «потемкинских деревень», что они совершенно не способны взлетать. Просто модели на тягачах были не ракетами, а макетами.

Ничего не подозревавшие западные военные атташе и журналисты, собравшиеся на Красной площади, новую модель фотографировали. Их снимки сразу же отправлялись в редакции газет и в генеральные штабы. После парада машина с ракетой из центра направлялась к какому-нибудь из вокзалов. Там ее погружали на железнодорожную платформу.

Московские вокзалы названы именами других городов и мест, куда следуют поезда: Киевский, Ленинградский, Белорусский… Если ракета была отвезена к Ленинградскому вокзалу, определить хотя бы основное направление предполагаемого ее размещения специалисту было нетрудно. Точно так же всем было известно, с какого вокзала везут «ракеты» в Сибирь или на Урал.

Маскируя платформу с новинкой и окружая тайной ее перевозку, мы к тому же еще допускали и малозаметные «погрешности», которые, разумеется, заранее были продуманы и запланированы.

Внимательные военные атташе регистрировали направление перевозки и реагировали по-своему. Слушая их телефонные разговоры, наблюдая за ними и фиксируя характер наскоро предпринятых служебных командировок вслед «за ракетой», мы могли определить, насколько успешным был весь наш замысел. И агентура из других стран давала нам знать, что удалось, а чего не вышло.

Было бы глупо утверждать, что нам всегда удавалось легко обмануть. Однако все, связанное с ракетами, было настолько важно, что никто не позволял себе легкомысленно отнестись к любому новому сведению. А так мы по крайней мере «обеспечивали» работой целые штабы тех, кто при иных обстоятельствах мог бы тратить свои силы более эффективно.

Случалось также, что армейцы «пропускали» в эфир информацию о новых советских истребителях-бомбардировщиках, отличавшихся для своего времени необычно высокими параметрами. Особенно небывалой высотой полета. Противник, недооценив наши технические возможности, мучился сомнениями. А если вскоре после этого оказывалось, что подобный самолет был действительно создан и поступил на

вооружение, новую дезинформацию западные специалисты принимали уже с большим доверием, хотя именно в этом случае реальных оснований уже не было.

Перед тем как дезинформация пускалась в действие, мы определяли, сколь долго ей жить — вечно, пять лет или всего несколько месяцев, — а также, кому она предназначена. Ложь искусно комбинировалась с правдой, однако разработчику должно было быть детально известно исходное состояние дела, чтобы вместо желаемого результата не вызвать хаотического смятения.

Таким же образом действовали все известные секретные службы с разницей, разумеется, в качестве и опытности. Как ни печально может это прозвучать, но раскрытие собственных карт и признание правды в большинстве случаев равнялось бы самоубийству.

Какова же этика подобных действий? Как и правда, ложь может быть святой, если она связана с благородными побуждениями и целями. Я и сегодня считаю, что, когда советские матери говорили своим детям, что их отцы сражаются на фронте, в то время как те находились в заключении в немецких концлагерях или пропали без вести, они лгали во имя добра.

И мы сначала обдумывали вопрос, во имя чего намерены дезинформировать. Этикой и моралью, если в политике вообще можно оперировать такими категориями, мы проверяли не только средства, но, главное, наши цели, а в их благородстве мы не сомневались.

Названные примеры я привел не для того, чтобы ими испугать. Я хотел бы только напомнить, что каждый суд в области большой политики, проводимый и преподносимый как суд окончательный, на самом деле весьма относителен…

Задумался ли кто-нибудь из вас, читатели, над западными сведениями о жертвах советской системы? Мне в последние тридцать лет приходилось встречаться с цифрами от одного до ста семидесяти миллионов. Кто что хотел, то и говорил, писал и пишет по сей день, в большинстве своем не заботясь о доказательствах, не сообщая, откуда у него эти цифры взялись, не беспокоясь, что за такие утверждения придется отвечать. Пока мало кто дал себе труд задуматься, откуда и от кого эти факты исходят и что вообще в них реального.

Захотим ли мы вообще со временем узнать всестороннюю правду о сути всего происшедшего в нашей стране?..

Убийство Кеннеди

Мы хорошо понимали, что наша страна по жизненному уровню населения отстает от Запада. Нельзя забывать, что несколько раз Советский Союз возрождался из пепла войны. И в то время, когда социализм у нас только строился, капиталистическая система уже имела за собой несколько столетий развития. Поэтому и люди на Западе, симпатизировавшие нам, приезжали в Москву не для того, чтобы грезить о еще более богатом потребительском образе жизни, а прежде всего в поисках идеалов социально более справедливого общества. В большинстве своем, правда, они потом снова возвращались домой.

В конце пятидесятых годов в Соединенных Штатах уже затихал фанатичный параноидальный маккартистский антикоммунизм, во времена которого некоторые совершенно безвинные люди попадали за решетку только за то, что читали марксистскую литературу. Западные коммунисты уже не жили в обстановке постоянной прямой угрозы, а их партии действовали в рамках тогдашней парламентарно-демократической системы.

Поэтому эмиграция к нам граждан развитых капиталистических стран, особенно из США, была очень редким явлением. Если нечто подобное происходило, то вызывало наши сомнения: что такому эмигранту у нас надо? Не сложилась жизнь на Западе, и теперь человек намеревается попытать счастья у нас?.. А может быть, он специально проинструктирован и получил особые задания?..

В обстановке взаимного недоверия мы склонялись ко второму варианту. Не был иным и опыт других социалистических стран.

Я уже не могу вспомнить, сколько таких эмигрантов у нас в стране тогда жило, но никогда не было «волны» эмиграции, даже мало-мальски небольшого группового переселения к нам, хотя бы пяти-десяти человек одновременна Однако об одном из таких эмигрантов стоит напомнить.

О том, что на нашей территории живет некий американец по имени Ли Харви Освальд, мне впервые сообщил начальник контрразведки Грибанов в ноябре 1961 года, непосредственно после моего назначения на должность. Освальд приехал к нам и попросил политического убежища в 1959 году, когда председателем КГБ был еще Александр Николаевич Шелепин. Было Освальду тогда двадцать лет, по-русски не говорил, а сведений об армии США, где перед этим служил, особых не имел.

За его спиной не было ничего, что говорило бы о твердости

его характера, целеустремленности, выдержке, способности преодолевать трудности. С самого начала он не производил особо обнадеживающего впечатления.

Сегодня, с учетом позднейших событий, большая часть спекулятивных рассуждений ведется, отталкиваясь от того факта, что Освальд якобы убил президента Кеннеди. Отсюда многими исследователями делается вывод, что на лбу Освальда уже с самого рождения было отражено его «насильническое» предназначение. А потому и КГБ в конце пятидесятых годов было обо всем известно, и при том ровно столько же, сколько известно ныне им самим. При этом забывается, что историческая хронология пишется в соответствии с ходом часов, а не против часовой стрелки, и так называемое понятие «с сегодняшней точки зрения» в этом плане бессмысленно.

Итак: какие, спрашивается, секреты мог предоставить Освальд нашей стране после своего приезда в СССР?

Этот момент меньше всего ставился под сомнение как прежними, так и нынешними исследователями, выходившими на «след Освальда» в России, а ведь именно он, по моему мнению, заслуживает хотя бы такой же полезной недоверчивости, как и все остальные в этом так и не раскрытом до конца деле.

Судьба привела Освальда сначала в армию, а потом на американскую военную базу в Японии, где он работал оператором радарной установки. На основе этих фактов многие уже автоматически предполагают, что ему во всех деталях были знакомы самолеты-шпионы У-2, дислоцированные на этой базе, что он имел доступ к секретным сведениям о них. Не был знаком и не имел доступа! Он не знал ничего такого, что не было бы известно нам из других, прежде всего агентурных источников. А доля участия Освальда в том, что в 1960 году Советский Союз сбил самолет Гарри Пауэрса, была нулевой. Он был просто молоденьким радарным оператором, а не конструктором или пилотом.

Если бы Освальд знал хотя бы какие-то секреты, характер последующего нашего общения с ним был бы совершенно иным. Если бы ему были известны подлинные технико-тактические параметры самолета-разведчика, нам не было бы так трудно сбить Пауэрса. Мы сделали бы это не после нескольких часов его полета над советской территорией, а намного раньше.

Предположения, что Освальд и Пауэрс могли даже встретиться на советской территории, вообще смешны и ни на чем не основаны. Пауэрс сидел в тюрьме, а затем сразу же был обменен на Рудольфа Абеля. И вообще Освальд был бы тем последним, кого мы решились бы к нему пустить. Зачем нам надо

было об этом даже размышлять, ради какой такой выгоды?

Из грибановской информации следовало: при первоначальных вопросах и разговорах Освальд не сообщил работникам КГБ никаких секретов. Сам он представлялся человеком странным, невыразительным, не подавал никаких надежд на свое возможное использование в будущем, на проникновение с его помощью к какой-нибудь информации. С точки зрения шпионажа выглядел фигурой, которую невозможно использовать.

В Москву Освальд приехал не потому, что был убежден в достоинствах марксизма, а из-за того, что в самих США его якобы не устраивали условия. Он хотя и сказал, что испытывал симпатию к нашей стране, однако производил такое впечатление, словно и сам не знает, чего ему надо.

Формально вопрос, будет или не будет предоставлено Освальду политическое убежище в нашей стране, решали не чекисты, а ОВИР — соответствующее учреждение при Министерстве внутренних дел, занимающееся выдачей паспортов и дающее разрешения на выезд за рубеж и въезд к нам иностранцев. После советов с КГБ и взвешивания «за» и «против» Освальду было в его просьбе отказано.

Здесь я хочу остановиться и рассеять возникавшие домыслы: а не работал ли на нас этот молодой человек еще раньше, до того как добрался до Москвы? Ведь на базе в Японии его якобы видели с фотоаппаратом на шее.

Отвечаю: если бы он сотрудничал с нами, мы никогда бы не отказали ему в просьбе. И какой вес может иметь тот факт, что Освальда видели с фотоаппаратом, в качестве доказательства его связей с КГБ?

Однако если учесть все последующие обстоятельства, то можно, пожалуй, задаться и таким вопросом: а не стремился ли сам Освальд к тому, чтобы его заметили с фотоаппаратом на военном объекте? Может быть, он сам хотел, чтобы его в чем-то заподозрили?..

На отказ предоставить ему политическое убежище американец отреагировал способом, который возбудил еще большие сомнения: он вскрыл себе вены. И сделал это так, что было невозможно с полной уверенностью определить, действительно ли он хотел покончить жизнь самоубийством или это было искусное театральное представление. Изначальные признаки, скорее, указывали на вторую вероятность. Поэтому в наших записях весь инцидент был обозначен как «попытка вскрытия вен», а не как неудавшееся самоубийство.

КГБ, выбирая себе агента, должен быть прежде всего уверен,

что тот в серьезных обстоятельствах не обманет и не подведет. Завербовать кого-то, кто с самого начала проявляет — сознательно или неосознанно — непонятную нервную лабильность, означает, что рано или поздно, но непременно возникнут серьезные проблемы. Привлечь к сотрудничеству человека типа Освальда после таких с ним историй мог только чекист-новичок.

В конце концов драма завершилась согласно желанию Освальда. Верховный Совет СССР все-таки предоставил ему политическое убежище. Здесь, я думаю, немалую роль сыграло и то, что в Центральном Комитете партии за американца заступилась член Президиума Екатерина Алексеевна Фурцева, которой руководило простое человеческое сочувствие. И мы, и Министерство иностранных дел, вовсе не разделявшие ее мнения, махнули тем не менее рукой и сказали: «Ладно, пусть живет у нас».

Однако новоиспеченный политический эмигрант по-прежнему оставался недоволен. Он, очевидно, предполагал, что поселится в Москве, однако такого добиться было уже сверх его сил.

Шелепин и Грибанов пришли к совершенно правильному выводу, что оставить подобного человека в столице, где находится множество центральных учреждений и дипломатических представительств, значит, подвергать себя определенному риску. Нельзя было исключить опасности провокаций. Наименьшим злом могло стать поползновение «нового гражданина» регулярно наносить нам визиты, выдвигать новые и новые требования.

Целесообразнее всего было бы послать Освальда в Прибалтику. Условия европейской части СССР давали надежду на его достаточно быструю акклиматизацию, и его нежелательное появление в Москве практически свелось бы к нулю.

Однако от такого предложения американец отказался. Он предпочел создать свой новый дом в Минске. Такой выбор определился прежде всего возможностями его будущей работы.

Таким образом, все «дело Освальда» оказалось в ведении белорусской контрразведки. Отныне местные чекисты лишь изредка оповещали оперативных работников центра, занимавшихся американскими вопросами, о жизни своего подопечного.

То, что контрразведка по-прежнему за ним присматривала, нельзя считать непонятным. В практике секретных служб бывали и такие агенты, которые жили на новом месте и пять, и десять лет и только потом активизировались. Безоглядно верить именно

Освальду у нас с самого начала не было не малейшего повода.

С учетом имевшихся у Освальда знаний в области радиотехники он начал работать на заводе, выпускавшем радиоприемники и телевизоры. Работа ему была поручена не слишком квалифицированная. А как иначе? Ведь он не умел еще говорить по-русски. И заработок выходил не слишком большим, однако причин быть недовольным у него, на мой взгляд, не было.

Теперь самое время объяснить и другую «загадку», вызывавшую всякие сомнения. Как это, мол, ненадежный американец мог работать на заводе, где было «страшно засекреченное» отделение, занимавшееся исследованиями и созданием техники для космических программ?

Секретные отделы, работавшие на оборонную промышленность, существовали на многих крупных предприятиях. Они занимались выпуском техники, пригодной для использования в военной области. Однако доступ к ним был очень ограничен, и пути обычного рабочего никак не пересекались с путями тех, кто работал там. Ведь и не каждый американец, посетивший Белый дом, знает, какие карты в данный момент держит в руках президент Соединенных Штатов. Существовало множество способов, как надежно изолировать Освальда и ему подобных от важных секретов производства.

Интереса к повышению квалификации Освальд не проявлял, а к изучению марксизма — тем паче. Он превратился в обычную серую личность, особенностью которой было лишь то, что это был американец. Увлекался танцами, веселился с девчатами. Еще вступил в кружок охотников, однако, хотя и был в прошлом солдатом, удивил всех своим неумением как следует стрелять. И такие подробности были отражены в наших записях.

На одной из вечеринок Ли Харви Освальд познакомился с девушкой по имени Марина. Как говорили, он не был первым иностранцем, с которым она завела дружбу, а их последующая свадьба вызвала всеобщее удивление. Мнение, что именно мы ему выбрали жену, как это утверждается в некоторых публикациях, совершенно несостоятельно: он просто не дал нам такой возможности. Да и зачем нам это было нужно? Кто мог предполагать, что иностранец так быстро утратит симпатии к нашей стране и захочет вернуться домой? А для контроля за ним в Минске жена-агентка вовсе не была нужна.

С течением времени я склоняюсь к тому, что свадьба иностранца с русской женщиной могла быть составной частью заранее готовившегося плана. Если уж тогда Освальд знал, что вскоре снова вернется в Соединенные Штаты, то девушка Марининого типа была бы ему благодарна хотя бы уже за то, что

он берет ее с собой. И даже если бы в будущем он ее оставил, уже после реализации разработанного плана, она не стала бы предъявлять к нему слишком больших претензий. Человек, твердо знающий, что он хочет у нас остаться насовсем, выбирал бы себе жену, наверное, намного старательнее.

Пребывание Освальда в Минске длилось примерно два с половиной года. В то время, когда он подал прошение разрешить ему вернуться за океан, в кабинете председателя КГБ уже управлял делами я.

Жизнь у нас Освальду перестала нравиться. Не по душе оказалась, и работа. Просто он ожидал чего-то иного, а не того, с чем ему пришлось столкнуться.

В тот момент, когда Грибанов сообщил мне о желании Освальда снова вернуться в Соединенные Штаты, я не сомневался ни минуты: сделайте все, чтобы он уехал как можно быстрее и чтобы больше наши пути не пересекались никогда. От таких людей следует держаться подальше. А если он хочет ехать вместе с женой, пускай едет. И скажите ему не «до свидания», а «прощай»! Таково было мое решение.

Об этом я сразу же сообщил в Президиум Верховного Совета СССР: тот давал Освальду политическое убежище, пусть сам и изменяет свое решение. Формальный акт был осуществлен быстро — МИД нас полностью поддержал. Освальд снова стал американцем и мог отправиться домой.

Если бы мы чинили препятствия и не позволили Освальду уехать вместе с женой, то такой человек, как он, вернувшись на родину, мог бы развязать бурную кампанию в печати, поднять против нас общественное мнение. К тому же не отпускать ее у нас не было никаких причин: она была далека от каких-либо наших секретов, а если уж ей приспичило пулей выйти замуж, так пусть получает, что хотела.

В тот момент окончательно оборвалась связь Ли Харви Освальда с Советским Союзом. Со спокойной душой и чистой совестью могу заявить, что ни его жену Марину, ни его самого КГБ никогда не стремился завербовать в свои агенты или использовать каким-либо иным способом.

Тем не менее предполагаемый «убийца» Кеннеди еще раз попытался приблизиться к нашим учреждениям. Спустя ка-кое-то время он появился в советском посольстве в Мексике. Потом посетил и кубинцев. Вел себя странно, было непонятно, чего он добивается. Потом стало ясно, что ему хотелось создать впечатление, что его связи с русскими не были прерваны.

22 ноября 1963 года весь мир был потрясен сообщением о покушении на американского президента Джона Фицджералда

Кеннеди в главном городе штата Техас — Далласе. Весть о том, что предполагаемый убийца — Освальд, шокировала нас не менее, чем американцев.

Прямолинейное утверждение, что за покушением стоит Советский Союз, даже поначалу не очень-то разделялось в мире — не хватало убедительного мотива. Кеннеди в свое время относился к числу принципиальнейших политиков с реальным взглядом на нашу страну и одновременно с чувством ответственности за поддержание мира. За более или менее удачное разрешение Карибского кризиса мы могли бы быть ему, скорее, благодарны, несмотря на критику, звучавшую со стороны экстремистов в высших американских кругах, коривших президента за якобы слишком мягкое отношение к Кубе и Кастро. Кеннеди все-таки добился своего. Чего нельзя с такой же уверенностью сказать о его преемнике Линдоне Джонсоне.

Удачное исполнение любого плана, в том числе и замысла убийства, никогда не бывает стопроцентно гарантированным.

Я не могу представить себе, чтобы кто-либо из советских руководителей мог взять на себя ответственность за смерть высшего американского государственного деятеля и за те катастрофическое последствия, которые для нас и для всего мира означало бы раскрытие подобной взаимосвязи.

А чего бы мы тем самым достигли? Ничего, кроме самого факта грязного устранения политика, с которым, в отличие от других, можно было договариваться, человека, против которого мы хотя и боролись пропагандистскими способами, но одновременно и ценили, и уважали больше, чем его конкурентов.

Американской общественности подобным покушением на высшего представителя страны мы продемонстрировали бы не силу, а лишь собственную тупость, а также безжалостность системы, которая после 1956 года наметила себе путь к гуманизации жизни и определила ее как свою главную цель. В любом случае ход событий обернулся бы против нас.

Многие американские журналисты все это понимали, и, хотя из числа потенциально подозреваемых нас никогда полностью не исключали, в серьезных средствах массовой информации эта антисоветская нота раскручивалась сравнительно мало. И если и звучал подобный мотив, то репортеры больших американских газет, влиятельных журналов и основных телевизионных корпораций сами никогда прямо не нападали на КГБ, а довольствовались лишь цитатами из обвинений, взятыми из небольших изданий и других источников второстепенного значения.

Насколько мне известно, за весь период «холодной войны» не было отмечено ни одного подлинного случая, когда бы ЦРУ предприняло попытку организовать покушение на высшего представителя Советского правительства или Коммунистической партии. И КГБ, в свою очередь, не предпринимал подобных попыток в отношении американских президентов. Если бы подобный план когда-либо существовал, даже задолго до моего прихода на Лубянку, я о нем непременно бы узнал. Просто такого плана не было в природе…

В сложной обстановке, наступившей после трагедии, поначалу мы ориентировались при помощи американской печати и других средств информации. Через два дня после событий в Далласе хаос возрос еще больше: некто Джек Руби убил Ли Харви Освальда.

Мы старательно анализировали все сведения, которые до нас доходили, и пытались в пестрой мозаике фактов проследить хотя бы какую-то логику. Не является ли абсурдным то, что в непосредственной близости от предполагаемого убийцы президента вдруг оказывается владелец ночных баров Руби с пистолетом в кармане? А куда же смотрела полиция? Почему здесь оказался именно Руби, который не был сообщником Освальда и стрелял не в полицейского, а именно в арестованного? Что столь опасного мог рассказать Освальд в ходе следствия и на суде?

Я распорядился, чтобы к нам из Минска привезли все материалы об Освальде. Его досье — записи бесед, фотографии — не было слишком объемным. В тонкой папке не содержалось ничего особенного.

Поговаривали, что в Минске якобы никто не смел рассказывать о пребывании там Освальда. Нет, я таких указаний не давал, однако не могу и исключить, что подобный запрет существовал. Он мог родиться по инициативе местных, республиканских или городских органов. Мотив его прост: до времени молчать, пока не выяснится что к чему, а то разговоришься с безответственными журналистами, а потом еще обвинят бог знает в чем и тебя самого.

Первая информация об Освальде из КГБ была передана прямо в руки Никиты Сергеевича Хрущева. С официальным заявлением по поводу убийства Кеннеди наша страна выступила очень скоро после событий, и все сведения об Освальде были абсолютно правдивыми. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) опубликовало заявление для печати, копии материалов получило и советское посольство в Вашингтоне. На основании наших материалов министр иностранных дел Андрей Андреевич

Громыко проинформировал также наши представительские учреждения во всех странах мира, чтобы их работники имели под рукой необходимые материалы и могли своевременно и правильно реагировать на задаваемые вопросы.

Первому заместителю председателя Совета Министров СССР Анастасу Ивановичу Микояну, который возглавлял советскую делегацию на похоронах Кеннеди, я тоже перед его отлетом передал двухстраничную информацию об Освальде, о его отношении к нам и о нашем к нему. У нас не было ни малейших причин утаивать что-либо существенное. Больше того, сокрытием конкретных фактов мы бы подозрение против нас только усилили.

С начальником разведки Сахаровским мы не раз возвращались к тем событиям. Анализируя образ жизни Освальда, рассматривая его под углом зрения случившегося позже, мы склонялись к тому, что этот странный американец загодя и старательно разрабатывал свою легенду. Я даже прочитал, что он якобы вел дневник (правда, мне это стало известно позже, а во время работы в КГБ я ничего этого не знал).

Нам не верилось, чтобы все это мог придумать только он сам: вроде бы коммунист, человек прокубинской ориентации (хотя бы так, если уж об этом Запад знает), русская жена, был в Советском Союзе… Знал ли он, для какой цели его собираются использовать? В это трудно поверить…

В ходе дальнейшего анализа мы пришли к выводу, что за убийством американского президента вовсе не обязательно должны были стоять ЦРУ или ФБР. В равной мере могла идти речь о могущественных кругах, связанных с техасскими нефтяными королями, о ком-нибудь из тех, у кого Кеннеди стоял на пути. Для осуществления таких замыслов Даллас был идеальным местом. Такие люди уже однажды, в 1960 году, взяли верх в тихом сражении против Кеннеди: во время избирательной кампании они добились, чтобы кандидатом в вице-президенты стал Линдон Джонсон. Из агентурных источников нам стало известно, что, будь на то воля самого Кеннеди, вице-президентом, то есть вторым человеком в США и преемником в случае гибели или естественной смерти президента, Джонсон никогда бы не стал.

Я и по сей день убежден в том, что в Кеннеди стрелял кто-то другой, а не Освальд. Освальд оказался «жертвенной овцой», хладнокровно убитой в тот момент, когда наконец появилась возможность рассказать правду.

За его спиной была проведена в высшей степени профессиональная, всесторонне продуманная и хорошо

скоординированная работа, нацеленная на физическую ликвидацию главы государства. Способ осуществления этой акции, основанный на точной координации действий, практически исключает саму мысль о подготовке заговора иностранцами. Как кубинская эмиграция, не простившая Кеннеди его «чрезмерного внимания» к режиму Кастро, так и кто-либо другой не смогли бы без досконального знания местности, без достаточного количества исполнителей изготовить столь точно идущий часовой механизм и запустить его в нужный момент.

Теорию убийцы-одиночки я тоже никогда не приму. Не считали ее правдоподобной и мои товарищи по работе в КГБ, с которыми в конце 1963 года мы обменивались мнениями.

Что касается всестороннего официального анализа возможных причин убийства Кеннеди, то советские органы безопасности его не проводили. Ведь нас от места событий отделяло несколько тысяч километров, и доступ к информации был весьма ограничен. Определенные выводы для себя сделало тогда американское отделение разведки. А потом уже этой историей занимался каждый сам по себе. Прежде всего из любопытства, не переставая удивляться при этом, как такое вообще могло случиться.

В 1968 году, когда я уже работал на Украине, произошло убийство еще одного из братьев Кеннеди — Роберта. В этот раз мои сомнения по поводу теории убийцы-одиночки — теперь какого-то странного араба — еще больше укрепились.

Убийцы Джона Кеннеди никогда не допустили бы Роберта Кеннеди к президентскому креслу. Способный и решительный человек, к тому же бывший министр юстиции, он, вне всяких сомнений, сделал бы все, чтобы найти далласского убийцу и наказать его по всей строгости закона!

Загадка Юрия Носенко

Не прошло и двух месяцев после далласского покушения, как в январе 1964 года на международной сцене произошло еще одно странное происшествие, но на этот раз тесно связанное с КГБ. По сей день мне не до конца ясны хитросплетения тогдашних событий.

Происходило все в Западной Европе, а главным действующим лицом был советский разведчик Юрий Иванович Носенко.

Носенко проработал в КГБ целых десять лет. Срок немалый, если учесть, что он был еще человеком среднего возраста.

В наш Комитет он попал частично по протекции: его отец был прежде министром судостроения. В 1964 году Носенко-отца уже не было в живых. Его захоронили у Кремлевской стены, и одна из самых больших советских судоверфей в Николаеве носила его имя.

Юрий Иванович любил хорошо пожить. С детства ему не приходилось отказывать себе ни в чем: жизнь семьи располагала к изнеженности. Он был единственным ребенком и мог в полной мере пожинать плоды тех выгод, которые давало положение отца. Все это способствовало формированию неуравновешенного и безвольного характера.

Носенко-младший плохо учился. Случалось, напивался, устраивал скандалы, играл в бильярд на деньги, что было запрещено, не раз его исключали из училища. Когда же над его головой собирались тучи и гремел гром, было достаточно одного отцовского телефонного звонка, и все проблемы решались, а избалованный сын мог возвратиться к своим «забавам».

К сожалению, часто безответственно, небрежно и незаинтересованно он относился и к заданиям КГБ. Если учесть то время, которое Носенко работал в госбезопасности, то он должен был знать и уметь больше. Судя по его документам, которые позже оказались у меня в руках, трудно утверждать, что он был уж очень хорошим специалистом.

Тем не менее Носенко, сотрудник контрразведки, занимал довольно высокий пост — заместитель начальника Американского отдела! Материально был хорошо обеспечен, получал доплату и за воинское звание. Немалыми были и командировочные в загранпоездках.

В январе 1964 года Носенко поехал, уже не в первый раз, в Женеву как член советской делегации на переговоры по разоружению. Официальное назначение было лишь прикрытием для его настоящей работы: разведчик Носенко имел довольно

важное задание от КГБ. В Женеве он должен был встретиться также с начальником контрразведки Грибановым.

КГБ проявлял интерес к одной француженке, которая, по ее собственным словам, имела доступ в некоторые организации и к определенной информации. Заданием Носенко было выйти на контакт с ней и завербовать ее.

Приехав в Швейцарию, Носенко нашел ее и договорился о встрече: решено было вместе поужинать. Встретились они в гостинице на французско-швейцарской границе. Это была наша последняя информация. После ужина Носенко исчез без следа.

Это произошло за два дня до приезда в Женеву Грибанова.

Очаровательная дама оказалась разведчицей, вероятно, более способной. О том, что произошло позднее, я могу только догадываться.

Утром следующего дня Носенко появился на американской военной базе в Западной Германии. Мировая печать мгновенно отреагировала на то, что член советской делегации попросил политического убежища. Очевидно, французская мадам работала не только на разведку своей собственной страны.

В дальнейшем местом пребывания Носенко стал Вашингтон. В обстановке того времени беглец предстал перед Америкой, как бомба с часовым механизмом. Его особая значимость возросла, когда выяснилось, что он чекист, осведомленный о пребывании Освальда в Советском Союзе.

Конечно, он знал об Освальде, просто должен был знать. Когда КГБ проверял этого странного американца после его перехода к нам, Американский отдел разведки через свою агентуру в США выяснял, что известно о нем в самих США. Таким же образом обычно проверялся каждый перебежчик.

Однако Носенко своей информацией не особенно порадовал американцев: он сказал правду, что у КГБ никаких дел с Освальдом не было. Сенсации не состоялось.

Удивил их и другой момент: сын бывшего советского министра просит политического убежища. Что все это могло означать? Автоматически возникало подозрение, что все это ловушка КГБ.

Мы, разумеется, тоже удивились бы, если бы к нам ни с того, ни с сего перебежал сын члена американской администрации.

И в штаб-квартире КГБ побег Носенко вызвал не меньшее удивление. Он вывел из равновесия даже Хрущева.

Мы отказывались верить в то, что Носенко действительно задумал побег на Запад. Накануне своего исчезновения он звонил в Москву, говорил со своей женой, и при этом в его словах, манере говорить не было ничего особенного. Он старался

выяснить некоторые домашние дела: у него были две маленькие дочери, и в это время они чем-то болели. Он расспрашивал, чем они больны, хотел еще до вылета домой из Швейцарии купить необходимые лекарства.

Зачем вести речь о лекарствах для детей, если знаешь, что никогда эти лекарства своим детям не передашь? И в служебных сообщениях Носенко своему начальнику не было и намека на то, что происходит нечто чрезвычайное.

Все новые и новые неясности будили в нас подозрение: а не был ли Носенко во время ужина чем-то одурманен? В таком состоянии подписал просьбу о предоставлении политического убежища (упоминания об этом появились в средствах массовой информации). А когда пришел через какое-то время в себя, мир уже был полон сообщений о его побеге. После всего случившегося ему трудно было бы объяснить, что все это ошибка.

Наше посольство в ФРГ сразу же официально потребовало встречи с Носенко. Немецкие и американские органы, как это обычно и бывало, незамедлительно ответили, что «господин Носенко встречаться не желает».

Нагромождение загадочных обстоятельств и порядочная их путаница не выходили у меня из головы. Однако не было никакого смысла делиться своими сомнениями с Хрущевым. Я потерял разведчика, и все тут. Поэтому в моем сообщении главе государства были лишь факты: как попал Носенко в аппарат КГБ, какие недостатки при проверке его личности были чекистами допущены.

— Мы тебя туда послали, чтобы ты навел порядок, — набросился на меня Хрущев. — Почему ты не проверил этого жулика как следует?!

— Никита Сергеевич, мы проверяем многих людей и не можем начать с выражения своего недоверия сыновьям наших министров. Если нельзя опираться на них, то тогда на кого же? Какой отклик бы все это вызвало у других?

Я предложил обратиться с письмом прямо к президенту США Л.Джонсону, чтобы добиться свидания с Носенко.

Но Хрущев и слышать об этом не хотел:

— Сам запачкался, сам и умывайся, а меня за собой не тяни!

Наш разговор проходил в присутствии членов Президиума ЦК, но Хрущев не обращал На это внимания и не стеснялся в выражениях.

Я поехал на заседание Верховного Совета. Вскоре меня догнал посыльный и передал приглашение Хрущева вернуться, но уже в его кабинет. Оказалось, он хотел извиниться за то, что так меня отчитал в присутствии других.

— Извини, что я накричал, не сдержался, но я был так рассержен, — виновато сказал Хрущев.

— Если будем только кричать — вы на меня, а я, в свою очередь, на своих подчиненных, — не преминул я ответить на его ранее сказанные обидные слова, — то разведку тем самым мы не укрепим, а только расшатаем. Потеря есть потеря, а «холодная война» — «холодная война»..

И мы дальше спокойно обсудили обстановку.

Носенко как сквозь землю провалился — нигде не появлялся, нигде не выступал. Мы предположили, что американцы его проверяют.

Конечно, наши люди пытались его найти, однако безуспешно: американская охрана была весьма основательной.

Грибанова сняли. Многие сотрудники были наказаны.

Судоверфь больше не носила имени Ивана Носенко. Глубоко страдала от побега сына его престарелая мать.

Мы в КГБ составили тогда три списка: подобная процедура следовала после каждого побега. Первый список — это круг людей, с которыми Носенко лично встречался, и круг информации, к которой он имел доступ. Этот список был самым коротким. Второй — с кем еще он мог сталкиваться. И, наконец, третий — о ком из агентов он мог бы знать не прямо, а через кого-то, опосредованно. Этот последний список был наиболее пространным.

Взвесив все «за» и «против», мы начали, опасаясь возможных последствий, отзывать разведчиков. Их оказалось немало…

До самого конца моего пребывания в КГБ мы так ничего о Носенко и не узнали.

Много позже дошло до нас, что он не выдал ни одного имени, вызвав таким образом даже недоверие к себе американцев, и какое-то время (по некоторым данным — до 1968 года) провел за решеткой в суровых условиях: оказался, мол, ключевой фигурой, а затемняет «контакты» между КГБ и Освальдом. Своими туманными ответами и не слишком большими профессиональными способностями Носенко якобы дело больше запутал, чем объяснил.

Если это на самом деле так, то мне в голову приходят еще и такие соображения.

Недоверие с американской стороны говорит о том, что до побега из СССР Носенко в Москве не работал на западные секретные службы. Если бы у него в прошлом была хоть какая-то заслуга перед американцами, они не отправили бы его в тюрьму.

То, что он никому не передал имен наших разведчиков, еще одно свидетельство того, что к побегу он не готовился, иначе прихватил бы с собой достаточное количество полезных для новых «работодателей» материалов.

А что, если он сознательно утаил имена своих бывших коллег?.. Если это так, то можно ли говорить о его добровольном побеге?

Размышлять на эту тему можно до бесконечности, однако правду о побеге Юрия Носенко пока еще никто не разузнал. Не знаю ее и я.

Китай и Вьетнам

Когда в 1949 году на путь социализма вступил Китай — страна с самым многочисленным в мире населением, казалось, что до претворения в жизнь идеалов, отраженных в учении коммунистов, уже рукой подать.

Старая колониальная система близилась к своему краху, и даже Британская империя, некогда столь великая, что солнце над ней никогда не заходило, чем дальше, тем больше сокращалась в размерах.

Оба центра самых больших социалистических стран, Москва и Пекин, шли поначалу рука об руку. Мао с уважением относился к Сталину, и в том, где находится столица мирового пролетариата, не существовало двух мнений. Крутой поворот в развитии произошел в 1956 году, после XX съезда.

Китайцы не сразу выступили против нас явно, однако борьба, носившая на первых порах скрытый характер, все больше давала о себе знать. Новое советское руководство осуждало Сталина, китайцы продолжали его почитать. Оценки личности Сталина и его идейного наследства все больше и все заметнее стали расходиться.

Пекинское руководство ошибочно определяло настроения советских людей. Ему представлялось, что критика Сталина — всего лишь каприз Хрущева и незначительной группы людей, а большинство советского народа, скорее, склоняется к позиции, подобной китайской. Это служило для китайского руководства опорой и побуждало к усиленному осуждению тех, кто выступал с критикой культа Сталина.

Мао и его политические последователи постепенно давали понять миру, что центр коммунистического и рабочего движения следовало бы переместить из Москвы в Пекин и что освободившееся после Сталина место лидера этого движения перешло к Мао. Это, понятно, рассердило Хрущева.

Однако я бы не сказал, что идеи Мао представляли для нашей идеологии слишком большую угрозу. Само его учение, которое он сам считал «великим», на деле не было ни достаточно систематизированным, ни достаточно логичным.

Еще при Сталине китайский руководитель начал публикацию своих теоретических трудов, но вскоре стало ясно: отдельные частные положения этого учения страдают отсутствием внутренней взаимосвязи и систематичности.

Сталин еще мог договариваться с Мао. Он послал в Пекин в качестве консультанта профессора Юдина, и тот помогал Мао

формулировать его мысли, систематизировать их, даже писать. В результате появилось вступление профессора к сочинениям Мао. Позже Юдин стал нашим послом в Китае.

Однако сотрудничество с Мао из-за возникших неблагоприятных обстоятельств Юдин уже не смог довести до конца. Мао продолжил работу сам. У него было множество идей, однако некоторые из них порой очень далеко уходили за пределы марксистского понимания явлений. Различия, которых невозможно было не видеть, китайцы стали обосновывать специфическими китайскими условиями.

Размеры территории и многочисленность населения Китая гипнотизировали даже нас, привыкших к большим расстояниям и большим скоплениям людей.

Помню, когда в 1950 году мы приехали в Кантон с делегацией Международной федерации молодежи, китайцы извинялись, что нас на вокзале будут приветствовать на «небольшом» митинге. Мы ожидали увидеть пару сотен встречающих, а увидели более пятнадцати тысяч человек.

— Если это «небольшой митинг», — удивился я, — то каким же станет большой?

— Большой будет завтра — двести тысяч человек! — радостно ответили мне китайцы.

Тогда Китай отмечал первую годовщину провозглашения народной власти, и местные представители принимали нас сердечно и открыто.

Семь лет спустя, вскоре после XX съезда, я возглавлял советскую делегацию молодежи на съезде китайского комсомола. На сей раз встречали прохладно, а порой и с недоверием. Для нас оказались закрытыми некоторые заседания съезда. Хотя противоречия еще не приобрели открыто враждебного характера, но я уже чувствовал, к чему идет дело: в отеле кто-то старательно копался в моих вещах, а переводчики явно служили не только для перевода наших бесед, но и для контроля за нами.

Об изменениях в настроениях китайцев я по прибытии подробно информировал Центральный Комитет партии.

На переломе пятидесятых-шестидесятых годов положение настолько обострилось, что Хрущев решил открыто выступить против Пекина.

Из Китайской Народной Республики были отозваны все наши советники, а их на промышленных предприятиях, на стройках, в отдельных министерствах и в армии было несколько тысяч. Только в органах китайской безопасности не было наших советников, в отличие от других социалистических стран.

И если различие в оценке личности Сталина было мотивом

идеологическим, то шаг, предпринятый Хрущевым, стал поводом для фактического разрыва с небывалым международным резонансом: китайское руководство расценило действия Советского Союза как подрыв народного хозяйства страны и всего дела строительства социализма в Китае.

Взрывы взаимного гнева следовали один за другим и были столь сильными, что некоторые западные политики поначалу терялись в догадках, действительно ли отношения между нашими странами настолько испортились или все это подстроено, чтобы ввести их в заблуждение.

Китай даже на какое-то время забыл о своей резко антизападной позиции. Было уже недалеко до того, чтобы он начал искать контакты с американцами и их союзниками. В перечне китайских недругов, составленном внутренней пропагандой, мы «обогнали» западный мир и стали главным врагом.

Соединенные Штаты выжидали. То, что две гигантские страны с коммунистическими партиями во главе на глазах всего мира атакуют друг друга, их устраивало. Они не вмешивались открыто и слишком активно, как, впрочем, делали это не раз в других подобных случаях, наблюдая за событиями издалека и размышляя, какие выгоды для себя можно извлечь из конфликта.

Какие-либо намеки на потепление китайско-американских отношений мы тщательно фиксировали, изучали и были готовы к тому, чтобы, если это потребуется, помешать развитию этих связей.

Я бы сказал так: советское руководство понимало абсурдность ситуации намного лучше, чем правящая верхушка в Пекине, — оно не пошло на разрыв дипломатических отношений. Прежние главные противники — США и НАТО — оставались таковыми и далее.

Однако былого взаимопонимания уже не оставалось.

Все это внесло раскол в международное коммунистическое и рабочее движение. Сторонники и глашатаи позиции Китая прикладывали все силы, чтобы подбить на отход от Советского Союза хотя бы некоторые из социалистических стран. Во взаимные отношения были привнесены хаос и смятение. Китайцам удалось привлечь на свою сторону Албанию, какое-то время колебалась и Куба. Однако в итоге полный отход от нас главных союзников и их последующее присоединение к позиции Китая были невозможны. Тесные экономические связи и остальные взаимные контакты были главными козырями в наших руках.

Решение об отзыве советских советников было коллективным

решением советского руководства. Однако утверждать, что столь же единодушно оно было принято и рядовым активом нашей партии, было бы не совсем правдиво. Критики Хрущева внутри страны не раз высказывали мнение, что не было нужды так поспешно предпринимать шаги против Китая и делать это столь жестко, что с нашей стороны не были использованы все возможности найти общий язык с китайскими коммунистами.

Анализируя тогдашние события с позиций сегодняшнего дня, можно не сомневаться: не будь отзыва советников, рано или поздно нашелся бы иной повод для обострения отношений с КНР, так как обстановка становилась все более напряженной и толкала на решительные действия.

Хрущев временами высказывался о Мао Цзэдуне весьма нелицеприятно. Многие из тех его слов, пожалуй, лучше не вспоминать теперь. Случалось, он переставал себя контролировать и позволял при своей импульсивности открыто выражать свою неприязнь. Он с пренебрежением осуждал даже те шаги Мао, которые ранее и весьма похожим образом предпринимал сам.

Например, стремясь улучшить положение в сельском хозяйстве, китайцы развернули кампанию по уничтожению воробьев. Обнаружив, что воробьи склевывают их столь многотрудно выращенное зерно, они сразу же решили: воробьев уничтожим и урожай сохраним.

Чтобы осуществить задуманное, они изобрели специальное технические приспособления, не позволявшие птице приземлиться и передохнуть. Проследили направления полетов воробьев и начали при помощи обыкновенных трещоток изгонять их с полей. Там, где воробей надеялся перевести дыхание, его снова ждал грохот трещоток. В результате от усталости и страха птицы гибли: не выдерживало сердце.

На первых порах экспериментаторы были полны гордости за свой метод. По телевидению показывали, как люди грузят на автомобили горы мертвых воробьев и увозят их с полей. Так что первая часть кампании была завершена на «отлично». А затем пришло великое разочарование: урожай спасти не удалось. Вместо воробьев его свели «на нет» черви и гусеницы, и не было никого, кто мог им помешать.

Слушая насмешки Хрущева в адрес Мао, наши люди не могли не вспомнить и кое-что из практики самого «насмешника». Именно в Китае Хрущев в 1949 году, еще в сталинские времена, обратил внимание на культуру, подобную просу, под названием чумиза. Это кормовое злаковое растение, у которого используется не только мелкое зерно, но и зеленый травянистый стебель. И

Хрущев, тогда еще первый секретарь ЦК КП Украины, вернувшись в Киев, распорядился засеять чумизой гигантские площади. Тогдашнему украинскому министру сельского хозяйства В.В.Мацкевичу пришлось отправиться в Китай, чтобы приобрести там необходимый семенной материал, что тоже оказалось не так уж просто. Ему пришлось брать все, что попадалось под руку, несмотря на качество и сорт. Необозримые украинские поля должны были взрастить «кормовое чудо».

Хрущев вскоре перебрался в Москву, а тем, кто пришел после него — новому первому партийному секретарю Денису Григорьевичу Мельникову и незадолго перед тем назначенному председателю Совета Министров Украины Демьяну Сергеевичу Коротченко, ничего не оставалось, как просить у Сталина корм для украинского скота из всесоюзных закромов. Сталин страшно рассердился: как это так — украинцы ездят за кормами! Украина ведь считается житницей всей страны. К сожалению, лучшие земли отдали чумизе, а она дала мизерные урожаи.

Своим преемникам, особенно Мельникову, Хрущев не простил того, что они пожаловались самому Сталину. Он преследовал его до самой смерти, но о своих собственных ошибках не хотел вспоминать, когда высмеивал Мао.

Наибольшей остроты советско-китайский конфликт достиг в столкновении на границе двух стран длиной в несколько тысяч километров. Она тянулась по очень сложной местности, и, к сожалению, ее демаркация не была доведена до конца. И вот в тот момент, когда для подчеркивания различий между собой обе стороны выискивали любой предлог, и произошел взрыв взаимной неприязни на далеко не четко определенной линии взаимного соприкосновения.

Вскоре после того, как я возглавил КГБ, по нашему предложению были начаты переговоры о демаркации границы с Китаем. Однако китайцы стали невероятно раздувать свои пограничные претензии.

Нашу первую делегацию на переговорах по пограничным вопросам возглавлял тогдашний начальник пограничных войск генерал Зырянов.

Китайцы вели себя на переговорах очень хитро. Они не настаивали на передаче им некоторых районов советской территории, но требовали, чтобы мы признали недействительными ряд ранее заключенных договоров. По их мнению, царское правительство незаконно присвоило несколько сотен тысяч квадратных километров их земли. Соответствующий договор якобы им был навязан.

И дальше следовало предложение: признайте недействительность царских договоров, и мы начнем новые равноправные переговоры, в ходе которых не будем иметь к вам территориальных претензий… Ничего не могу сказать, кроме того, что это чисто восточный прием.

Уступи мы, и претензии делались бы все более напористыми. Все это было шито белыми нитками. Прежде подписанные документы мы никогда не аннулировали. Постепенно переговоры перешли в руки дипломатов, но они не завершены и по сей день.

Тогда китайцы решили: не хотят советские пограничники уступить по-доброму, попробуем их заставить это сделать силой. Самым уязвимым местом с нашей стороны оставался город Хабаровск. Тогдашние споры касались границы, проходившей по реке Амур и протоке Казакевича. Если бы пограничной рекой был признан Амур и граница проходила строго по его фарватеру, то тогда город с миллионным населением оказывался прямо на ней. Если же рубеж шел по протоке Казакевича, то Хабаровск оказывался бы все-таки в тылу.

Другим яблоком раздора были крупные острова, в том числе Даманский. Именно в этих местах в 1963 и в 1964 годах началась перестрелка уже не на словах, а настоящими патронами. Это стоило жизни нескольким нашим пограничникам. Но это не были настоящие сражения, так как авиация и тяжелое оружие применены не были. Пересеченность местности и труднодоступность большей части спорных участков мешали возможности использовать танки.

Китайцы начали вести себя в этих регионах так, словно они и на самом деле принадлежали им. Они собирали жителей прилегающих китайских деревень и посылали их на спорную территорию то косить траву, то сушить сено, то собирать хворост для топки.

Подчас нам казалось, что мы имеем дело не с деревенскими жителями, а с переодетыми китайскими пограничниками. А когда мы приняли меры для защиты государственной границы, китайцы сделали вид, что страшно удивлены.

Открытые столкновения на Даманском и в других местах становились все более жесткими.

Новая обстановка требовала быстрой реакции. Опасения заставили советскую сторону изменить свою военную доктрину. Возникла необходимость усилить оборону пограничной линии и укрепить второй рубеж в тылу.

Помощь была получена отчасти от соединений Советской Армии, которые были поближе подтянуты к границам. Разумеется, нам приходилось думать и о том, чтобы подобные

перемещения не ослабили наши западные рубежи. Поэтому проводившиеся перегруппировки не затрагивали подразделений, размещенных в ГДР и в других восточноевропейских странах, на самой западной границе СССР.

Новая дислокация не была простым делом. Кроме всего прочего, потребовалось построить несколько военных городков с жильем, складами и всем прочим. А для усиления охраны самой границы мы создали два новых пограничных округа, разместили там воинские подразделения.

Учитывая громадную протяженность границы с Китаем, потребовался и воздушный контроль за ней. Лучше всего подходили для этого вертолеты, но китайцы запросто их сбивали. Вертолеты не были защищены броней и не имели нужного вооружения. В одном из докладов Хрущеву я рассказал ему, что китайцы без большого труда простым огнестрельным оружием могут выводить из строя наши вертолеты.

— Разве они не бронированные? — удивился Никита Сергеевич. Мне ничего не оставалось, как подтвердить печальный факт:

— Бронированных у нас нет.

Он сразу позвонил министру обороны маршалу Малиновскому:

— Это правда, что мне говорит Семичастный?

— Да, Никита Сергеевич, — был ответ.

— Так почему об этом-молчите? — рассердился Хрущев.

Немедленно были отданы необходимы распоряжения. Благодаря тому, что производство вертолетов в то время было хорошо развито, бронирование их «брюха» и монтаж дополнительного оборудования не заняли много времени. Наконец-то наши пилоты смогли отвечать на провокационные вылазки и при этом спокойно возвращаться на свои базы.

Составной частью всего процесса было и укрепление границы между КНР и Монголией. Сама монгольская пограничная охрана была довольно слабой, и наша помощь ей чем дальше, тем больше становилась все необходимей. Однако это потребовало от нас немалых и финансовых, и других материальных затрат.

Все эти новые наши шаги носили прежде всего символический характер и преследовали превентивные цели. Они предназначались для того, чтобы предостеречь Мао от нагнетания напряженности.

Несмотря на все обострения и резкие высказывания, мы тем не менее никогда не боялись, но и не желали настоящей войны с Китаем. Ни Центральный Комитет партии, ни министерства иностранных дел и обороны никогда не считали Китайскую

Народную Республику явным врагом. Китай оставался соседом, который, правда, настроен враждебно, с которым надо держать ухо востро, но не более.

Большая часть китайского вооружения была родом из наших конструкторских бюро и наших заводов. Хорошо нам был известен и состав китайской армии. Наши советники длительное время вели работу по созданию и укреплению Красной Армии Китая. В то время в военном конфликте КНР не могла бы нас победить.

Положение не изменилось и после прошедшего в Китае позднее, в 1964 году, ядерного испытания. Нам было известно и раньше, на какой стадии развития находятся китайские исследования в этой области. Мы знали китайских ученых, работавших в рамках ядерной программы, не были тайной и их возможности.

Наконец, наш собственный опыт позволял судить, сколь долог путь от первого ядерного испытания до вооружения армии ядерными боеголовками. Первые взрывы вовсе не означают, что армия вооружена до зубов. Строительство сети специальных станций, приспосабливание армии под новое вооружение, определение наземных целей на территории противника — все это далеко не кратковременные дела.

Китайцы не были настолько глупы, чтобы всего этого не сознавать.

Это правда, что овладение атомом китайской стороной в определенной мере нарушило существовавшее до той поры равновесие между нашей страной и Соединенными Штатами.

Однако было достаточно много признаков и информации, дававших нам основание верить, что в случае ядерного конфликта между Востоком и Западом Китай останется на нашей стороне: мнение об империалистической политике Запада у китайцев не изменилось. Ни на международных конференциях, ни в Организации Объединенных Наций они не голосовали против нас.

Со своим тогдашним вооружением они могли противостоять лишь одному единственному противнику: или Западу или же нам.

Ударь гром, и нам пришлось бы, хотим мы или не хотим, забыть обо всех взаимных обидах. Поэтому мы, даже в самые тяжелые минуты, не переставали нашу ссору считать преходящей.

Китай — страна совершенно особенная, неповторимая, ее трудно измерять однозначным мерилом. С виду могло показаться, что одним из шагов, который мог привести к улучшению наших отношений, стало бы всевозможное содействие свержению Мао.

Неприятие критики культа личности Сталина в СССР в определенной мере питалось его собственным страхом, что и с ним может случиться что-то подобное. Оппозиция существовала тогда и в китайском руководстве.

Вопрос, однако, не стоял столь примитивно, столь просто. Наши силы не в коем случае нельзя было считать настолько могучими, чтобы они оказывали какое-либо заметное воздействие на ход событий в этой стране. Но даже если бы было так, чего можно было бы ожидать в случае удачного свержения Мао? Что делать, если в стране начнется новая гражданская война? Как бы все это отразилось на обстановке в нашей собственной стране?

Размышляя об этом, мы тщательно взвешивали все «за» и «против», очень внимательно следили за всеми событиями в стране «большого соседа».

А происшествия следовали одно за другим. В шестидесятые годы началось в Китае движение «красных бригад», когда свирепствовали группы молодых людей, поддерживавших Мао и выступавших против тогдашних партийных и государственных деятелей. Борьба за власть в Пекине вспыхнула с новой силой, а на наших лицах разом прибавилось морщин.

Антисоветизм молодых людей достиг своей кульминации, когда, используя физическую силу, члены «красных бригад» блокировали наше посольство, а представительство авиакомпании «Аэрофлот» оставалось на осадном положении несколько недель. Полеты между Пекином и Москвой свелись к минимуму, равно как и служебные командировки. Неистовство толп было непредсказуемым. Казалось, достаточно спички, и все полетит в тартарары.

В Кремле и в других органах высшего советского руководства росло опасение, о котором никто не отваживался говорить вслух, но которое не давало спать спокойно ни одному достаточно хорошо информированному партийному работнику: а что, если бушующая толпа китайцев двинет пешком и без всякого вооружения на север, к нашим границам?.. Что, если масса безоружных людей попробует захватить желанные северные территории, не произведя при этом ни единого выстрела?..

Мы знали, как следует вести себя против угрозы атомного оружия. Но что можно предпринять против бушующей многотысячной фанатичной толпы, против людей, озлобленных и непредсказуемых? А собрать миллион человек, готовых предпринять подобный поход, не было в тогдашнем Китае слишком сложной проблемой.

От американцев нас защищал океан, а от китайцев — лишь река Амур и надежда, что поход на север никогда не состоится.

На эту тему среди наших людей ходило много анекдотов. В том духе, хватит ли на всех места в Сибири, что будет расти после того, как будет съедена тайга, и т. п. Высмеивание подобных проблем мешало трезвой оценке возможной угрозы. Однако люди, отвечающие за оборону своей страны, должны быть готовы к любой неожиданности.

Пришлось бы нам стрелять из автоматов по невооруженным беднягам с палками в руках? Сумели бы мы с ними обращаться на самом деле, как с людьми, отправленными на бойню?.. Все это были очень неприятные размышления.

В том, что соседство Китая — дело далеко не простое, убедила нас и война в другой азиатской стране — во Вьетнаме.

Одним из результатов советско-китайской распри стал фактический распад Коммунистической партии Индонезии.

Следствием негативных взаимных препирательств оказалось то, что две великие страны с коммунистами во главе очистили здесь пространство для прозападно ориентированных местных сил, а тем самым и для расширения влияния капиталистического мира. Классический пример того, как двое дерутся, а третий сметану ест.

Соперничать с Китаем за влияние в юго-восточных и восточных областях Азии не имело никакого смысла. Во всех странах этого региона существовали и по сей день существуют большие китайские колонии. Всем им и в отношении культуры, и в отношении религии, и во всем остальном Китай был намного ближе, чем мы. Во многих случаях китайцы, живущие за границей, не только с симпатией относились к родине своих предков, но и оказывали ей важные услуги, в том числе поддерживали ее столь необходимой твердой валютой.

Прямая и слишком амбициозная конкуренция в этих странах была бы поэтому одинаково и затруднительной, и бессмысленной. Хорошие отношения с азиатскими странами необходимо строить на совершенно иных принципах.

Мы старались проявлять по отношению к ним свое дружеское расположение, если надо, помогать и финансами, и материально, включая сюда как строительство электростанций, культурных и спортивных сооружений, так и продажу оружия. Все это Китай с учетом его тогдашнего экономического положения позволить себе еще не мог.

Для усиления пропаганды советской политической системы, для устранения недоверия или даже враждебности мы использовали также всевозможные общественные, культурные, спортивные и прочие контакты.

Нам удалось построить хорошие отношения с Индией, Афганистаном, Ираном. Если бы в шестидесятые годы против нас повернулась и вторая самая населенная страна мира — Индия, положение на наших южных границах разом бы весьма дестабилизировалось. Поэтому мы изо всех сил старались поддерживать добрососедские отношения с государствами этого per иона.

Что касается азиатского континента, то в центре внимания мировой общественности была тогда небольшая, разделенная на две части страна на самом его юге — Вьетнам.

Со второй половины XIX века Вьетнам был колонией Франции, и только в 1954 году народно-освободительная борьба в этой стране, после сражений в районе Дьенбьенфу, завершилась победой и провозглашением независимости.

Однако национальную целостность сохранить не удалось. На севере страны возникла социалистически ориентированная Вьетнамская Демократическая Республика со столицей в Ханое, а на юге — республика Вьетнам с центром в Сайгоне и антифранцузски ориентированным режимом императора Бао-Дая.

Согласно Женевским договоренностям 1954 года территории этих двух государств должны были быть объединены на основе свободных выборов. Однако ничего подобного не произошло. Южновьетнамская реакция, поддерживаемая Западом, зубами и когтями держалась за власть в Южном Вьетнаме. И хотя в 1955 году императорство Бао-Дая было ликвидировано, на его месте утвердился диктаторский режим рода Дьемов с проамериканским премьером Нго Динь Зьемом.

Национально-освободительное революционное движение в Южном Вьетнаме, выступавшее под названием Вьет-Конг, оказалось в сложном положении. Поначалу с поддержкой Ханоя оно предпринимало лишь акции индивидуального террора против представителей сайгонской диктатуры, но с ходом времени было сформировано несколько партизанских отрядов, и в конце концов 20 декабря 1962 года был основан Фронт национального освобождения Южного Вьетнама. Практически одновременно возникла и Народно-революционная партия Южного Вьетнама, начавшая тесно сотрудничать с северовьетнамской Партией трудящихся.

К началу шестидесятых годов освобожденные территории уже занимали примерно три четверти Республики Южный Вьетнам. Сайгонский режим еле-еле держался, его кризис становился все более явным. Вашингтонские политики не захотели оставаться пассивными наблюдателями его неотвратимого падения.

После того как в начале шестидесятых годов Соединенные Штаты стали все более вмешиваться в дела Южного Вьетнама, посылая туда и военные силы, интерес Советского Союза к этому региону мира многократно возрос. Однако и тогда наши отношения с вьетнамскими коммунистами из-за ссоры с Китаем были весьма сложными.

Одним из мотивов нашего повышенного интереса к событиям во Вьетнаме (кроме естественного желания помочь прогрессивным силам) была и вероятная возможность установить контакты с отдельными американцами. Когда появляются подобные возможности, разведки разных стран всегда предпринимают попытки завербовать представителей враждебной стороны в свои агенты. Например, во время корейской войны нам это блестяще удалось в случае с англичанином Джорджем Блейком. Блейк со своими информациями стал одним из ценнейших источников, имевшихся тогда у КГБ на Западе.

Иным доводом для советского интереса к событиям во Вьетнаме было появление там американского оружия. Наши летчики и советники в начале конфликта принимали участие в весьма ограниченном числе военных операций на стороне северовьетнамцев и вынуждены были соблюдать особую осторожность. Переодетые во вьетнамскую униформу, они в разговорах пользовались только вьетнамским языком, а на русский переходили лишь в обстановке абсолютной безопасности. Несмотря на все их усилия, им не удавалось дать нам те сведения о вооружении неприятеля, в которых мы нуждались.

И кроме того, нам надо было знать, и как можно полнее, как о сильных, так и о слабых сторонах нашего собственного оружия, которым мы снабжали вьетнамцев.

Как бы цинично ни прозвучало для неинформированного человека и неспециалиста нижеследующее утверждение, но конфликты, подобные тем, что происходили в Корее или Вьетнаме, позволяли обеим сверхдержавам испытать свою военную технику в боевых условиях. Такие страны, как США и СССР, не могли себе позволить произвести оружие и отправить его на склад, не использовав хотя бы в минимальной мере.

И мы хотели воспользоваться возникшей ситуацией: в конце концов, не мы были зачинщиками во Вьетнаме и не мы были сторонниками вялотекущего продолжения боев.

Тем не менее мы свое участие, пусть и небольшое, во вьетнамских сражениях неизменно и упорно отрицали, как, впрочем, и американцы. Дело в том, что если бы вдруг раскрылось, что военные двух ведущих супердержав сражаются друг против друга во Вьетнаме, кому-нибудь показалось бы

логичным нечто подобное испробовать и в иной части мира.

Мы с американцами, хотя и приблизительно, знали возможности друг друга и равно осознавали, что победа в глобальной атомной войне невозможна, а потому такой конфликт произойти не должен. Однако иная вещь — мироощущение малых стран. После нашего официального признания участия в военных действиях любой локальный конфликт в их восприятии мог представиться далеко выходящим за свои пределы. Что тогда сказать в оправдание?

Даже самые прогрессивно мыслящие вьетнамцы поначалу были далеко не в восторге от того, что их страна становится полигоном для испытания вооружения.

Но когда американцы начали поливать их страну напалмом, им ничего не оставалось, как искать более тесного сотрудничества с нами с целью обеспечить более эффективное сопротивление. Они были уже не в состоянии защитить себя собственными силами. Между силой и возможностями французских войск пятидесятых годов и боевой мощью американской армии шестидесятых была огромная разница.

Однако положение осложнялось тем, что все наши поставки вооружения, составы с продовольствием и другим грузом шли через территорию Китая, а китайское слово было во Вьетнаме последним. В момент принятия такого решения наши перспективы в Китае весьма осложнились, и этим широко и беззастенчиво пользовались китайцы. На составах, поставлявших советскую продукцию, они ставили свои надписи, и в результате выходило так, что вся помощь исходит от них. К тому же наши поставки они старались любым способом задержать, часто их ополовинивая.

Усилия нашей службы тоже наталкивались на определенные преграды. Мы послали во Вьетнам несколько чекистов с надеждой пообщаться с американцами и получить ценную информацию.

Время от времени им удавалось установить контакт: однажды вьетнамское руководство позволило им встретиться с высокопоставленным офицером, американским военнопленным. Разговор продолжался до полудня, однако, к великому нашему удивлению, в тот же день после обеда встреча уже не состоялась. И так повторялось несколько раз.

Есть люди, которые сегодня, выступая перед западными журналистами, без конца повторяют, что американские военнопленные из Вьетнама отправлялись в советские тюрьмы и там их уничтожали или они умерли естественной смертью. При этом утверждают о каких-то «московских допросах» американцев,

сбитых во Вьетнаме.

Все подобное, применительно к тому периоду, когда я возглавлял КГБ, я категорически исключаю. В любом случае, если самолет с пленным летчиком коснулся посадочной полосы советского аэродрома или его нога опустилась на нашу землю — где угодно и какими угодно путями, я бы обо всем этом был немедленно информирован. Я уже не говорю о ситуации, если бы производился любой их допрос.

Постоянно тянущиеся спекуляции вокруг этого вопроса не утихают, и им нет числа. Причем конкретных доказательств нет, потому немедленно идут в ход фантазии об «уничтоженных документах, о высшей степени засекреченности» и еще бог знает о чем.

В архивах КГБ никто и никогда такие документы не уничтожил бы. Некоторые записи, как, например, об уже упоминавшихся фактах из прошлого Хрущева, исчезнуть, конечно, могли и исчезли, но уничтоженные документы касались лишь отдельных личностей, отдельных общественных деятелей.

Что же касается более широких операций, особенно тех, которые были связаны с международными событиями, то ликвидация записей была просто немыслима.

Кто утверждает обратное, тот деформирует логику целого периода отечественной истории. Наша коммунистическая партия не испытывала страха, подобного тому, который тревожил, скажем, республиканцев или демократов, лейбористов или консерваторов: они могли проиграть выборы, и тогда пришлось бы уйти, а к власти пришла бы оппозиция. Как у истинных коммунистов того времени, у нас не было сомнений на тот счет, что наша партия и наша общественная система останется навечно. Поэтому из архивов КГБ не должно было исчезнуть ничего из того, что могло бы скомпрометировать нашу партию в целом. Отсутствие письменных свидетельств о тайном содержании в нашей стране американских военных времен вьетнамской войны не означает, что архивы были «очищены» и документы уничтожены. Наоборот, является свидетельством того, что ничего подобного не происходило.

И по линии военного шпионажа положение было таким же. Мне как председателю КГБ полностью была подчинена военная контрразведка. ГРУ же занималось исключительно внешней разведывательной деятельностью и ко всякого рода пленным не имело никакого отношения. Любое отступление от этого было бы обязательно известно военным контрразведчикам.

И даже мои личные контакты с северовьетнамским министром внутренних дел не помогли создать возможностей для

работы там наших разведчиков. Даже если взять в расчет то, что его дочь училась у нас в Москве и что при его посещении Советского Союза я не раз заводил речь на щекотливую тему, добиться ничего не удавалось. Я получил лишь пару вьетнамских сувениров, в том числе дюралевый гребешок, сделанный из обломка сбитого американского бомбардировщика.

У Возможность разобрать электронные блоки отдельных захваченных вьетнамцами самолетов, просмотреть новейшие технологические элементы американских машин, сбитых во время боев, нам могла представиться лишь в радужном сне.

Еще несколько слов о наших разведывательных возможностях на территории самого Китая. Они были весьма ограниченными. В нашем распоряжении, по сути, были лишь внешняя информация и пропаганда. От поисков иных путей мы после серии неудач предпочли отказаться.

В первый же период своей работы на высшем партийном посту Никита Сергеевич Хрущев хотел доказать Мао Цзэдуну свое дружеское отношение, продемонстрировать свою поддержку и поручил КГБ передать спецслужбам Китая имена агентов, которые сотрудничали с чекистами еще в годы китайской революции.

Эта сеть была не слишком многочисленной. Да к тому же Хрущев еще думал, что Мао по достоинству оценит вклад своих соотечественников в победу коммунистической идеи в самом Китае и на международной арене.

Однако правда оказалось иной. Когда мы, спустя длительное время, попытались найти хотя бы одного человека из этих лиц, нас ждало разочарование. Большинство наших бывших агентов исчезли бесследно.

Обеспечить почву для вербовки агента в период китайской самокритики, самоосуждения и самовоспитания было невыполнимой задачей.

Каждый наш работник, начиная от дипломата и кончая водителем автомашины, среди низкорослых китайцев выглядел белой вороной. Из человека с русскими чертами лица нельзя было подготовить и «нелегала» — попытка изменить способ мышления в данном случае была еще более сложной, чем изменение внешних данных.

Точно так же кончались наши попытки и в других азиатских странах. Не были более удачливыми и разведчики тогдашних социалистических стран.

Что же касается американских спецслужб, то у них возможностей было побольше. Прежде всего это объясняется тем, что в самих Соединенных Штатах были весьма многочисленные

азиатские колонии. Кроме того, они использовали возможности, которые предоставлял Тайвань.

Но и китайская разведка в своей работе против нас в Москве и на всей советской территории выглядела не лучше нас.

Тучи над Хрущевым

Минуло десять лет после смерти Сталина. Это были богатые событиями годы, принесшие нам и немало успехов.

Большая доля заслуг в этом по праву принадлежит Никите, Сергеевичу Хрущеву. В некоторых случаях справедливо говорить даже о его решающей роли. Я всегда считал его большим государственным деятелем. Он владел искусством руководить, способствовал развитию такой значительной советской республики, как Украина. Поражала и его неисчерпаемая энергия. Это был руководитель всесоюзного масштаба и заслуживал право на глубокое к себе уважение.

Однако если посмотреть на Хрущева просто как на человека, то нельзя не заметить, что природа одарила его как хорошими, так и плохими чертами. Не случайно памятник на его могиле решен в контрастных черно-белых тонах. Он умудрялся сочетать в себе воображение, изобретательность, прирожденный ум, человеческую сердечность с низкой культурой и даже глупостью.

И по сей день эти черно-белые черты преобладают при анализе государственной и партийной деятельности Хрущева с перекосом в ту или иную сторону.

Хрущев считал своей первоочередной задачей — решение продовольственной проблемы, поэтому больше всего думал о селе.

Личный вклад Хрущева в поднятие целины не могут поставить под сомнение даже самые упорные его критики.

Глядя на разоренную послевоенную Украину, он определил для себя и второй приоритет — им стало строительство.

Собранная им группа энтузиастов стала ломать голову над серийным производством панелей для строительства жилья приемлемого стандарта. Начали создаваться целые строительные комбинаты.

В то время кабинет Хрущева буквально превратился в выставку всевозможных строительных деталей и макетов. Каждый, кто приходил сюда, сразу же видел, какой успех в строительстве только что достигнут, чем он сейчас больше всего гордится.

Однако самым важным была та радость, которую испытывали простые люди, переезжавшие в новые квартиры.

Из-за недостатка времени, а также из-за отсутствия нужного количества лифтов хрущевские новые кварталы не имели высоких домов. Это были в основном пятиэтажные строения, которые возводились сначала в Киеве, а после смерти Сталина и на юго-

западе Москвы, в Горьком и во многих других городах. Сегодня их называют «хрущобами» по ассоциации с «трущобами», но тогда это было желанное жилье для миллионов людей.

Искреннее стремление улучшить жизнь народа обеспечило Хрущеву непосредственно после его прихода в верхний эшелон власти популярность, которая дала ему возможность для укрепления своей личной власти преодолеть сопротивление «антипартийной группировки» в 1957 году.

Однако и после этой победы Хрущев еще не чувствовал себя в полной безопасности. По его настоянию со своего поста был снят маршал Жуков. Вслед за ним должны были последовать и другие видные руководители.

Интрига, связанная с А.Кириченко, развертывалась в конце пятидесятых годов и представляла собой некое исключение из правил. В связи с ней я тогда был переведен с поста заведующего отделом партийных органов ЦК в Азербайджан. Однако свою порцию получил тогда и сам первый секретарь.

Снятия Кириченко, ставленника Хрущева, добилась группа в Президиуме ЦК наперекор самому Хрущеву. И Хрущев понял, что эта группа может выступить и против него самого. Ловкое маневрирование позволило ему справиться тогда с возникшей сложной ситуацией.

Ему удалось добиться того, что в Президиуме ЦК уже заседали новые, преданные Хрущеву люди. Их опыт ни в какое сравнение не шел с опытом и авторитетом первого секретаря, и о каком-либо «бунте на корабле», казалось, не могло идти и речи.

Гагарин и достижения в космосе обеспечили нашей стране и внимание всего мира, и его повышенное уважение. К тому же два года подряд собирали небывалый урожай.

И Хрущев почувствовал себя на вершине успеха.

Он ошибочно решил, что успех отныне будет ему сопутствовать всегда и везде, чтобы он ни предпринял, поверил в собственную безошибочность. К своей великой беде, он переоценил свои силы и недооценил важные обстоятельства.

Он свел число советников к минимуму, начал больше ориентироваться на близких знакомых и родственников, практически перестал консультироваться с членами Президиума. Со свойственным ему упрямством он добивался того, чтобы все было так, как он велит. Когда же стали проявляться одна за другой его ошибки, вину за неудачи Хрущев начал сваливать на других.

Импровизацию, подчас оторванную от реальности, он возвел в ранг своего главного рабочего метода. Присвоив себе право

бесконтрольно говорить все, что он хочет, Хрущев стал выступать без подготовки. Его речи было невозможно публиковать: после его выступлений несколько человек садились за стол и на основе стенографической записи составляли речь, годную для публикации, стараясь соблюсти хотя бы простую логическую взаимосвязь.

Мне вспоминается, что и в прежние времена Никиту Сергеевича приходилось одергивать, и делал это сам Сталин. Тогда, на республиканском уровне, Хрущев еще не мог задумывать перемены столь принципиальные и комплексные, как это он стал делать позже в масштабах всей страны, но и раньше готов был делиться своими прожектами.

Так, в конце сороковых годов, он опубликовал в газете «Правда» статью об агрогородах — поселениях городского типа в сельской местности. Он призывал стирать культурные и архитектурные различия между городом и деревней.

Сразу же после опубликования статьи Сталин, что называется, «всыпал» Хрущеву. Он был рассержен тем, что украинский секретарь носится с мифическими агрогородами в то время, когда люди в республике еще живут в землянках. «Ты их сначала оттуда вытащи», — внушал Иосиф Виссарионович Хрущеву. На следующий день в «Правде» появилась редакционная реплика о том, что статья Хрущева опубликована в порядке дискуссии, хотя, по тогдашней традиции, любой материал, появившийся на страницах официального партийного издания и подписанный членом Политбюро, воспринимался как решенная проблема и подлежал исполнению…

Н.С.Хрущев, вместо того чтобы заниматься реально существующими сложностями в развитии страны, подчас предпочитал преждевременно заглядывать в будущее. Известно, что он провозгласил: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме».

Некоторые чрезмерно старательные его последователи на местах, стремясь понравиться партийному вождю, от слов переходили к делу. Где-то в Киргизии решили кормить всех обедами бесплатно, в другом месте сделали бесплатным городской транспорт. Центральный Комитет был вынужден заявить, что повсеместно для подобных нововведений у нас пока нет нужных средств, а потому и спешить впредь не следует.

Но Хрущев не принадлежал к тому типу людей, которые готовы исправлять свои ошибки. Напротив, он обрушивался на недовольных критиков, снимал оппонентов со своих должностей, а потом недемократично и не очень цивилизованно переводил их

на второстепенную работу.

Сбитым с толку партийным работникам Хрущев отдавал приказ за приказом, одна реорганизация следовала за другой, реформа сменяла реформу. Люди на местах не успевали не только проверять на практике отдельные директивы, но даже как следует их прочитать. Интересные мысли у Хрущева стали перемешиваться с совершенно неприемлемыми. Вместо позитивных результатов все больше проявлялся хаос. Возникновение серьезных неудач становилось уже лишь вопросом времени.

Первый ощутимый удар Хрущев получил от своего любимого сельского хозяйства. Эксперимент с кукурузой полностью провалился. Вышло на поверхность и то, что такой опытный государственный деятель, как он, не сумел извлечь урок из уже однажды допущенной им ошибки подобного же рода. Речь идет о поспешном и повсеместном внедрении на Украине чумизы.

Сначала разведение кукурузы способствовало в пятидесятых годах некоторому улучшению положения с кормами. Однако потом первый секретарь, утратив всякую осторожность и чувство меры, потребовал, чтобы кукурузой было засеяно как можно больше сельскохозяйственных площадей, без всякого учета местных условий. Под кукурузу пошли как самые плодородные земли в Советском Союзе, так и поля, совершенно для этой культуры непригодные. Подобный «энтузиазм» добрался даже до Архангельской области, лежащей у Полярного круга. А когда урожай оказался ниже того, что ожидалось, не знали, что и делать.

Жители сельской местности были недовольны запретом держать личный скот и ограничением размеров приусадебных участков. Это нанесло серьезный удар по их привычной жизни. Возмущение крестьян достигло верхней границы, когда Хрущев, несколько охладев к нововведению, допустил, что отрезанные участки земли остались необработанными и заросли сорняками.

Таким образом, Хрущев лишился поддержки в той сфере, которую считал своей надежной базой.

Будучи во власти реформаторских позывов политического характера, Хрущев вдруг решил, что необходимо изменить структуру Коммунистической партии Советского Союза, разделив ее на две части и создав два ее направления: промышленное и сельскохозяйственное, или же, говоря упрощенно, партию городскую и партию деревенскую.

Такие планы вызвали неудовольствие с самого начала, так как почти автоматически давали основание для взаимных споров,

для противопоставления города и деревни.

Как можно, например, без помощи промышленных городов строить сельские дороги? Городские учреждения получили бы возможность таким образом отвергнуть любые запросы деревенских жителей, ссылаясь на то, что у них и своих забот достаточно со строительством предприятий, шахт, обеспечением всем необходимым. Из деревень, наоборот, звучали угрозы, что если все именно так и будет обстоять, то почему они должны поставлять в город те же мясо и молоко!

Не пустым аргументом против политики Хрущева стал вопрос о разбазаривании высококвалифицированных кадров: в стране их было не так уж много, чтобы позволять себе безрассудно делить специалистов между городом и деревней, забывая при этом о необходимости поддерживать определенный уровень их развития.

И здесь, как и при реорганизации планирования, финансирования и многих иных сфер, Хрущев остановился на половине пути.

Идея децентрализации поначалу не представлялась плохой. Но постепенно над децентрализованными ступенями стали создаваться органы централизованные, и экономика «де-факто» вернулась опять к исходному положению. При этом бюрократия не сократилась, а даже несколько разрослась.

В мировой печати, которая не очень хорошо ориентировалась в наших внутренних делах, не раз заявлялось, что Карибский кризис, конфликт с Китаем и другие международные неудачи были решающими факторами снятия Хрущева. Однако решающее слово все-таки оказалось за внутренней политикой. Международные вопросы были лишь вторичными моментами в конечном политическом балансе…

Сильно пострадал авторитет Хрущева и в армии из-за радикального сокращения ее численности и отсутствия продуманного плана, как это безболезненно осуществить.

Сама мысль повышать обороноспособность страны путем улучшения качества ее Вооруженных сил была, несомненно, правильной. Однако как быть с теми, кто снял военную форму еще в активном возрасте и теперь не знает, куда идти? Никаких курсов переквалификации, где бывшие военные могли бы подготовиться к дальнейшей, уже гражданской службе, не существовало. В армии росла небывалая напряженность.

Время от времени Хрущев вызывал ответный гнев и своими непродуманными спорами со специалистами, такими, например, как главнокомандующий Военно-морским флотом в Великую Отечественную войну Николай Герасимович Кузнецов. Хрущеву

казалось, что в эпоху ядерных ракет нет никакой нужды строить новые большие военные корабли. Ракетами, мол, и без таких кораблей можно решить любые военные задачи. Кузнецов пытался спорить. Тогда Хрущев послал его командовать флотом на Дальний Восток и — никаких дискуссий! Таким же грубым и высокомерным образом он отнесся и к анализу значения для современной армии бомбардировщиков.

На Министерство внутренних дел также было оказано большое давление, чтобы и оно разделилось на две части: городскую и сельскую. И оно в конце концов было разделено.

Пришло время, и новые идеи в голове первого секретаря уже коснулись и нашего Комитета: он вынашивал реформу всего КГБ.

Хрущев настаивал, чтобы и КГБ трансформировался по системе «город — село». И еще он захотел лишить чекистов их униформы. Просто чтобы вместо военнослужащих и у нас работали штатские люди.

Разговоры по этим вопросам были частые и долгие, но я не соглашался и твердо стоял на своем. Возражая против разделения КГБ, я выдвигал все новые и новые доводы:

— Не могу я, Никита Сергеевич, агентов делить на городских и сельских! — убеждал я его. — Вы знаете, что сейчас говорят в милиции?

— Ну-ну? — заинтересованно спросил Хрущев.

— А вот говорят, что вышло такое распоряжение, что если находят лежащего пьяного, нужно принюхаться: пахнет коньяком — тащи в городское отделение, самогоном — в сельское.

— Ты все анекдоты свои… — досадливо поморщился он.

— Так анекдоты — это отражение жизни…

Он промолчал, обидевшись. Но так и не успокоился, а продолжал гнуть свою линию…

Аргументация в отношении униформы в КГБ была более обстоятельной. Военизация секретной службы не была нашим изобретением. Это проверенный опыт всемирного масштаба. Ни американское ЦРУ, ни британские органы такого же (характера не функционировали на основе гражданских предписаний. Для этого был целый ряд причин.

Если КГБ становится гражданской организацией, то не только исчезают погоны, но туда приходят профсоюзы. Результат дискуссии с представителями профсоюза по вопросу, скажем, о проведении острых оперативных мероприятий, о длительных командировках не шли бы на пользу делу и только усложняли работу.

Кроме падения дисциплины и снижения оперативности всей

работы изменилась бы и вся шкала наказаний за выдачу государственной тайны и множество иных вещей.

С намерениями Хрущева были не согласны и сами чекисты: ведь погоны давали им определенные и материальные выгоды. В итоге и от этого зависело, на чью сторону они станут.

В конце концов Хрущев согласился с моими аргументами: он отказался от разделения КГБ и на погоны наших работников уже не замахивался.

Что касается присвоения новых генеральских рангов, то тут Хрущев стоял твердо на своем. Присвоение звания полковника было в компетенции председателя КГБ, но для того, чтобы наш сотрудник стал генералом, нужны были решение Совета Министров СССР и согласие Президиума ЦК КПСС, а это значит — Никиты Сергеевича. За весь период, когда во главе КГБ стоял Шелепин, а потом и я, Хрущев не утвердил в генеральском звании ни одного чекиста!

Сколько раз я говорил ему:

— Разве это правильно, что в некоторых регионах Министерство внутренних дел представлено генералом, а КГБ — только полковником?

Полковники руководили управлениями и в центральном аппарате, хотя по штатному расписанию положено замещать эти должности генералами.

Однако мои обращения были безрезультатными. При одном разговоре на эту тему Хрущев даже поставил меня в очень неудобное положение.

— Никита Сергеевич, — начал я уже, наверное, в сотый раз, — нужно присвоить несколько новых генеральских званий.

— Пошли обедать! — обратился он ко мне, не отвечая на мои слова.

Каждый день, кроме выходных, члены Президиума ЦК, проживавшие в Москве, обедали в Кремле. Их коллеги из других городов в этих столованиях участвовали только тогда, когда приезжали в столицу. За обедом обсуждалось и много вопросов. Делалось это как бы неофициально, но нередко решались в такой обстановке и очень серьезные проблемы.

Я в этих обедах участвовал редко, да и министр обороны посещал их не часто — только тогда, когда получали приглашение непосредственно от Хрущева.

Начался обед, кто-то отпустил какую-то шутку, раздался смех. Хрущев, решив, видимо, поддержать веселое настроение, в столь же шутливом тоне начал:

— Вот тут пришел ко мне Семичастный и просит, чтобы ему дали генеральское звание.

У его слов был подтекст, и далеко не шутливый, и мне ничего не оставалось, как вставить в его речь и свое слово:

— Не для себя прошу генеральские погоны, Никита Сергеевич, и вы это хорошо знаете. Прошу для своих подчиненных.

Но Хрущев продолжал свое:

— Если уж так нужно, то дам тебе свой генеральский мундир поносить, только вот ты в моих штанах наверняка утонешь…

Нет, это был уже не тот Хрущев прежних времен, всегда готовый выслушать, старавшийся помочь тем решениям, которые вели дело к успеху. Тот, прежний Хрущев, ставший во главе партии десять лет назад, чтобы служить своей Родине и не желавший повторения сталинского произвола, отстаивал, кроме всего прочего, и ограничение для любого высшего представителя его пребывания на посту двумя избирательными циклами.

Нынешний Хрущев заботился о своих подчиненных гораздо меньше. Его прежнюю заинтересованность заменили самовлюбленность, самоуверенность и даже высокомерие. Он уже не признавал никаких ограничений.

Свои прежние добрые намерения он отбрасывал одно за другим. Наконец отбросил и ограничение в два выборных срока: Никита Сергеевич Хрущев 1962–1963 годов уже настолько поверил в свою исключительность и неоценимость своих заслуг, что временные рамки для своего пребывания на высших постах в стране для него уже не существовали.

Ряд существенных недостатков и вереница ошибок росли в геометрической прогрессии и к концу 1963 года представляли собой опасно длинный список.

Образно говоря, плод земли под названием «первый секретарь Центрального Комитета КПСС» прошел свой путь развития, как яблоко на дереве. Цвел, рос и созрел! Каждому садовнику известно: если не убрать такой плод вовремя, когда он еще красив и сочен, то он перезреет и сам упадет вниз.

Но «падение» Хрущева могло произойти непредвиденным образом, а главное — привести к непоправимо тяжелым последствиям.

Хрущев как политический деятель, как глава государства исчерпал себя, выработался, кончился. И поэтому его нужно было освобождать.

А что касается «заговора», то пленум его избрал — пленум его и освободил, вот и все!

Дай бог, чтобы побольше было таких пленумов!

Официальная информация о том, что происходит в стране, которая через КГБ поступала первому секретарю, отражала недовольство людей лишь в определенной мере. Во-первых, мы и не ориентировались на сбор жалоб, а во-вторых, руководители наших органов на местах несколько побаивались слишком много «негатива» передавать наверх.

Тем не менее нельзя сказать, что Хрущев был огражден от реальности. С одним из свидетельств того, что в стране не все идет гладко, он имел возможность столкнуться сам в Мурманске, где во время его выступления рабочие открыто роптали. В воздухе носились и откровенно оскорбительные слова.

Все чаще случалось, что во время поездок Хрущева по стране на капот его автомобиля падали не только цветы, но и камни, И это были вовсе не единичные случаи. Хрущев не был слепым: он прекрасно понимал, что все это означает.

Когда были повышены цены на мясо, я информировал его о повсеместном недовольстве. Он утратил контроль над собой и взорвался:

— А ты что думал? Думал, что будут кричать «ура»? Разумеется, люди недовольны…

Прошло едва полгода, как я занял кабинет на Лубянке, когда в июне 1962 года произошли трагические события в Новочеркасске.

Мы в КГБ, конечно, были готовы к протестам людей, но не такого масштаба. Отказ от работы 20–30 человек из-за пересмотра тарифов и роста цен кое-где наблюдался и прежде. Местные власти в таких случаях звонили мне, просили найти зачинщиков и организаторов, «взбаламутивших народ». Я отвечал на эти требования так:

— Кто расценки снизил? Директор? Вот и разбирайтесь с ним, а рабочие здесь ни при чем. И нас в это дело не втравливайте.

В Новочеркасске же с самого начала обстановка приняла угрожающий характер. Все началось с того, что в первой половине 1962 года на Новочеркасском электровозостроительном заводе без согласования с профсоюзами (в который уже раз!) пересмотрели тарифные ставки, в результате чего зарплата рабочих резко снизилась.

К тому же в городе в это время сложилось совершенно нетерпимое положение со снабжением продуктами, особенно мясом и мясными изделиями. Все это совпало с решением правительства о повышении цен на мясо-молочные продукты. Рабочие стали роптать.

1 Июня они собрались на митинг во дворе завода и

потребовали, чтобы к ним вышел директор. Рабочие высказали ему свое недовольство по поводу плохих условий труда и быта, низких заработков. Тот попытался грубо осадить ходоков, стал разговаривать с ними таким барским тоном, что вызвал возмущение людей.

Во многих цехах была приостановлена работа, заводские гонцы поехали на другие предприятия города в поисках поддержки.

Железнодорожная магистраль была перекрыта. Никого не впускали и не выпускали из города.

Тогда об этом доложили Хрущеву. Он вызвал в Кремль секретаря ЦК Шелепина и члена Политбюро Кириленко и приказал им срочно лететь в Ростов-на Дону, чтобы разобраться во все на месте.

Была создана комиссия во главе с Шелепиным.

В Ростове посланцев Хрущева встретил секретарь обкома Басов и доложил обстановку. Шелепин с Кириленко отправились в Новочеркасск, но в город их не пустили. Им пришлось остановиться в военном городке под Новочеркасском.

В Москве переполошились, и в Новочеркасск дополнительно направили Козлова, Микояна и моего первого заместителя Захарова.

В городе было объявлено чрезвычайное положение и отдан приказ о вводе войск.

Рабочие тем временем решили идти из Соцгородка в Новочеркасск, к центру города, а это шесть километров. Впереди толпы — портрет Ленина, в руках людей — красные знамена. В толпе много женщин и детей.

На подступах к городу безоружные солдаты, взявшись за руки, перегородили им дорогу. Хрущев приказал командующему военным округом генералу Плиеву оружие ни в коем случае в ход не пускать.

Николай Захаров постоянно докладывал мне об обстановке по телефону. Микоян из городского радиоузла обратился к населению, пытаясь успокоить возмущенных людей. Он обещал разобраться и навести порядок в ценах и тарифах, приглашал выделить делегатов для переговоров. Говорил, что действует от имени руководства ЦК КПСС и самого Хрущева.

Неожиданно во время его выступления толпы людей стали подступать к радиоузлу, и Захарову пришлось в спешном порядке эвакуировать Микояна.

Толпа прорвала оцепление, прошла к центру города, ворвалась в здание горкома партии, разгромила помещение, и всех, кто в это время находился в здании, стали выбрасывать со

второго этажа в окна на тротуар. Пострадал при этом и приехавший в командировку в Новочеркасск заведующий идеологическим отделом ЦК партии Степаков — его тоже выбросили из окна. Захарову пришлось спасаться из горкома, спускаясь по водосточной трубе.

Какие-то лихие ребята добрались до телефона прямой связи и попытались дозвониться до Хрущева. На улице хулиганы принялись бить витрины и частные автомашины. Некоторые горячие головы напали на бронетранспортеры, выбросив оттуда экипажи, сели за рычаги управления, прорвали оцепление и двинулись к зданию милиции и КГБ: собирались, видимо, вызволять арестованных.

Когда и почему начали стрелять? Возможно, при осаде толпой здания милиции кто-то из милиционеров не выдержал и выстрелил. Началась пальба. На месте погибли 20 человек, и четверо скончались от ран в больнице.

До сих пор так и не выяснено, кто начал стрельбу. Но я могу еще раз подтвердить, что приказа стрелять по людям никто из руководства страны, города или штаба Северо-Кавказского округа не отдавал. Генерал Плиев вообще без энтузиазма отнесся к требованию Кириленко немедленно ввести войска. Он не хотел втягивать их в это противостояние.

В сложившейся обстановке очень агрессивно повел себя Козлов. Он требовал арестовать тысячу человек и расстрелять каждого десятого. Шелепин категорически воспротивился этому и стал звонить Хрущеву. Тот Козлова «отматерил».

Впоследствии мы восстановили всю картину возмущения рабочих, подогревавшегося подстрекателями. Помогло то, что все три дня чекисты снимали кинокамерами и фотографировали все, что происходило в толпе.

Арестовали и предали суду активистов. Одних судили за организацию выступления и антисоветские призывы, других — за бандитизм, третьих — за нападение на представителей властей. Интересно, что большинство активных «повстанцев» были судимы ранее, причем некоторые из них — не один раз.

Правда, часть обвинений — «кулацкое прошлое», «выходец из семьи казачьего атамана» — представляется мне притянутой за уши.

Убитые не были захоронены тайно, как это иногда говорят в наших СМИ. Погибшие были переданы родственникам, и те хоронили их по своему усмотрению.

Случившееся в Новочеркасске было воспринято как общее горе, общая беда и как предупреждение, что нельзя обращаться с людьми по-барски, как с бессловесной рабсилой.

Были сделаны выводы: лишились своих постов директор завода, руководители горкома партии и первый секретарь обкома.

К чекистам особых претензий не было.

После этого события у многих стало складываться убеждение, что от Хрущева стране дальше ничего хорошего ждать не приходится.

В конце 1963 года ропот и критические реплики уже раздавались и на высшем уровне. Не настолько, правда, громко, чтобы долетать и до ушей Хрущева, однако говорили уже не шепотом и не за закрытыми дверями, как раньше.

Критики Хрущева считали, что высший партийный и государственный руководитель все больше отклоняется от правильного пути. Он уже не прислушивался к окружающим, зазнался.

Те самые люди, которые с воодушевлением помогали ему вначале, славили его, ныне, наоборот, всеми силами старались его неутомимый натиск притормозить, и даже в моем присутствии они не замолкали.

Первыми из членов Политбюро стали обсуждать создавшееся положение второй человек в партии Леонид Ильич Брежнев и секретарь Центрального Комитета Николай Викторович Подгорный: с Хрущевым уже невозможно работать — таков был их вывод.

Однако перейти от слов к делу было не так просто.

Оба начали прощупывать почву вокруг себя. Будучи опытными людьми, они понимали, что, не обеспечив себе поддержку КГБ, им не удастся осуществить свой замысел — произвести замену главы государства и первого секретаря ЦК КПСС.

Когда в один прекрасный день я вошел в кабинет Брежнева, то сразу заметил, что Леонид Ильич чувствует себя более неуверенно, чем когда-либо раньше. Он пошел мне навстречу, пригласил сесть и начал разговор издалека. Очень осторожно и сверх меры мягко.

— Как ты сам понимаешь, чувствуешь и видишь, положение в стране трудное, — начал он на ощупь. — Запустили мы заботу о простом народе, забросили партийный актив; много проявлений несогласия, — признал он самокритично.

Отношения, которые сложились у нас с ним до той поры, были приятельскими, но в определенной мере и официальными, так, что идти прямо к сути дела он не мог.

Поэтому остановился именно там, где и намеревался: надо созвать пленум Центрального Комитета и освободить Никиту

Сергеевича от его поста.

Я отреагировал так, как в тот момент считал правильным: по сути дела — никак. Сказал, что надо подумать, все взвесить, посоветоваться, а уже потом решать. На том мы и разошлись.

Однако мне самому для размышлений много времени не требовалось. Я понимал, о чем идет речь, и внутренне разделял стремление добиться перемен. Ведь никто не хотел вернуться к сталинским порядкам, а, наоборот, установить коллективные формы руководства и совершенствовать их.

Мой следующий разговор с Брежневым проходил уже при участии членов Политбюро Подгорного и Шелепина. Предмет обсуждения был намного конкретнее: обсуждались практические вопросы обеспечения всей акции со стороны КГБ.

Согласно результатам предварительных разговоров главных действующих лиц и одновременно высших деятелей антихрущевской оппозиции Брежнева и Подгорного предложение о замене первого секретаря должно было получить значительную поддержку у большинства членов ЦК, а также и в самом Президиуме.

Оставалось еще два момента: определить время, место и способ действий и одновременно получить поддержку плана со стороны министра обороны Малиновского. Никому не хотелось оказаться под конец в положении Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Хрущев все же был Верховным Главнокомандующим, и хотя открытое столкновение с ним было в высшей степени неправдоподобным, тем не менее и такой вариант до последней минуты исключать было нельзя.

О конкретных договоренностях между политиками я не имел четкого представления, хотя через наше Девятое управление, занимавшееся охраной членов правительства, был осведомлен о большей части их встреч. Но я не был членом Президиума, а поэтому и в формировании оппозиции активного участия не принимал.

Весной 1964 года первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев отмечал свое семидесятилетие. По этому торжественному случаю к нему приходили с поздравлениями все руководящие советские представители. Десятками поступали юбиляру в Москву послания и из других стран социалистического содружества, от глав государства и их партийных руководителей, а также от многих государственных деятелей со всего мира.

В бесконечных тостах, в приветственных речах заслуги Никиты Сергеевича Хрущева высоко оценивались и восхвалялись. Да и как же иначе? Круглая дата не располагает к объективному

глубокому анализу, а уж к разбору конфликтных политических моментов — тем более.

Тех, кто знал в тот момент, что семидесятилетие Хрущева станет его последним торжеством на посту высшего государственного и партийного деятеля, было пока не очень много. Я же относился к группе посвященных. Я слушал оды в честь юбиляра, неумеренные восхваления, в частности, Брежнева, и пытался одновременно читать по лицам, что же на самом деле все эти люди чувствуют.

Вел я внутренний разговор и со своей собственной совестью.

Это правда, что Н.С.Хрущев во многом мне в жизни помог. И я никогда не забывал всего, что он для меня сделал. Мое тогдашнее неприятие касалось лишь его более позднего политического развития, а именно оно заслуживало и неприятия, и отзыва с должности.

Круг посвященных постепенно разрастался, однако все еще не существовало конкретного плана и единой стратегии действий. Вопросы, что делать, а главное — как дальше действовать, не выходили целыми днями из головы Брежнева.

Однажды он снова мне позвонил и попросил зайти: хочет, мол, обсудить один практический вопрос. Вскоре я был в его кабинете.

В это время Хрущев собирался с визитом в Швецию и, как уже стало традицией, намеревался ехать туда всей семьей — сначала поездом до Ленинграда, а оттуда на корабле по морю.

Предложение Брежнева прозвучало весьма ясно: «Что, если бы КГ Б задержал поезд Хрущева при его возвращении из Ленинграда где-нибудь у Завидова и изолировал первого секретаря?»

При таком варианте вступление в должность нового «первого» прошло бы в обстановке полной безопасности. Разумеется, в то время Леонид Ильич, будучи вторым секретарем ЦК КПСС, уже понял, что тем новым, кто заменит Хрущева, будет именно он. Однако он хорошо расценивал и свои возможности, а потому по мере приближения решающего момента его страх перед Никитой Сергеевичем нарастал.

Предложение Брежнева меня неприятно удивило. Даже если бы в конце концов группа Президиума остановилась именно на таком варианте (в чем я вовсе не был уверен), наши действия были бы совершенно противозаконными и вызвали осуждение во всем мире.

Я быстро взвесил все «за» и «против» и ответил, что с таким решением согласиться не могу.

Брежнев, очевидно, вообще не понял хода моих мыслей. Совсем отпустив тормоза своей фантазии, он склонил разговор к возможности физической ликвидации Хрущева.

— На это мы никогда не пойдем, — немедленно остановил я его.

И вообще как такое возможно было бы осуществить? Ни я, ни Брежнев своей собственной рукой никогда бы ничего такого не сделали. Тогда кто же это должен быть? «Некто» из круга тех, кто десятки лет работает с Хрущевым? Кто его охраняет или готовит ему еду? Что же тогда будет? Заговор? Покушение?! Исключено!! — Все это с быстротой молнии пронеслось у меня в голове.

— Сначала вы меня информировали о плане созвать пленум Центрального Комитета и на нем поставить этот вопрос. Я считаю, что только такое решение возможно, — твердо подытожил я.

Больше говорить нам было не о чем. Мой собеседник думал только о том, как бы сделать так, чтобы при снятии Хрущева не пришлось смотреть тому в глаза. Он хотел прийти на все готовое. С такой стороны я еще Брежнева не знал. Мог ли я предполагать, чего сам дождусь от него в будущем?..

Хотелось думать, что Брежнев всего лишь проверял мою реакцию. Я мысленно снова и снова возвращался к его предложению и снова безусловно его отвергал.

Но я бы лгал, если бы ныне твердил, что уже тогда понял, что из Брежнева, в силу основных черт его характера, получится плохой первый секретарь.

Как-то, в 1990 году, меня пригласил тогдашний председатель КГБ СССР В.Крючков и предъявил мне претензии в связи с моим интервью французскому телевидению, в котором я заявил, что Брежнев предлагал мне устранить Хрущева физически.

Состоялся такой занимательный диалог:

— Вы доложили о том разговоре с Брежневым членам Президиума?

— А зачем, — ответил я. — Ведь все они были за смещение Хрущева со всех должностей. А предложение Брежнева — не более чем пробный шар.

— Ну вы бы Хрущеву об этом рассказали.

— С какой стати, если я сам был за его отставку!

— Напишите обо всем объяснение в ЦК, — в голосе Крючкова прозвучал металл.

— По поводу чего?

— А вот всего этого…

— Но ЦК у меня не просит объяснения, а вы не Центральный Комитет.

— Ну, если надумаете, свяжитесь по телефону с моим заместителем. Дайте ему свой номер.

Номера телефона я, конечно, не дал (они ведь и так его знали!) и никакого объяснения не обещал. Правда, сказал, что могу собрать иностранных журналистов и дать интервью по поводу его предложения.

В субботу 17 августа 1991 года телевидение показало интервью со мной, в котором я рассказывал об октябрьском пленуме 1964 года. В воскресенье сюжет повторили. И когда 19-го утром объявился ГКЧП, мне стали звонить друзья и шутливо спрашивать: «Ты что, накануне давал инструктаж?»

После пресс-конференции ГКЧП, 19-го вечером, мне позвонил Шелепин: «Давай-ка выйдем, погуляем».

Встретились.

— Ну, — спрашивает Александр Николаевич, — ты посмотрел?

— Да видел этот цирк. Ничего у них не выйдет.

В те августовские дни вице-президент, председатель КГБ, министр обороны и премьер Кабинета Министров продемонстрировали полную организационную беспомощность. Говорят, что отправлялись телеграммы в республиканские ЦК, крайкомы и обкомы с предложением поддержать ГКЧП.

Мы же в октябре 1964 года никаких письменных следов не оставляли. Глупо в таких делах руководить при помощи телеграмм. Нужны теснейшие личные контакты, чтобы глаза в глаза смотреть собеседнику. К тому же нас приучили, что есть политическое руководство в стране — Центральный Комитет партии. Значит, и опираться мы могли только на него.

В таких делах необходимо, чтобы за спиной стояла какая-то мощная организация. Команда ГКЧП вела себя как узкая группировка, которую легко было обвинить в заговоре, путче и отправить за решетку. И она проиграла. Но в проигрыше вместе с ней оказался весь советский народ, вся Великая Держава…

Но вернемся в 1964-й.

События уже разворачивались полным ходом, остановить их было невозможно. Сразу после встречи с Брежневым я снял трубку и позвонил Шелепину.

— Послушай, — сказал я ему, — тянут нас куда-то в сторону. Хотят чужими руками совершить преступление, а потом?.. Что будет потом?!

— Кто его знает, что будет потом!

Шелепин был полностью со мной во всем согласен. И он был категорически против подобного решения…

Еще одна вещь могла перемешать карты. Подготовка к отзыву Хрущева не оставалась тайной. Согласно позднейшему свидетельству сына Хрущева Сергея источником разглашения задуманного смещения первого секретаря стал бывший работник КГБ Галюков, сотрудник охраны бывшего члена Политбюро, а после 1961 года уже только заместителя председателя Совета Министров РСФСР Николая Григорьевича Игнатова.

Игнатов, как мне кажется, старался на обоих фронтах обеспечить себе «задние ворота», чтобы иметь возможность в случае успеха или провала замыслов против Хрущева снова вернуться в Политбюро. С одной стороны, вел переговоры с Брежневым, а с другой — передал через своего охранника предостерегающий сигнал Сергею Хрущеву, а через него — и его отцу, Никите Сергеевичу.

Когда Хрущев узнал, что против него собираются также выступить Александр Шелепин и Владимир Семичастный, то заявил, что наветам не верит. Он даже не допускал мысли, что и мы можем быть против него.

Человеком, который тем не менее получил от первого секретаря задание проверить дошедшие до него слухи, был еще один член Политбюро, многолетний друг и союзник Хрущева Анастас Иванович Микоян. Так, последним стечением обстоятельств, он был поставлен перед необходимостью принять окончательное решение, на чью сторону встать.

Во многих отношениях Микоян был ближе всех к Хрущеву, однако, твердый характер, особенно в поворотных моментах, он никогда не проявлял.

Одна из острот, ходившая в свое время среди партийцев, была посвящена именно ему. Это о Микояне неизвестный рифмоплет сложил строки: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

В общем, иными словами, спокойная и бесконфликтная жизнь с времен Ленина и до брежневских дней — такой идеал приписывался этому человеку.

То, что за слухами действительно стоит правда, Микоян, исполняя поручение Хрущева, вскоре же узнал. Тут, однако, и от него потребовали, чтобы дал понять, на чью сторону он встанет.

Когда Анастас Иванович снова появился перед жаждавшим узнать истину первым секретарем, он опроверг все дошедшие до Хрущева предостережения и сделал это самым убедительным образом.

Хрущев, предупрежденный сыном, не был ни наивным, ни

глупым. За его плечами стоял столь богатый опыт, что изменение в настроениях вокруг него он мог очень быстро почувствовать и сам, без всякой посторонней помощи. Что он тогда думал? Что решил для себя?..

Для нас с Шелепиным один вопрос сменялся другим.

Что предпримет Хрущев, если к нему просочится новая информация и снимет все его сомнения?

Придет ли ему на помощь Малиновский (которому никто до сих пор еще ничего не сказал!) — так, как семь лет назад Никите Сергеевичу помог Жуков?

Как тогда Хрущев поведет себя по отношению ко мне и Шелепину?

О чем придется говорить с Брежневым и Подгорным?

Мы превратимся в заговорщиков? Станем врагами?

Нерешительность Брежнева становилась опасной.

Поэтому при следующей встрече с ним я уже давил на него:

— Неопределенность решения грозит мне и всем вам большой опасностью.

И я произнес слова, которые наконец-то подтолкнули Брежнева к решительным действиям.

— Помните, — сказал я, — если Хрущев узнает правду, то прежде всего он отдаст приказ мне, чтобы я, в соответствии со своими служебными обязанностями, арестовал вас как члена «антипартийной группы». И я, Леонид Ильич, буду вынужден это сделать.

Через 29 лет после «малой октябрьской революции 1964 года», как окрестили события, связанные с октябрьским пленумом московские либералы, вышел фильм Гостева «Серые волки». Соавтором сценария фильма был Сергей Хрущев.

Несмотря на обилие мемуарной литературы и живых свидетелей смещения Хрущева, кинокартина получилась карикатурной. Претензии на фильм «исторический и политический» оказались несостоятельными. Недаром Сергей Хрущев категорически возражал против использования в титрах его имени.

В фильме до предела упрощена проблема человеческих отношений. Все сведено только к стремлению захватить власть. Но это совсем не так! В народе нарастала тревога по поводу все новых и новых необоснованных волюнтаристских решений Хрущева в области экономики, партийного строительства, внешней политики. Хрущеву об этом говорили, но он игнорировал замечания товарищей. Именно это заставило пойти

на крайнюю меру — на снятие его со всех постов, исходя из государственных интересов страны!

В фильме тенденциозно показана роль Шелепина и Семичастного. Мы ведь не были в составе Президиума ЦК КПСС, а только начинали свою государственную карьеру. Поэтому не могли здесь быть главными фигурами.

В фильме фигурирует Галюков, бывший охранник бывшего члена Политбюро Игнатова. По ходу действия в фильме Галюкова убивают. Это абсолютный вымысел. После известных событий 1964 года он, живой и здоровый, работал у Мураховского, бывшего первого заместителя Предсовмина.

Ложью являются и показанная в фильме попытка Хрущева дозвониться из Пицунды в Киевский военный округ Кошевому, и разговор Хрущева с Малиновским.

С целью обострения сюжета в фильме постоянно кого-то убивают, организуют слежку. На деле ни один человек тогда не погиб.

Еще одна неправда: Сергей Хрущев несколько раз выступал с обвинениями, утверждая, что пограничники из КГБ усиленно следили за его отцом во время его пребывания в Пицунде. И мне лично ставятся им в упрек многие вещи. Я не согласен с ним. Ничто из названного не происходило так, как он это описывает. Я сам неизменно настаивал на соблюдении законов, ибо только таким образом мы могли содействовать развитию советской системы, не навредив ей.

За все время, предшествовавшее октябрьскому пленуму 1964 года, в ходе его и сразу же после него — нигде не было-объявлено чрезвычайного положения, не был приведен в движение ни один танк, ни один самолет.

Никаких дополнительных военных кораблей в Черное море не вводили. Не было никакой обстановки чрезвычайности. Даже Кремль не был закрыт для посетителей. В том-то и заслуга Хрущева, что он создал обстановку, при которой его смещение происходило гласно, на пленуме ЦК, без применения силы.

Конечно, Брежнев и Подгорный предварительно беседовали с каждым членом Президиума, а Рудаков и Поляков — с каждым секретарем ЦК. Они же вели беседы и с секретарями ЦК союзных республик и крайкомов. То есть готовили пленум так, как всегда готовят — пусть необычное — партийное собрание!

Алексей Николаевич Косыгин, например, когда перед ним поставили этот вопрос, первым делом спросил: «С кем КГБ?» И только узнав, что КГБ согласен на этот шаг, ответил: «Я буду поддерживать».

Брежнев опасался разговора с министром обороны и долго

его оттягивал. Если бы Р.Я.Малиновский не поддержал замысла, все чрезвычайно осложнилось бы. Однако, наконец, все утряслось.

Кстати, накануне этого разговора Л.И.Брежнев уехал в ГДР и вернулся лишь после того, как 10 октября свое согласие дал Малиновский.

На смещение Хрущева был согласен и член Военного Совета Белобородов. Подготовлен к этому решению был и основной костяк членов ЦК.

Таким образом, все были готовы снять Хрущева. Поэтому я утверждаю, что не было никакого заговора!

В связи с фильмом «Серые волки» я и Николай Месяцев обо всем этом хотели поведать журналистам, пригласив на встречу с нами работников КГБ, членов семей Хрущева и Микояна, но у пресс-службы Комитета безопасности России не хватило смелости организовать такую конференцию.

Октябрьский пленум

Заседание Президиума ЦК КПСС с обсуждением вопроса о Н.С.Хрущеве и его дальнейшей судьбе было решено провести 13 октября. Хрущев в это время был в отпуске в Пицунде, что несколько упрощало Для оппозиционной группы в Политбюро положение и сводило опасность неожиданного развития событий к оптимальным границам.

11 октября в Москву возвратился Брежнев, 12 октября приехал Подгорный.

Перед КГБ стояла задача обеспечить спокойный и гладкий ход событий. О том, что должно произойти, я информировал своих заместителей и начальников разведки и контрразведки, начальника Девятого управления. Кроме них на Лубянке об этом знали еще несколько высокопоставленных сотрудников.

«Проблематичных» в этом плане чекистов оставалось примерно пять или шесть десятков. Именно столько их было в команде, обеспечивающей личную охрану Хрущева, которая находилась в это время вместе с ним на Черном море. Формально они неизменно были в моем подчинении, однако в случае если бы высший представитель отдал им другую команду, они не могли его ослушаться.

Разработали мы также план обеспечения порядка в столице и особенно в Кремле, где и должна была развернуться дискуссия на Президиуме ЦК, а затем и работа пленума. Здесь помогло и московское управление. Все работали с пониманием и добросовестно.

В это время наша военная контрразведка и контрразведывательные подразделения Московского округа получили приказ строго следить за любым, даже самым малейшим движением войск в округе и при передвижении их в сторону Москвы немедленно сообщить в КГБ.

Пришло время действовать!

12 октября все собрались на квартире у Леонида Ильича Брежнева.

Ему предстояло позвонить Никите Сергеевичу в Пицунду и вызвать последнего в Москву для участия в заседании Президиума.

Дрожащего Брежнева нам пришлось к телефону буквально тащить — такой страх он испытывал от сознания того, что именно ему приходится начинать всю акцию. Вызвали Пицунду и стали ждать (связь обеспечивали мои люди). Наконец на другом

конце провода раздался голос Хрущева.

Брежнев начал очень неуверенным голосом убеждать Хрущева приехать в Москву на заседание Президиума: необходимо обсудить его записку по сельскому хозяйству.

— Эти вопросы могут и подождать, — неожиданно для нас всех ответил Хрущев. — Обсудим их вместе после моего возвращения из отпуска.

На этом он намеревался разговор закончить.

Мы стояли, столпившись, рядом с Брежневым. Выражение лиц Подгорного, Суслова, Полянского, Шелепина и других выдавали их внутреннюю напряженность: что теперь Леонид Ильич сделает? Мы стали подсказывать, чтобы Брежнев настаивал.

— Нет, Никита Сергеевич, — Брежнев придал своему голосу решительный тон. — Мы уже решили. Заседание созвано. Без вашего участия оно не сможет состояться.

Хрущев был несколько удивлен, однако ясного ответа не давал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Мы здесь подумаем с Анастасом.

Я отправился в свой кабинет на Лубянку, и каждый час Брежнев названивал мне: есть ли новости?

Только в полночь дежурный по правительственной охране доложил, что Хрущев затребовал правительственный самолет в Адлер, ближайший к Пицунде аэропорт, к шести часам утра следующего дня.

Я немедленно передал эту информацию Брежневу. Тот обрадовался. Было ясно, что Никита Сергеевич прилетит, а вместе с ним прибудет и председатель Президиума Верховного Совета Микоян.

Предусмотрительно я отправил в отпуск начальника личной охраны Хрущева Литовченко.

Из аэропорта в Адлере правительственный самолет поднялся в воздух около десяти часов утра 13 октября. Я сообщил Брежневу, что Хрущев прилетит в Москву примерно в полдень, и спросил, кто поедет его встречать. Было принято, что первого секретаря обычно встречают все члены Президиума, а также много других функционеров.

— Никто не поедет, — неуверенно ответил Брежнев. — Поезжай сам.

Тогда я спросил, как мне себя во время встречи вести.

— Решишь все на месте, — отделался он от меня короткой фразой.

Задавать дальнейшие вопросы было бы напрасно.

Я отправился в аэропорт «Внуково-2», пытаясь представить себе, как же дальше станут развиваться события. Еще до того, как колеса самолета коснулись посадочной полосы, выяснилось, что столкновения с охраной или ка-кого-либо насилия не будет: из Пицунды сообщили, что Хрущева сопровождают только пять членов его личной охраны.

Аэродром был совершенно пуст. Вскоре после меня во Внуково прибыли еще несколько человек из Девятого управления, но те по моему указанию встали так, чтобы их не было видно. Прибыл и секретарь Президиума Верховного Совета Георгадзе, чтобы встретить своего шефа — Микояна.

Я шел по гигантскому бетонному полю. Разные мысли проносились у меня в голове. Хотя мне довелось видеть Хрущева во всевозможных ситуациях, но эти минуты, я понимал, были историческими. В памяти всплыла самая первая наша встреча в его киевском кабинете. Смущенный юноша, стесняющийся подойти к столь большому человеку, который к тому же позвал его неожиданно, сразу же после ужина с делегатами… Сколько воды утекло с той поры!

О том, что именно эта наша встреча на аэродроме станет вообще последней, я тогда еще не знал. Однако какое-то предчувствие у меня было.

К тому времени Никита Сергеевич Хрущев стал уже иным. Изменился и я.

Посматривая в небо, я старался подавить в себе новые, хотя и умеренные моральные сомнения. Обо всем я уже подумал раньше и делал все, чтобы справиться со своими противоречивыми чувствами. Ведь должно же было случиться то, что лучше для партии и всей страны! А это важнее сантиментов личного характера. Но и у меня было сердце не из камня, и чувство сомнения терзало мою душу.

Необходимость принятия конкретного решения в конкретный момент всегда связана с немалым напряжением и долей неуверенности. Но что лучше: отказаться от ответственности и тем самым избавить себя от сомнений или стоять в стороне и смотреть, кто возьмет верх? Нет, я не отношусь к людям такого рода. Да и пост я занимал, на котором плоды успеха не пожинают нерешительные…

Наконец в небе появился самолет. Маленькая точка все увеличивалась и увеличивалась. Рев моторов становился сильнее и сильнее. Когда машина приземлилась, шум утих, в корпусе

самолета открылась маленькая дверца.

Никита Сергеевич Хрущев и Анастас Иванович Микоян появились на площадке трапа и стали спускаться вниз.

— А где остальные? — спросил Хрущев.

— В Кремле. Ждут вас.

Никита Сергеевич глянул на меня, но ничего не сказал.

— Вы будете обедать дома или в Кремле присоединитесь к остальным? — нарушил я тишину вопросом.

— Они уже поели?

— Наверное, нет. Ждут вас.

Потом они обменялись парой фраз с Микояном.

— Поедем в Кремль, — решили вместе.

Затем оба сели в «Чайку» и направились к центру города.

— Поехали за ними, — сказал я своему шоферу и про себя воздал хвалу судьбе за то, что она помогла мне все провести так гладко.

И только в пути я осознал, что допустил маленькую оплошность. За несколько дней до этого перепуганный Брежнев посоветовал мне для предосторожности — против обыкновения — брать с собой телохранителя. Телохранителем был всего один офицер, одетый к тому же в штатское.

Мы, не спеша, двигались по Внуковскому шоссе к городу. Обычно я сидел рядом с водителем, а теперь мое место занимал охранник.

Телохранители Хрущева обратили на это внимание и занервничали. Они все чаще стали оборачиваться, чтобы глянуть на нашу машину. Один раз обернулся и сам Никита Сергеевич.

— Притормозите, — сказал я водителю, стараясь избежать неприятностей.

Несколько минут мы переждали у края шоссе, а потом двинулись дальше.

Я снял телефонную трубку и сообщил о прилете первого секретаря человеку, ожидавшему моего звонка за кремлевскими стенами.

Как только Хрущев и Микоян прибыли на место и Никита Сергеевич закрыл за собой двери зала заседаний, я отдал еще несколько распоряжений. Прежде всего отыскал майора, который в это время заменял в Кремле Литовченко, и сказал ему значительно:

— Сейчас я меняю охрану в приемной Никиты Сергеевича, на его квартире и на даче. И ты давай со своей командой — в сторонку. Это решение Президиума ЦК. Ты коммунист, я — тоже. Поэтому давай решение выполнять. О своей дальнейшей работе в органах безопасности не беспокойся.

— Товарищ председатель, — немедленно отреагировал майор. — Я офицер и коммунист. Все понимаю и сделаю так, как вы мне прикажете.

В общем, я принял все меры, чтобы охрана и связь на квартире, на даче, в машине Хрущева были замкнуты на начальника Девятого управления Чекалова и меня.

Новая охрана приступила к своим обязанностям. На этом свои главные задачи я выполнил. Не оставалось повода дольше находиться в Кремле. Остаток дня я провел в своем кабинете на третьем этаже здания на Лубянке…

Как шел разговор на Президиуме, мне потом подробно передали его участники, и прежде всего — Александр Николаевич Шелепин.

Заседание Президиума началось как обычно. Его открыл и председательствовал на нем сам первый секретарь Н.С.Хрущев.

— Вы хотели обсудить проблемы в моем присутствии. О чем речь? — начал он.

По разработанному ранее сценарию первым поднялся Леонид Брежнев. Он сообщил Хрущеву, что тема заседания — выяснение отношений в руководстве партии.

Вступительное слово сделал Брежнев, затем говорили все остальные.

Члены и кандидаты в члены Президиума, секретари Центрального Комитета партии — а никого другого в зале не было — вскоре сбросили маски, и начался откровенный разговор. Выступали один за другим несколько часов подряд. Прямо в глаза Хрущеву говорили о его ошибках. Кириленко сказал, что Хрущев за три года ни разу не по-звонил ему. Мазуров заявил, что на пленумах ЦК Хрущев противопоставлял рядовых товарищей руководящим партийным работникам, что в партии принижен уровень теоретической работы, в течение десяти лет в ЦК не был заслушан ни один обком партии. Суслов говорил о грубом попрании норм коллегиальности руководства. Гришин заявил, что целых четыре года Хрущев его не принимал. Полянский напомнил о возмутительных случаях показухи вроде известного «Рязанского дела» — трагически закончившейся аферы первого секретаря обкома партии Ларионова. Косыгин обвинил Хрущева в натравливании одних членов Президиума на других, в том, что он подменял решения Президиума многочисленными «записками», которые вызывали шараханье в стране от одной проблемы к другой. «До какой жизни мы дошли, — возмущался Брежнев, вклинившись в выступление Косыгина, — если прием Косыгиным посла любой страны должен заранее обговариваться с

Хрущевым, а если он встречался без вашей санкции, получал выговор!»

Шелепин критиковал сельскохозяйственную политику Хрущева, говорил, что проводимое Хрущевым разделение партийных организаций на промышленные и сельские является грубейшим нарушением ленинских принципов. Он упрекал Хрущева в том, что в ЦК никогда не обсуждаются кадровые, военные и идеологические вопросы.

Шелепин упомянул и о действиях Хрущева в обход решений ЦК. Например, договорились о награждении Насера орденом «Дружбы народов», но Хрущев стал настаивать на присвоении тому звания Героя Советского Союза, и Президиум вынужден был с этим согласиться. Хрущев пообещал наградить и Амера в Алжире, о чем послал шифровку в Москву. А когда Москва заявила, что это нежелательно, он своей волей наградил его, а заодно и Бенбелу! Шелепин отметил также, что неправильным было и присвоение звания Героя Социалистического Труда сыну Хрущева — Сергею, упомянул о дорогостоящих семейных поездках главы партии за границу. Он указал также на ряд крупнейших внешнеполитических ошибок Хрущева, в результате которых наша страна трижды стояла на грани войны: Суэцкий, Берлинский и Карибский кризисы. Напомнил, что срыв работы Парижской конференции в верхах — это тоже вина Хрущева.

Почти все выступавшие отмечали, что в печати, по радио и телевидению усиленно насаждается культ личности Хрущева.

Микоян, хотя и поддержал критику в адрес Хрущева, высказался за его отставку лишь с одного из двух занимаемых им постов. Однако это предложение не было принято.

Интересно, что критические выступления были не только в адрес Хрущева. Началась полемика между присутствующими. Резко критиковали Полянского и Ефремова.

Сначала Хрущев пытался сразу отвечать на критику, и отвечать довольно резко, но под напором выступающих перестал перебивать их и даже как-то успокоился.

Дебаты длились до восьми часов вечера, но и этого времени оказалось недостаточно, чтобы поставить все точки над «¡». Заседание было перенесено на утро следующего дня.

Вечером позвонил мне Брежнев и усталым голосом сообщил, что «на сегодня» заседание Президиума закончилось.

— Что делать? Неужели отпускать Никиту?

— Пусть отправляется, куда хочет, — ответил я спокойно. — Он ничего уже сделать не может: все под контролем.

Хрущев поехал домой.

Тем временем в Москву начали съезжаться члены

Центрального Комитета. Накануне их обзвонили: мол, в эти дни им неплохо бы оказаться в Москве — решено провести пленум ЦК. Они получили общую информацию о заседании Президиума, однако о конкретных результатах никому из них по-прежнему ничего не было известно.

Этой ночью спать мне не пришлось. Среди членов ЦК началось брожение: с кем идти, за кем идти? Непрерывно звонил телефон. Всем, кто обращался с вопросами ко мне, я отвечал, что информации о деталях обсуждения не имею.

Утром следующего дня мне доложили, что Хрущев прибыл в Кремль и заседание Президиума продолжено. Хрущев казался более уравновешенным, тем не менее дискуссия длилась еще несколько часов.

Напряженность продолжала нарастать, что могло привести к неожиданным событиям. Поэтому, где-то в середине дня, я позвонил в Кремль и попросил позвать к телефону Брежнева. Тот откликнулся немедленно. Я сказал ему:

— Продолжение дискуссии никому не идет на пользу: в зал может заявиться какая-нибудь делегация — спасать либо вас, либо Хрущева.

— Что предлагаешь? — тревожно спросил Брежнев.

— Я за то, чтобы пленум собрался сегодня же. Еще одну ночь я не смогу контролировать ситуацию.

Брежнев посоветовался с остальными и через полчаса сам мне позвонил:

— Пленум откроется в шесть вечера. Мы договорились, что те, кто еще хочет выступить, получат по пять минут, а затем подведем черту.

Шелепин рассказывал мне позже, что в конце заседания выступил Хрущев. Ниже я привожу текст его речи в сокращенной записи Шелепина.

«Вы все много говорили о моих отрицательных качествах и действиях. Говорили также о моих положительных качествах, и за это вам спасибо. Я с вами бороться не собираюсь, да и не могу. (И тут у него на глаза навернулись слезы.) Я вместе с вами боролся с антипартийной группой. Вашу честность я ценю. Я по-разному относился к вам и извиняюсь за грубость, которую допускал в отношении Полянского, Воронова и некоторых других товарищей. Извините меня за это.

Я многого не помню, о чем вы говорили, но главная моя ошибка состоит в том, что я проявил слабость и не замечал порочных явлений. Я пытался не иметь два поста, но ведь эти два

поста дали мне вы! И несмотря на то, что я талантливый человек, считаю это неправильным. Ошибка моя в том, что я не поставил этот вопрос на XXII съезде КПСС. Я понимаю, что я за все отвечаю, но я не могу все читать сам. Что касается совмещения постов первого секретаря ЦК и председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, то я считаю, что эти посты и впредь следует совмещать в одном лице.

Что касается Академии наук СССР, то признаю, что допустил в отношении нее ошибку, за что извиняюсь. Вместе с тем считаю, что в таком виде Академия нам не нужна. Кто-то здесь говорил, что в свое время Лысенко загубил Вавилова. Это неверно! Поручите КГБ — пусть Комитет разберется с этим делом и даст официальную справку.

Много здесь говорили о кукурузе, но имейте в виду, что кукурузой и впредь придется вам заниматься.

О Суэцком кризисе. Да, это было опасно, но получилось-то хорошо!

Берлинский кризис действительно поставил страну на грань войны. Я допустил ошибку, но вместе с тем горжусь, что все хорошо было сделано и так хорошо закончилось.

Что касается Карибского кризиса, то да, я был инициатором. Этот вопрос мы обсуждали несколько раз, но решения не приняли — все откладывали.

В отношении разделения обкомов партии на промышленные и сельские я считал и сейчас считаю, что решение об этом было принято правильно.

Я понимаю, что меня, моей персоны уже нет, но я на вашем месте мою персону сразу не сбрасывал бы со счетов. Выступать на пленуме ЦК со слезами на глазах я не собираюсь. Я расклеился. Я не прошу у вас милости. Уходя со сцены, повторяю: бороться с вами не собираюсь и „обмазывать“ вас не буду, так как мы единомышленники. Я сейчас переживаю и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность первого секретаря ЦК и говорить полным голосом…

Разве я „культ“? Вы меня кругом обмазали г…, а я говорю: „Правильно“. Разве это культ?! Сегодняшнее заседание Президиума ЦК — это победа партии.

Я думал, что мне надо уходить. Но жизнь цепкая. Я сам вижу, что не справляюсь с делом, ни с кем из вас не встречаюсь. Я оторвался от вас. Вы меня сегодня за это здорово критиковали, да я и сам страдал из-за этого.

Но я в кости или в бильярд никогда не играл — всегда был на работе.

Я благодарю вас за предоставляемую мне возможность уйти в отставку. Жизнь мне больше не нужна. Прошу вас, напишите за меня заявление, и я его подпишу. Я готов сделать все во имя интересов партии. Я сорок шесть лет в партии состою — поймите меня. Я думал, что, может быть, вы сочтете возможным учредить какой-либо почетный пост. Но я вас не прошу об этом.

Где мне жить, решите сами. Я готов, если надо, уехать куда угодно.

Еще раз спасибо вам за критику, за совместную работу в течение ряда лет и за вашу готовность дать мне возможность уйти в отставку».

Конечно же, Никита Сергеевич Хрущев переживал очень тяжелые минуты. Но он попросил, чтобы его не заставляли выступать на пленуме:

— Могу расплакаться, все запутаю. Все это на таких форумах ни к чему.

В 18 часов того же дня в Свердловском зале московского Кремля открылся пленум ЦК КПСС. Здесь всегда проходили пленумы, однако на этот раз атмосфера была иная.

Заседание открыл Брежнев. Доклад о результатах заседания Президиума ЦК сделал Суслов. Он говорил примерно два часа.

Суслов перечислил все ошибки и недостатки уходящего руководителя и сообщил собравшимся, что Никита Сергеевич Хрущев подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК партии и члена Президиума.

Председательствующий Брежнев сообщил, что Хрущев выступать не будет, и спросил, надо ли открывать прения. Зал хором закричал: «Нет!» Никто из участников пленума слова не попросил.

Вполне вероятно, что некоторые члены Президиума побоялись открывать прения, опасаясь, что кое-что из обвинений может быть адресовано им самим.

Суслов зачитал проект постановления об освобождении Н.С.Хрущева со всех постов «по состоянию здоровья». Хрущева вывели из состава Президиума, но из ЦК его не выводили, оставили ему охрану.

Постановление было принято единогласно. Самые рьяные льстецы, которые всегда поддерживали лишь тех, кто был в силе, и ныне, подробно разузнав заранее, куда дует ветер, проявили себя, подняв гвалт: «Исключить его из партии! Отдать под суд!»

Я молча смотрел в зал, вглядывался в перекошенные от крика лица и думал: «Согнутых спин надо всегда опасаться пуще всего». Подумать только, ведь именно эти люди еще совсем недавно не

смели глаз поднять на Хрущева! Сегодня они отвернулись от него, но так же отнесутся к любому, кто окажется вне власти…

Леонид Ильич Брежнев был единогласно избран новым первым секретарем ЦК КПСС. Спокойно, без дискуссии и без вопросов.

Председателем Совета Министров СССР стал Алексей Николаевич Косыгин.

Когда пленум закончился, в комнате, где обычно собирались члены Президиума ЦК, Хрущев попрощался с каждым за руку. Подойдя к Шелепину, произнес:

— Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной.

Эти его пророческие слова сбылись.

Уместно здесь было бы напомнить, что, когда снимали со своих постов Молотова, Маленкова и Кагановича, их попросили покинуть зал заседаний сразу после принятия решения об их освобождении, и никто с ними даже не попрощался. Да и в Москве никого из них не оставили.

В мою память о тех днях врезалась одна своеобразная деталь. Хотя до самого последнего мгновения Брежнев нервничал и испытывал определенный страх, он тем не менее предвкушал желанный успех. Еще до начала пленума он высказал свое первое желание будущего «вождя»: хотел бы, чтобы, когда он войдет в зал, пленум встал.

— Ты что-нибудь соображаешь? — не скрывал своего изумления его друг, заведующий административным отделом Центрального Комитета Миронов, рассказывая мне об этой брежневской просьбе. — Какие барские замашки, а?

Тогда и мне все это показалось странным. Однако понять, что к чему, мне самому пришлось довольно скоро…

Впервые в послереволюционной истории и в практике прежних времен высший советский руководитель был законно отозван со своего поста. Это поразило весь мир.

Однако в некоторых странах восприняли происшедшее как попытку вернуться к сталинской практике. Ни в коем случае! Цель была, как я уже отмечал, в другом: вернуться к правильному курсу, избранному партией и всей страной после 1956 года, перейти к коллективным формам руководства, построить еще более справедливое общество. К сожалению, замыслы так и остались замыслами.

Однако в любом случае — я настаиваю на том! — отзыв

Хрущева с высших должностей был произведен в полном соответствии с действовавшим тогда Уставом Коммунистической партии Советского Союза. Это был не «заговор», не «переворот», как пытались и пытаются доказать наши противники.

КГБ работал, как хорошо отлаженный часовой механизм. Он нигде без нужды не светился и свою главную задачу видел в обеспечении спокойствия, порядка и безопасности. И выполнил эту задачу столь аккуратно и безболезненно, как, пожалуй, никогда раньше.

В моем собственном сознании ничего не меняет тот факт, что у нового руководства партии и государства все это не вызвало ни признания, ни уважения. Более того, даже обернулось против меня.

И тем не менее я горжусь всем этим и по сей день.

В главной роли Леонид Брежнев

Тех, кто после смены руководства страны высказывал свое несогласие со сделанным выбором, оказалось мало, можно сказать, ничтожное число. Это удивило как меня, так и других общественных деятелей, занимавших значительные посты в государстве.

Громогласных протестов, организованных или стихийных, просто не было. Это только лишний раз подтвердило наш первоначальный вывод, основанный на предположении, что свой прежний авторитет и в партии, и в обществе, приобретенный Хрущевым в пятидесятых годах, он потом терял и наконец утратил окончательно. И все-таки, несмотря на это, мы ожидали, что волнений вокруг его отзыва с поста будет больше.

Л.И.Брежнев поначалу представлялся партийному активу как человек на своем месте: был внимательным к людям, шел им навстречу, умел вызвать симпатию окружающих.

Впервые я с ним встретился вскоре после войны, в то время, когда возглавлял в Киеве украинскую республиканскую комсомольскую организацию.

Брежнев тогда только что получил генеральское звание, однако военную карьеру делать не собирался: занялся политикой, став первым секретарем Запорожского и Днепропетровского обкомов партии. Когда мы с ним познакомились в 1947 году, его только что избрали первым секретарем обкома в Днепропетровске. Ему уже стукнул сорок один год, мне было на целых восемнадцать лет меньше. Он захотел со мной встретиться, чтобы посоветоваться по вопросам работы среди молодежи.

На взгляд Хрущева, за Брежневым нужен был глаз да глаз. Он считал, что Брежнева лучше всего держать под контролем, не выпускать из поля зрения. «Когда из него высекают искры, — говорил Хрущев, — вот тогда он работает хорошо». Это его дословное выражение.

Тогда мне еще не доставало знаний человеческих характеров, чтобы понять всю глубину такого суждения, однако много лет спустя, к сожалению, в то время, когда над Брежневым сверху уже никого не было и контролировать его, следовательно, было некому, я вспоминал эти хрущевские слова.

После того как Брежнев оставил Украину, он шел к власти следующим образом: с 1950 года — секретарь ЦК КП Молдавии, в 1954 — 1956-м — сначала второй, а позже первый секретарь ЦК КП Казахстана. Где-то в промежутке он на какое-то время возвратился на военную, а скорее — военно-политическую

работу, став заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота.

В составе ЦК КПСС его имя впервые появилось еще при Сталине, в 1952 году, после XIX съезда партии, но его пребывание в ЦК тогда было краткосрочно и еще не было связано ни с большим влиянием, ни с серьезной властью. Снова он появился как кандидат в члены Президиума ЦК в переломном 1956 году. На следующий год, когда осуществлялась политическая ликвидация антипартийной группы, Брежнев стал в Президиуме полноправным членом и постепенно занял близкую к Хрущеву довольно влиятельную позицию. Своим крутым подъемом наверх он был обязан, так же как Подгорный, Шелепин, я и ряд других, именно Никите Сергеевичу.

Несмотря на то что эра «брежневского правления» в целом обернулась для нашей страны весьма негативно, на вопрос, существовал ли в 1964 году на место Хрущева иной кандидат, ответ только один: нет, не существовал. Фигура Брежнева в то время была единственной и вселяла большие надежды.

Для его политического веса и заслуг было весьма важно то, что он с самого начала и до конца прошел дорогами Великой Отечественной войны. Затем его личный рост питался опытом, полученным на партийной работе в трех союзных республиках. За его спиной был и опыт руководства военно-промышленной комиссией при Президиуме ЦК КПСС. В какой-то мере следует приплюсовать ему и определенную заслугу в начальных успехах советской космонавтики, дальнейшем развитии атомного оружия, создании водородной бомбы и общей модернизации вооружений. Он был председателем Президиума Верховного Совета СССР, то есть занимал второй по значимости пост в Советском государстве.

Работой на всех этих ответственных постах Брежнев занимался не формально. Он с пониманием, с каким-то чутьем подходил к решению важных проблем, не однажды проявлял необходимое знание дела. С этой точки зрения его характеристика, в сравнении с характеристиками других возможных преемников Н.С.Хрущева, представлялась наиболее выигрышной.

Конкурировать с Брежневым не могли ни Суслов, ни Подгорный. Суслов к тому же достаточно хорошо осознавал свой потолок. Он так его и держался, дальше забираться не отваживался.

Последним из тех, кого можно было назвать кандидатом на высокий пост в государстве, был заместитель Хрущева в Совете Министров — Алексей Николаевич Косыгин (он со временем и заменил Никиту Сергеевича именно там, и отлично заменил).

Мне казалось, что он сам не стремился к подобной вершине. Его интерес был направлен прежде всего на поиски возможных научных путей в решении экономических проблем. Знающий экономист, прекрасный финансист, он как политик был слабее, старался не ввязываться в дискуссии по чисто политическим вопросам.

Косыгин был очень образованным человеком, ко всему подходил взвешенно и рассудительно, однако за свою правду, свои убеждения далеко не всегда умел бороться, до конца, уходил от острых вопросов. Не раз случалось, что он легко сдавался и выжидал, чем завершится битва. По этой причине ряд людей в то время не поддержал бы кандидатуру Косыгина.

Несмотря на все существовавшие тогда в Советском Союзе проблемы, Леонид Брежнев принимал совершенно иную страну, чем та, что досталась его предшественнику Хрущеву. Брежнев возглавил консолидированное государство, находящееся на подъеме. Он чувствовал себя намного свободней: значительно был сужен круг нерешенных проблем.

На заседаниях Политбюро, иных встречах и совещаниях он вел себя намного приличнее, нежели это делал Хрущев. Брежнев не кричал, не оскорблял. Обычно поступал он так: ставил проблему, а пути к ее решению искал в ходе дискуссий.

Брежнев довольно быстро отблагодарил участников октябрьского переворота: уже через месяц Шелест был переведен в члены Президиума ЦК, кандидатами стали Демичев, на следующий год — Мазуров и Устинов.

Поначалу было впечатление, что Леонид Ильич очень высоко оценивал поддержку КГБ и обоих его председателей — предшествующего и нынешнего.

Александр Николаевич Шелепин стал членом Политбюро вместе с Шелестом, в отличие от него не прошел кандидатского стажа, что было тогда не совсем обычно. Конечно, Шелепина нельзя было сравнивать с авторитетными и такими опытными руководителями, как Брежнев, Суслов или Косыгин, но уважение к нему в партии росло, и довольно быстро.

Где-то мне довелось прочитать, что, мол, сам Хрущев намеревался сделать Шелепина своим преемником. Такое утверждение ни на чем не основано. Хрущев очень ценил Шелепина за его честность и несгибаемый характер. Александр Николаевич ответственно и самоотверженно выполнял свои служебные обязанности. Он стремился быть и строгим, и справедливым, и не позволял оказывать на себя давление ни посулами, ни угрозами.

Однако в 1964 году Шелепин не мог заменить Хрущева хотя

бы только потому, что он не был членом Президиума ЦК КПСС, а без этого в то время на первую роль в государстве никто не мог претендовать. Ведь еще совсем недавно Шелепин руководил комсомолом и не имел достаточного опыта государственной деятельности. Равно как и я, Шелепин не мечтал о большой карьере в будущем.

Те, кто хотел бы бросить пятно на этого человека, вытащили на свет сплетню, что якобы в молодости на вопрос, кем он хочет в жизни стать, Шелепин ответил: «Вождем».

Я знал Шелепина лучше всех, и мне хорошо известно, сколь лживы на самом деле подобные утверждения. Шелепин не был человеком наполеоновского типа. Он не испытывал желания добиться власти. По своим политическим амбициям не выделялся среди других. Однако его отличало чувство ответственности. Он всегда требовал соблюдения действовавших тогда правил, законов, соответствия провозглашенным принципам. Именно поэтому он, как в свое время Дзержинский, заработал в придачу к своему имени определение «железный».

Меня же Брежнев за безукоризненное проведение всей «октябрьской акции» хотел наградить высоким государственным орденом. Я его от этого шага удержал. Это было бы на руку тем, кто пытался поставить под сомнение законность снятия Хрущева. Ведь произошло лишь то, что, согласно логике развития партийной жизни и уставу партии, должно было произойти. И что, как я надеялся, будет происходить и в будущем всякий раз, когда лидер партии, государства вступит на ложный путь. Воспрепятствовать ему в этом — всего лишь необходимость и обязанность, а вовсе не какая-то особая заслуга.

Авторитет органов КГБ и мой лично, в связи с действиями КГБ при освобождении Никиты Сергеевича Хрущева с занимаемых им постов, значительно вырос.

Действительно, органы КГБ сработали четко, действовали слаженно, не допустили сбоев, трений, а самое главное, не произошло утечки информации о готовившихся мерах по смене руководства партии и государства.

Потеплели у меня отношения с членами Президиума ЦК, Министерства обороны, руководителями республик и областей.

Однако я по-прежнему стоял ногами на земле и не давал голове закружиться. «Не задирай нос, — говорил я себе, — но и знай себе цену».

Я считал себя человеком нового поколения, стремящегося к обновлению, к постепенному улучшению деятельности партии и органов Советской власти. Но я далек был от мысли о

перестройке основ нашего существования, о радикальном сломе отношений, о принципиальных, резких поворотах.

Система, сформировавшаяся в сталинские времена, уже в значительной мере изменилась благодаря Хрущеву.

Но вот мои отношения с Леонидом Ильичом Брежневым сложились совсем не так, как с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Лично я ничем не был обязан Брежневу и потому в общении с ним мог вести себя намного свободнее.

Однажды раздался телефонный звонок. Звонил Брежнев и после короткого разговора неожиданно спросил меня:

— А не пора ли тебе перейти в нашу когорту?..

Я и по сей день точно не знаю, что Брежнев имел в виду под «нашей когортой» и какой, собственно, новый пост он хотел мне предложить. Могу только догадываться, что речь могла идти о месте менее влиятельном, но довольно почетном: одного из секретарей Центрального Комитета партии или же заместителя председателя Совмина СССР.

В иных обстоятельствах я, может быть, и согласился бы. Однако в той конкретной ситуации ответил сразу же:

— Рано, Леонид Ильич. До вашей когорты я еще не дорос, да после недавних больших событий мне надо спокойно завершить в органах то, что, придя на Лубянку, я поставил перед собой как цель.

По правде говоря, аргумент, что я, мол, еще не дорос, был в какой-то мере лукавством. Хотя мне и было тогда всего сорок.

По размышлению я понял, что Брежневу был нужен не я, а мое место. Переведя меня на другую работу, он освободил бы мое место для человека, которому он не был бы чем-то обязан, который слушался бы его во всем и не знал о его всякого рода недостойных поступках.

Все эти соображения я многократно прокрутил в голове и пришел к выводу, что возможным кандидатом на мое место в КГБ мог стать заведующий отделом административных органов ЦК Николай Романович Миронов. Человек он был ершистый, но с Брежневым во всем соглашался. Главное: он был из Днепропетровска, работал там вместе с Брежневым и числился в его резерве на выдвижение.

Однако в октябре 1964 года случилось несчастье. Самолет с военной делегацией летел на торжества по случаю двадцатой годовщины освобождения Югославии от фашизма. При посадке в Белграде самолет рухнул на землю. Погибли все, в том числе глава делегации, начальник Генерального штаба Советской

Армии маршал Сергей Семенович Бирюзов. Миронов тоже погиб в той катастрофе…

Новых предложений от Брежнева мне больше не поступало…

Кроме Запада нас, разумеется, интересовало прежде всего то, как отнесутся к смещению Хрущева социалистические страны. Из-за напряженного развития событий мы не могли, естественно, заранее проинформировать руководителей этих стран о готовящихся переменах и сделали это лишь потом, когда изменения в высших эшелонах власти СССР уже произошли. Однако некоторые руководители в социалистических странах такие наши действия объясняли по-своему, видя в них проявление недоверия или по меньшей мере явного безразличия нового советского руководства к их мнению.

Наиболее выразительный пример такого «обиженного» являл собой чехословацкий президент Антонин Новотный, который с 1953 года был одновременно и первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии. Чувство горечи у него было приумножено еще и тем фактом, что всего за несколько недель до октябрьского пленума, в конце августа — начале сентября 1964 года, Никита Хрущев посетил Прагу и Новотный вместе со своим окружением восславлял «великого» и почти непогрешимого вождя мирового социалистического содружества. Последовавшее затем падение Хрущева поставило Новотного у себя на родине в весьма затруднительное положение.

Шестидесятилетний чехословацкий руководитель прежде не отличался слишком решительными действиями и Москве обычно не противился, но тут он повел себя иначе. Он передал Брежневу, чтобы тот особенно не спешил нанести визит в Прагу, потому что столь неожиданные перемены в СССР чехословацкая общественность воспринимает с непониманием.

Советское руководство всегда выделяло Чехословацкую Социалистическую Республику вместе с Германской Демократической Республикой как наиболее развитые организации СЭВ и Варшавского договора. Раздраженная реакция А.Новотного была вызвана не только отношением чехословацкой общественности к замене высшего советского руководителя. Сам президент, вставший во главе чехословацкой компартии еще до двадцатого съезда советских коммунистов, понимал, что конец одной эпохи в Москве, замена ее политикой иного толка ускорят решение вопроса о необходимости омоложения руководства и в его собственной стране.

Подобные чувства, бесспорно, испытывали и два других ведущих политических деятеля того же региона — Вальтер

Ульбрихт, первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, которому был уже семьдесят один год, и пятидесятидевятилетний первый секретарь Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка.

Разделенный на Восточную и Западную части Берлин был горячей точкой на европейском континенте в течение всей «холодной войны». Возведение в 1961 году Берлинской стены, хотя частично и решило проблему эмиграции восточных немцев на Запад и сократило возможности идеологической диверсии против стран социалистического лагеря, главной проблемы — международного дипломатического признания ГДР — решить не могло. Угрозы Хрущева, что Советский Союз в этом вопросе будет действовать в одностороннем порядке, наталкивались на жесткое сопротивление Запада. Ведь любая наша попытка такого рода означала для противников, кроме дальнейших осложнений с доступом в Западный Берлин, вероятность возникновения новых блокад типа той, что имела место в июне 1948 года. Тогда, после перекрытия подхода в Берлине к французской, британской и американской оккупационным зонам, американцам пришлось снабжать город, находившийся примерно в двухстах километрах от границ Западной Германии, всем необходимым при помощи авиации.

К тому же В.Ульбрихт был человеком старой закалки, консервативным и несговорчивым. Вместо того чтобы содействовать сближению обоих немецких государств, активно искать компромиссные решения, он твердо удерживал старые позиции времен начала «холодной войны». Его не слишком общительный характер не только не способствовал уменьшению опасности обострения отношений, а наоборот, увеличивал ее.

И хотя Хрущев и Ульбрихт были людьми одного поколения, Никита Сергеевич говорил о своем немецком товарище по борьбе чаще всего снисходительно.

Возможности Ульбрихта руководить страной ограничивались и частыми болезнями, которые на длительное время выводили его из строя. Поэтому первые разговоры о том, кто в случае необходимости мог бы заменить Ульбрихта, начались давно, еще в пятидесятые годы. Разумеется, это не делалось публично или официально.

Немцы испокон веков отличались большой дисциплинированностью. Не изменилось в этом плане ничего и на этот раз. Такие явления, как закулисные схватки, тайное политиканство, в Берлине проявлялись не часто. Подчиненные Ульбрихта терпеливо ожидали, когда их вождь сам даст

соответствующий сигнал, когда он собственным умом дойдет до понимания того, что ему пора отойти в сторону. Но Вальтер Ульбрихт ничего подобного делать не собирался.

Однако уже тогда, во время болезни Ульбрихта, его замещал человек, который впоследствии и заменил его на посту первого секретаря. Имя Эриха Хонеккера стало известным еще в пятидесятые годы. Он принадлежал к числу основателей Союза свободной немецкой молодежи, а в 1946–1955 годах им руководил.

Именно в это время я как второй секретарь ЦК комсомола встретился и познакомился с ним впервые. Еще будучи молодежным вожаком, Хонеккер был избран кандидатом в члены ЦК СЕПГ, а в 1958 году стал членом и секретарем ЦК. Перед ним открывались широкие политические перспективы, что понимали как берлинские, так и московские ведущие политики.

Однако мы никогда не пытались ускорить события в высшем руководстве ГДР. Как и сами восточные немцы, мы также ждали сигнала от самого Ульбрихта. Не пытались мы и давать понять, что «ставим» на Хонеккера. Повода для возникновения раздоров мы не дали даже тогда, когда Хонеккер в критике действий Ульбрихта стал жестче, особенно это касалось экономической области. В результате всех этих обстоятельств Ульбрихт на своем посту пережил и меня, и Хрущева: Хонеккер заменил его только в начале семидесятых годов.

Перемены в польском руководстве в 1964 году были бы намного более чувствительными, чем у восточных немцев. В памяти все еще оставался 1956 год с его тревожными событиями. Тогда Владислав Гомулка пришел к руководству страной при весьма бурных обстоятельствах и за последующие восемь лет многое в своих взглядах переменил. Он стал склоняться к консервативным методам руководства.

Католическая Польша с ее сельскохозяйственной основой была к тому же слабым звеном социалистического содружества. Запад хорошо понимал: если он захочет в один прекрасный день подорвать Варшавский договор или вообще его уничтожить, то именно в этой стране может рассчитывать на успех.

Поляки никогда не скрывали своего национализма, хотя путь от слов к делу, в нашем понимании, был бесконечно далеким. Советский посол в Варшаве А.Аристов, бывший в свое время секретарем ЦК КПСС, не раз старался доказать нашему руководству, что положение в Польше совершенно нормальное, что Гомулка пользуется у соотечественников большим авторитетом и вообще все обстоит так, как и должно быть.

У КГБ, однако, складывалась иная картина. Мы

информировали руководство о процессе созревания антигомулковской оппозиции, что могло бы иметь печальные последствия. В результате Аристов даже жаловался на меня, ссылаясь при этом на свои широкие контакты с членами польского Политбюро и другими функционерами. Ход событий все больше и больше ставил под сомнение утверждения советского посла. Во второй половине шестидесятых годов в Польше даже имели место новые волнения. Но Гомулка тогда у власти удержался. Политически он пережил Хрущева на полные семь лет.

Венгерский первый секретарь Янош Кадар принял сообщение о падении Хрущева, судя по всему, самым спокойным образом. Он всегда выглядел человеком уравновешенным и рассудительным, не изменил себе и в этот раз. Если бывало надо, он и раньше возражал и отстаивал свою позицию (чего, например, никак нельзя сказать о его болгарском коллеге Тодоре Живкове), но при этом всегда заботился о порядке и спокойствии в своей собственной стране, а не о том, чтобы произвести впечатление дешевыми и непродуманными политическими жестами.

Если после смерти Сталина, в период «оттепели», в Чехословакии, Польше, Венгрии произошли изменения, то после ухода Хрущева подобного не случилось, и это свидетельствовало о том, что жесткие взаимосвязи, позволявшие контролировать весь социалистический лагерь, несколько ослабли, что времена меняются.

Названные выше руководители стран Варшавского договора — прежде всего Владислав Гомулка, Вальтер Ульбрихт и Янош Кадар (в какой-то мере и Тодор Живков) — вместе с Леонидом Брежневым сыграли решающую роль в самом большом внутреннем кризисе, который постиг социалистическое содружество в шестидесятые годы, а можно сказать — и вообще в послевоенный период: ввод войск этих стран в Чехословакию в 1968 году.

Но я уже за всеми этими событиями следил, будучи в ином месте и на другой работе…

Мой друг Александр Шелепин

Наша дружба с Александром Николаевичем Шелепиным начала складываться в 1940-х годах на Украине. Но близкими друзьями мы стали после моего перевода в ЦК ВЛКСМ.

К нему многие набивались в друзья. Некоторые бывали запросто у него на квартире, лазали по шкафам и буфетам, как у себя дома.

Я не относился к таким друзьям и считал подобное поведение неприличным. Беспардонную демонстрацию близости я ни у себя не допускал, ни у других не переносил.

После того, что случилось с нами по воле Брежнева, все эти «друзья» Шелепина куда-то исчезли. Помню, как-то мы отдыхали вместе в доме отдыха Совмина, и там оказался такой «друг». Буквально через два дня он съехал — испугался, что его могут обвинить в дружбе с нами, «заговорщиками», как нас тогда именовали. А ведь этот человек своей карьерой во многом был обязан Шелепину.

Наши дачи на Николиной горе были рядом. Веселое было время: занимались спортом, шутили, разыгрывали друг друга. Часто объектами наших розыгрышей были Устинов, Засядько, Костоусов и другие. У нас в ЦК комсомола был особый отдел (потом общий отдел), и заместителем начальника отдела был Елигулашвили. Мы всегда звонили ему: «Ели-пили-гуляли?» Он отвечал на полном серьезе: «Слушаю». В ЦК ВЛКСМ такие розыгрыши были традицией, начало которой восходит еще к тому времени, когда первым секретарем был Романов.

Шелепин окончил Московский институт философии и литературы. Он был работоспособным, организованным, дисциплинированным человеком. Где бы он ни работал — в комсомоле, в КГБ или в Комитете народного контроля, он всегда отличался высокой требовательностью к себе и к людям. В то же время был очень скромным и щепетильным.

Как-то завхозы проводили ревизию на нашей даче. Они обнаружили, что в личном пользовании моей семьи находились казенные подушки. Когда Шелепину доложили об этом, он позвонил мне (а я в то время ведал финансово-хозяйственными вопросами в комсомоле) и потребовал отчета. Я — к жене:

— Как так получилось?

— Да они были еще до нашего приезда. Мы на них только наволочки надели.

Я вызвал хозяйственников, узнал у них цену подушек, оплатил их стоимость и просил вычеркнуть эти подушки из

ведомости.

Однажды у Шелепина дома испортился дверной замок. Он вызвал хозяйственника и просил починить. После починки настоял на оплате работы официальным порядком.

Н.С.Хрущев относился к Шелепину очень хорошо. Вообще-то и я, и Шелепин обязаны своей карьерой Хрущеву. Хрущев приблизил его к себе, доверял ему. Когда был создан Комитет партийно-государственного контроля, Шелепин стал его председателем, потом секретарем ЦК и заместителем председателя Совмина СССР, то есть совмещал три поста, имел большой вес и большую власть. Это он внес предложение заменить прежнее название на Комитет народного контроля.

Когда Шелепин работал в комсомоле, он был вице-президентом Всемирной федерации молодежи. После него это место занял я. На Западе был выпущен буклет с нашими фотографиями и биографическими справками. Через всю страницу буклета крупными буквами было напечатано: «Молодежь мира! Кто вами правит?» — намек на переход Шелепина с комсомольской работы в КГБ.

В общении с людьми меня часто называли Шелепиным, а его — Семичастным: уж очень часто нас видели вместе! Даже в верхних эшелонах власти нас путали.

Шелепина я всегда считал лидером и относился к нему с особым пиететом. На совещаниях я всегда обращался к нему на «вы».

Мы оба курили папиросы «Казбек». Когда мне в голову приходила какая-нибудь интересная мысль, я, чтобы не забыть, открывал коробку «Казбека» и на внутренней стороне делал короткую запись. Это стало общей привычкой, и иногда, когда мы ехали куда-то вместе, Шелепин говорил: «Ну-ка достань „Казбек“ и запиши». Очень удобно! Открываешь коробку, чтобы закурить, а тут и запись нужная перед глазами.

Шелепин никогда не стремился завоевать дешевый авторитет. Все записки, доклады, выступления он писал для себя сам: не любил жевать чужую жвачку. Александр Николаевич всегда высказывал свои мысли, свое отношение к тому или иному явлению. Я ценил это в нем и старался ему подражать. Именно он научил меня во всем иметь свое мнение и отстаивать свою точку зрения.

Шелепин все проблемы, касавшиеся интересов страны, воспринимал как свои личные, и даже острее. И этому я тоже учился у него.

Удивительным было его отношение к товарищам по работе,

просто к собеседникам — уважительное, тактичное, терпеливое даже тогда, когда он был не согласен с собеседником. И в этом я старался походить на него. Мы никогда не свирепствовали, не унижали людей оскорблениями.

Со временем у нас с Александром Николаевичем выработался единый подход ко многим вопросам. Мы могли обсуждать с ним кадровые вопросы, некоторые назначения в партии, не ставя при этом под сомнение ее основную политическую линию. Мы лишь подвергали критике некоторые методы претворения в жизнь генеральной линии партии.

Например, считали, что слишком много взвалено на плечи центральных органов власти, что надо дать больше прав и свобод республиканским, областным и другим местным органам. Мы были против того, чтобы ЦК подменял собою правительство.

Мы с Шелепиным были убеждены, что ЦК партии должен заниматься партийными организациями. Партия же слишком увлеклась хозяйственными делами. Соответственно в отделы ЦК подбирались не партийные работники с широким кругозором, а хозяйственники или специалисты типа В.Черномырдина. По своей подготовке, эрудиции он не годился бы для партийной работы. Он не политический деятель.

Зачем мы держали институты марксизма-ленинизма при всех ЦК КГБ республик? Лучше было бы при ЦК КП республик иметь институты по национальным проблемам!

Так же дело обстояло и с музеями В.И.Ленина. Мало того, что есть Центральный музей В.И.Ленина в Москве, создавались они и на местах, причем в городах, где Ленин никогда не бывал. Это бездумное тиражирование обесценивало саму идею.

Остался в памяти и такой факт. Когда Шелепина избрали членом Президиума ЦК партии, он отказался от охраны. Брежнев и Суслов буквально обрушились на него:

— Ты что, хочешь быть среди нас «белой вороной»?

— По-моему, следует экономить государственные деньги, — парировал Шелепин, — и потому охранять нужно лишь генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Верховного Совета СССР и председателя Совета Министров СССР.

С ним не согласились и в приказном порядке заставили иметь охрану.

Бурю негодования у Суслова, которого активно поддержал Брежнев, вызвало заявление Шелепина на одном из заседаний Политбюро, что ему стыдно стоять на Мавзолее Ленина и видеть, как несут его портрет. Он тут же внес предложение: впредь никаких портретов, кроме портретов Маркса, Энгельса и Ленина, на демонстрации не носить и на домах не вывешивать.

С этим уже не согласились и другие члены Политбюро, доказывая, что такова традиция и менять ее не стоит: народ-де к ней привык.

Неординарность Шелепина вызывала все большее недовольство Брежнева.

Однажды на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС, на котором присутствовали все первые секретари ЦК компартий союзных республик и группа первых секретарей крайкомов и обкомов партии Российской Федерации, обсуждался вопрос о крупных животноводческих комплексах. В своем выступлении Шелепин говорил о крайне тяжелом положении в сельском хозяйстве, привел истинные цифры и факты, а не те, которые предоставляло ЦСУ СССР. Поддержав идею создания крупных животноводческих комплексов, он подчеркнул, что они должны создаваться не в ущерб мелким и средним животноводческим фермам. (На практике многие из них потом были ликвидированы, что, конечно, отрицательно сказалось на снабжении населения мясом и молочными продуктами.) В заключение своего выступления Шелепин внес предложение об освобождении с поста министра сельского хозяйства В.В.Мацкевича.

Брежнев тогда никак не отреагировал на замечания и предложение Шелепина. Но на другой день вызвал его и резко спросил:

— Как понимать твое вчерашнее выступление?

— А так и понимать, как было сказано.

— Твоя речь была направлена против меня! Ты что, не знаешь, что сельское хозяйство курирую я? Значит, все, что ты говорил вчера, — это против меня. Какое ты имел право вносить предложение снять с работы Мацкевича? Ведь Мацкевич — это моя личная номенклатура!

Шелепину дорого обошлось это. С той поры он каждый раз записывался для выступления на пленумах ЦК, но ни разу ему не дали слова.

У Шелепина, как, кстати, и у Брежнева, были довольно трудные отношения с Косыгиным. Брежнев ревновал к Косыгину, к его авторитету экономиста и финансиста, но как политик он был гораздо сильнее. Несмотря на некоторую слабохарактерность, Косыгин был подчас необъяснимо упрям.

Однажды Шелепин рассказал мне о споре, который разгорелся между ним и Косыгиным по вопросу увеличения производства сахара. Косыгин стоял за расширение посевных площадей, а Шелепин с цифрами в руках доказывал необходимость реконструкции сахарных заводов. Шелепин досконально изучил проблему. Сахарная свекла при уборке имеет

14–16 % сахара, а после длительной лежки, к моменту обработки, из-за отсутствия достаточного количества перерабатывающих заводов, их технической отсталости теряет почти все — остается до I %. А потому такая лежалая свекла шла подчас на патоку. В случае модернизации сахарных заводов нам и Куба была бы не нужна! Шелепин пытался внушить эту мысль Брежневу, но тот остался к ней равнодушен и поддержал в споре Косыгина.

Шелепин рассказывал мне, как позже, перед одним из пленумов ЦК, он обратился к Косыгину с предложением внести на заседание поправки к проекту плана, предусматривающие более высокие темпы повышения жизненного уровня народа.

— Если вы этого не сделаете, — сказал Шелепин, — я как член Политбюро ЦК и‘председатель ВЦСПС сам буду вынужден выступить на пленуме.

При этом он изложил Косыгину ряд конкретных предложений, за счет чего можно было бы реально повысить жизненный уровень.

Примерно через час после этой беседы Шелепина пригласил к себе Брежнев и спросил:

— Какие у тебя отношения с Косыгиным?

— Нормальные, — с недоумением ответил Шелепин. — Но вы же хорошо знаете, что на многих заседаниях Политбюро мы с Косыгиным не раз спорили по принципиальным вопросам. Для пользы дела!

— Ты говорил ему, что собираешься выступить на пленуме?

— Говорил, — ответил Шелепин.

Тогда Брежнев стал настойчиво уговаривать его не выступать, твердо обещая многое поправить при рассмотрении годовых планов.

Шелепин сдался, о чем впоследствии не раз сожалел: ничего, конечно, исправлено не было.

Иногда и мы спорили. Например, когда возник вопрос о реорганизации комсомола, Шелепин поддержал идею создания отдельно — студенческой комсомольской организации, отдельно — рабочей, отдельно — сельской молодежи. Я категорически возражал. Полагал, что студенческая молодежь, выделившись в отдельную организацию, все подомнет под себя и мы загубим работу с сельской и рабочей молодежью. Спорили ожесточенно!

К счастью, все это не состоялось, поскольку в ЦК партии к этой идее отнеслись неодобрительно.

Вопреки попыткам нынешних СМИ представить нас «молодыми заговорщиками», совершенно определенно заявляю: мы ими не были. Мы были единомышленниками, сторонниками

реформ. В стране было что поправлять, и на это должны были быть направлены реформы.

Но тогда в Кремле засели «старцы». Им не было дела до нужд страны! Вся их забота — удержаться у власти до поры, когда ногами вперед понесут. Им было не до реформ. Ведь даже скромные реформы Косыгина захлебнулись в самом начале: то Минфин «обрежет», то Госплан «не даст». А в результате местные органы уходили от выполнения поставленных задач. Потому все эти реформы превратились в бюрократическую затею, формальность, не более того.

О моей и Шелепина неуживчивости стали распространять всяческие слухи. В западной прессе писали, что Шелепин и другие выходцы из комсомола после снятия Хрущева хотят восстановить сталинизм.

Выдумано и утверждение о якобы представленных Шелепиным каких-то «сталинистских» предложениях к готовящемуся докладу Брежнева о 20-й годовщине Победы. На самом деле Шелепин никакого участия в подготовке этого доклада не принимал.

Писали, что «молодые» хотят помириться с Мао Цзэдуном и жестко поставить на место интеллигенцию.

Эти «предположения», в частности, исходили от Александра Солженицына и Федора Бурлацкого, очень скользкого человека, «прилипалы» ко всем вождям, вплоть до Михаила Горбачева. О нем кто-то метко сказал: «Главная обязанность Бурлацкого была — носить портфель Аджубея».

Хорошую отповедь Бурлацкому дал Шелепин в серии своих статей, объединенных под названием «История — учитель суровый».

В 1990 году вышла книга Бурлацкого «Вожди и советники». Странное впечатление производит эта книга — избыток самолюбования и стремление выдать себя за главного советчика бывших первых руководителей страны — Хрущева, Брежнева, Андропова. К тому же немало фактических искажений.

Бурлацкий не жалует там комсомол, и прежде всего его Центральный Комитет, а равным образом и всех известных ему товарищей, которые пришли на государственные, советские и партийные посты, пройдя школу комсомола. Он пишет, например: «Что касается более молодых деятелей, как Шелепин, Демичев, Полянский, то мы в нашей среде очень побаивались их, поскольку все они были выходцами из ЦК комсомола — по тем временам школы карьеризма». (Кстати, ни Полянский, ни Демичев в комсомоле и ЦК ВЛКСМ не работали.)

В период работы в отделе ЦК КПСС Бурлацкий на партийном

собрании был подвергнут резкой критике за высокомерие, амбициозность.

Как вспоминал Шелепин, он находился в кабинете у Суслова, когда зашел Андропов и доложил об итогах этого партийного собрания. Суслов тут же дал санкцию на освобождение Бурлацкого от работы в аппарате ЦК. Вскоре Бурлацкий был отправлен на работу в газету «Правда», хотя пишет, что ушел из ЦК «по собственному желанию».

Действительно, мы с Шелепиным считали, что надо примириться с Мао. Мы были против ухудшения отношений с КНР, хотя открыто об этом не заявляли.

Но мы не хотели никакой реабилитации Сталина! Об этом, в частности, говорит выступление Шелепина на XXII съезде партии с жесткой критикой сталинизма, и не только сталинизма. Он осудил и тех, кто содействовал сталинским репрессиям.

Кроме того, Шелепин и я пришли в активную государственную и политическую жизнь фактически после смерти Сталина.

Говорят, что именно Сталин назначил Шелепина первым секретарем ЦК ВЛКСМ после ухода Михайлова в ЦК ВКП(б). Это так. Но до того как назначить Шелепина, Сталин предполагал назначить на этот пост Юрия Жданова, заведовавшего тогда отделом науки ЦК партии. Жданов отказывался, ссылаясь на то, что не знаком с комсомольской работой. Тогда Сталин послал его в ЦК ВЛКСМ, чтобы там он встретился с нами и познакомился с нашей работой.

Шелепин собрал всех секретарей ЦК комсомола, и Юрий Жданов попросил каждого из нас рассказать о своем участке работы. После наших докладов сказал: «Нет, братцы, быть над вами первым я не смогу. Пойду и скажу об этом Сталину».

После этого Сталин принял Шелепина, буквально на пару минут. Сказал, что будет рекомендовать его на должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и Шелепин рта не успел раскрыть, как вождь с ним распрощался.

Тогда стали распространяться слухи, что якобы существует какая-то группа бывших комсомольских деятелей, куда, кроме меня и Шелепина, входят Егорычев и Демичев, и что Брежневу пришлось поставить ее на место. Что тут сказать? Повторяю, Демичев вообще в комсомоле активно не работал. Егорычев был когда-то комсоргом ЦК ВЛКСМ в МВТУ им. Баумана. Тогда мы близко не знали друг друга. Потом он стал секретарем райкома партии и, наконец, первым секретарем Московского горкома

КПСС. Вот тогда у нас и появились общие вопросы для обсуждения. Но каких-то особо дружеских отношений у нас никогда не было. Что же это за «группа», если из ее состава можно назвать Шелепина, меня да, может быть, Месяцева? Не было никакой «комсомольской группы заговорщиков»!

Западные спецслужбы в то время специально вбрасывали слухи, способствовавшие раздуванию взаимных подозрений среди партийных и государственных деятелей. Я докладывал об этом Брежневу. Но уйти от подозрительности для Брежнева было, видимо, выше сил. А западная пропаганда продолжала твердить, что Брежнев — явление временное, что за его спиной стоят «молодые» во главе с Шелепиным и Семичастным, которые легко смели Хрущева, и им ничего не стоит так же легко, при помощи КГБ, смести и Брежнева.

А тут еще Шелест, первый секретарь ЦК партии Украины, сыграл с нами злую шутку.

Петр Ефимович, находясь где-то на Западной Украине, услышал, как кто-то из начальников КГБ, бывший не то комсомольским работником, не то просто работавший когда-то с Шелепиным или со мной, рассказал какую-то байку, выдумку по поводу того, что мы чуть ли не объединяемся, чуть ли не «теневой кабинет» создаем. Шелест запись этой беседы переслал Брежневу. Причем Шелест понимал, как он потом рассказывал мне в 80-е годы, что рассказ надуманный, и все-таки послал его.

Все это сеяло сомнения и подозрения, и Брежнев «клюнул» на наживку, стал нас побаиваться. Вот тогда и начались все эти кадровые рокировки с целью укрепления собственной власти.

Убрав из МГК Егорычева и направив его послом в Данию, Брежнев посадил на его место Гришина; Шелепина перевел в ВЦСПС, Месяцева назначил послом в Австралию, Романовского — послом в Норвегию, Горюнова тоже определил в послы, даже Григоряна, заместителя управляющего делами ЦК партии, заслал на Кипр торгпредом. Избавился и от Полянского, Залужного, Поленова, почти от всех замов председателя КГБ.

Свободные места стали быстро занимать земляки Брежнева из Днепропетровска или его родственники.

Брежнев настойчиво расставлял на важные государственные посты верных ему людей. Критерием при этом были не профессиональные способности того или иного человека, не его политическое лицо, а преданность и подхалимство, умение вовремя показаться на глаза руководителям. Наверх полезли люди, которые в свое время окружали Леонида Ильича на прежних местах работы или были родом из тех же краев, что и он,

из Днепропетровска. Позже, когда такая тенденция развернулась во всей своей широте, родилась едкая острота, которая ходила по Москве как анекдот: «В истории России было три периода — допетровский, петровский и днепропетровский».

Первым замом к Щелокову он назначил своего зятя Чурбанова, первым заместителем министра внешней торговли сделал своего сына-алкаша Юрия Брежнева. Меня еще не успели освободить от поста председателя КГБ, как уже вызвали из Азербайджана Цвигуна и сделали его сперва заместителем, а вскоре — первым заместителем председателя КГБ. Заместителем председателя КГБ вскоре был назначен и Цинев — тоже днепропетровец.

Теплое место получил муж сестры жены Брежнева Беляк. Он вытащил из Молдавии бывшего заведующего сельским клубом Трапезникова и поставил его во главе отдела науки ЦК! Трапезников дважды баллотировался в академики АН СССР, и всякий раз его «прокатывали». После второго провала Брежнев стал настаивать на повторном голосовании.

Своего любимца Павлова Брежнев сделал управляющим делами ЦК и через два месяца после назначения дал ему звание Героя Социалистического Труда. Павлова он специально посылал за рубеж делать закупки галстуков, запонок и прочей галантереи.

Уже на Украине я с изумлением узнал, что во главе правительства Брежнев, отодвинув умницу Косыгина, поставил семидесятипятилетнего Тихонова, тоже «днепропетровца». Ну, этот наработает, с горьким чувством подумал я. Косыгину ничего не оставалось, как умереть.

Я всегда считал, что председатель КГБ и министр иностранных дел ни в коем случае не могут входить в состав Политбюро. Это обосновывал в свое время Хрущев на пленуме ЦК, когда Жукова выводили из состава Политбюро. Но Брежнев сделал Громыко и Андропова кандидатами, а потом членами Политбюро…

Отношения мои с Брежневым все более обострялись.

Острая стычка с ним у нас произошла по поводу назначения Тикунова.

В это время решили воссоздать Министерство внутренних дел СССР.

Мы с Шелепиным считали, что этот новый орган, вышестоящий по отношению к пятнадцати республиканским министерствам такого же профиля, должен был возглавить российский министр внутренних дел Тикунов, человек с богатым жизненным опытом, юрист по образованию. Деловая биография Тикунова говорила сама за себя: кандидат в члены ЦК, был

секретарем обкома партии, заместителем председателя КГБ, заместителем заведующего отделом административных органов ЦК партии. Его только что наградили орденом Ленина. Я с ним прекрасно взаимодействовал.

Однако вскоре при обсуждении этой кандидатуры Брежнев изменил свою позицию.

Его новым «коньком» стал опять же верный земляк, приятель с давних времен Щелоков. Многим было ясно, что в силовых структурах создается некий противовес, который должен конкурировать с КГБ.

Мы резко выступили против назначения Щелокова. Я знал его еще по Киеву, где в свое время он работал в ЦК партии Украины и был снят с работы за неблаговидные поступки. Брежнев, в то время возглавлявший компартию Молдавии, подобрал его и длительное время держал на руководящих постах в этой республике. Теперь он опять решил перевести приятеля поближе к себе.

У меня дважды состоялась беседа с Брежневым относительно Щелокова. Первый раз перед его назначением и второй раз через несколько месяцев после его назначения. Довольно резко я высказал все, что думал о Щелокове и его неблаговидных делах уже в Москве в роли министра. Первая беседа поначалу подействовала. Брежнев назначение Щелокова отложил.

Но ненадолго. Плохую роль сыграл в этом деле Подгорный — в то время он уже был председателем Президиума Верховного Совета:

— Да что ты этих ребят боишься! Созывай Политбюро и утверждай Щелокова.

Именно так Брежнев и сделал. Щелокова утвердили, а Тикунова отправили в Комитет народного контроля.

Узнав об этом, я опять пошел к Брежневу со своими возражениями. Пока я сидел у него в кабинете, нашли Тикунова, пригласили и при мне объявили, что он идет в ЦК партии заместителем председателя Комиссии по выездам за границу…

Я неоднократно говорил Брежневу, что Щелоков плохо кончит, да еще и его обольет грязью.

— Он ставит вас в ложное положение, — предостерегал я нашего высшего руководителя уже совершенно официально. — Вы всюду берете его с собой. А он только и делает, что создает неприятности и ссорит людей. В Москве и в стране его знают мало, он ваш подопечный. Теперь уже потерял всякий стыд, требует привилегий, квартир, дач, авто- мобилей. Ведет себя как старорежимный аристократ. Он из Молдавии привез даже своего

парикмахера и сразу же дал ему трехкомнатную квартиру.

В дальнейшем мои опасения подтвердились. За допущенные преступления Щелоков был снят с поста министра, исключен из партии, лишен звания генерала. В конце концов он покончил жизнь самоубийством.

Но наше сражение вокруг Щелокова было решающим в моей дальнейшей судьбе.

С каждым месяцем проблем в наших отношениях с Брежневым прибавлялось.

Брежнев все чаще стал прибегать к методам, за которые он в 1964 году так яростно критиковал Хрущева. У него появились такие черты, как чванство, вседозволенность, проявление культа личности. Хотя, как шутили тогда, чтобы был культ, нужна личность…

Вдруг Брежнев начал организовывать пышно обставленные охоты то в Беловежской пуще, то в пойме Волги, а чаще всего в Завидове под Москвой. При этом втягивал в это старых членов Президиума ЦК.

Недоброжелательные отклики и угрозы простых людей по поводу по-царски организованных выездов на охоту стали почти постоянной темой наших разговоров. Когда я говорил ему об этом, он вначале отмалчивался, а как-то раз зло бросил: «Хрущеву было можно, а мне нельзя?!»

Ко всему прочему добавились и проблемы, связанные с дочерью Брежнева — Галиной. О том, что жизнь детей Брежнева и раньше даже отдаленно не отвечала традиционным коммунистическим нормам, знал уже широкий круг людей. Опасным, однако, стало то, что именами детей Брежнева начали пользоваться в своих интересах и весьма сомнительные личности.

Похождения Галины Брежневой начались давно, когда она из Запорожья сбежала с цирком. Она вышла замуж за силового акробата Евгения Малаева, который был старше ее на двадцать пять лет. К цирку она прикипела основательно. Дошла до того, что взяла затем в мужья девятнадцатилетнего Игоря Кио и уехала с ним в Одессу.

Л.И.Брежнев был тогда уже председателем Президиума Верховного Совета СССР. Он меня пригласил. Прихожу — он сидит и плачет:

— Не знаю, что с этой сволочью делать. Помоги!

Наши люди в Одессе обнаружили, что штамп в паспорте действительно есть: брак зарегистрирован. Пришлось провести «операцию» — сделать паспорт чистым: печать о регистрации брака вытравили специальным составом. Проблема была не

столько с Кио, сколько с администратором цирка, который все это устраивал: ему очень хотелось втереться в семью Брежнева. Пришлось жестко предупредить: если не прекратите, Игорь Кио будет немедленно призван в армию. Ничего не поделаешь: надо было выручать руководителя страны!

От брака с Малаевым у Галины Брежневой была дочь, которая воспитывалась в семье Леонида Ильича. Брежневы боялись, что Малаев заберет ее к себе, поэтому оставили ему пятикомнатную квартиру, в которой они жили с Галиной, потом сделали его Героем Социалистического Труда, директором цирка на Цветном бульваре. Такова была плата за то, чтобы он не предъявил претензий на свою дочь.

Что было в моих силах, я сделал и получил в ответ искреннюю благодарность.

Вскоре все повторилось.

Когда я узнал о новых скандалах, связанных с Галиной, я опять обратил внимание Брежнева на происходящее. Теперь при одной из встреч он лишь зло буркнул:

— А ты что, кого-то арестовал?

— Да, — ответил я утвердительно и напомнил: — Я же вас предупреждал.

Мы взяли несколько спекулянтов, занимавшихся незаконными операциями с валютой, — они втерлись в доверие Галине Брежневой через ее сомнительного циркового любовника; когда мы их взяли, Галина, в свою очередь, начала с отцовской помощью давить на меня.

Кстати, и мне и Шелепину давно было известно о многочисленных любовных авантюрах самого Брежнева. К женскому полу он всегда был неравнодушен. Это, замечу, был еще один фактор, влиявший на подбор кадров. Например, если с чьей-то супругой он был в близких отношениях или она ему нравилась — он начинал «двигать» этого человека. Так появился Цвигун, так стал первым секретарем ЦК партии Молдавии Бодюл. Некоторых своих фронтовых подруг Брежнев перетащил сначала в Днепропетровск, потом в Москву, дал им квартиры, повыдавал их замуж за очень приличных людей.

Одну свою «походно-полевую жену» выдал за человека, которого хотел протащить на пост председателя Моссовета. Депутатом Моссовета тот уже стал, но дальше действовать Брежнев побоялся: дело было еще при Хрущеве. Тогда он отправил его в Казахстан, где тот вскоре стал заместителем председателя Совмина Казахстана. Через некоторое время его арестовали и дали пятнадцать лет за крупную взятку.

Брежнев не пропускал ни одной юбки с юности. До войны он работал в Днепропетровском обкоме одним из секретарей (в обкомах тогда было до восемнадцати секретарей). Однажды он «загулял» со своей будущей женой. Ее мать пришла и предупредила: если он не женится, то она такое ему устроит!.. И он вынужден был жениться на Виктории Петровне.

Главный удар Брежнев собирался нанести по мне и Шелепину…

Когда Шелепина в 1965 году вывели из состава Политбюро, я был на Украине. Узнал эту невеселую новость из выступления Щербицкого, приехавшего из Москвы. И тут же позвонил Александру Николаевичу:

— Тебя вывели за «извращение ленинской национальной политики» или за «нарушение методов ленинского руководства»?

— Ничего подобного. Брежнев говорил, что никакой формулировки записано не будет.

— Не знаю, здесь Щербицкий, докладывая на пленуме ЦК партии Украины, сказал, что именно с такими формулировками тебя и освободили.

— Нет-нет, — торопливо сказал друг. По голосу я чувствовал, что на душе у него было неважно…

Позже он рассказывал мне, как это было.

За час до пленума 16 апреля 1965 года Брежнев позвонил Шелепину и попросил приехать пораньше. Уже в кабинете, за кофе, он говорит ему, улыбаясь:

— Знаешь, Саша, ты давно работаешь, много сделал, устал. Тебе надо сменить обстановку. Есть предложение освободить тебя от членства в Политбюро ЦК. Ты не беспокойся — все будет достойно.

— Я солдат партии, — ответил Шелепин. — Вам решать.

— Но ты напиши заявление, — попросил Брежнев.

Как рассказывал Шелепин, он написал заявление, сформулировав его таким образом, чтобы всякий мог понять всю несуразность мотивировки: «Прошу освободить меня в связи с тем, что я непосредственно не работаю на производстве».

На пленуме предложение об освобождении Шелепина внес Брежнев. Видно было, что его отставка со всеми уже обговорена заранее по телефону, поэтому никто не возражал. Ни один человек не выступил, хотя в протоколе вроде бы записано, что выступали Устинов, Гречко и Щербина…

Через год Шелепина вывели и из состава ЦК.

На пленуме ЦК, где было принято решение о созыве XXV съезда партии, в конце заседания Суслов предложил вывести из

состава ЦК Шелеста, Воронова и Шелепина, мотивируя это тем, что они теперь не представляют те организации, которые их выдвигали в ЦК. Это была хорошо продуманная уловка убрать еще до съезда неугодных людей. В печати фамилии этих трех членов ЦК появились в общем списке выведенных из ЦК, где фигурировали, Например, Насреддинов и Чурикова, обвиненные во взяточничестве. Этот «сигнал» моментально был воспринят на местах. На Украине партийному активу преподносили эту меру как возмездие за нарушение устава партии, норм партийной жизни, ленинских принципов партийного руководства. И зачитывали подряд фамилии людей, выведенных из состава ЦК, без объяснения мотивировки…

Мы дружили с Шелепиным до последних дней его жизни. И до самого конца оставались единомышленниками. Говорят, ему не хватало решительности. Вот, мол, не пришел на Политбюро, когда меня освобождали от должности председателя КГБ. Говорят, что был болен. И он то же говорил. Я никогда не ставил этого ему в вину и никогда в нем не сомневался.

Всякие были попытки и раньше вбить клин между нами. Говорили, например: «Имей в виду, Шелепин — еврей». И придумывали ему какую-то еврейскую фамилию. Над такими «остряками» я только смеялся.

Когда я был в опале на Украине, я часто звонил ему, заходил в ВЦСПС, когда наезжал в Москву: мы там закрывались у него в кабинете, обедали и обсуждали в открытую все, что хотели…

В конце жизни мне даже пришлось его опекать: настолько согнули его тогда.

Все председатели КГБ, кроме Шелепина, стали генералами. Он же получал крохотную пенсию, и только много лет спустя ему дали «персональную». Да и то она была ниже, чем, например, у Мазурова или других членов Политбюро.

В общем, пришибли его по всем статьям. Он несколько подрастерялся и сник. Перестал общаться. Тяжело шел на интервью, чаще избегал их. Бывшие комсомольцы и бывшие наши сослуживцы, видя его подавленность, в его присутствии стали все больше обращаться ко мне как к более признанному лидеру. Он это чувствовал и, видимо, переживал.

Но как бы «шефствуя» над ним, я продолжал считать его лидером. В последние годы не было вопроса, по которому я не посоветовался бы с ним, а он со мной.

Сейчас мне очень его не хватает…

Подавляющему большинству руководящих кадров КГБ я

доверял, и они меня поддерживали. Однако и в нашей среде были «днепропетровцы», занимавшиеся неблаговидным делом — доносительством. Брежнев получал информацию о всяких сплетнях, слухах, ошибках в нашей работе, недостойном поведении отдельных работников из уст этих сотрудников за моей спиной.

Руководителем и вдохновителем этой группы был генерал Цинев, работавший в то время заместителем начальника Управления военной контрразведки в центральном аппарате.

Цинев был старым контрразведчиком, прошел дорогами войны. Потом он возглавил Высшую школу военной контрразведки, а затем был взят в центральный аппарат КГБ. До войны работал в Днепропетровске и был очень близким приятелем Брежнева. Зная о его неблаговидной роли в аппарате КГБ, я попытался перевести Цинева на другую работу. Управление кадров предложило назначить его начальником Высшей школы КГБ. Это была работа намного самостоятельней прежней, и в беседах в управлении кадров с моими заместителями и со мной он не выдвигал никаких возражений. Однако через день после беседы с Циневым я был у Брежнева, и у нас состоялся довольно любопытный разговор.

— Я случайно узнал, что ты собираешься его убрать из центрального аппарата. Правильно ли это?

— Вчера он находился в вашем кабинете три часа, какая же тут случайность, — ответил я.

— Так ты все знаешь? — удивился Брежнев.

— Знаю, потому что не мог вам дозвониться. Точнее, дозвониться бы мог, только я знал, что вы заняты, что у вас посетитель. Так что я решил не использовать прямой телефон, пока вы не освободитесь. Много раз я спрашивал у секретаря в приемной о возможности вам позвонить. Ответ был один: «Генерал Цинев». Потому все и знаю. К слову сказать, генерал — мой подчиненный, и о том, что он идет на прием к генеральному секретарю партии, мне доложено не было. Мне известно, что вы друзья и можете встречаться на такой основе. Однако и после встречи с вами он не сказал мне ни слова. Разговаривая со мной, против перевода не возражал. Теперь вижу, что он предпочел бы остаться в аппарате. Однако с этим вопросом пошел прямо к вам. Как же мне с таким генералом работать?

— Знаешь, я бы его извинил, перед тобой он не осмелился поставить такой вопрос…

— Передо мной не осмелился, а перед генеральным секретарем отваги хватило?

— Ты же знаешь наши отношения.

Цинев не только остался в центральном аппарате. Год спустя я был вынужден под давлением отдела административных органов ЦК КПСС, наперекор собственной воле, повысить его в должности и сделать начальником Управления военной контрразведки.

Не очень много было сотрудников, помогавших Циневу в его доносительстве: один из начальников Управления, генерал из погранвойск, один работник партийного комитета центрального аппарата и еще пара человечков.

Я думаю, что остальные члены Политбюро, разумеется, кроме Шелепина, о моих сложных отношениях с Брежневым не знали, а может быть, и не очень-то хотели знать. Сам Леонид Ильич до поры до времени все наши разногласия старался не афишировать.

У страны было коллективное руководство, однако наиболее сильные голоса в Политбюро принадлежали четырем ведущим деятелям. Кроме Брежнева это были председатель Президиума Верховного Совета Н.В.Подгорный, председатель Совета Министров А.Н.Косыгин и главный идеолог М.А.Суслов. Брежнев понимал, что если бы он с самого начала стал проводить своих людей на слишком высокие посты, это не осталось бы незамеченным, а его позиции еще не были достаточно прочными. Он пошел по другому пути: окружил высших руководителей своими информаторами из второй шеренги и держал их под тщательным наблюдением. Как это выяснилось в 70-е годы, таких руководителей было достаточно много, не я один.

Все более обострялись отношения и между Брежневым и председателем правительства А.Н.Косыгиным. Брежнев с явной неприязнью относился к нему. Леонид Ильич, безусловно, всегда завидовал Косыгину, его выдержанности, квалификации, а главное — тому неформальному авторитету, которым Косыгин Пользовался у партийного актива и народа. Он стал все чаще опускаться до примитивных публичных реплик с целью задеть Косыгина, бросить тень на него и его семью. И хотя позже прибрал к рукам и пост председателя Президиума Верховного Совета, прихватить, по примеру Хрущева, должность Косыгина Брежнев никогда и не пытался, понижая, что этот пост связан со многими серьезными заботами и требует профессиональных знаний.

Косыгину было очень сложно и трудно работать в окружении заместителей-днепропетровцев, да и среди министров их было немало.

По-хамски отнесся Брежнев к уже больному Косыгину при освобождении его от должности председателя Совмина СССР.

Брежнев был человеком не из смелого десятка, проще говоря, труслив. Уезжая в командировки, он тщательно следил за тем, чтобы мы с Шелепиным не оставались без «присмотра». Так, весной 1962 года, когда ему предстояла поездка за границу на международную конференцию, а другие члены Политбюро в это время разъезжались, срочно была придумана командировка в Узбекистан и для меня.

Доклад о татарах в Узбекистане я представил, но рассмотрели его тогда, когда я уже был «сослан» на Украину. Ясно, что не доклад о татарах был нужен, а требовалось мое отсутствие в Москве.

И вот за рубеж бежала Светлана Аллилуева — дочь Сталина…

Побег Светланы Аллилуевой и мой уход из КГБ

До сего времени не утихает скандальная молва вокруг имени Светланы Аллилуевой. Особенно много слухов и сплетен связано с ее побегом из Советского Союза в 1967 году. В крутой замес реальных фактов и досужих вымыслов вплетаются «изощренное коварство КГБ», «наивность» беглянки, «глупость» членов Политбюро ЦК КПСС, «иезуитская хитрость» ЦРУ и даже отставка председателя КГБ СССР В.Семичастного. Как же на самом деле раскручивалась спираль событий тех дней?

К середине шестидесятых годов Светлана Аллилуева уже дважды побывала замужем. От первого мужа Григория Морозова у нее родился сын, которого назвали в честь деда Иосифом; от второго — Юрия Жданова — дочь Катерина. Благодаря распоряжению Совета Министров СССР от 21 марта 1953 года об оказании материальных услуг осиротевшей дочери Сталина она не бедствовала. Насколько я помню, Светлана имела персональную пенсию в 300 рублей и по 100 рублей на каждого ребенка. По тем временам, когда зарплата простого инженера составляла всего 75–90 рублей, это были большие деньги, тем более что дочь Светланы часто гостила у бабушки Зинаиды Александровны Ждановой.

Втроем Аллилуевы занимали большую пятикомнатную квартиру в «доме на набережной», бесплатно пользовались правительственной дачей в поселке Жуковка и государственной машиной «по вызову».

В Политиздате, где Аллилуева подрабатывала, занимаясь переводами, она познакомилась с индийцем Сингхом. Он был членом индийской компартии и тоже работал в издательстве. Трудно сказать, что она нашла в этом лысом, худом и нескладном человеке с жиденькой козлиной бородкой. К тому же он был сильно болен, его постоянно мучил удушливый кашель. Но был он из непростой семьи — его дядя в Индии занимал пост министра в правительстве Джавахарлала Неру.

Вскоре нам стало известно, что они подали документы в загс и готовятся к свадьбе. Что нам оставалось делать? Подобного рода браки творятся не на небесах, а в коридорах власти. Волевым порядком, не согласовывая свои действия с «молодоженами», мы забираем документы из загса и докладываем ситуацию Косыгину. Он всегда питал добрые чувства к Светлане и в сложных житейских проблемах был ее

постоянным и добрым советчиком.

Алексей Николаевич встретился с «невестой» и объяснил ей, что, кроме очередного скандала, из этой затеи ничего не получится. Ведь Сингх имеет законную семью в Индии и, судя по всему, не собирается порывать с нею. К тому же после хрущевских разоблачений культа личности эта свадьба неминуемо обернется еще одним ушатом грязи на имя Сталина. Светлана и Сингх уже далеко не дети и вполне могут устроить свою личную жизнь без официальных церемоний — Политбюро ЦК будет смотреть на это сквозь пальцы.

Светлана Иосифовна прислушалась к советам Косыгина. Сингх переехал к ней, и она стала его гражданской женой. Ей пришлось фактически содержать своего сожителя, поскольку он всю свою зарплату отправлял семье в Индию. Ситуация устраивала всех, кроме ее сына Иосифа.

Иосиф недолюбливал Сингха и терпеть не мог смрада индийских благовоний, которыми вскоре пропахла вся квартира.

Вскоре случилось то, что и должно было случиться. 31 октября 1966 года Сингх умирает. Его тело кремировали в Москве, и Аллилуева пишет письмо Брежневу с просьбой о временном выезде на «родину мужа, чтобы развеять его прах над священными водами Ганга». Она встречается с Косыгиным и убеждает его в необходимости этой поездки.

Не знаю, что за дебаты состоялись в Кремле, но проходили они без каких-либо согласований со мной. Я лишь получил решение Политбюро от 4 ноября: «Согласиться с просьбой о выезде в Индию на 7 дней Аллилуевой Светланы.

Поручить тов. Семичастному выделить двух работников для поездки с ней в Индию. Тов. Бенедиктову оказать помощь во время пребывания в Индии».

В общем-то, никаких особенных опасений в связи с поездкой не возникало, тем более что уже была назначена дата свадьбы Иосифа и мать имела твердое намерение вернуться в Москву для участия в семейном торжестве.

Кое-какие сомнения возникали по поводу ее рукописи «Двадцать писем к другу». Аллилуева уже завершила работу над книгой, и мы имели ее копию. Ничего криминального в ней не было — немного грязи по поводу репрессивной политики отца, благодарность Хрущеву и Косыгину за то, что после смерти Сталина ей сохранили льготы и привилегии, воспоминания о встрече с братом Василием после его выхода из Владимирской тюрьмы и другие эпизоды семейной жизни. Естественно, что в СССР она не смогла бы напечатать эту книгу. Побоялась она и

везти рукопись с собой в Индию. Нам было точно известно, что при отъезде рукописи у нее не было. Скорее всего, она была заранее переправлена с помощью дочери посла Индии.

Выполняя решение ЦК, я откомандировал вместе с Аллилуевой в Индию двух наших сотрудников — мужчину и женщину — для ее сопровождения и охраны на случай возможных провокаций.

В то время послом СССР в Индии был Иван Александрович Бенедиктов, а нашим резидентом в Дели — Радомир Георгиевич Богданов. Это прекрасные люди, великолепные специалисты. Бенедиктов всегда питал наилучшие чувства к Сталину, поэтому постарался устроить его дочь с возможно большим комфортом. В Дели ее поселили в уютной гостинице при посольстве, где она прожила почти месяц.

Традиция развеивания праха над водами Ганга был соблюдена, но домой Аллилуева не торопилась. Более того, позвонив в Москву, она попросила сына отложить свадьбу на месяц, а сама поехала в индийскую деревню, где когда-то жил ее муж. Там она провела еще месяц без какой-либо нашей охраны. А из Москвы ее доставал звонками сын. Действительно, ситуация становилась довольно напряженной: праздновать такое событие без матери — не в традициях семьи.

Тем не менее Светлана уговорила сына еще на одну отсрочку, а сама вернулась из деревни в Дели.

Наконец дата возвращения — 6 марта — была определена и даже куплен билет до Москвы. Накануне, в годовщину смерти отца, Аллилуева была в посольстве и встречалась с Бенедиктовым. Посол (без согласования с нами!) вернул Светлане паспорт, который хранил в своем сейфе, и стал готовиться к ее отъезду.

Светлана тоже как будто собиралась в дорогу: устроила стирку, развесила в комнате белье, стала собирать вещи. По предварительной договоренности, в то же время с прощальным визитом к ней пришла ее приятельница — дочь посла Индии в СССР и стала ждать ее у ворот посольства. Ждет полчаса, час, а Светланы все нет и нет.

Тут уж и наша охрана забеспокоилась. Заглянули в комнату — белье висит, все на месте, казалось, что и сама хозяйка где-то рядом… Лишь после того, как тревожная информация дошла до резидента, произвели осмотр всей комнаты. Но Аллилуевой уже и след простыл: калитка американского посольства в 40 метрах от нашего — туда она и прошмыгнула.

Один из охранников видел Светлану: с небольшим чемоданчиком в руках она направлялась к выходу, сказав

мимоходом, что должна встретиться с дочерью индийского посла. Охранник, естественно, не обратил на это никакого внимания — такие встречи с посетителями у посольских ворот были постоянными.

В эту же ночь из американского посольства Светлана Аллилуева была тайно переправлена в аэропорт Дели, а оттуда — в Швейцарию, где и попросила политического убежища.

Швейцарцы ей отказали, боясь дипломатических осложнений с СССР. Аллилуева выехала в Италию, но и там на свою просьбу предоставить ей политическое убежище получила отказ.

Несколько раз она звонила в Москву и разговаривала с сыном. Оказавшись в двусмысленном положении, Иосиф довольно резко высказал матери все, что думал по поводу ее побега, и отказал ей в разговоре с сестрой.

Вскоре беглянка оказалась на американской военной базе в ФРГ, а оттуда была переброшена в США, где власти удовлетворили ее просьбу о политическом убежище…

Как я узнал позже, Брежнев решил использовать этот момент для осуществления своих давних планов — освободить меня от должности председателя КГБ (а вместе со мною убрать и других неугодных ему бывших комсомольских вожаков). Вначале он обработал Подгорного и получил его согласие, затем вдвоем они стали «давить» на Косыгина. Тот долго сопротивлялся. Чем только не пугали Косыгина: и «теневым кабинетом», и возможным переворотом. Наконец уломали и его. Суслов, как всегда, присоединился к «тройке»: у нас с ним всегда были натянутые отношения…

А мы в КГБ тем временем разрабатывали контрмеры, чтобы локализовать попытки иностранных спецслужб использовать бегство Аллилуевой в антисоветской пропаганде. Это был год полувекового юбилея Октябрьской революции, и мы не хотели, чтобы праздник был хоть чем-то омрачен.

Больше всего мы боялись, что, получив рукопись «Двадцать писем к другу», американцы нашпигуют ее махровым антисоветским содержанием и этот пасквиль за подписью дочери Сталина растиражируют по всему миру.

Я предлагал, чтобы мы объявили, что подлинный экземпляр рукописи Аллилуевой находится в сейфе одного из швейцарских банков и после издания книги на Западе мы предоставим его для сравнения. Кроме того, я предложил упредить американцев и опубликовать подлинный текст «Писем» на Западе, используя каналы КГБ. Мы даже установили контакт с одним из

западногерманских журналов, который был готов опубликовать исходный текст и заплатить нам при этом 50 000 долларов. При этом мы не хотели менять текст рукописи, чтобы Светлана не имела к нам никаких претензий.

С этими предложениями я пришел 18 мая на заседание Политбюро. Наша идея не нашла поддержки. Несколько членов Политбюро выступили против. Особенно возмущался Подгорный:

— Как это так — своими руками грязь на себя лить?

Разгорелся спор, и в результате мне было поручено изучить это дело дополнительно.

Когда все мои вопросы по повестке дня закончились и я собрался уходить, Брежнев неожиданно остановил меня:

— Владимир Ефимович, вы нам еще потребуетесь.

— Хорошо, я подожду в приемной.

— Нет-нет, останьтесь. У нас есть еще один дополнительный вопрос. Мы, — продолжил он, обращаясь к присутствующим, — то есть я, Подгорный, Косыгин и Суслов, вносим предложение освободить товарища Семичастного от занимаемой должности председателя КГБ. Он уже давно работает, претензий к нему никаких нет, но, чтобы приблизить Комитет госбезопасности к ЦК, мы рекомендуем на эту должность Андропова, а товарища Семичастного послать на Украину.

— Что значит приблизить?! — взорвался я. — Я ведь член ЦК. Если есть какие ошибки, давайте создадим комиссию, расследуем…

— Нет, ну что вы, Владимир Ефимович, никаких претензий, — стушевался Брежнев.

— И почему на Украину? Что я там буду делать?

Здесь вмешался П.Шелест:

— Мы вам найдем работу!

— А почему вы мне должны искать работу? Я состою на учете в московской партийной организации — это ее забота.

— Ты помолчи, — одергивал меня Машеров, — ты помолчи…

Тут посыпались реплики с мест. Итог подвел Мжаванадзе:

— Ну кто-то же должен ответить за Аллилуеву.

— Вас же обязали охранять, — поддержал его Подгорный — Вот пусть и отвечает тот, кто разрешил этот выезд, — огрызнулся я. — Охранять Аллилуеву в индийской деревне русским чекистам не представляется возможным: очень уж они отличаются от местного населения. Да и гостиницы в деревне нет.

Тогда в полемику вмешался Косыгин и рассказал всю предысторию. К его чести, рассказал все, как было, ничего не забыв и не утаив. Вспомнили даже о моей прошлогодней записке

в ЦК КПСС, где я информировал о подходах английских и американских спецслужб к Светлане Аллилуевой, когда она еще проживала в Москве.

Но Брежнев свернул дебаты. Вопрос был предрешен.

Позже я получил решение Политбюро, в котором обмен репликами (например, реплика Мжаванадзе) был подан как солидные выступления членов Политбюро. На это заседание специально был вызван председатель Комитета партийного контроля Пельше, находившийся в Чехословакии в составе парламентской делегации. Отсутствовали только Шелепин, который оказался в больнице после автокатастрофы, и Воронов. Воронов был непредсказуемым человеком. У нас с ним не было близких отношений, но Брежнев боялся именно его непредсказуемости, потому срочно послал вручать награды во Владимирскую область. Вдалеке от Москвы он не мог уже задавать свои «неприятные» вопросы.

ЦК партии потом дал указание, чтобы на местах объясняли, что В.Семичастного освободили от руководства КГБ в связи с бегством за рубеж Светланы Аллилуевой — дочери Сталина. Это было глупое объяснение, но часть партийных функционеров его приняла.

Мне даже не сказали, что я еду первым заместителем председателя Совета Министров Украины.

Согласия я вначале не дал, но когда моя отставка стала обволакиваться всякими ненужными разговорами, когда начали вешать ярлыки и делать далеко идущие выводы, я понял: выхода у меня нет. Позвонил Шелесту, потом Щербицкому и сказал, что я согласен…

Тут же, на заседании Политбюро, была создана комиссия в составе Кириленко, Пельше, Мазурова, Андропова, Семичастного для передачи дел вновь назначенному председателю КГБ.

Сразу же после заседания я отправился на Лубянку, созвал своих заместителей Панкратова и Баранникова. Захаров был в командировке в Ленинграде. Им я и сообщил о содержании заседания Политбюро.

Они были изумлены всем происшедшим так же, как и я. Мы попросили принести нам чаю и продолжали обсуждать случившееся. Так мы разговаривали примерно час-полтора, как вдруг появился секретарь из моей приемной.

— Товарищ генерал, у нас в здании члены Политбюро, — он был растерян, и голос его немного дрожал.

— Какие члены Политбюро и сколько их?

— Не знаю, — прозвучал ответ, — их там много.

— Что ж, приглашай сюда, — ничего иного мне не оставалось сказать.

Первым появился Кириленко, за ним — Пельше, Мазуров и Андропов. Я встал им навстречу, предложил чаю, спросил, чему обязан их приходом.

— Мы пришли работать, — коротко ответил Кириленко. — Разве ты не слышал на Политбюро?

— Ну зачем же так? — удивился я. — Уж не боитесь ли, что ночью организую переворот?

— Почему так с нами разговариваешь? — покривился Кириленко: мой вопрос ему не понравился.

— Как вы разговаривали со мной, так и я отвечаю, — заявил я, стараясь сохранить спокойствие. — Ведь еще нет Указа Президиума Верховного Совета об освобождении меня от занимаемой должности.

— Указ будет, — коротко бросил Андропов.

Удивлению моему не было границ. В состав Президиума Верховного Совета СССР входили председатели президиумов всех 15 союзных республик, и за полтора часа было невозможно даже обзвонить их всех, не то чтобы собрать подписи.

Однако все это не имело уже никакого значения.

Пакет, содержащий Указ Президиума Верховного Совета о моем освобождении и назначении Юрия Владимировича Андропова, был доставлен к нам на Лубянку в ближайшие полчаса. Я, наверное, смотрел на все это с некоторой растерянностью, зато на лице Кириленко сияла победная улыбка.

Ознакомившись с Указом, я спросил у членов комиссии, что будем делать дальше.

— Прежде всего надо же представить нового председателя, — был ответ.

— Кому? — я сознательно тянул время. — Ведь сейчас девятый час вечера. Люди закончили работу и разошлись по домам, некоторые уехали за город на дачи.

— И их нужно срочно вызвать сюда, — не моргнув глазом, заявил Кириленко. — Пошлите за ними машины.

Стали составлять списки. Речь шла о членах коллегии и начальниках отделов. Определили, кого и как доставлять, и занялись делом. Начальник секретариата получил соответствующие инструкции.

— Разумеется, здесь должен быть и Цинев, — уточнил особо Андропов.

— Цинев здесь должен быть в любом случае, он начальник управления, — бросил я в его сторону. — Проблема в другом: несколько дней назад он лег в больницу, ему должны были

сделать небольшую операцию, и сделали ему ее уже или нет, я не знаю.

— Ничего ему не делали, — проронил новый председатель.

Эта реплика вывела меня из себя.

— Юрий Владимирович, — уже резко я сказал ему. — Если вы пришли с готовым списком тех, кто должен присутствовать на моих похоронах, так выкладывайте его на стол, и мы призовем вам всех, кого пожелаете, включая Цинева.

Те, кто был в Москве, приехали быстро. Ждать людей, находившихся за городом, пришлось еще почти два часа. Начальник секретариата регулярно выдавал информацию о приезде вызываемых. Его сообщения слышали все присутствующие.

Наконец все в сборе. Все, кроме Цинева.

— Давайте, Владимир Ефимович, обойдемся без него, — мягко сказал Пельше.

— Ни в коем случае, — уже злорадно упорствовал я. — Раз есть указание проводить заседание при участии товарища Цинева, будем ждать его.

Мы ждали еще четверть часа, продолжая обмен малозначащими репликами. Кто-то из них заговорил о моей будущей работе в Киеве.

— Определять, кто станет новым председателем КГБ, — дело ваше, — вставил я. — Но прежде, чем решать вопрос о моей работе в дальнейшем, вы обязаны были бы спросить мое мнение. У меня дома сын и дочь. Оба комсомольцы, что я должен им сказать? За что меня освободили?

— А как я буду объяснять дома, почему меня из секретаря Центрального Комитета сделали председателем КГБ? — вдруг вставил свое слово в разговор Андропов.

— Вас-то быстро поймут, — парировал я. — Они поймут, что вам доверили более ответственный пост.

Кириленко неожиданно предложил сообщить о смене руководства КГБ начальникам органов КГБ в областях, краях и республиках и немедленно отправить шифрограммы об этом же всем резидентам разведки за рубежом. Кириленко хотел, чтобы я сам подготовил текст и отдал приказ шифрограммы разослать.

— Как? Я еще должен писать себе некролог?! — возмутился я. — Ну нет! Пусть все это делает новый председатель.

— Но он еще не знает, как это делается; он в этих стенах впервые, — пытался уговорить меня Кириленко.

— Ничего, одолеет! Тут аппарат такой, который и без нового председателя все знает, что и как лучше сделать.

Мои заместители позже мне говорили, что так резко, как я

разговаривал с нашими вечерними визитерами, я ни разу не позволял себе разговаривать даже с ними.

— Но ведь вы меня никогда ни к чему подобному и не вынуждали, — отвечал я им.

Все это время Мазуров молчал, стоя у окна и разглядывая памятник Феликсу Дзержинскому. Да и Пельше в обмене мнениями практически не участвовал.

Наконец прибыл Цинев, заседание могло начинаться. Открыл его Кириленко и сразу же предоставил слово Пельше — явно работал план, составленный заранее.

А.Я.Пельше повторил то, что говорилось на Политбюро:

— К Владимиру Ефимовичу нет никаких претензий. Он просто переводится на другую работу, так как давно занимает этот пост.

О Светлане — ни слова. Оно и понятно: в среде разведчиков такое напоминание вызвало бы только улыбки. Не было сказано ни слова об «удаленности КГБ от Центрального Комитета». Вся речь заняла не более двух минут. Больше речей и вопросов не было.

Тогда попросил слова я. Кириленко сделал вид, что не слышит.

— Могу сказать пару слов? — повторил я свой вопрос более настойчиво.

Мазуров, сидевший рядом, наклонился, чтобы удержать меня от выступления.

Но я встал и начал без разрешения:

— Я ухожу из КГБ и хотел бы на прощание сказать несколько слов. Благодарю всех присутствующих за дружную совместную работу и ту помощь, которую все вы оказывали мне. Особенно в начале моей работы в органах. Все без исключения относились ко мне очень хорошо, сделали все для того, чтобы я как можно быстрее включился в практическую деятельность. Хотел бы всех попросить, чтобы вы также приняли и нового председателя.

Я закончил и сел на свое место.

— Молодец, — последовало из уст Мазурова.

— А вы думали, что я начну апеллировать к присутствующим? Предлагать осудить решение Политбюро? Мы все из одной партии и должны гораздо больше доверять друг другу.

Мы снова возвратились в мой кабинет. Я вдруг почувствовал себя собранным и спокойном, если так можно было назвать мое состояние. И когда Кириленко предложил мне передать новому председателю ключи от сейфов, я твердо сказал, что здесь мой второй дом. Помимо всего прочего, за шесть лет тут скопилось

множество разных книг, бумаг, вещей, в том числе и моих личных, что мне нужно все это разобрать, сдать секретарям кое-какие материалы, что-то отправить домой.

Долго мялись, не соглашались, но я был непреклонен. Они, видно, получили строгое указание, но не знали, как его исполнить. Позже я узнал, что был недалек от истины: когда Брежнев узнал, что меня в конце концов оставили в кабинете одного, он резко отругал Кириленко. Может быть, полагал, что у меня хранится какой-то план «заговора»?..

«Похоронная команда» покинула дом на Лубянке незадолго до полуночи. Мы остались одни. Мы — это я, начальник канцелярии и мои помощники. Предстояла нелегкая работа. Лубянку мы покинули, когда было уже 4 часа утра.

На следующее утро, где-то около десяти, я позвонил начальнику секретариата. Тот сообщил, что Андропов уже находится на своем новом рабочем месте. Я поехал к нему передать ключи от столов и сейфов.

Андропов встретил меня ледяным холодом, не задал не одного вопроса о работе, о кадрах. Я не удержался и позволил себе короткую реплику:

— Вы, Юрий Владимирович, здесь править не будете. Хозяевами станут Циневы.

О Цвигуне в тот момент я еще ничего не знал.

— Это уже вас не касается, — грубо оборвал меня Андропов.

— Что ж, поживем — увидим, — поставил я точку в нашем разговоре.

Новый глава КГБ молча взял ключи, что-то нечленораздельное пробормотал себе под нос, а я направился к двери.

Больше мы с ним не встречались.

Весь спектакль моего расставания с КГБ имел еще одну маленькую сценку, этакий эпилог. Через два или три дня после моего освобождения я позвонил на Лубянку, чтобы договориться с начальником секретариата о передаче служебного удостоверения и еще каких-то бумаг, а заодно сняться с партийного учета.

— Только не идите через главный подъезд, — попросил меня начальник секретариата.

— Как, и на этот счет есть приказ?

— Да. При этом было сказано, чтобы вы вернули удостоверение как можно быстрее.

— Все ясно, — я перевел дыхание и положил трубку.

Видимо, указание шло от Андропова.

Вот с отключением телефонов на квартире не спешили. Через

несколько дней я услышал голос начальника секретариата. Он сообщил, что из Азербайджана вызывают в Москву Цвигуна.

— Бог с ним, — сказал я сначала, а потом все-таки поинтересовался: — А чего от него хотят?

— Вы никогда не догадаетесь!

И в самом деле. Я бы никогда не подумал о том, что затем услышал: Цвигуна назначили вторым первым заместителем председателя КГБ…

Вопрос, почему в кресло председателя на Лубянке был посажен именно Юрий Андропов, вполне логичен. Моя версия ответа на него такова.

Андропов был на десять лет старше меня, а его практическая деятельность в области международной политики сравнительно богата. В 1953–1957 годах он был послом в Венгрии, в 1962-1967-м — секретарем ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Таковы причины официальные, именно о них писалось и в печати.

Но были обстоятельства и неписаные. Они датировались временем более давним, уходили глубже в историю, и их ценность определялась не столько пользой для всей страны, сколько благом для личной безопасности Леонида Ильича Брежнева.

Вскоре после Великой Отечественной войны Юрий Андропов занимал пост второго секретаря ЦК компартии тогдашней Карело-Финской республики. Первым секретарем был Куприянов, ранее работавший в ленинградской партийной организации.

В ходе так называемого Ленинградского дела в конце сороковых годов с помощью сфальсифицированных доказательств пострадало много партийных, хозяйственных и даже комсомольских работников Ленинграда. Многие из них уже давно работали в других районах страны. Жертвой этого грязного дела стал даже председатель Госплана СССР, заместитель председателя Совета Министров Вознесенский. Андропов выглядел в этой истории не самым лучшим образом. Куприянов оказался в тюрьме и находился там довольно длительное время.

Мне известно, что после смерти Куприянова руководители теперь уже Карельской Автономной Социалистической Республики передали две объемные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, Шелепину, а тот — Брежневу. В записях утверждалось, что и Андропов приложил свою руку к тому, что некоторые ленинградцы оказались среди репрессированных.

Что было сделано с этими тетрадями, каков их дальнейший

путь, никому и ничего не известно. Их можно было передать в прокуратуру, а можно было и поберечь на всякий случай, дав знать Андропову, что они существуют.

Но это еще не все. В середине шестидесятых годов часть бывших ленинградцев открыто обратились в Центральный Комитет с письмом, в котором обвиняли Андропова в тех же самых проступках. Это письмо было передано для проверки в Комитет партийного контроля, а последний в ходе расследования обратился в Комитет государственной безопасности, ко мне лично, с просьбой дать заключение по этому письму.

У нас с Андроповым никогда не было близких отношений. Мы знали друг друга, но наши пути пересекались крайне редко. Однако в тот момент, когда Андропов узнал о поступившем письме, он стал искать подходы ко мне и, конечно же, обратился к Шелепину. У них отношения были более дружескими. Он пытался через Шелепина воздействовать на содержание моего ответа и дипломатично просил, чтобы Шелепин проследил за правильностью и точностью изложенных фактов. Ко мне лично он никогда не обращался, хотя все происходившее его долго беспокоило.

После того как было установлено, что часть сведений действительно имела место (однако главным виновником репрессий Андропов, конечно же, не был), я передал наше заключение первому заместителю председателя Комитета партийного контроля при Центральном Комитете партии Сердюку. И вскоре был освобожден от должности, так что судьба разбирательства в Комитете партийного контроля мне не известна.

Склонен думать, что возникшее положение Брежнева в высшей мере устраивало. Миронов ушел в мир иной, Цинева и Цвигуна он не мог предложить на пост председателя. Это было бы уж слишком прямолинейно. Партийный актив плохо воспринял бы такой шаг. Секретарь ЦК Андропов был наиболее подходящей фигурой. Он не был родом из Днепропетровска, «человеком Брежнева» его никто не называл, за его плечами была хорошая школа дипломатической и партийной работы.

В последующем Брежнев сделал еще несколько шагов, чтобы приблизить к себе Андропова и сделать его еще более обязанным ему. Андропов вначале становится кандидатом, а затем и полноправным членом Политбюро. Впервые после Берии председатель КГБ приобретает слишком большую власть в стране, и не только председатель, но и КГБ в целом повышает свои акции.

Однако подлинной самостоятельности у Юрия Владимировича было очень мало. Цинев и Цвигун следовали за

ним по пятам. Даже когда председатель КГБ ездил в аэропорт провожать или встречать генерального секретаря, они сопровождали своего шефа. Хотя общее число заместителей перевалило за десяток, двум первым заместителям нечего было делать на аэродромах и вокзалах. Дорого это обходилось государству. Я вообще не могу себе представить, как с таким количеством заместителей можно оперативно работать. Оперативность уступала место бюрократизму.

А что касается Цинева и Цвигуна, то они, вероятнее всего, за отличное исполнение своих обязанностей получили звания генералов армии, и им даже присвоили почетное звание Героев Социалистического Труда.

Органы КГБ усилили контроль за так называемыми диссидентами. Число самих диссидентов к тому времени значительно возросло. Одних профилактировали, других пытались лечить, а третьих отправляли за границу. Сравнивать с тем, что было в мою бытность в КГБ, не приходится. Показатели возросли значительно. Для этой работы потребовалось создать специально новое Пятое управление.

Как это ни парадоксально, но судьбе было угодно, чтобы за мной стали следить те же самые люди, что обеспечивали слежку за Сахаровым и Солженицыным.

В Киев иногда доходили до меня вести о том, что происходит в КГБ. В первый раз я порадовался тому, что уже не нахожусь рядом с Брежневым, в 1968 году, когда войска стран Варшавского договора вступили в Чехословакию. Я не высказывался открыто против этой акции, однако с некоторыми новыми методами работы не мог согласиться. Не могу сказать, что в то время я бы поступал совсем иначе, чем это делал Андропов. Всех подробностей его действий, понятно, я не знал. Однако был рад, что за отправку войск в соседнюю дружественную страну не несу никакой ответственности.

Подобные же чувства я испытал еще один раз, но тогда мое неприятие событий носило более категоричный характер. Я имею в виду направление наших солдат в соседнюю страну, в Афганистан. Думаю, в 1978 году совесть у КГБ была нечиста. Вошли в страну, с которой у нас на протяжении длительного времени были самые дружеские отношения! Ведь граница с Афганистаном относилась к наиболее спокойным и надежным.

Пышным цветом начала проявляться коррупция, в том числе и в высших эшелонах власти. Большинство партийных комитетов в Краснодарском крае было причастно к мафии. В Узбекистане у одного из председателей местного колхоза были даже своя

служба безопасности и своя тюрьма. В абсолютном противоречии с действовавшими советскими законами этот председатель проводил допросы и карал провинившихся по своему усмотрению.

Возникал вопрос: КГБ и лично Андропов знали об этом? Думается, знали, но смелости не хватило восстать против всего этого.

В Киеве я держался, насколько возможно, подальше от своих бывших коллег. Не хотел ставить их в затруднительное положение, тем более что перед моим приездом Шелест их собирал и предупреждал о нежелательности поддерживать со мной контакты.

И все-таки с чекистами мне пришлось раз столкнуться лбами. Однажды, было это уже после XXIV съезда КПСС, разговаривал я по телефону, и мне показалось, что на телефоне то ли кто-то висит, то ли он «под кнопкой». Я давно научился быть осторожным при телефонных разговорах, однако сам факт явного прослушивания меня основательно разозлил.

Закончив разговор, я положил трубку, потом снова ее поднял и набрал другой номер — начальника Пятого управления КГБ Украины Калаша. Этого человека я знал, когда он был моим подчиненным в КГБ, а еще раньше — по комсомолу. Он был у меня заместителем по кадрам. На него-то я и обрушил весь свой гнев:

— Не можете чисто работать, тогда займитесь чем-нибудь другим, — жестко сказал я.

— Владимир Ефимович, это неправда, этого не может быть, мы не следим, мы…

— Ты брось оправдываться. Ты не умеешь этого делать и прекрати, не позорься! Хочешь проверить? Приезжай, сам попробуй поговорить по этому «правительственному» телефону.

И он, видно, донес Федорчуку, тот — Шелесту, и Шелест мне говорит:

— Не связывайся ты с ними, ой вони будет! — Он сказал это по-хорошему, по-доброму.

С приездом Федорчука на Украину Шелест почувствовал себя стесненно. Он даже, как мне показалось, решил в чем-то меня предостеречь.

Было это на одном из заседаний, посвященном Ленинским дням. В президиуме народу почти столько же, сколько и в зале. Первый ряд президиума — все члены и кандидаты в члены Политбюро, а мы, зампреды, — второй ряд. Когда объявили перерыв и я шел мимо Шелеста, он меня неожиданно остановил:

— Вы зачем там связываетесь с чекистами?

— Так Федорчук, значит, пожаловался вам, Петр Ефимович? — спросил я. — Что бы ему обратиться прямо ко мне? Или он меня не знает? Или уже совсем забыл? Или, может быть, ему стыдно? — продолжал я наступать на Шелеста. — А если то, что я утверждаю, выдумка, так он мог бы сказать об этом и мне лично, а не через первого секретаря ЦК партии…

Федорчука я знал еще по работе в КГБ: он был начальником контрразведки Группы советских войск в ГДР. Я тогда дважды инспектировал его и «воспитывал». А потом пришлось разбираться в неприятном деле, когда у него застрелился сын из его табельного оружия. Это была целая эпопея…

Мое чувство партийной дисциплины побуждало меня по-прежнему оставаться в Киеве. Первоначальный оптимизм и надежда на возвращение в столицу с годами уменьшались. Если сначала я верил в падение Брежнева и надеялся на новый ход в «большую политику», то позже готов был вернуться в Москву и без всякой серьезной должности в перспективе.

А Брежнев тем временем продолжал всюду расставлять своих людей, убирать неугодных и строптивых. Он был великий артист. Умел носить театральную маску на лице. За годы работы в Киеве я встречался с ним еще несколько раз, и всегда он вел себя на людях так, словно мы были лучшими друзьями.

— А ты никак поседел, — говорил он мне при встрече, которой суждено было стать последней.

— Еще бы! — отвечал я. — После всего того, что произошло, я рад, что у меня на голове остались хотя бы седые волосы.

— Это почему так? — удивлялся он. — Ты плохо себя чувствуешь? — продолжал притворяться генеральный секретарь.

— Не могу дождаться, когда все кончится.

Посмотрел на меня внимательно, видимо, не понял, что я имею в виду.

— Мое изгнание, — пояснил я коротко. — Да вы же сами хорошо знаете, о чем я говорю.

Но тут подошел В.В.Щербицкий, и разговор наш оборвался.

Чтобы понять, как низко пали при Брежневе органы КГБ и Министерства внутренних дел, достаточно для примера привести такую статистику: в различных закулисных схватках и расследованиях собственной рукой покончили с жизнью Н.А.Щелоков и его жена, затем его первый заместитель и, наконец, позже заведующий сектором отдела Министерства внутренних дел в отделении административных органов Центрального Комитета. К этому числу следует прибавить и

нескольких других, рангом поменьше, должностных лиц. Слишком много самоубийств по вине одного только, министра внутренних дел.

В самом конце брежневской эры закончил жизнь самоубийством и первый заместитель председателя КГБ генерал С.К.Цвигун. А товарищ председатель КГБ смотрел на все это молча. Собственно, как всегда…

Ссылка на Украину

Был май 1967 года. Киев был прекрасен — весна в полном разгаре, цвели каштаны, но на душе у меня было прескверно. На Украину я поехал в надежде, что проработаю там год-два, а задержался на целых четырнадцать лет.

Если раньше из Киева началось мое движение наверх, то теперь, побывав на высших этажах власти, я вновь опустился на грешную землю и опять оказался в Киеве. Круг как бы замкнулся.

Первые три года я был третьим первым заместителем председателя Совмина Украины. По местным масштабам высокий пост. Я занял не свободное место, а специально учрежденную для меня должность. В правительстве Украины уже было два первых заместителя и девять — просто замов.

Первое время все было очень непривычно. Телефоны, прежде звонившие, словно наперегонки, вдруг замолкли. Из множества регулярных контактов остался абсолютный минимум. Хотя я и находился в столице, но явно чувствовалась во всем провинциальность.

Семья осталась в Москве. Дети отказались ехать на Украину. Они выросли в Москве, учились в институтах. Там были их друзья. Жена преподавала в вузе, заканчивала кандидатскую диссертацию. Да и не хотелось нам верить, что ссылка продлится долго.

Здесь, в Киеве я, бессчетное число раз возвращаясь к прошлому, корил себя за помощь Брежневу в 1964 году. Но и тогда не сожалел о том, что участвовал в смещении Хрущева. Горько лишь было осознавать, что на место Никиты Сергеевича пришел именно Брежнев, оказавшийся легковесным для такой должности человеком, интриганом. Но тут же, возвращаясь к октябрю шестьдесят четвертого, я снова приходил к мысли, что на тот момент альтернативы ему не существовало…

Потребовалось больше года, чтобы привыкнуть к новому ритму жизни и работы. Прошло немало времени, прежде чем я втянулся в работу, снова ощутил свою полезность.

Как заместителю председателя Совмина Украины мне поручили, по совету П.Е.Шелеста, прежде всего курировать транспорт и связь.

Почему мне дали транспорт и связь? Не думаю, что кто-то вспомнил, что в семнадцать лет, в 1941-м, сразу после окончания школы я работал секретарем узлового комитета комсомола. Это было случайное назначение.

Но, оказывается, ничего случайного в этой жизни нет. Интересно, что когда в 1972 году Шелеста перевели в Москву и сделали заместителем председателя Совета Министров СССР, ему тоже поручили транспорт и связь. Это знак судьбы: ты не подумал, что и с тобой может случиться подобное, и получил то же самое. Действительно судьба…

Я курировал весь транспорт: автомобильный, речной, морской, авиационный, железнодорожный. Ведь на Украине шесть самостоятельных крупнейших железных дорог! Грузооборот на железных дорогах колоссальный.

Много сил пришлось вкладывать в развитие железнодорожного транспорта, что было связано с капитальными вложениями, со строительством и развитием вокзалов, паровозных и вагонных депо.

Тогда республиканские отраслевые министерства работали в тесной связи с союзными министерствами. Поэтому у меня была постоянная связь с министром путей сообщения Павловским и его первым замом Ундобиным. Они часто бывали на Украине, вместе мы проводили различные совещания, выезжали на места, надоедали друг другу по телефону.

Не всегда все решалось гладко и полюбовно. Часто приходилось «выбивать» из союзного Министерства путей сообщения средства и материалы на развитие ведущих железнодорожных узлов. Регулярно мы собирали совещания начальников дорог. Они всегда участвовали в заседаниях Совета Министров, что давало им возможность чувствовать пульс работы и жизни республики.

Тут я еще раз убедился, как много зависит от личности руководителя. Шесть железных дорог — шесть начальников дорог. Каждый из них — крупный организатор, влюбленный в свою профессию. Не могу не сказать о некоторых из них.

Крупнейшей, Донецкой железной дорогой руководил очень толковый и перспективный человек Преклонский. Он вполне мог бы стать министром путей сообщения СССР, но судьба распорядилась по-своему.

Много сил он вложил в развитие дороги, в обеспечение точного графика работы. На своей железной дороге он насаждал высокую культуру труда и отдыха. Был отличным спортсменом, прекрасно играл в теннис. По его инициативе в Донецке построили такие теннисные корты, что там проходили игры на первенство СССР и международные встречи. К несчастью, он попал в автомобильную катастрофу и скоро ушел из жизни.

Начальником Приднепровской железной дороги, центральное управление которой располагалось в Харькове, был Николай

Семенович Конарев, который потом, после Павловского, стал министром путей сообщения Советского Союза. Тоже толковый, разумный человек.

Юго-Западную железную дорогу с центром в Киеве возглавлял Петр Федорович Кривонос, знаменитый машинист. До войны его имя стояло рядом с именем Стаханова и гремело на всю страну. Водитель большегрузных скоростных составов, он в итоге дослужился до начальника Юго-Западной железной дороги и вел дело очень хорошо.

В морском транспорте главной проблемой была разгрузка судов в портах, потому что тогда закупали много зерна в Канаде и других странах и на рейде выстраивались десятки пароходов, которые необходимо было вовремя разгрузить и сразу же отправить из портов.

Но наши порты были больше приспособлены на погрузку, на вывоз. И вот тут мне приходилось прилагать много усилий, чтобы соответствующим образом оборудовать порты, закупить специальные машины для выкачки зерна из трюмов, для загрузки его в вагоны. Я иногда просиживал в Одессе, Измаиле и в других городах неделями, чтобы обеспечить разгрузку и вывоз оттуда зерна.

Много хлопот доставляло нам тогда Азовское пароходство, где часто случались всякие ЧП. Помню одну очень серьезную катастрофу, когда перевозили из Керчи в Мариуполь (тогда город Жданов) в специальных ковшах расплавленный металл и в море пароход перевернулся. Погибли люди. Мне тогда пришлось возглавлять правительственную комиссию: устанавливать причины катастрофы и виновных.

В Киеве находилось главное управление речного пароходства, которое непосредственно выходило на меня. И хотя у речников было меньше судов, чем у морского пароходства, проблем и забот хватало.

Тут добавлялись хлопоты со всякими туристическими круизами. К концу моего пребывания на Украине уже научились строить корабли «река — море», поэтому круизы могли идти по Днепру, выходить в Черное море и заходить на Дунай.

Авиационный транспорт в основном занимался пассажирскими перевозками. Это были ведущие объединения Аэрофлота, базировавшиеся во всех крупных городах: Киевский отряд, Одесский, Днепропетровский и другие. Все начальники этих агентств Аэрофлота выходили на наш отдел, и мы с ними работали.

Центральным вопросом было обеспечение безопасности полетов. И хотя в этой сфере много делалось, авиакатастрофы

случались.

Это всегда доставляло много неприятностей, я не раз возглавлял комиссии по расследованию дел, связанных с авариями.

Но больше всего усилий требовали дорожное строительство и автомобильный транспорт. Тут мы вели с Госпланом настоящую войну.

Я не раз бывал в Москве на приеме у Мазурова и других руководителей, выбивал соответствующие материалы и, конечно, боролся за то, чтобы у нас не забирали деньги, которые мы получали на строительство автомобильных дорог, на иные цели.

И здесь опять все решали люди. Министром автомобильных дорог был Н.П.Шульгин, бывший первый секретарь Донецкого горкома партии, очень толковый человек. Он вместе с Дегтяревым, первым секретарем обкома партии, сделал Донецк лучшим городом Украины! ЮНЕСКО присудило Донецку золотую медаль за благоустройство. Миллион роз было высажено в городе, все скверы были покрыты английским зеленым газоном. Когда-то серый и черный шахтерский Донецк превратили в красивый европейский город.

Можно сказать, что Шульгин «обул» Украину в дороги. По строительству дорог Украина выделялась среди всех республик. Россия в этом с Украиной тягаться не могла. Мы ввели сбор на дорожное строительство. Кстати, Шелест очень поддержал меня тут. Все области строили ежегодно по 500–600 километров дорог. Это колоссальное было дело! Вот такой был Николай Павлович министр.

Я все время Щербицкому говорил:

— Давайте представим Шульгина на Героя Соцтруда. Ведь испокон веков Россия и Украина «славились» бездорожьем. А тут построили такие замечательные магистрали! Да Николай Павлович — всем министрам министр!

— Погоди, успеется…

Радоваться бы надо, что такие люди есть, ан нет! Таким был Щербицкий: к людям относился не очень уважительно и не очень ценил труд других людей.

Умер Шульгин, так и не получив звание Героя. А ведь заслужил он эту Звезду!..

Интересная работа сложилась у меня с Министерством связи. Василий Александрович Шамшин, в то время первый заместитель министра связи СССР Талызина, приезжал к нам часто. Мы с ним всегда в конце года проводили итоговые заседания коллегии министерства, где разбирались вопросы развития связи, почты,

телеграфа. Больным вопросом было строительство АТС: тогда на Украине не хватало телефонов. Нам удалось построить много таких станций.

Вся эта работа, казалось, совсем не моя, потому что у меня не было технического образования. Но опыт работы с людьми, организаторские навыки помогали. Главное — надо было создать крепкий коллектив специалистов. И мне это удалось. Получился очень квалифицированный, грамотный отдел.

Министры были, как правило, хорошие специалисты, знатоки своего дела, и не было нужды повседневно вмешиваться в их работу. Количество министерств было такое, что главной задачей было — не мешать им работать. Только подталкивать и контролировать, следить и помогать. Этим я и занимался.

Контакты шли по принципиальным вопросам. Министры приходили советоваться, бывало, вызывал их и я, ставил перед ними проблемы, и дальше они прекрасно все решали сами. За мной оставалось лишь «пробивать» что нужно в «верхах» — в союзных министерствах и в Госплане.

Спорт мне дали по старой памяти, чтобы разгрузить зампреда, который ведал культурой.

Занимался я также Комитетом по делам религий при Совете Министров Украины. Главой церковной власти был экзарх Украины. И вот этот Комитет был как бы посредником между правительством и экзархией, всеми религиозными учреждениями, культовыми объединениями.

Возглавлял Комитет Константин Захарович Литвин, бывший секретарь ЦК партии Украины. Это был эрудированный, хорошо подготовленный человек. Он выходил непосредственно на меня, и работали мы дружно и слаженно. Да и состав Комитета состоял из квалифицированных сотрудников.

Занимался я этим Комитетом потому, что ряд вопросов надо было решать через правительство. Например, отремонтировать резиденцию экзарха или какое-то культовое помещение без решения Совета Министров не могли. Даже вопросы об автомобилях, телефонах и многом другом тоже решались через наш Комитет.

Церковь существовала на свои доходы и ремонт оплачивала сама. Тут с нашей стороны никаких субсидий, никаких дотаций, никаких капитальных вложений. Но все организационные вопросы — предоставление строителей, ремонтников, материалов — решались через нас. Государство, правда, давало средства на реставрацию Киево-Печерской лавры как исторического памятника, но Лавра не использовалась для отправления

церковных обрядов.

Проблемы возникали самые разнообразные. Например, связанные с посещениями культовых центров иностранными делегациями, с обменом делегациями. Все это согласовывалось с нами, с Советом Министров.

Нас интересовало, сколько людей проходят обряд крещения, венчания, скольких в церкви отпевают, сколько открывается новых церквей и сколько закрывается. Мы хотели знать, какие доходы имеет Церковь, какие делает расходы и прочее. Следили за статистикой в этой области и использовали ее, чтобы попенять местным властям: как же вы дело ведете, что у вас в церквях свадеб справляется больше, чем вы регистрируете в загсах, что увеличилось число крещеных детей.

Но это уже, скорее, было делом партийных, комсомольских организаций, их политическая работа. Вот для них мы эту статистику и собирали. Да, может быть, где-то и прижимали те местные комитеты партии, те местные организации, которые мало работали в этом направлении.

Говорят, что при Хрущеве на Церковь были гонения, было закрыто и порушено много церквей. Не знаю, как по стране, но на Украине в этом отношении было легче. Правда, и особого содействия Церкви не оказывалось. Не поощрялось развитие этой сети. Если какая-то церковь закрывалась, мы не возражали, но нажима в этом направлении не оказывали. Как нам тогда казалось, нельзя допускать, чтобы религиозные верования распространялись непомерно быстрыми шагами.

Сейчас можно спорить, правильная была политика или нет. Но она такой сложилась и такой вошла в нашу жизнь. Может быть, в чем-то мы и перегибали. Может быть, не надо было подталкивать к закрытию церквей, проявлять повышенный интерес к отправлению религиозных обрядов. Пусть бы комсомольские и партийные организации сами оценивали, чего они стоят, если на фоне их работы детей крестят и молодежь венчается в церкви.

Особый вопрос был к Западной Украине. Там униатская Церковь стремилась, с одной стороны, к самостоятельности, с другой — внести раскол в среду и церковников, и прихожан.

В целом мы лояльно относились к Православной Церкви, к экзархии, к ее деятельности, а в ряде случаев — даже одобрительно. Но мы не поддерживали раскольническую деятельность униатской Церкви.

Не меньшую заботу доставляли нам всякие секты. Часть их была зарегистрирована, и Комитет с ними поддерживал связь, относился к ним более или менее лояльно.

Другое дело секты подпольные. Например, были баптисты, которые работали открыто. А были такие баптисты, которые подчинялись центрам в США, получали оттуда указания. Тут мы были, как говорится, во всеоружии. Иногда пытались столкнуть их лбами, чтобы они сами доказывали, кто из них прав, кто виноват. Обращались даже к Православной Церкви, чтоб она участвовала в спорах за чистоту веры, боролась с этими сектами.

Кроме подпольных баптистов были еще самые разные секты — трясуны, адвентисты седьмого дня и многие другие. Их тогда насчитывалось до сорока видов, и все это наш Комитет учитывал, следил за ними. Нас интересовало, как сменяется состав секты, кто приходит к руководству, кто одобрительно, кто неодобрительно относится к Советской власти, кто заслуживает поддержки, а кто нет.

И это была очень важная работа, потому что мы не допускали, чтобы вредили здоровью людей, их психике.

Сейчас эти вопросы пустили на самотек, никто не контролирует деятельность сект, которых расплодилось великое множество. Более того, их активно поощряли несколько лет тому назад. Чуть не каждому сектанту давали микрофон, и они с экранов телевидения наговаривали всякий бред, как их, бедных, прижимали при Советской власти.

Но они молчат о том, почему это делалось. А ведь некоторые секты заставляли людей отречься от своих родных, от отца и матери, даже от собственных детей! Были и такие, которые голодом детей морили, приносили своего ребенка в жертву, распинали на кресте или доводили до самоубийства. Главарей же сект интересовало только их имущество. Они порабощали души людей, делали их управляемыми. Вот об этом-то они помалкивают.

А то, что некоторые секты были иезуитскими, со всякими бесчеловечными порядками и программами своей деятельности, это теперь всем известно. Мы же это еще тогда знали, следили и с этим боролись — за души людей, детей, за их здоровье и жизнь. И правильно делали. Государству нельзя со стороны наблюдать, как уводят молодежь, нельзя выпускать из поля зрения эту немаловажную сторону религиозной жизни.

Недаром даже тот куцый закон, который сейчас приняла Дума, вызвал такое неодобрение на Западе и у многих наших религиозных деятелей, особенно сектантов!

Были в моем ведении и комиссии и по трудоустройству ребят, оканчивающих школу, и по несовершеннолетним.

Комиссии эти были созданы по решению Совмина СССР и ЦК

партии. Считалось, что этими вопросами должны заниматься государственные органы, а именно — комиссии, возглавляемые зампредом Совмина.

Приходилось выслушивать доклады зампредов облисполкомов о положении в детских домах, пионерских лагерях, других детских учреждениях, заниматься проблемами преступности несовершеннолетних и мерами по ее пресечению. У меня при каждой комиссии был штатный работник — ответственный секретарь, который накапливал материалы, занимался связью с министерствами, со всеми, кто мог помочь в реализации принятых решений.

За мной была и комиссия по реэмиграции, по возвращению на родину украинцев, которые находились за кордоном — в Канаде, в Америке, в других странах. Вопрос о возвращении сначала рассматривали соответствующие органы, а потом комиссия должна была принять окончательное решение: давать согласие или нет. Комиссию эту дали мне, видно, в связи с тем, что я работал в КГБ: там тоже приходилось заниматься этими вопросами.

Разнообразная работа отвлекала от всех неприятностей, и я даже получал удовлетворение от причастности к большому государственному делу. Я приобщился практически к большому народному хозяйству, чем раньше мало занимался.

Все четырнадцать лет мне пришлось активно участвовать в составлении бюджета, народнохозяйственного плана, в обсуждении и защите позиций по своим министерствам, и все это — для улучшения жизни городов, сел, людей республики. Я видел, что мой жизненный опыт пригодился, — все шло на пользу делу.

В моей работе в Киеве были и другие положительные стороны. Я снова оказался ближе к простым людям, мог почувствовать их отношение и поддержку. Да и я каждому, кто столкнулся с несправедливостью, пытался помочь не просто советом — я не боялся вступать в конфликтные ситуации. Но при этом строго придерживался установленного порядка и соблюдал дисциплину. Того же требовал и от подчиненных.

Раздражала только уйма всяких ненужных заседаний. Вызывало досаду и неудовлетворение дублирование работы ЦК партии, который, по существу, во многих случаях подменял Совет Министров. И эта двойная арифметика, двойная занятость — на параллельных курсах — одними и теми же вопросами только вносили дезорганизацию.

Ситуация требовала реформ, элементарного наведения

порядка, а не ликвидации партии и Советской власти, как это сделали за десять последних лет. Хорошо, что у меня сложились нормальные отношения с завотделами и с секретарями ЦК! Ну, а если у кого из зампредов не складывались отношения, как же все это негативно отражалось на работе! В ЦК шесть секретарей и в Совмине девять зампредов — попробуйте всех примирить!

Мне как-то один секретарь ЦК позвонил — надо срочно выехать в Мариуполь, чтобы навести там порядок: не разгружаются пароходы, простаивают вагоны.

Я говорю:

— Послушай, только что там был завотделом транспорта ЦК партии. Зачем же мне ехать и подчищать его недоработки? Тот съездил «на экскурсию», а я должен после него доводить дело до конца?

Такие ненужные препирательства, неделовые, бездарные разговоры приносили громадную неудовлетворенность.

Потом, конечно, жить вне семьи было делом нелегким. Я уехал в Киев в надежде, что «командировка» не будет длительной. Но год шел за годом, а просвета не виделось. Семья оставалась в Москве.

Правда, в Киеве у меня были квартира, дача, и жена с детьми приезжали на все лето, а часто и на зимние каникулы. Я тоже старался почаще бывать в Москве — не столько официально, сколько неофициально. Приедешь на субботу-воскресенье, прихватишь еще день — и обратно.

Но о каждой такой поездке в Москву я должен был докладывать председателю Совмина или даже первому секретарю ЦК.

Мне В.В.Щербицкий несколько раз говорил, чтобы я забирал своих в Киев:

— Одному тут спиться можно, можно и на женщинах проколоться.

— Нет, Владимир Васильевич, вы меня на этом не поймаете. Это все для слабых. А потом, что я ребят буду таскать туда-сюда? Я завтра могу оказаться в Узбекистане, так что, мне туда их везти? Я уже был в Азербайджане, теперь я здесь и не знаю, куда еще меня пошлют. И потом в решении Президиума написано, что назначили на Украину меня, а о семье там ничего не сказано.

— Ну, как знаешь.

Позже он опять начал этот разговор, но я ему растолковывал:

— Дочь закончила в Москве школу, сын — институт. У них свои друзья, товарищи, все интересы там. Ну что я их сюда потащу? Для них здесь все новое, начинай все сначала. Зачем

переезд затевать?

— Да, пожалуй…

Позже, видимо, поразмыслив, он как-то разоткровенничался:

— Знаешь, наверное, ты прав. Я вот свою семью возил за собой везде и всюду. В результате сын учиться бросил, всюду ему ставили незаслуженные оценки, и всюду я его вытаскивал из разных неприятных историй. А теперь — ты же знаешь, он около футбольной команды крутился — у футболиста жену отбил. Не нравится мне все это…

Постепенно все от меня отстали, и больше никто не поднимал этого вопроса…

А у Щербицкого совсем невесело развивались события. Невестка внука родила — только бы радоваться, но его сын Валера умер — все здоровье пропил.

Да и сам Щербицкий в конце концов покончил жизнь самоубийством…

Под колпаком

С Петром Ефимовичем Шелестом я познакомился, когда, будучи председателем КГБ, приезжал на Украину проводить там совещания, но дело имел в основном с Подгорным, тогда первым секретарем ЦК КПУ, поэтому отношения мои с Шелестом строились как вполне официальные.

А вот когда в 1964 году происходили события, связанные с освобождением Хрущева на октябрьском пленуме ЦК КПСС, мы познакомились ближе.

Ехал я на Украину, зная, что обстановка там непростая: «хозяином» в республике был Шелест, но работать мне предстояло под началом Щербицкого, у которого были с ним довольно сложные отношения.

Дело в том, что Щербицкий в душе считал: Шелест занял его место. Так, собственно, и было.

Когда в 1963 году после перевода Подгорного в Москву встал вопрос о первом секретаре ЦК КП Украины, вначале рассматривалась кандидатура Щербицкого, занимавшего с 1961 года пост председателя Совета Министров Украины, бывшего уже тогда секретарем ЦК КПУ и даже кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

Но на беду свою Щербицкий где-то неодобрительно и резко высказался по поводу совнархозов и ликвидации министерств. Это дошло до Хрущева, и Щербицкого быстро выслали в Днепродзержинск первым секретарем обкома (потом — промышленного обкома) партии. И только после снятия Хрущева Брежневу, и то не сразу, удалось преодолеть сопротивление Подгорного и Шелеста и вернуть своего друга Щербицкого к власти, сделав его в 1965 году вновь председателем Совета Министров Украины.

П.Е.Шелест в политике крутился немного: директор завода, он, и работая в партийных органах, занимался той же промышленностью. С 1954 года — секретарь Киевского горкома, потом — обкома партии, потом — секретарь ЦК партии по промышленности. Практику в политике стал добирать, когда уже был назначен первым секретарем ЦК КП Украины в 1963 году и когда, после активного участия в снятии Хрущева, его ввели в Политбюро ЦК КПСС. Но он быстро наверстывал и, я скажу, старался занимать достаточно принципиальные позиции.

В смысле эрудиции, и особенно гуманитарно-культурной подготовки, Шелест был, конечно, послабее, если сравнивать его со Щербицким. Тот более эрудирован и лучше формулировал

свои мысли, что мне всегда нравилось в нем. Если Петр Ефимович часто присваивал себе чужие мысли — брал их из справок, подготовленных кем-то записочек, тезисов, составленных помощниками, то Владимир Васильевич такого себе не позволял.

Но Шелест был хорошим организатором и хозяйственником, требовательным человеком, любил порядок, дисциплину и вел дело правильно. Он и в кадровой политике разбирался неплохо, и в крупной политике ориентировался, и знал что к чему и почему…

Надо сказать, что уже при первой официальной встрече Шелест отнесся ко мне уважительно-корректно, и это отношение сохранилось на все время. Если на других зампредов Совмина он мог и нашуметь, и сказать что-нибудь резкое, то в мой адрес никогда не позволял себе ничего подобного. Всегда был очень сдержан, тактичен.

Тогда еще порядок был, что зампреды Совмина должны были присутствовать на всех встречах, приемах, а главное — на всех заседаниях Политбюро ЦК КП Украины, поэтому нам присылали повестку дня заседаний Политбюро. Правда, мы имели право совещательного голоса: хотя могли и выступить, и вопрос задать, но в голосовании не участвовали.

Когда первым секретарем ЦК партии Украины стал Щербицкий, порядок изменился: стали приглашать только на те вопросы, к которым зампред Совмина имел отношение.

При Шелесте существовал и такой обычай. После каждого праздника — 7 Ноября, 1 Мая или новогоднего — члены Политбюро, зампреды Совмина вместе с женами собирались где-то. на загородной даче или на даче у Шелеста.

На одной из первых таких встреч после как бы официальной части, когда все разбрелись кто куда и мы с супругой оказались одни, Шелест подошел к нам:

— А знаете, вы себя хорошо ведете и, в общем, нам нравитесь.

Я удивился:

— А вы что, ожидали, что я здесь буду создавать какую-то оппозицию или что-то в этом роде?

— Да нет, — как-то смешался он.

— Но вы же собирали старых комсомольцев и рекомендовали общаться со мною поменьше.

— Откуда вы знаете? — вскинулся он.

— Петр Ефимович, но ведь среди старых комсомольцев, которых вы приглашали, обязательно найдется хоть один порядочный, который мне все расскажет. И как бы вы ни предупреждали, а у него победят и здравый смысл, и старые

дружеские чувства, старые привязанности. Поэтому я знаю весь ваш инструктаж и ваши наставления бывшим комсомольцам. Откровенно говоря, это меня и поражает. Почему я должен терпеть такое отношение к себе после своей работы в Москве и почему такие инструктажи проводятся?

— Да нет, мы вам доверяем, это я просто так. И потом это Леонид Ильич посоветовал, что, мол, надо.

— Я понимаю, что «под колпаком» нахожусь. Знаю, что нынешний КГБ на слежку за мной нацелен (а в это время на Украину приехал возглавить КГБ Федорчук, и я знал, что кроме слежки за мной его главной задачей было побыстрее убрать Шелеста, а Щербицкого сделать первым секретарем ЦК КПУ). Но знайте: Брежнев выставит и вас всех. Почище, чем меня…

Несмотря на слежку, комсомольцы оставались верны старому братству. Как-то старая комсомолия собралась отметить годовщину ЛКСМ Украины. Мы обычно сбрасывались по десятке и собирались в каком-нибудь ресторане. Был там и Петр Таранько, хороший такой парень. Мы в одно время были секретарями ЦК комсомола Украины, я потом первым стал, а он вторым. Позднее Петр закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС. Грамотный, хороший работник. Теперь мы работали с ним в Совмине Украины.

И вдруг Шелест на заседании Политбюро обращается к Петру Таранько с довольно грозным видом:

— Петро Тимофеевич, шо це вы там собираетесь и какие-то разговоры комсомольские ведете? Мы ведь тоже были комсомольцами, но вы нас не приглашаете, а у себя устраиваете какой-то закрытый разговор?

Я сижу здесь же, прямо перед ним, — мне ни слова.

Но я чувствую, намек-то какой! Вмешиваться в разговор на Политбюро не стал, думаю, ладно, бог с ним.

Потом я узнал, что «продал» нас Василий Дрозденко, бывший первый секретарь ЦК комсомола Украины. При мне он работал где-то в Днепропетровске, кажется, секретарем комитета комсомола транспортного института. Потом вырос до секретаря ЦК партии.

Василю мы тоже звонили, мол, десятку давай и приходи, а он вместо того, чтобы прийти, вот так поступил: то ли десятку пожалел, то ли выслужиться захотелось…

Повторяю, у нас с Шелестом сложились отношения несколько настороженные и все же полуофициальные.

Иногда мне советовали для решения тех или иных вопросов

сходить на прием к Шелесту. Я отвечал в таких случаях: «А для чего? У меня есть председатель Совмина. Что же я через его голову пойду к первому секретарю? Решать мои вопросы должен Совмин, его председатель, у которого я заместитель. Я что, жаловаться пойду или находить другой путь решения? Нет, я и к секретарям ЦК не вхож. Я зампред Совмина. Мне определили мой „шесток“ и приказали „не рыпаться“. Вот и сижу на этом „шестке“».

Но дело начало складываться таким образом, что меня перестали пускать в Москву, ни в какие командировки я не ездил, тем более в официальные поездки. Например, делегация едет на Урал на День культуры Украины, один из зампредов должен ее возглавлять. Меня никогда на эту роль не назначали. Тем более это касалось поездок за границу. Скоро я понял, что стал «невыездным» всюду, кроме Украины.

Я приехал на Украину членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. Когда начались выборы в Верховный Совет СССР, меня, конечно, «пропустили»: ни в какие депутаты я не попал, хотя другие первые два зампреда — Кальченко и Соболь депутатами СССР были избраны.

После этого начались выборы в Верховный Совет Украины. Вот здесь долго, видно, решался вопрос, и вдруг мою кандидатуру выдвигают-таки по Сумской области. Округ там небольшой — два района. Депутатом от этой области я пробыл и при Шелесте, и после него.

При Шелесте было, по-моему, два съезда компартии Украины, были эти съезды и после него, но меня — первого заместителя председателя Совета Министров Украины — ни разу не избирали в состав ЦК партии Украины, хотя на съездах я присутствовал. Девять зампредов избираются членами ЦК, а я не избираюсь. Все подведомственные мне министры, которых я курирую, — члены или кандидаты в члены ЦК. Я — нет.

Поначалу они на второй день после съезда приходили ко мне с вопросом:

— Владимир Ефимович, вы что, уезжаете?

— Почему вы так решили?

— Вас в состав ЦК не избрали…

С членством в ЦК КПСС было более драматично.

Четвертый год работал я на Украине, оставаясь членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и депутатом Верховного Совета СССР. И всякий раз, когда в столице созывался пленум ЦК или сессия Верховного Совета СССР, я получал сообщение и мог лично участвовать в их работе.

И вот в марте 1971 года в Москве должен был состояться XXIV съезд КПСС, первый после моего ухода из КГБ.

Накануне его проходил съезд КП Украины. На нем формировался ЦК компартии, и я, как мне сказали, первоначально в этот список был включен. Такие слухи до меня дошли.

Неожиданно в ходе съезда партии Украины узнаю, что назначен пленум ЦК КПСС в Москве, чтобы перед XXIV съездом рассмотреть отчетный доклад и решить все вопросы, связанные с проведением съезда партии.

После одного из заседаний съезда партии Украины вечером мы собираемся у В.В.Щербицкого в кабинете, где он нам и объявляет о предстоящем пленуме. А по дороге в его кабинет председатель Госплана Украины и тоже заместитель председателя Совмина Петр Розенко, кандидат в члены ЦК КПСС, очень разумный человек с Донбасса, мне говорит:

— Так вместе поедем?

— Куда?

— Ну, в Москву, на пленум ЦК.

— Да, если поедем, то вместе.

И я понял, что все они, кроме меня, получили вызов на пленум ЦК КПСС.

Заходим к Щербицкому. Он стал говорить, что надо обобщить все критические замечания, не дожидаясь окончания съезда, обсудили разные вопросы, в общем, как это обычно бывает — пятиминутный наряд и выдача поручений. А в конце:

— Вот мы завтра все уезжаем — я, Кальченко и Соболь, а Владимир Ефимович останется на хозяйстве.

— Чему я обязан такой честью? — спросил я иронически. — Почему именно я должен остаться?

— Но кто-то же должен остаться, — нетерпеливо ответил Щербицкий.

— А что, Владимир Васильевич, — спрашиваю я, как мне казалось, спокойно, — стихийное бедствие, что ли, произошло на Украине или еще что-то подобное? В чем дело? Почему я должен оставаться? И что за такое «особое доверие» ко мне? За такое длительное время ни разу подобный вопрос не возникал, а тут вдруг потребовалось оставить меня «на хозяйстве». Потом: вы едете на пленум ЦК?

— Нет, — торопливо, пряча глаза, ответил Щербицкий, — мы едем решать вопросы плана.

— Ну, зачем же так? Я не комсомолец и не малец в пионерских штанишках. Не надо, Владимир Васильевич, шутить со мной. Вы едете на пленум ЦК КПСС. Я член ЦК КПСС. Соболь и

Кальченко — кандидаты в члены ЦК. Я с правом решающего голоса на пленуме ЦК КПСС, они — совещательного. Так, может быть, кто-то из них останется на хозяйстве, коль речь идет о том, что нужен первый зампред Совмина «на хозяйстве»? Но даже если мы все втроем поедем вместе с вами, то есть еще девять замов, и из них можно выбрать, кому остаться здесь. На Украине ведь ничего не произошло чрезвычайного.

— Ну, зачем вы вот так начали? — досадливо и даже с ка-кой-то обидой попрекнул меня Щербицкий.

— Это не я начал, это вы начали. И, как я понял, вы сказали, что мне в чем-то не доверяют и на пленум ЦК я не еду.

— Я так не сказал.

— А почему тогда меня на пленум не пускают? Кто решил, что одни члены ЦК едут на пленум, а другие нет? Может быть, есть утвержденный список, кому ехать, а кому не ехать? Тогда покажите его и назовите причины, по которым вы меня настоятельно оставляете здесь. Любопытно узнать, кто его утвердил? Даже если это решение Президиума, я имею право его оспорить на пленуме.

Щербицкий растерялся:

— Нет, так нельзя. Зачем вы — в присутствии всех?..

— А где здесь посторонние люди? Здесь сидят члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены ЦК компартии Украины. Неужели есть члены ЦК, которым не доверяют? И потом, почему бы им не знать, что происходит? Нет, Владимир Васильевич, так не пойдет, — сказал я твердо. — Я поеду на пленум как член ЦК. Для этого не требуется вызова. Тем более я знаю, что это последний для меня пленум как для коммуниста, еще состоящего в партии.

— Ну, ладно, ладно, — замахал он на меня руками и быстро всех отпустил.

Я пошел к себе. Вскоре в кабинете раздался звонок Щербицкого по правительственной связи:

— Владимир Ефимович, вы у себя еще будете?

— Да, пожалуйста, сколько надо.

Через некоторое время снова звонок:

— Знаете что, если мы с вами встретимся завтра в девять утра?.. Или нет, зайдите ко мне сейчас.

Он снова пытался мне повторить что-то о моей «незаменимости».

Я его перебил, сказав, что я не меняю своих решений, и вернулся в свой кабинет.

Новый звонок — уже со скрытой угрозой в голосе:

— Раз так, завтра с Шелестом будете встречаться!

— Ну, с Шелестом так с Шелестом. Где и когда?

— В девять часов утра.

— У него в кабинете в ЦК?

— Нет, в «Украине», в зале, где съезд проходит. Там у него кабинет есть, и там он вас примет. В девять часов утра, — повторил он.

Я удивился:

— А ведь на девять утра назначено совещание представителей делегаций по комплектованию ЦК компартии Украины.

— Нет-нет, перенесли на десять.

— Ну, если даже это предусмотрено…

— Нет, это не в связи со встречей с вами…

Подъезжаю к девяти в «Украину». Шелест принимает новые кадры: тогда избирался секретарем ЦК партии Погребняк и членом Политбюро — Сологуб, председатель украинского профсоюза. После них подошла и моя очередь.

Шелест, как я уже говорил, никогда прежде не был со мной в панибратских отношениях. Даже Брежнев порой обращался ко мне на «ты», по имени, мог обнять, допускал всякие шутки — создавал видимость, что мы с ним на равных.

Но Шелест никогда себе этого не позволял. Он со мной всегда был на «вы», всегда по имени и отчеству. А тут, смотрю, перешел на «ты». Стал по имени называть. Меня это очень насторожило.

— Так мы договоримся с тобой, Володя?

— О чем, Петр Ефимович?

— Да вот, что ты не поедешь. Я сейчас сниму трубку, позвоню, что мы оставляем тебя и что ты согласен.

— А зачем вам снимать трубку? Вам уже позвонили и сказали, что я должен остаться здесь. Этот вопрос уже решен в Москве. Только я не понимаю: на каком уровне он решался? Если на уровне Политбюро, тогда вы мне разъясните как член Политбюро ЦК, какие обвинения имеются в мой адрес, какие ко мне претензии, и покажите список приглашенных или, наоборот, тех кому запрещено быть на пленуме.

— Да нет, ну что ты, — он старался перевести разговор в шутку. — Давай договоримся, ударим по рукам, ты оставайся, мы съездим, и все будет нормально.

— Нет, Петр Ефимович, так не выйдет. Я все же не тот, кого может понукать всякий кому не лень. Я поеду.

— Значит, мы с тобой не договоримся?

— Нет, не договоримся.

И я тут же вышел от него. Буквально через час на еще не закончившемся съезде партии мне сказали, что после моей

беседы с Шелестом из предварительного списка членов ЦК партии Украины мою фамилию исключили.

Конечно, это была воля Брежнева, Шелест — только исполнитель.

Я связался по телефону с Шелепиным и выяснил, что никакого официального списка «нежелательных» участников пленума никто не обсуждал и не утверждал. Я сказал Александру Николаевичу, что на пленум ЦК прибуду, несмотря ни на что.

Вскоре после этого мне позвонили из аппарата ЦК КП Украины и сообщили о приглашении на пленум в Москву. Очевидно, мой разговор с Шелепиным услышали и кто-то решил, что дело заходит слишком далеко…

Я уже больше не ждал ничьих разрешений, сел в самолет и вылетел в Москву. Было воскресенье. И больше, чем своей «победе», я радовался предстоящей встрече с семьей.

Конечно же, в составе членов ЦК у меня было немало друзей и хороших знакомых. Одним из них был первый секретарь Мордовского обкома партии, заменивший меня в свое время в Азербайджане, Елистратов. Он позвонил мне, и мы условились встретиться.

Идти к нему в гостиницу не хотелось, встреча у меня дома тоже была нежелательной. Так что часа два мы с ним гуляли у нас перед домом в парке.

Говорили о разном.

Он рассказал о своей встрече с Шелепиным и поделился намерением выступить на пленуме с критикой Брежнева.

Я кивнул в знак поддержки такого намерения и оглянулся по сторонам. Мой опытный глаз заметил штук пять автомобилей с чекистами. Было ясно, что запрет подслушивать и следить за членами Центрального Комитета и другими высокопоставленными функционерами, строго соблюдавшийся в мое время, предан забвению. Подозрение переходило в уверенность. Даже соседский сын, увидев из окна всю эту картину, поспешил в парк с детской коляской и предупредил нас о слежке. Мы откровенно стали рассматривать чекистов, чтобы те поняли, что раскрыты.

Елистратов вернулся к себе в гостиницу. На другой день он не пришел на пленум. Ночью к нему в номер спустились его «друзья» по работе в Азербайджане — генерал Цвигун и Алиев, пришли вроде бы проведать и поговорить. Заказали ужин. А ночью «скорая помощь» увезла Елистратова в больницу, где он и находился до конца пленума. Официальный диагноз: «тяжелое отравление алкоголем». Что же касается Цвигуна и его друга

Алиева, то они на другой день были в полнейшем порядке и присутствовали на заседании. Более того, они сели слева и справа от меня как старые знакомые, но мне-то была понятна эта «рассадка».

Елистратова в итоге не избрали в новый состав ЦК, а потом и вовсе отправили экономическим советником в Афганистан.

Еще не зная всего, что случилось с Елистратовым, по дороге из дома на пленум я был в высшей степени осторожен. У меня было недоброе предчувствие, да я и имел на это право. А разве трудно устроить так, думал я, что по пути в Кремль случится небольшое дорожно-транспортное происшествие, и мне придется остаться на месте как свидетелю или — в худшем случае — отправиться в больницу для осмотра или лечения? И все, из-за чего я так стремился в Москву, потеряло бы свой смысл.

От моего дома до Кремля недалеко, примерно полчаса ходьбы. Когда вышел из дома, вроде бы ничего особенного не заметил, а выйдя на улицу Герцена, которая прямо идет на Манежную площадь перед Кремлем, вдруг обнаружил, что за мной следят.

Одного из тех, кто шел за мной по пятам, я знал в лицо. Это был сотрудник КГБ, я его видел на каком-то инструктаже. Потом обратил внимание на женщину на другой стороне улицы. Хотя шли они порознь, но работали вместе.

Так мы дошли до самой Манежной площади, а у перехода к Кремлю задержались. Здесь всегда много машин, да я и нарочно остановился. Моим наблюдателям спрятаться было некуда — недалеко был только табачный киоск. Мужчина, чтобы чем-то заняться, подошел к киоску. «Хорошо же, — злорадно подумал я про себя, — сейчас я тебя проучу!» Молниеносно ушел за угол здания и там остановился.

Все это длилось несколько мгновений. Мой преследователь, выйдя из-за киоска и не обнаружив меня, заметался. В тот момент, когда он мчался мимо моего укрытия, я вышел и остановил его:

— Теперь отправляйся к своему начальнику и скажи ему, что плохо работаешь, — приказал я ему, как в старые времена. — Ты потерял объект наблюдения, и более того — я тебя разоблачил!

Само пленарное заседание стало чистейшей воды комедией. На пленуме отсутствовали более пятидесяти человек, которых не пожелали пригласить. Вначале было решено раздать отчетный доклад всем членам ЦК, а затем собраться и обсудить его. Но произошло непонятное: Брежнев за пятнадцать минут доложил основные тезисы, то же самое сделал Косыгин, и пленум, который

должен был работать целый день, завершился через сорок минут после начала. Дискуссии не было.

На XXIV съезд КПСС меня уже не позвали, мотивируя это тем, что члены ЦК, не избранные делегатами съезда, не приглашаются. Так мне объяснил Щербицкий. Идти же туда по удостоверению члена ЦК, без приглашения я счел для себя унизительным.

От мысли выступить открыто с критикой Брежнева, если она и возникала у меня в голове, я окончательно отказался. Кто бы меня поддержал? Опубликовать что-то подобное в печати тоже было невозможно.

Но я по-прежнему верил в советскую систему, верил даже тогда, когда ее высший руководитель немногого стоил…

Почему Брежнев так боялся, что кто-то из нас — я, Шелепин или Елистратов — появится на пленуме?

Брежнев опасался, что кто-то из бывших комсомольцев, а особенно А.Н.Шелепин или я, при обсуждении отчетного доклада выступит и расскажет о методах управления, руководства и обо всем прочем — то что знали мы с Шелепиным, знали больше, чем сам Брежнев знал о себе, потому что такова наша участь, как и у всех тайных советников.

Но тут уже было так — «мавр сделал свое дело, мавр должен удалиться», исчезнуть с глаз долой и не мельтешить.

Петр Ефимович Шелест только подыгрывал Брежневу, он был исполнитель. Это он потом осознал, и в дневнике записал, как мне говорил, и сокрушался, что неправильно поступили и с Шелепиным, и со мною особенно. Но это уже было потом…

Некрасиво расстался Брежнев с Шелестом, служившим ему верой и правдой. И прежде всего потому, что Шелест, да и Подгорный имели привычку высказывать свое мнение, задавать вопросы, которые не нравились Брежневу и его окружению.

Но главное — это продолжение той войны, которую Шелест вел с Щербицким.

Щербицкий был лучшим другом Брежнева. Оба из Днепродзержинска, из одного, как говорят, хутора. Они друг друга всегда поддерживали.

Не один раз споры между Шелестом и Щербицким возникали на самом Политбюро. Трения были и в процессе работы. Нет-нет да и у Щербицкого иногда прорывалось недовольство, и среди министров шли разные разговоры. Проблема заключалась в том, что министры иной раз оказывались между молотом и наковальней: Шелест одну линию гнул, Щербицкий — другую.

«Победил» в этом противостоянии в конце концов

Щербицкий.

Когда Шелест покидал Украину, мы с ним не попрощались: он понимал, что должен будет мне что-то сказать… И правильно сделал — не поставил и меня в ложное положение…

Шелест не был авторитарным руководителем, как некоторые сейчас хотят его представить. Да в тех условиях, при наличии Политбюро ЦК КП Украины, это было не так просто. И со стороны ЦК КПСС контроль осуществлялся такой, что куда там! Шаг лишний не мог сделать первый секретарь республики — все было под контролем.

Правда, директорские замашки у Шелеста остались: позволял себе и недопустимую резкость тона, и недипломатические выражения. Даже иногда на заседании Политбюро мог очень грубо отчитывать.

Шелест не очень корректно вел себя и с министрами Союза, которые довольно часто приглашались при рассмотрении какого-нибудь вопроса по Украине. Он мог и отчитать их, и предъявить претензии в довольно резкой форме, я бы сказал, довольно бестактно. Причем иногда по делу, а иногда и без дела — просто для демонстрации своей власти.

Помню, был громкий скандал, когда Шелест решил, что Украине хорошо бы самой заняться внешнеторговыми делами, выйти из-под опеки Внешторга и всех внешнеэкономических учреждений и ведомств Москвы. Мол, Украина способна сама вести внешнеторговые операции без оглядки и согласования с Москвой, с центром.

Это вызвало резко негативную реакцию в Москве. На Политбюро ЦК КПСС состоялся, насколько мне известно, довольно серьезный разговор, где Шелеста здорово «повоспитывали».

Как раз в то время на Украине произошел еще целый ряд событий. Например, у оперного театра в Киеве стоял на постаменте бюст Пушкина. Его снимают и переносят к заводу «Большевик», на окраину Киева, а на это место водружают памятник Лысенко. Ряд улиц переименовывают. В частности, вместо фамилий русских писателей появились фамилии писателей украинских.

На официальных больших заседаниях — пленуме ЦК или профсоюза, если кто-то выступал на русском языке, Шелест мог из президиума на весь зал спросить:

— А почему вы на русском языке говорите? Надо бы на украинском.

Так происходило несколько раз, и запомнилось, расползлось

по Украине. Воспринялось сразу как противопоставление украинцев русским.

И сами украинцы масло в огонь подливали: они всегда на первое место ставили свою «самостийность», «незалэжнесть» и прочие националистические штучки. Это было для них главным. Они считали, что их все время кто-то_.обижает, объедает, обирает. (А сейчас сами народ свой прокормить не могут.)

Примеров тому много. Как-то прихожу в оперный театр. Директор встречает меня. Идет «Пиковая дама» на украинском языке. Я спрашиваю:

— А в Киеве разве не знают русского языка, поэзии Пушкина? Тем более и музыка русского композитора. Вы пытаетесь итальянские вещи петь на плохом итальянском языке, а русскую оперу на украинскую мову переводите. Почему?

— Ну, если этого не делать, — вполне серьезно говорит директор, — то украинцы никогда не будут знать русской культуры.

— А вы по-русски им объясните, они поймут…

Потом, когда Щербицкий стал первым секретарем, он занял определенную позицию: на каком хочешь языке, на таком и выступай.

Шелест же мог сказать членам Политбюро ЦК КПСС, что-де они не знают, что такое Украина, или что-то подобное.

Недовольство центра вызвало издание его книжицы «Украина моя советская». Сделали ему книжку помощники и отдел пропаганды ЦК во главе с Кравчуком. В какой-то мере участвовали в ее написании Шевель и Коробчук. Причем написали явно с националистическим уклоном. Предложили все это Шелесту, а тот, не подумав, подписал и издал на украинском, потом на русском языках. Это было воспринято очень негативно и поставлено ему в вину.

Но я никогда не считал его националистом. Никогда не считал его и подверженным влиянию западников, что произошло позже с Кравчуком и тем более сейчас — с Кучмой.

И Шелест никогда не мыслил себе Украину вне Советского Союза, как сейчас пытаются доказать. Проработав многие годы на заводах России, зная хозяйство Советского Союза изнутри, его авиационную промышленность, будучи убежденным коммунистом, он и в мыслях не держал ничего подобного.

Но, как говорится, в копилочку сбрасывались все «мелочишки», и когда Федорчук приехал, все это стало внимательно собираться.

Широкий резонанс получила злополучная поездка Шелеста на отдых в Трускавец, куда он прибыл со «своим» молоком: повез

с собой корову и сено. К поезду специально прицепили товарный вагон. Все это разнеслось, конечно, по республике, да и в центре стало известно.

Не уехал он и из особняка, когда было принято такое постановление Политбюро ЦК. В Москве все подчинились — и Хрущев, и Микоян, и Кириленко, и другие выехали из особняков на Ленинских горах (мы их еще называли «Заветы Ильича»).

Потом эти особняки использовались для официальных приемов космонавтов, секретарей ЦК компартий зарубежных стран, глав правительств, президентов.

А вот Шелест в Киеве не подчинился. Это была большая парковая зона внутри города, и особняк там стоял хороший. Позже там сделали детскую больницу, как на ближней даче Сталина. Я еще, по-моему, докладывал Хрущеву о том, что Шелест не собирается уезжать, а тот меня успокаивал — ничего, уедет, мы с ним проведем работу.

Но Шелест так и не уехал, и это еще больше обострило негативное отношение к нему.

В Москве к национализму вообще относились очень настороженно, даже болезненно, и иногда из мухи делали слона. Да и к интеллигенции относились с подозрением.

А Шелест в чем-то заигрывал с интеллигенцией. Украинская же интеллигенция всегда была испорченной в том смысле, что они много говорили об этой самой «самостийности, незалэжнести» — «свободе» так называемой.

И они домитинговались сейчас до того, что впустили в Киев всю интеллигенцию Западной Украины. Те заграбастали все посты и теперь Украиной управляют. А интеллигенция, которая выросла при Советской власти, сейчас где-то на задворках.

Я же помню, как, будучи секретарем ЦК ВЛКСМ, за уши тащил Павлычко. Каждое его стихотворение для публикации в «Комсомольской правде» переводили на русской язык лучшие поэты, и таким образом вытащили Павлычко на уровень «ведущего поэта» Украины. А теперь он, забыв обо всем, стал одним из самых ярых, самых злых, самых враждебно настроенных к «москалям» украинцев.

С приходом Щербицкого всех этих национальных (кто-то их называет националистических) проявлений меньше не стало. Но их не собирали, их не аккумулировали, не подводили под конкретную фигуру.

А при Шелесте все шло целенаправленно против него. Федорчук собирал все факты национальных и националистических проявлений по крохам, и все это ставилось в

строку Шелесту, и только ему.

Отставка Шелеста, в общем-то, уже была подготовлена, и Украина, и актив — все ее ждали. И все видели, что идет в открытую борьба за кресло первого секретаря, что Щербицкий безудержно рвется в это кресло. В то же время всем было ясно: руководят его действиями из Москвы, а на Украине только подливают масла в огонь…

С Шелестом мы потом уже по-хорошему встречались в восьмидесятых годах в Москве. Мы, как бойцы, вспоминали минувшие дни. Обсуждали, осуждали…

Тему снятия Хрущева затронули после того, как Шелест в каком-то интервью выразил сожаление, что участвовал в этой акции, и назвал ее «заговором». Я ему тогда сказал:

— Петр Ефимович, вы-то участвовали во всем и согласились, чтобы на пленуме, когда Хрущева освобождали, не открывать прений. Не пожелали этого Брежнев да и другие члены Политбюро, в том числе и вы, я думаю. А многие сидевшие в зале были не согласны с этим. Делегаты явно хотели услышать его выступление и, может быть, сказать о том, что не во всем Хрущев виноват, могли и назвать членов Политбюро, которые подсовывали Хрущеву решения. А всех собак на одного Хрущева повесили. Те же «елочки» для дойки коров, о которых кричали, разве Хрущев силой вводил? — Полянский ответ должен был держать. И вы знаете, что не случайно не открыли прения на октябрьском пленуме ЦК — побоялись, что еще кому-то достанется. Вы торопились голосовать и избрать Брежнева…

Шелест, который сам разъяснял первым секретарям обкомов партии и членам ЦК КП Украины, приехавшим на пленум в октябре 1964 года, как, зачем и почему снимают Хрущева, вдруг потом в интервью говорил, что якобы он стоял за то, что не стоило снимать Хрущева, что Хрущев мог бы еще поработать, и прочее…

Многое я тогда ему высказал. Но это уже потом я ему говорил, что и он был виновен, что нужно было быть более принципиальным. И он это осознал, но было поздно…

Щербицкий ко мне относился неплохо даже при Шелесте.

И после отставки Шелеста отношение его ко мне оставалось нормальным. То же — в аппарате Совета Министров, на местах, в областях — везде и всюду меня принимали хорошо. Никаких таких вещей, которые бы меня не удовлетворяли, унижали или оскорбляли, не допускалось.

Так как Щербицкий интересовался больше спортивными

делами, а я курировал Комитет по спорту, то он мог мне прямо позвонить, посоветоваться, обсудить успехи спортсменов.

Мог даже посоветоваться по кадровым вопросам. Это было однажды и при Шелесте, но то особый случай.

Когда у нас не стало первого секретаря Киевского обкома партии, Шелест неожиданно выдвинул на это место Цибуль-ко, завотделом парторганов ЦК партии Украины. Володю Цибулько я хорошо знал, так как он был секретарем Центрального райкома комсомола в Донецке.

Парень он неплохой, но у него была нелегкая судьба: он горел в танке, у него обожжено лицо, хромает, и это наложило определенный отпечаток на его характер. Такие люди всегда к здоровому человеку относятся несколько обозленно, придирчиво. И Володя с кадрами расправлялся, как бог с черепахой, — приходилось его много раз останавливать.

Захожу к Щербицкому, и тот меня спрашивает:

— Как ты как считаешь, правильно ли назначили этого Цибулько?

— Видите ли, у меня свое мнение о Цибулько. Я его знаю как хорошего работника. Но думаю, что его нельзя было выдвигать даже заведующим отделом ЦК партии, который занимается в основном кадрами, потому что он с людьми работать не умеет, у него нет достаточного такта и всех остальных качеств, нужных для кадровика, а тем более для первого секретаря столичного обкома.

— Нет, я не об этом. Вы знаете, когда вы приехали сюда, то у нас с Шелестом был разговор о том, чтобы при первой же освобождаемой должности первого секретаря обкома партии вас послать на это место. И тут вдруг утром я узнаю, что не вы идете на Киев, а Цибулько.

Я искренне удивился его наивности:

— Так я никогда не могу быть первым!

— Почему?!

— Потому что меня тогда нужно избирать в состав ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР, чего Брежнев не поддержит.

— Ну, это вы напрасно, — неуверенно произнес он.

— Нет, Владимир Васильевич, если вы завели разговор, то вы должны это знать. Ни Шелест этого никогда не сделает, ни вам не будет дозволено (он еще тогда не был первым секретарем, а только предсовмина, а я у него — первый зам).

Вот такой состоялся разговор. Что на самом деле Шелест думал, что он говорил Щербицкому, что тот отвечал — не знаю. Это то, что Щербицкий мне передал. Я за что купил, за то и

продаю. Вот такой был момент…

Как-то Щербицкий звонит:

— Слушай, — это когда первым он стал, — что если мы Ельченко выдвинем секретарем ЦК по пропаганде? (А.Ельченко был в то время министром культуры.)

Я говорю:

— Ну, почему бы и нет. Он, правда, не гуманитарий, он политехнический институт заканчивал, но прошел хорошую школу.

Правда, эти разговоры мало влияли на мою работу или работу других органов. Щербицкий придерживался своей линии и мнения своих прямых советчиков, и линия эта была строго брежневской, особенно в кадровой политике.

В последующем, когда Шелест ушел, Щербицкий позволял себе держаться со мной ближе и более душевно, может быть, и потому, что он был благодарным человеком и помнил доброе к себе отношение в минуту трудную.

Когда Щербицкого освободили от должности предсовмина Украины, кандидата в члены Политбюро ЦК и отправили обратно, в Днепродзержинск, я, будучи председателем КГБ, принимал его всегда в Москве на том же уровне, что и прежде, когда он был кандидатом в члены Политбюро: та же охрана, те же номера в гостинице, те же квартиры, телефоны, машины — все, как положено. Он мне даже сказал однажды:

— Владимир Ефимович, ну зачем вы берете на себя такой риск, это же вам может боком выйти.

— Вы за меня не беспокойтесь. Если я посылаю машину и все прочес, то так надо: так я решил.

И у него было ко мне такое отношение, будто он мне чем-то обязан.

Но тем не менее и при нем в состав ЦК меня не избирали, ни с одной делегацией не посылали. Дружба с Брежневым и поддержание своего положения «на Олимпе» ему были куда дороже.

Щербицкий по эрудиции и по культуре стоял выше Шелеста, но что касается политических качеств, масштаба руководителя, Шелест, конечно, был выше. Щербицкий — это служака и холуй, верой и правдой служивший Брежневу. Его преданность доходила до того, что он не возражал ни на одно, даже глупое, предложение Брежнева. Именно за эту преданность Щербицкий дважды получил звание Героя Социалистического Труда. Но интриганом Щербицкий не был. На Украине хватало и без него

такого сорта людей. Там кого угодно втянут в интригу, сами заварят кашу, а потом могут даже выдать главаря этой интриги.

Шелест, хоть он и харьковский, может быть, одного-двоих из Харькова пригласил на работу, и то тех, кто действительно этого заслуживал: Никитченко он взял в ЦК в отдел транспорта, а потом тот стал председателем КГБ Украины; потом Соколова — впоследствии он стал вторым секретарем ЦК партии.

А при Щербицком ни одного министерства Украины не было, чтобы министром или его первым замом не стал бы днепропетровец. Не было ни одного отдела ЦК КП Украины, чтобы завотделом или первым замом его не был человек из Днепропетровска.

Доходило до смешного.

Снимают председателя Днепропетровского горисполкома и назначают его же председателем Комитета по экологии Украины.

Я курирую спорт, вхожу с запиской в ЦК партии по поводу того, что необходимо ввести дополнительно должность зампреда Комитета по физкультуре и спорту. Там рассматривают, и мне звонят: «Можно. Если вы возьмете на это место заведующего отделом культуры Днепропетровского обкома партии».

Меня эта политика возмущала, и я откровенно, полушутя-полусерьезно, не самому Щербицкому, но так, чтобы до него дошло, говорил, что дешевле перенести столицу Украины из Киева в Днепропетровск. Ведь это же связано с назначением, передвижением, а значит, с квартирами, обустройством, переживаниями массы людей, семей.

Или его звезды Героя Соцтруда: Украина получила богатый урожай, а звезду Героя получает не предсовмина Ляшко, не те, кто действительно вырастил урожай, а Щербицкий. Это выглядело оскорбительным для всей Украины, для ее актива.

Со временем у Щербицкого стали проглядывать черты самовосхваления — кстати, появились они еще в его бытность предсовмина: «Я день и ночь вынужден за всех работать, все бездельники» — и далее в том же духе.

Пышным цветом цвела на Украине «днепропетровская клюква». Людей снимали с должности, чтобы заменить днепропетровцем.

Как-то водитель мой мне рассказывает:

— У нас сегодня разговор был. Обсуждали, почему шесть месяцев уже нет замминистра здравоохранения.

— Ну, и к какому выводу пришли?

— Говорят, что в Днепропетровске еще не родился тот человек, который должен быть этим министром.

И действительно, потом назначили этого министра — им стал бывший заместитель завотделом Днепропетровского обкома. Это не выдумки, а факт.

Мы в одном доме жили с Сахловским, министром финансов. Это был разумный человек, но большой шутник. Когда машина подъезжала за ним к подъезду, он открывал дверь и спрашивал шофера:

— Петро, меня ще не знялы з работы?

— Нет.

— Ну, тогда поехали.

Водители всегда первыми узнавали о перемещениях.

Закончился мой последний украинский период обширным инфарктом. Выйдя из больницы, где лежал полгода, решил: хватит! Так дальше продолжаться не может!

Я написал Брежневу письмо и стал ждать. Прошло несколько месяцев — реакции никакой.

Новое письмо тоже осталось без ответа.

Тогда я, оставив в стороне вежливый тон, написал резкое, возмущенное послание. В нем я напомнил Брежневу и о том времени, когда он во мне нуждался: «Я не знаю, что я такое преступное совершил, но когда Вы во мне нуждались, я поддержал Вас, и Ваше отношение ко мне было самое теплое. А ныне Вам трудно даже ответить мне».

Я написал о своей болезни и настаивал на возвращении в Москву.

Через две недели меня пригласил Щербицкий:

— Леонид Ильич позвонил и просил передать, что намерен решить ваш вопрос после XXVI съезда партии.

— А почему не сейчас?! Чего еще ждать? Я четырнадцать лет отслужил, инфаркт заработал. Все. Хватит!

— Нет-нет, он действительно обещал заняться…

До съезда оставалось еще целых полгода. Я подумал: неужели он все еще боится, что у меня есть стремление попасть в состав ЦК? Ну что ж, сказал я себе. Горбатого могила исправит. Нужно ждать…

Весной 1981 года, после съезда, дела действительно пришли в движение. Щербицкому позвонил секретарь ЦК Константин Устинович Черненко, тогда второе лицо в партии, и велел мне передать, чтобы на следующий день я был у него в Москве.

— Но ведь предстоит заседание Верховного Совета республики, — напомнил я Щербицкому.

— Теперь тебя это не касается, — устало сказал он.

До меня окончательно дошло, что час отъезда действительно настал…

«Днепропетровец» Черненко встретил меня довольно холодно:

— Так, где бы вы хотели работать?

Я удивился: неужели они об этом заранее не подумали? Значит, снова какая-то игра?.. Ответил спокойно:

— Всю жизнь я работал там, куда меня посылала партия. И ныне я готов подчиниться. Вам известен мой послужной список, мой опыт. Но когда я в предварительном порядке попытался войти в контакт с отделом партийных органов ЦК, никто не откликнулся.

— Хорошо, я распоряжусь. Посмотрите вместе и определите, где вам работать, — сказал Черненко. — Вы поразмышляйте, и мы будем думать. Встретимся завтра или послезавтра.

Я был разочарован. И этого момента я ждал столько лет! Наверное, всю тяжесть тех минут не выдержало и мое сердце, и вместо очередного визита к Черненко я снова попал в больницу…

Вышел оттуда недели через три.

Когда в конце концов снова оказался в кабинете Черненко, мне был предложен подготовленный список должностей.

Список был довольно пестрый. Здесь были должности и заместителя министра культуры РСФСР по памятникам и музеям, и заведующего отделом кадров Агентства по охране авторских прав, и что-то еще. В общем, одно предложение «лучше» другого.

Последним значился пост зампредседателя общества «Знание», занимавшегося просветительской работой, распространением политических и научных знаний. Для того чтобы в Центральном Комитете найти все эти варианты и составить такой список, нужно было приложить «великие» усилия.

Я попробовал обратить внимание Черненко на то, что все последние четырнадцать лет я работал заместителем председателя Совета Министров Украины и кое-чему за это время научился.

— В Совете Министров СССР вакантных должностей нет. И в Комитете народного контроля — тоже, — с отсутствующим видом заявил Черненко.

Разговоры относительно моего будущего заняли еще две или три недели. Я боялся, что вопрос сознательно затягивается для того, чтобы в конце концов, сославшись на мой отказ, меня могли отправить обратно в Киев.

Да, возвращение в Москву я представлял себе иначе. Не знаю,

каким, но в любом случае иным. В свои пятьдесят семь лет я чувствовал себя способным на большее. Однако не я сам, а Брежнев решал мою судьбу. Решал так, как хотел, по-своему…

Взвесив все, я согласился пойти в общество «Знание».

Там я быстро почувствовал невидимую руку КГБ. Куратор комитета осуществлял контроль за деятельностью всех работников, за содержанием их лекций. Меня это немало удивило. Зачем, казалось бы, Комитету государственной безопасности следить за Обществом, объединяющим интеллигенцию и лекторов, пропагандирующих коммунистическую идеологию, успехи в политике партии? Однако возможности КГБ, очевидно, позволяли это делать.

Главное — я был все-таки снова в Москве, в своей семье…

Мой новый рабочий кабинет находился в здании, находившемся всего в нескольких сотнях метров от лубянского центра КГБ и ЦК комсомола. Новый символический круг моей жизни замкнулся.

В обществе «Знание» я спокойно дожил до пенсионного возраста. А когда пришло это — время, не стал ждать особых приглашений, написал заявление и ушел сам…

О моей жизни и работе на Украине мне пришлось вспомнить еще раз в 1999 году по не очень приятному для меня поводу.

За годы работы на Украине в комсомоле, а затем в правительстве я своими глазами видел, как много хорошего было сделано руками украинцев, русских, представителями других национальностей за время Советской власти, особенно после Отечественной войны.

Есть в этом и доля моего личного труда.

Поэтому можно понять мое глубокое возмущение и гнев после прочтения книги Ф.Моргуна «Перепаханное поколение».

Моргун презентовал мне эту книгу с весьма обязывающей дарственной надписью: «Семичастному Владимиру Ефимовичу — одному из честнейших людей второй половины XX века — эпохи, когда человеческая порядочность оказалась не слишком частой. С глубоким уважением Ф.Моргун».

Вручая мне книгу, Моргун просил меня:

— Ефимыч, ты только прочитай все — от корки до корки!

И я заставил себя прочитать эти пятьсот страниц лжи, замешанной на украинском национализме, измышлениях Резуна (В.Суворова) и мистике. И все это написал Герой Социалистического Труда, бывший секретарь обкома партии, бывший заведующий отделом ЦК КПСС, бывший первый

заместитель председателя Совмина Киргизии, бывший целинник!!!

Правильно пишет в предисловии к этой книге некий И.Бокий, что у автора «была и другая, тщательно скрываемая от людей, прикрываемая наградами и почестями жизнь» — жизнь «перевертыша», скажу я!

Позднее я встретил Моргуна в Москве. И как же мы сцепились!

Моргун стал оправдываться, мол, я что-то не так понял.

— Если ты считаешь, что я не понял, какую гадость ты написал, — ответил я, — я разъясню свою позицию публично, в печати.

Я встретился с Масленниковым, бывшим секретарем Красноярского крайкома комсомола, ныне доктором экономических наук, профессором, академиком Международной академии наук высшей школы, и мы с ним написали статью для «Советской России». Она была опубликована под заголовком «Как Федор Моргун жизнь страны проморгал. Человек с перепаханной совестью» 20 апреля 1999 года.

Позже в журнале «Диалог» мы поместили более развернутую статью — «Перепаханная совесть автора», где привели и его дарственную надпись мне.

В этих статьях мы доказали на фактах всю тенденциозность, лживость, необъективность автора, который считает книгу своей «исповедью».

После этого Моргун стал названивать мне на квартиру — просил вернуть книгу: видимо, хотел вырвать дарственную надпись. Но я решил оставить на память этот «поцелуй Иуды»…

Эпилог

Период, наступивший непосредственно после смерти Леонида Брежнева, лишь ускорил трагический конец самой большой в мире страны, носившей название Союз Советских Социалистических Республик.

Брежнев умер в ноябре 1982 года. По этому поводу я уже не испытывал никаких чувств: ни удовлетворения, ни сожаления. За несколько лет до своей смерти он уже был в состоянии полнейшей прострации. В стране правило его окружение.

Если бы он вовремя ушел (или «его ушли»), хотя бы через десять, а не семнадцать лет, он оставил бы о себе неплохую память, потому что у Брежнева было достаточно и его личных данных, и того, что при нем сделано. Кстати, он пожинал плоды, во многом наработанные еще при Хрущеве: ведь показатели первой брежневской семилетки были самыми высокими из всех, что были за последний период. И Брежневу следовало остановиться. А он не смог этого сделать. Дошел до маразма и не заметил, что, окружив себя несметным количеством «однохуторян», холуев и подхалимов, вырастил людей, которые стали править за его спиной, не заботясь об авторитете и нуждах страны. Это не были его единомышленники или преданные друзья, а люди, стоящие у «кормушки». Они готовы были ему ноги передвигать, лишь бы он держался у власти. Ничего этого он не видел (или не хотел видеть!) и слышать правды не хотел. А как только Брежнев рухнул, так рухнули все эти Циневы, Цвигуны, Цукановы и всплыл Горбачев. Именно в той обстановке мог появиться такой человек, как Горбачев — предатель из предателей! И именно Брежнев подтащил страну к провалу, к тому кошмару, который мы переживаем более десяти лет.

Наследник Брежнева Андропов недолго пробыл во главе страны. Он умер в январе 1984 года. Находясь еще на посту председателя КГБ, он был уже настолько болен, что не мог ездить в служебные командировки. Как я думаю, это был человек, осознававший всю серьезность положения в государстве, однако в высшей степени беспринципный и бесхарактерный. Ему не хватало смелости подготовить хотя бы один критический документ о состоянии страны, в котором был бы осужден брежневский курс.

Следующий в этом ряду «вождь» — К.У.Черненко — лишний раз показал беспомощность руководства КПСС. По своему интеллекту да и по другим качествам Черненко был самым

слабым из всех руководителей СССР за всю его историю. К тому же он был очень болен. Шутили: «Кремль стал Четвертым управлением Минздрава».

Михаила Горбачева я поначалу принимал с надеждой. Мы с Шелепиным даже обрадовались на первых порах: молодой, энергичный человек, с отвагой вступивший на трудный путь.

Однако наши симпатии сохранялись не долго: уж слишком быстро Горбачев показал, что перенял многое от брежневской поры.

И все же мы с Шелепиным решили попытаться договориться с ним о встрече. Никаких задних мыслей при этом у нас не было. Наше время в политике миновало, но мы хотели высказать Горбачеву свое мнение по ряду вопросов. Было также желание повидаться с ним, поприветствовать, пожелать успехов.

А.Н.Шелепин — бывший член Политбюро, а для Горбачева это, как мы полагали, что-то значило. К тому же Шелепин и Горбачев когда-то встречались во время отдыха в Железноводске. Горбачев тогда занимал пост секретаря Ставропольского краевого комитета партии. Я же помнил его с комсомольских времен — когда-то вместе были на одном из съездов комсомола.

Горбачев нас не принял, не дал себе труда даже ответить нам. Сначала он «водил нас за нос», потом отказал.

Мы решили, что нового секретаря не интересуют советы старых кадровых партийцев, и наш начальный энтузиазм несколько поостыл. Может быть, он опасался, что мы идем к нему с какими-то просьбами?.. Если так, то он не дал нам и возможности разуверить его в обратном.

На этом и кончилась моя последняя попытка как-то ангажироваться в политике, пусть и имелся при этом в виду лишь добрый совет.

Когда же в одной из своих речей в Ленинграде Горбачев пообещал людям совершенно нереальные вещи, такие, как резкое увеличение — в два раза — производства в ближайшем будущем, значительный рост производительности труда и квартиру для каждого до двухтысячного года, надежда на его политическую трезвость и реализм оставила меня совсем.

Ныне Советский Союз ушел в прошлое. Образ старой идеи, ради которой я жил и работал, рассеялся и исчез. Россия стала рядовой развивающейся страной.

Пока я работал над этой книгой, умер мой лучший друг, друг всей моей жизни — Александр Николаевич Шелепин.

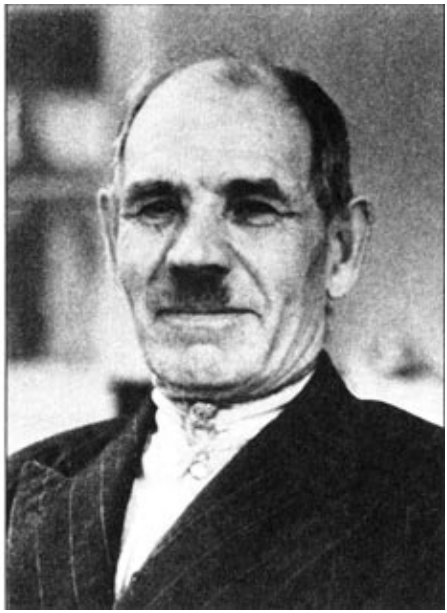
Последние годы меня все чаще тревожит память, заставляя снова и снова размышлять о пережитом, о том, какие вещи имели непреходящие ценности, а что было лишь мимолетным явлением.

Многие прежние идеалы исчезают, а новые пока не рождаются.

Я попытался описать, с какими людьми мне пришлось повстречаться за более чем семьдесят лет моей жизни, какие события разворачивались вокруг и под каким углом зрения я смотрел на жизнь и на самого себя.

И сам себя убеждаю, что усилия были не напрасны.

Фотографии из семейного архива В.Е.Семичастного



Родители — Домна Ивановна и Ефим Терентьевич

Владимир Семичастный — ученик 4 класса (крайний справа в верхнем ряду)

Выпускники железнодорожной школы города Красноармейска. В.Семичастный — сидит второй слева. 15 мая 1941

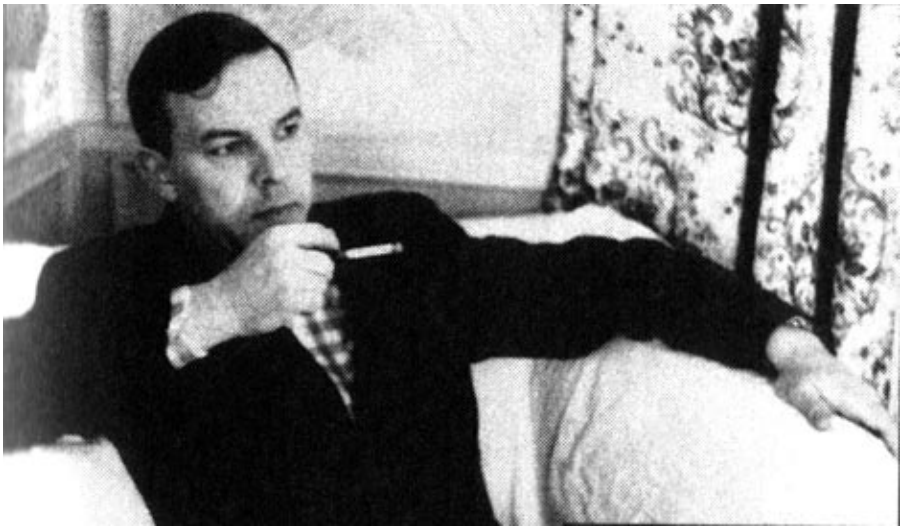
Комсомольцы всегда были готовы и к трудовым, и к боевым подвигам

В.Семичастный — секретарь Сталинского горкома комсомола. 1944

Освобождение Донбасса. Немецкая фирма «Крупп» недолго владела советскими заводами. 1943

В.Семичастный — секретарь ЦК ЛКСМ Украины на вручении ордена Красного Знамени комсомольской организации Одессы

Н.С.Хрущев и Л.М.Каганович — правофланговые сталинской гвардии на Украине в послевоенные годы



Первый секретарь ЦК ВЛКСМ 1958

Многие послевоенные стройки были названы комсомольскими. И целину поднимали — комсомольцы

С женой Антониной Валерьевной и детьми Еленой и Олегом

А.Н.Шелепин — друг и соратник на всю жизнь

На пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 40-летию комсомола, В.Семичастный громит «отщепенца» Бориса Пастернака. В президиуме в первом ряду слева направо: Н.С.Хрущев, К.Е.Ворошилов, Н.Г.Игнатов, А.И.Микоян

Встреча советской молодежной делегации в Пекине

На съезде китайского комсомола. Руководители иностранных делегаций с членами Политбюро компартии Китая. В первом ряду третий слева — Мао Цзедун. За ним слева во втором ряду — В.Семичастный. 1957

«Посвящение в монголы». Улан-Батор, 1966

На пути в Болгарию. 1965

Советская делегация во главе с Н.С.Хрущевым осматривает свиноводческое хозяйство под Берлином. 1957

После удачной охоты. 1964

Вид на здание Комитета государственной безопасности со стороны проспекта Маркса. 1960-е годы

Делегаты XXIII съезда КПСС — председатель КГБ В.Е.Семичастный и его заместители Л. М.Сахаровский и И.С. Захаров. Второй слева — писатель К.М.Симонов. 1966

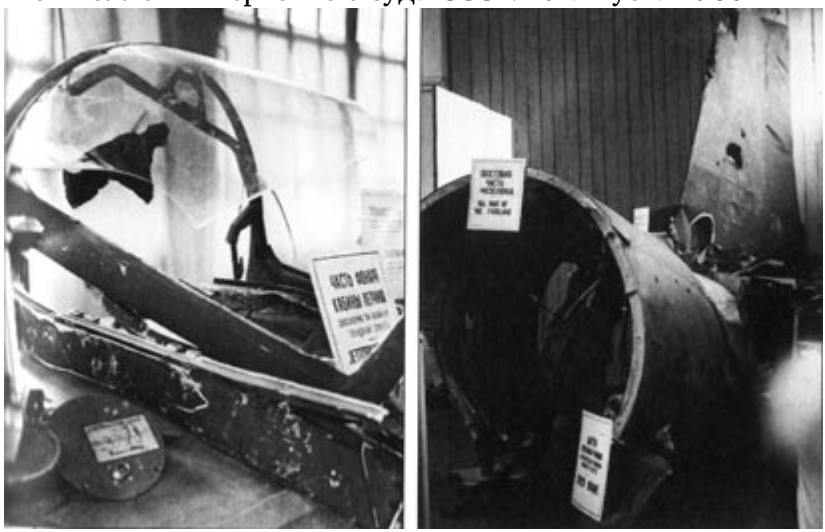
И в редкие минуты отдыха нельзя было забывать о работе. С министром безопасности ГДР Эрихом Мильке (в центре) и представителем КГБ И.А.Фадейкиным. Берлин, 1964

26 1961 XII 10 Освобожден от занимаемой должности в связи с назначением его на должность Председателя Комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР.
Указ Президиума Верховного Совета СССР.
Управл. делами Упр. Пр. Ядр. Анафимов
27 1961 XII 11 Утвержден председателем Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27-XII-1961 г.
28. 1967 V 26 Освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26-V-1967 г.
Начальник КГБ при Совете
(Вашнев)

Беседа с возвращенными на родину разведчиками Р.И.Абелем и К.Т.Молодым

Этот рисунок Р.И.Абеля всегда висел в кабинете Семичастного у него дома

Американский летчик Ф. Пауэрс, впоследствии обмененный на Р.И.Абеля, слушает речь прокурора на Открытом заседании военной коллегии Верховною суда СССР. 19 августа 1960



Часть фонаря кабины и хвостовой отсек сбитого под Свердловском самолета-разведчика США «Локхид У-2»

Крупный успех КГБ — разоблачение полковника О.Пеньковского работавшего на разведки США и Великобритании. На судебном процессе. 11 мая 1963

Шпионская аппаратура Пеньковского

Передача опыта кубинским друзьям. С Фиделем Кастро и министром внутренних дел Рамиро Вальдесом. 1965

В форме кубинского солдата

В бинокль можно было хорошо разглядеть американскую военную базу в Гуантанамо

В 1964 году закончилось десятилетие «хрущевского волюнтаризма»

С новыми руководителями партии и государства Л.И.Брежневым (справа) и М.А.Сусловым

Генерал-полковник Семичастный представляется маршалам. Слева направо: С.М.Буденный, С.К.Тимошенко, В.Е.Семичастный, К.А.Вершинин, Г.К.Жуков, К.Е.Ворошилов, М.В.Захаров, К.К.Рокоссовский, Ф.И.Голиков. 9 мая 1965

Три десятилетия — каждый в свое время — они руководили комсомолом. Н.А.Михайлов, А.Н.Шелепин, В.Е.Семичастный, С.Б.Павлов на XXII съезде КПСС. 1961

В гостях у С.П.Королева на Байконуре. 1965

С космонавтами Юрием Гагариным, Павлом Поповичем и Андрианом Николаевым. 1965

Тридцатилетие Валентины Терешковой. 1967

Побег из СССР дочери Сталина Светланы Аллилуевой стал поводом для отставки председателя КГБ

13 червня 1971 року — день виборів до Верховної Ради Української РСР та місцевих Рад депутатів трудящих

Кандидат у депутати Верховної Ради Української РСР по Недригайлівському виборчому округу № 387

СЕМИЧАСТНИЙ Володимир Юхимович

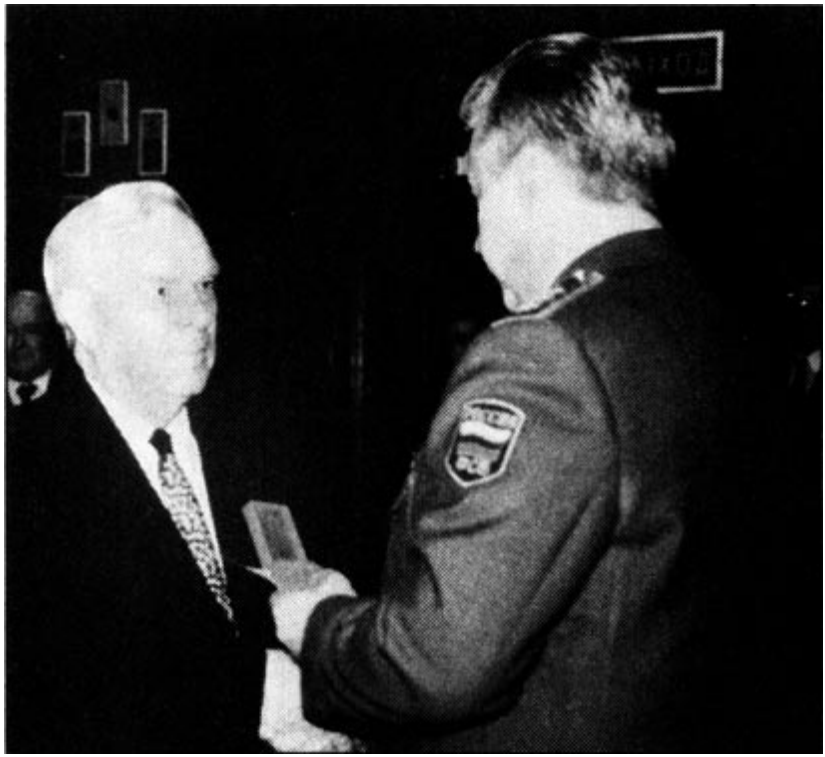
ВСІ НА ВИБОРИ!

Віддамо свої голоси за кандидатів блоку комуністів і безпартійних!

«Киевская ссылка» на должность заместителя председателя Совета министров Украины

С внуком Володей и Антониной Валерьевной — женой, верным другом, надежной опорой. 1999

Космонавты всегда оставались друзьями В.Е.Семичастного, даже в годы его опалы



Директор Федеральной службы безопасности Н.Д.Ковалев вручает Почетный знак бывшему председателю КГБ. 1997